

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт Дальнего Востока Российской академии наук

КИТАЙ В МИРОВОЙ И РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ

ИСТОРИЯ
И СОВРЕМЕННОСТЬ

Выпуск XXIII
Ежегодное издание

Москва
ИДВ РАН
2018

УДК [327+339.5](510)
ББК 66.5(5Кит)+66.59(5Кит)
К45

Рецензенты выпуска:

д.и.н. Н.Л. Мамаева, д.э.н. А.И. Салицкий

Редакционная коллегия:

д.и.н., проф. РАН А.В. Ломанов; д.и.н., проф. С.Г. Лузянин; д.и.н., проф. С.И. Лунев;
д.э.н. В.М. Мазырин; академик РАН, д.э.н. В.В. Михеев;
д.полит.н. В.Е. Петровский; к.э.н. Е.И. Сафронова (отв. ред.-сост.);
к.и.н. С.В. Уянаев

К45 Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Выпуск XXIII : ежегодное издание / сост., отв. ред. Е.И. Сафронова. — М.: ИДВ РАН, 2018. — 392 с.

ISBN 978-5-8381-0337-6

XXIII выпуск данного ежегодного издания, состоящий из трех разделов: «Международные отношения КНР. Российско-китайское стратегическое партнерство», «Внешнеэкономическая политика КНР» и «История российско-китайских отношений и внешнеэкономических связей Китая», включает статьи специалистов из ИДВ РАН, других исследовательских и практических структур в России и за рубежом. Авторами продолжено изучение наиболее актуальных проблем внешней политики и внешнеэкономических связей Китая. Особенностью XXIII выпуска стал анализ вопросов стратегического, военно-политического и экономического партнерства России и Китая в Евразии, проблематика китайской инициативы «Один пояс, один путь» по различным ее направлениям, становление Большого евразийского партнерства, а также состояние китайско-индийских отношений. Рассмотрение получили и совсем новые темы: Китай и Индо-Тихоокеанская стратегия США, политика КНР по освоению Арктики и Антарктики, эволюция отношений Китая со странами Вышеградской группы, российско-китайское взаимодействие по вопросам обеспечения информационной безопасности и др.

Сборник содержит статьи и на редкие исторические темы — китайская дискуссия о Советской России в 1925 г., деятельность 8-й Русской духовной миссии в Пекине, русско-китайская чайная торговля конца XIX — начала XX вв.

Ключевые слова: Китай, Россия, внешняя политика КНР, российско-китайские отношения, Евразия, Центральная Азия, проект «Один пояс, один путь», «Экономический пояс Шелкового пути» (ЭПШП), Большое евразийское партнерство, Евразийский экономический союз (ЕАЭС), Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), региональная безопасность, внешнеэкономические связи, история внешней политики Китая.

Статьи отражают авторскую точку зрения, не обязательно совпадающую с мнением издателя. Ответственность за достоверность опубликованных сведений несут авторы.

**УДК [327+339.5](510)
ББК 66.5(5Кит)+66.59(5Кит)**

ISBN 978-5-8381-0337-6

© Сафронова Е.И., составление, 2018
© ИДВ РАН, 2018
© Коллектив авторов, 2018

*90-летию со дня рождения Александра
Григорьевича Яковлева (1928—2003) —
доктора исторических наук,
профессора, основателя и многолетнего
автора данного издания
посвящается*

Содержание

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ КНР. РОССИЙСКО-КИТАЙСКОЕ СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПАРТНЕРСТВО

Лузянин С.Г.

Россия и Китай: реализация повестки мира,
развития и безопасности 2018 г. 10

Лузянин С.Г., Кашин В.Б.

Новые измерения стратегического и военно-политического
партнерства России и Китая (региональные аспекты) 21

Ефременко Д.В.

Сопряжение китайской инициативы «Экономический пояс
Шелкового пути» и интеграционного проекта
«Евразийский экономический союз» в контексте
трансформаций современного мирового порядка 29

Ли Юнхуэй

Большое евразийское партнерство и китайско-российские отношения . . 42

Васильев Л.Е.

Взаимодействие России и Китая в решении проблем
по обеспечению безопасности в Евразии 52

Балакин В.И.

Интеграционные тенденции на пространстве ШОС
и евразийская безопасность 64

Клименко А.Ф.

Вызовы и угрозы центральноазиатской безопасности и позиция Китая . . 77

<i>Васильев Л.Е.</i> О некоторых аспектах борьбы Китая с силами «трех зол»	92
<i>Морозов Ю.В.</i> Индо-Тихоокеанская стратегия Д. Трампа как угроза интересам Китая и России в АТР	107
<i>Уянаев С.В.</i> 30 лет китайско-индийской нормализации: «возврат на перекресток» или верность сотрудничеству и добрососедству?	121
<i>Давыдов А.С.</i> Пекин, Москва и Вашингтон: поиски выхода из «корейского тупика» ..	140
<i>Сафронова Е.И.</i> XIX съезд КПК, проект ОПОП и отношения Китая с развивающимся миром	154
<i>Петровский В.Е., Филиппова Л.В.</i> Стратегия Китая по освоению Арктики и перспективы российско-китайского сотрудничества в регионе	171
<i>Криворотов А.К.</i> Полярная политика Китая: набирая обороты, обретая рамки, умножая векторы	183
<i>Виноградов А.О., Борумбей Е.К.</i> Отношения Китая со странами Вышеградской группы	200
<i>Портяков В.Я.</i> Китай в современной мировой политике (по материалам общественно-политической и научной периодики КНР)	215
<i>Исаев А.С.</i> Российско-китайское взаимодействие по вопросам обеспечения информационной безопасности	223
<i>Петровский В.Е.</i> Перекрестные годы регионов — новые возможности для российско-китайского приграничного и межрегионального сотрудничества	238
<i>Казаков О.И.</i> Китайский туризм в Японию: примирение «мягкой силой»?	248

ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА КНР

Матвеев В.А.

Новейшие тенденции развития российско-китайского
экономического сотрудничества в Большой Евразии 261

Александрова М.В.

Тарифное и нетарифное регулирование импорта в КНР
и его влияние на ввоз товаров из России 275

Сазонов С.Л., Чэнь Сяо

Сотрудничество Китая и стран Юго-Восточной Азии
по созданию Евразийского трансконтинентального маршрута 292

Замараева Н.А.

Китайско-пакистанский экономический коридор:
итоги и вызовы 2017—2018 гг. 304

Мокрецкий А.Ч.

Китайская инициатива «Один пояс, один путь» как вектор
внешнеэкономической политики Азербайджана 319

ИСТОРИЯ РОССИЙСКО-КИТАЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ И ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ КИТАЯ

Ломанов А.В.

Роль Сюй Чжимо в китайской дискуссии о Советской России 336

Саркисова Г.И.

Малоизвестные аспекты жизни и деятельности
8-й Российской духовной миссии в Пекине
(по архивным материалам) 351

Шаронова В.Г.

Провинция Цзянси в русско-китайских торговых отношениях
в конце XIX — начале XX в. 363

Summary 376

Сведения об авторах 387

CONTENTS

INTERNATIONAL RELATIONS OF THE PRC. RUSSIAN-CHINESE STRATEGIC PARTNERSHIP

Sergey G. LUZYANIN (LOUSIANIN)

Russia and China: Implementation of the 2018 Agenda of Peace,
Development and Security 10

Sergey G. LUZYANIN (LOUSIANIN), Vassily B. KASIN

New Dimensions of the Russo-Chinese Strategic
and Military-Political Partnership. Regional Aspects 21

Dmitry V. EFREMNKO

Conjugation of China's Silk Road Economic Belt Initiative
and the Eurasian Economic Union Integration Project in the Context
of Contemporary World Order Transformations 29

LI Yonghui

The Greater Eurasian Partnership and Chinese-Russian Relations 42

Leonid Ye. VASILYEV

Cooperation between Russia and China in Addressing Security Concerns
in Eurasia 52

Vyacheslav I. BALAKIN

Integration Trends in the SCO and the Eurasian Security 64

Anatoly F. KLIMENKO

Challenges and Threats to Central-Asian Security
and China's Stance 77

<i>Leonid Ye. VASILIEV</i>	
On Some Aspects of China's Fight against "Three Evils"	92
<i>Yuri V. MOROZOV</i>	
D. Tramp's Indo-Pacific Strategy as a Threat to Interests of China and Russia in the Asia-Pacific	107
<i>Sergey V. UYANAEV</i>	
30 Years of Sino-Indian Normalization: «Return to the Cross-Road» or Fidelity to Cooperation and Good-Neighborliness?	121
<i>Andrey S. DAVYDOV</i>	
Beijing, Moscow and Washington in the Search of the Exit from the "Korean Stalemate"	140
<i>Elena I. SAFRONOVA</i>	
XIX Congress of the CPC, the BRI Project and China's Relations with the Developing World	154
<i>Vladimir Ye. PETROVSKY, Liudmila V. FILIPPOVA</i>	
China's Strategy towards the Arctic and Prospects of Russian-Chinese Cooperation in the Region	171
<i>Andrey K. KRIVOROTOV</i>	
China's Polar Policy: Gaining Momentum, Shaping Framework, Multiplying Vectors	183
<i>Andrey O. VINOGRADOV, Evgeniya K. BORUMBAY</i>	
China's Relations with the Countries of the Visegrad Group	200
<i>Vladimir Ya. PORTYAKOV</i>	
China in Contemporary World Politics (based on materials of scientific and socio-political periodicals of the PRC)	215
<i>Alexander S. ISAEV</i>	
Russian-Chinese Interaction on Information Security Problems	223
<i>Vladimir Ye. PETROVSKY</i>	
Exchange Years of the Regions — New Opportunities for the Russian-Chinese Cross-Border and Inter-Regional Cooperation	238
<i>Oleg I. KAZAKOV</i>	
Chinese Tourism to Japan: Appeasement by "Soft Power"?	248

FOREIGN ECONOMIC POLICY OF THE PRC

Vladimir A. MATVEEV

The Latest Trends in the Development of Russian-Chinese Economic Cooperation in Greater Eurasia 261

Maria V. ALEXANDROVA

Tariff and Non-Tariff Regulation of Imports to China and Its Impact on Imports from Russia 275

Sergey L. SAZONOV, CHEN Xiao

Cooperation of China with Southeast Asia Countries in the Field of the Eurasian Transcontinental Route's Construction 292

Natalya A. ZAMARAYEVA

China-Pakistan Economic Corridor: Results and Challenges (2017—2018) ... 304

Alexander Ch. MOKRETSKY

Chinese Initiative “One Belt, One Road” as a Vector of Foreign Economic Policy of Azerbaijan 319

HISTORY OF RUSSIAN-CHINESE RELATIONS AND CHINA'S FOREIGN ECONOMIC TIES

Alexander V. LOMANOV

The Role of Xu Zhimo in Chinese Discussion on Soviet Russia 336

Galina I. SARKISOVA

Little-Known Aspects of the Activities of the Eighth Russian Spiritual Mission to Beijing (based on archival materials) 351

Victoria G. SHARONOVA

Jiangxi Province in Russian-Chinese Trade Relations (End of the XIX — Beginning of the XX Centuries) 363

Summary 376

About the authors 387

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ КНР. РОССИЙСКО-КИТАЙСКОЕ СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПАРТНЕРСТВО

DOI: 10.24411/2618-6888-2018-10001

С.Г. Лузянин

РОССИЯ И КИТАЙ: РЕАЛИЗАЦИЯ ПОВЕСТКИ МИРА, РАЗВИТИЯ И БЕЗОПАСНОСТИ 2018 ГОДА

Аннотация. Проанализированы текущее состояние и перспективы стратегического взаимодействия России и КНР в условиях современной динамично развивающейся международной обстановки, включая вопросы отношений в треугольнике «Россия—Китай—США».

Ключевые слова: Россия, Китай, США, XIX съезд КПК, проект «Один пояс, один путь», глобальное управление, «стратегическая устойчивость».

В настоящее время опасность и непредсказуемость международных противостояний связаны с принципиально иным (в отличие от противоборства эпохи холодной войны) характером глобальных и региональных противоречий. В условиях биполярного мира «СССР—США» противостоящие системы отличались относительной самодостаточностью, ибо развивались по собственным эконо-

мическим и идеологическим законам. Взаимодействие и сосуществование двух систем с точки зрения конфликтности было тогда более или менее понятным и управляемым.

Нынешнее противоборство происходит в одном «измерении» на базе схожих принципов политико-экономической жизни, в условиях глубокой хозяйственной взаимозависимости, обусловленной эффектом глобализации. Борьба идет одновременно на всех «площадках» — от экономики, информационных, цифровых технологий до культуры, спорта и искусства, захватывая быстроразвивающиеся процессы регионализации в различных их формах.

Для Российской Федерации противостояние с ведущими западными державами в условиях санкций, при относительном снижении совокупного потенциала страны (по сравнению с СССР) и других негативных факторов, пока дается непросто. Однако экономического и политического распада России, который прогнозировали отдельные западные политики и эксперты, не произошло. Наоборот, РФ, пройдя период иллюзий и ошибок начала 1990-х гг., вернулась в мировую политику как реальная, самодостаточная сила, как крупная и независимая держава, имеющая свои интересы в Евразии, на Ближнем Востоке, в Восточной, Центральной Азии, на других сопредельных территориях. В каком-то смысле в 2014—2018 гг. Россия вернулась на Большой Восток, но не в имперской (советской) форме, а в качестве глобальной силы, нацеленной на сохранение мира, стабильности, на борьбу с терроризмом, обновление международных отношений (МО) на основе взаимного уважения ценностей и приоритетов каждого мирового актора¹.

На этом же треке реформирования международных отношений действует и поднимающийся Китай, который успешно интегрировался в современную мирохозяйственную систему, с каждым годом сокращая экономический разрыв с США. Серьезное влияние на международное общественное мнение, экспертов и ведущих политиков оказал прошедший в Пекине *18—24 октября 2017 г. XIX съезд КПК*. В докладе генерального секретаря ЦК КПК *Си Цзиньпина* нашла отражение нацеленность Китая на развитие рыночной экономики и либерализацию мировых торговых процессов. Для внешнего мира, в том числе и для России, стал важным сигнал, прозвучавший в докладе партийному форуму, о том, что для руководства КПК на

первом месте стоит сохранение курса на экономические реформы и открытость. В силу этого, в свете реализации интеграционных инициатив в Евразии более отчетливыми становятся перспективы сопряжения интересов России и КНР в опоре на инициативу «Один пояс, один путь», ключевая роль которой в развитии внешней открытости Китая была подтверждена съездом КПК.

Новый состав китайского партийного руководства, сформированный XIX съездом, с одной стороны, отражает принцип преемственности: председатель КНР и генеральный секретарь ЦК КПК *Си Цзиньпин* и премьер Госсовета КНР *Ли Кэцян* сохранили свои посты в Постоянном комитете Политбюро. С другой стороны, в соответствии с принятой в КПК практикой регулярной ротации партийных кадров, Постоянный комитет (ПК) Политбюро пополнился пятью новыми членами. Для российско-китайских отношений важно, что новые посты получили руководители, которые длительное время принимали участие в развитии российско-китайского сотрудничества. Так, новый член ПК *Ли Чжаньшу* на посту губернатора пров. *Хэйлуцзян* в 2007—2010 гг. руководил развитием связей этой приграничной провинции с регионами Сибири и Дальнего Востока. Другой новый член ПК — *Ван Ян*, занимавший с марта 2013 г. пост вице-премьера Госсовета КНР, активно участвовал в расширении российско-китайских отношений, в частности в рамках Российско-китайской комиссии по подготовке регулярных встреч глав правительств.

5—20 марта 2018 г. в Пекине состоялась 1-я сессия Всекитайского собрания народных представителей (ВСНП) 13-го созыва. По итогам сессии *Си Цзиньпин* был переизбран на пост председателя КНР, *Ли Кэцян* вновь возглавил Госсовет. В докладе правительства, посвященном в основном вопросам экономики, нашли отражение и основные внешнеполитические установки, выдвинутые XIX съездом КПК. Приоритеты китайской дипломатии нынешнее руководство видит в содействии формированию нового типа международных отношений, активном участии КНР в реформировании и совершенствовании системы глобального управления ГУ².

Делегаты рассмотрели и приняли поправки к Конституции, в том числе о снятии ограничения на время пребывания на посту председателя КНР, что дает возможность *Си Цзиньпину* переиз-

браться на новый, третий срок в 2023 г. Это позволяет говорить о том, что идеи Си Цзиньпина будут определять развитие Китая не только в начавшемся пятилетнем политическом цикле, но и на более далекую перспективу. Новая редакция Конституции включила идею Си Цзиньпина о «великом возрождении китайской нации», предполагающую рост международного влияния Китая и его новую глобальную роль.

В Основной закон вошли также положения о «сообществе единой судьбы человечества» и стратегии взаимовыгодного сотрудничества и открытости³. Данные идеи, составляющие теоретическую основу инициативы Си Цзиньпина по строительству «Одного пояса, одного пути», углубляют китайскую концепцию «мира и развития» в новых условиях, когда растет турбулентность международной обстановки, появляется потребность в свежих идеях по реформированию устаревающей системы мироустройства.

Особенностью современной международной жизни стал переход оппонентов Китая и России от «мягкого давления» (периода президентства *Д. Буша и Б. Обамы*) к более жесткому, агрессивному, выходящему за рамки международного права, приверженцем которого выступил действующий президент США *Д. Трамп*. Причины этой эволюции хорошо известны и связаны как с внутриамериканскими проблемами взаимоотношений президента и политического истеблишмента, так и личностью самого президента.

В официальных выступлениях председателя КНР Си Цзиньпина все рельефней обозначаются границы, за которые Китай не станет отступать в случае дальнейшего ухудшения ситуации. Китайский руководитель заявляет о «надлежащих правах» и «коренных интересах» КНР, жертвовать которыми недопустимо. «Ни одна зарубежная страна, — заявляет он, — не должна надеяться на то, что мы будем вести торг по поводу наших собственных коренных интересов...»⁴.

Важным моментом стало решение китайского руководства о переходе во внешней политике к принципу принятия на себя *глобальной ответственности* и разработки собственной глобальной повестки. В 1990-е гг., как известно, доминирующей тенденцией для Китая было противостояние западному давлению/влиянию, при этом Пекином демонстрировалось умелое использование экономических плодов глобализации «западной волны», приведшей к быстрому

росту и относительной либерализации ряда секторов китайской экономики. Китайское общество было успешно мобилизовано на продвижение внутренних реформ благодаря росту патриотизма и сплоченности нации в ответ на разворачивавшееся давление Запада. При этом международная повестка КНР базировалась на жестком «нет» любым попыткам США или ЕС начать процесс политической либерализации системы Китая (через «цветные революции» и пр.), а также на неприятии стремления США разделить с КНР глобальную ответственность и управление миром (американский концепт «Большой двойки», 2009 г.). Расчет Вашингтона и Брюсселя просматривался достаточно четко: на волне успешных китайских реформ следовало убедить Пекин взять на себя львиную ношу обязательств и через это — затруднить экономический рост КНР. Китайское руководство того времени мягко отклонило американские предложения, что глубоко разочаровало тогдашнего президента США *Б. Обаму*.

После прихода к власти «пятого поколения» руководителей во главе с *Си Цзиньпином* (2012 г.), на фоне выдвинутых лозунгов о «великом возрождении китайской нации», КНР радикально изменила свои подходы и в отношении глобальной ответственности, и в отношении собственного места в *системе глобального управления*. Си Цзиньпин достаточно четко сформулировал идею перехода Китая к активному стратегическому мышлению и действию, предполагающим позиционирование КНР как державы, ответственной за судьбы мира и развития, и как державы, реализующей собственное видение глобального управления.

Китайское видение не предусматривает политическое вмешательство, но сосредоточено на экономических вопросах, стремлении повысить роль КНР в мировых финансовых структурах, на защите собственных интересов и интересов развивающихся стран при формировании тех или иных глобальных повесток развития. На саммите G-20 в Ханчжоу (2016 г.) китайский руководитель призвал к созданию мировой экономики открытого типа, дальнейшей либерализации в торгово-инвестиционной сфере. Этот тезис им был вновь озвучен на экономическом форуме в Давосе в 2017 г. Китайский лидер говорил об укреплении позиций КНР в глобальном управлении, о необходимости как прямого участия Китая в формировании новых

норм глобального управления, так и расширения его пространств за счет морских акваторий, космоса, полярных территорий, Интернета, вопросов ядерной безопасности, борьбы с коррупцией и с изменениями климата. Очевидно, что китайский взгляд преодолевает чисто экономические рамки, внося собственную концепцию разделения ответственности между США и КНР.

Таким образом, китайское руководство развивает свой подход к идее совместного с США управления миром, разрабатывая стратегию вовлечения Америки в собственный вариант разделения глобальной ответственности путем принятия не только Пекином, но и Вашингтоном принципов «*отношений нового типа*» между большими государствами (США и КНР), разработанных в недрах высших китайских структур.

Переходные процессы на мировой арене объективно влияют на эволюцию инициированного в 1990-е гг. *российско-китайского стратегического партнерства и взаимодействия*. Принципиальным в ней является неизменность официальной терминологии при качественно новом наполнении внутреннего содержания партнерства.

Внутренняя эволюция *российско-китайского партнерства* связана с координацией национальных стратегий развития и безопасности, включая двусторонние и многосторонние (БРИКС, ШОС) повестки. Очевидно, что при экономической асимметрии потенциалов России и Китая эта координация не может быть достигнута путем механического сложения «мощности» двух стран. Речь, скорее, идет о развивающемся механизме взаимодополнения их потенциалов, когда Российская Федерация имеет явное превосходство в военно-стратегической сфере, а Китай — в экономико-технологической. Важную роль в этом взаимодополнении играют личности руководителей двух государств, их огромный политический авторитет и влияние как внутри страны, так и за рубежом. Блок профильных (двусторонних) межправительственных комиссий и комитетов служит институциональным механизмом регулирования обновляемой модели сотрудничества, особенно на экономических треках.

Выстроенная модель не идеальна и имеет отдельные «нестыковки» и противоречия на межрегиональных, финансовых или технологических уровнях сотрудничества, что вполне объяснимо: при близком взаимодействии двух больших и разнородных систем неизбежно

возникают «зазоры» и сложности. Однако высокий уровень доверия и взаимная/долговременная стратегическая заинтересованность позволяют купировать либо «замораживать» отдельные противоречия.

Базовые принципы партнерства, как известно, были закреплены в Большом договоре России и Китая 16 июля 2001 г., позволившем документально зафиксировать *долговременный баланс интересов* в плане со-развития, модернизации и поддержания безопасности. Договор предусматривает свободу его сторон в контактах с третьими субъектами МО. Он не устанавливает отношения союзничества, но по интенсивности и эффективности предлагаемого взаимодействия практически во многом его превосходит, давая возможность сторонам выступать в качестве геополитической силы, сдерживающей потенциальных противников⁵.

Важным моментом, обусловленным реалиями сегодняшнего дня, является сознательное расширение Россией и Китаем функционала их партнерства — введение в него вопросов реализации глобальной и региональных повесток (расширение взаимодействия в СБ ООН, координация в сирийском, корейском, иранском и других вопросах). В настоящее время можно говорить о новом качестве партнерства, обусловленном сформированной *«стратегической устойчивостью»* отношений двух стран на длительную перспективу. Не исключено, что текущие реалии, вызовы и достигнутые (де-факто) результаты могут быть утверждены (де-юре) в новом Большом договоре о стратегическом партнерстве двух государств, к которому стороны придут в ближайшее время с учетом быстро меняющейся международной обстановки и обостряющихся угроз.

Для России и Китая ближайшее пятилетие явит самый серьезный вызов за всю историю их существования. Не исключено, что при возникновении форс-мажорных обстоятельств, связанных с угрозами их национальной безопасности, РФ и Китай могут пойти на создание некоего военно-политического союза, хотя в настоящее время в этой плоскости вопрос пока не стоит.

Результатом развития партнерства является сформированная *широкая «евразийская повестка»*, которая содержит как двустороннее российско-китайское измерение, так и коллективный формат в рамках *«сопряжения»* Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и китайской инициативы *«Один пояс, один путь»*. При этом китайский

подход здесь претерпел определенную эволюцию. На начальном этапе (2014 г.) Китай рассматривал инициативу как комплексное предложение заинтересованным странам Евразии создать транспортные коридоры, зоны совместного экономического развития, достичь сочетаемости инфраструктурных возможностей с торговыми, активизировать финансовые связи, но при этом — делать это вне контактов с Евразийским экономическим союзом (тогда Таможенным союзом) и Шанхайской организацией сотрудничества (ШОС). Скорее, речь шла о планах Пекина, нацеленных на «параллельное» развитие.

В результате серии российско-китайских двусторонних, а также многосторонних переговоров был достигнут важный политический итог. 8 мая 2015 г. в Москве китайская сторона официально заявила о поддержке усилий российской стороны по продвижению интеграции в рамках Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и начала переговоры о заключении с Российской Федерацией соглашения о торгово-экономическом сотрудничестве в контексте «сопряжения» ЕАЭС и инициативы «Один пояс, один путь»⁶.

На форуме высокого уровня «Один пояс, один путь» 15 мая 2017 г. в Пекине эволюция китайского подхода вновь проявила себя: появились идеи объединения стран, участвующих в реализации инициативы, под лозунгом общего взгляда на безопасность и совместного решения «горячих проблем». *Си Цзиньпин* подчеркнул возможность получения всеми участниками «взаимного выигрыша» при формировании зон открытости, экономического роста и инноваций. Был расширен спектр китайских предложений, охвативших, кроме сферы инфраструктуры и инвестиций, сотрудничество в развитии цифровой экономики, искусственного интеллекта, нанотехнологий, квантовой вычислительной техники. Активизировалось обсуждение в различных форматах вариантов создания зон свободной торговли (ЗСТ).

В *евразийской повестке Китая* просматривается прагматичный, функциональный подход: через экономико-технологические новации и инфраструктурные подвижки определенно направить евроазиатскую интеграцию по китайским «рельсам». При этом логика инициативы «Пояса и пути» отличается от известного европейского проекта «Объединения угля и стали», возникшего после Второй мировой войны и ставшего, как известно, основой политико-экономи-

ческой интеграции и прообразом Европейского союза (ЕС). Китайская инициатива основана на принципах уважения суверенитета и приоритетности национальных интересов больших и малых государств, участвующих в проекте, сохранения цивилизационных различий и ценностей.

Россия в развитие процесса «сопряжения» представила концепцию *Большого евразийского партнерства (БЕП)*, с которой полностью согласен Китай. В оба плана (БЕП и ОПОП) вписывается казахстанский проект *«Светлый путь»* и инициативы создания трехсторонних экономических коридоров *«Россия—Монголия—Китай»*. Очевидно, что совместное освоение евразийского пространства — это долговременный и противоречивый процесс, требующий расширения поля российско-китайской «стратегической устойчивости», вбирающий в себя широкий спектр кооперационных направлений в транспортно-экономических, гуманитарных областях и сфере безопасности, включая совместное противодействие международному экстремизму и терроризму.

Набирает обороты процесс формирования ЕАЭС в плане расширения партнерства от Европы до Юго-Восточной Азии (ЮВА). В 2016 г. впервые в истории импорт ЕАЭС из стран региона Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС) превысил импорт из ЕС. В том же году вступило в силу соглашение ЕАЭС о зоне свободной торговли с Вьетнамом, а с правительствами Монголии, Камбоджи, Сингапура начался диалог согласно положениям подписанных меморандумов о сотрудничестве. Для России инициатива создания Большого евразийского партнерства — способ перехода к стратегии опережающего развития путем форсированного создания производств нового технологического цикла. БЕП — это также и потенциальный институт нового мирохозяйственного уклада. В случае успеха этих планов Россия и ЕАЭС могли бы претендовать на статус полноправных «центров» мировой экономической системы.

Процесс формирования БЕП позволяет не только развивать китайскую инициативу «Один пояс, один путь», но и придать особое экономическое и инфраструктурное наполнение повестке *Шанхайской организации сотрудничества* в ее расширенном составе.

В концепции национальной безопасности, оглашенной президентом США Д. Трампом в декабре 2017 г., сказано, что Китай и Россия бросают вызов американской мощи, влиянию и интересам, пытаются размыть американскую безопасность и процветание. Они намерены-де сделать экономики менее свободными и честными, нарастить свои вооруженные силы и контролировать распространение информации, чтобы подавлять свои общества и наращивать собственное влияние.

Очевидно, что стратегическое противостояние США и их союзников, с одной стороны, КНР и России — с другой, в 2018 г. вышло на уровень открытого взаимного сдерживания и «холодной» борьбы во всех сферах — военно-политической, экономической и идеологической. Москва и Пекин вынуждены держать в своем арсенале различные сценарии ответов на ужесточающийся американский вызов. Сознательно сохраняя несоюзнический статус, обе державы качественно расширяют повестку сотрудничества, охватывая все новые и новые уровни глобальных и региональных процессов — от борьбы с терроризмом в «горячих» точках и тесного взаимодействия в Совете Безопасности ООН практически по всем актуальным вопросам до продвижения различных проектов и инициатив в БРИКС, ШОС, на евразийском континенте («Один пояс, один путь» + ЕАЭС) и др.

Несоюзнические отношения позволяют Российской Федерации и КНР мягко и юридически выверенно влиять на процессы усиления демократических тенденций в международных отношениях, сохранять старые структуры (например, «пятерку» постоянных членов СБ ООН с правом вето), обновлять и создавать новые институты и форматы, направленные на углубление полицентризма и сдерживание одностороннего диктата США и их союзников.

Таким образом, сформированное Москвой и Пекином партнерство сочетает в себе сразу *четыре преимущества*, которых нет у других государств. Во-первых, оно сохраняет полную «свободу рук» каждого в отношениях с третьими государствами, исключая взаимные обвинения в нарушении каких-либо обязательств. Во-вторых, не являясь союзничеством, по интенсивности, уровню доверия, глубине и эффективности оно практически во многом его превосходит. В-третьих, по своему потенциалу оно способно явить собой самостоятельную геополитическую силу, сдерживающую происки потен-

циальных противников. В-четвертых, Россия и КНР, кроме исполнения собственно двусторонних функций, сумели адаптировать партнерство под решение практически любой глобальной и региональной ситуации/задачи, сохраняя при этом быстроту принятия решений, тактическую гибкость и стратегическую устойчивость.

Итак, можно сказать, что на длительную перспективу для отношений РФ и КНР сохранит ключевую роль принцип «*стратегической устойчивости*», что подтвердили результаты государственного визита российского президента В.В. Путина в Китай и его переговоров с председателем КНР Си Цзиньпином 8 июня 2018 г. в Пекине, а также встречи во время саммита ШОС в Циндао (9–10 июня 2018 г., КНР).

Примечания

¹ Автор еще в 2007 г. прогнозировал «возвращение России на Восток». См.: *Лузянин С.Г.* Восточная политика Владимира Путина. Возвращение России на Большой Восток. М., 2007. См. также: *Лузянин С.Г., Сафронова Е.И., Свешников А.А.* Некоторые итоги внешнеполитической активности КНР в 2005 г. // Проблемы Дальнего Востока. 2006. № 3. С. 56–70.

² *Ли Кэцян.* Китай будет неизменно идти по пути мирного развития // Синьхуа. 05.03.2018. URL: http://russian.news.cn/2018-03/05/c_137017990.htm

³ Чжунхуа жэньминь гунхэго сяньфа сючжэнань : [Поправки к Конституции Китайской Народной Республики] // Жэньминь жибао. 12.03.2018.

⁴ *Xi Jinping.* To co-ordinate better domestic and international situation, to solidity foundations for following the path of peaceful development // Xinhua. 29.01.2013. Beijing (In Chin.). URL: <http://cpc.people.com.cn/n/2013/0130/c64094-20368861.html>

⁵ Российско-китайские отношения на современном этапе. К 15-летию подписания Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между РФ и КНР // Проблемы Дальнего Востока. 2016. № 4. С. 5–43.

⁶ Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о сотрудничестве по сопряжению строительства Евразийского экономического союза и «Экономического пояса Шелкового пути». 8 мая 2015 г. URL: <http://kremlin.ru/supplement/4971>

DOI: 10.24411/2618-6888-2018-10002

С.Г. Лузянин, В.Б. Кашин

НОВЫЕ ИЗМЕРЕНИЯ СТРАТЕГИЧЕСКОГО И ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО ПАРТНЕРСТВА РОССИИ И КИТАЯ (РЕГИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ)*

Аннотация. Рассмотрены возможности расширения российско-китайского сотрудничества в сфере безопасности на фоне обострения отношений двух стран с США. Предпосылки для существенной активизации этого сотрудничества возникли в связи с принятием Вашингтоном новых доктринальных документов, идентифицирующих Россию и Китай как стратегических оппонентов, и значительного усиления экономического давления США на Москву и Пекин. Отражением обостряющегося противостояния стали и американская концептуальная новелла «Индо-Тихоокеанский регион», и первые попытки ее воплощения. Возможной реакцией на

* Статья выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-014-00039 «Новые измерения стратегического и военно-политического партнерства РФ и КНР. Модель 2017–2022».

нее Москвы и Пекина может быть повышение роли Шанхайской организации сотрудничества как в вопросах безопасности, так и в экономике.

Ключевые слова: Россия, Китай, безопасность, ШОС.

Россия и Китай находятся под все возрастающим международно-политическим давлением США. В опубликованной в декабре 2017 г. Стратегии национальной безопасности США Москва и Пекин названы в качестве оппонентов Вашингтона, которые якобы бросают вызов американскому могуществу, влиянию и интересам, стараются ослабить американскую безопасность и предотвратить рост благополучия Америки. Согласно документу, РФ и КНР намерены сделать свои экономики менее свободными и честными, усилить вооруженные силы, контролировать информацию и базы данных с целью подавления своих обществ и расширения влияния государственного аппарата¹. Также Китай обвиняется в нарушении прав интеллектуальной собственности и использовании на международной арене экономических стимулов и рычагов для повышения своего политического веса. Несмотря на, казалось бы, более острый характер российско-американских противоречий после событий на Украине 2014 г., Китай упоминается в документе даже несколько чаще России.

В феврале 2018 г. в Обзоре ядерной политики США было отмечено, что «Россия и Китай пополняют арсеналы новыми видами ядерных средств, повышают роль ядерных сил в стратегиях и планах и ведут себя все более агрессивно, в том числе в космосе и киберпространстве»². Американская администрация, ссылаясь на рост угроз со стороны России и Китая, говорит о необходимости повышения гибкости американских ядерных сил, в том числе установки боеголовок малой мощности на часть баллистических ракет подводных лодок и возвращения на вооружение крылатых ракет морского базирования в ядерном оснащении³.

При этом китайско-американские отношения сохраняют такую особенность, как значительная экономическая взаимозависимость сторон. Но, как показывают последние события, тесные торгово-экономические связи не способны автоматически купировать обострение противоречий между Пекином и Вашингтоном. В 2018 г.

новый виток напряженности в китайско-американских отношениях, связанный с известным повышением ввозных тарифов и пошлин, привел к полномасштабной «торговой войне» между двумя странами.

Частью процесса переформатирования современных международных отношений является достижение Россией и Китаем нового качества сдерживания Соединенных Штатов Америки и их союзников. По инициативе Москвы и Пекина, процессы этого сдерживания стали не только охватывать традиционные военно-стратегические сферы, но и приобретать некий специализированный характер. Так, Россия оппонирует США и их союзникам в области передовых ракетно-ядерных вооружений, урегулирования региональных конфликтов и других вопросов; Китай же действует в сфере мировых финансов, экономической интеграции и регионализации.

КНР и РФ совместно с другими евразийскими государствами активно продвигают формирование «Большой Евразии» как с учетом китайской инициативы «Один пояс, один путь», так и процессов ее сближения с Евразийским экономическим союзом (ЕАЭС), расширения ШОС, реализации казахстанской программы «Светлый путь» и других проектов. Подобную активность можно рассматривать как один из вариантов сопротивления наступательной политике США в Евразии.

Региональная безопасность — традиционное направление взаимодействия РФ и Китая. Так, в регионе *Центральной Азии (ЦА)*, начиная с 2005 г. проводятся регулярные многосторонние учения «Мирная миссия» и другие совместные военные мероприятия⁴. Перед лицом ухудшения отношений обеих стран с США и новых угроз в Афганистане Россия и КНР значительно активизировали обмен разведывательной информацией, совершенствуя механизмы совместного оперативного реагирования на чрезвычайные ситуации.

В 2017 г. и начале 2018 г. Китай существенно повысил свою роль в обеспечении региональной безопасности в ЦА. В рамках соглашения о взаимодействии между начальниками генеральных штабов КНР, Таджикистана, Афганистана, Пакистана, подписанного в 2016 г., китайские военнослужащие (по китайским заявлениям, «правоохранительные органы» — вероятно, подразделения Народной вооруженной полиции) впервые осуществили патрулирование на территории Афганистана⁵.

В начале 2018 г. в западных СМИ появились сообщения о планах КНР оказать финансовое и техническое содействие строительству новой базы вооруженных сил Афганистана на севере страны⁶. Хотя эта информация официально в КНР пока не подтверждалась, не вызывает никаких сомнений рост активности Китая в регионе, связанный с ожиданиями ухудшения положения в ИРА ввиду перемещения на ее территорию значительного числа бывших боевиков запрещенного в России ИГ и других радикальных исламских групп, потерпевших поражение на территории Сирии и Ирака.

В этих условиях усиливается стремление РФ и КНР к активизации двустороннего взаимодействия в военно-политической и экономической сферах. Возрастает интерес к форматам сотрудничества, отошедшим, было, на второй план, в том числе к сотрудничеству в рамках ШОС. Укрепление взаимодействия в Организации, недавно пополнившей состав своих полноправных членов, позволяет, с одной стороны, обеспечить вовлечение в сотрудничество Индии, а с другой — перед лицом расширяющихся санкций США создает условия для вывода многостороннего экономического взаимодействия на новый уровень.

В Восточной Азии обозначилась тенденция к повторному «разогреву» Вашингтоном наиболее болезненной для Китая политической проблемы Тайваня. В США были приняты законы о взаимных визитах военных кораблей Тайваня и Соединенных Штатов и об обмене поездками официальных лиц острова и США. Были разрешены значительные по объемам поставки военных технологий из США на Тайвань. В апреле 2018 г. появились сообщения о возможном визите на Тайвань летом 2018 г. помощника президента США по национальной безопасности Дж. Болтона, который может стать самым высоким по уровню визитом американского чиновника на остров за последние 30 лет. Китай, со своей стороны, возвращается к практике демонстративных военных учений вокруг острова, призванных показать «красные линии», предостеречь тайваньские власти и их американских покровителей от опрометчивых шагов⁷.

Ситуация вокруг Тайваня, таким образом, начинает возвращаться на виток напряженности уровня второй половины 1990-х — начала 2000-х гг., когда тайваньская проблема находилась в центре ре-

гиональной повестки, а остров рассматривался как, возможно, опаснейшая горячая точка Восточной Азии.

Еще одной причиной растущей обеспокоенности КНР и России является реализуемая США с 2017 г. концепция «*Индо-Тихоокеанского региона*», направленная на вовлечение Индии в формируемый альянс с участием также США, Японии и Австралии, имеющий целью сдерживание Китая. В конце июня 2017 г. в совместном заявлении по итогам визита премьер-министра Индии Нарендры Моди в США впервые был использован термин «*Индо-Тихоокеанский регион*»⁸. Именно в этом регионе две страны (Индия и США) выразили намерение сотрудничать в сфере укрепления стабильности и безопасности. Реализация концепции «*Индо-Тихоокеанского региона*» связана также с растущей политической ролью Японии в политике сдерживания Китая не только в Северо-Восточной, но и в Южно-Восточной и Южной Азии.

Официальное утверждение вступления Индии и Пакистана в ШОС на саммите Организации в Астане (июнь 2017 г.) открывает дополнительные возможности для взаимодействия Москвы и Пекина по обеспечению безопасности на трансрегиональном уровне.

Обе страны сталкиваются с такими проблемами, как рост военного присутствия США по периметру своих границ, подпитываемого за счет эскалации американских военных расходов — до 700 млрд долл. в 2018 фин. г. и ожидаемого дальнейшего их роста до 716 млрд долл. в 2019 г.

В качестве ответного шага Пекин планирует дальнейшее наращивание сил военно-морского флота и противоракетной обороны, которые находятся на начальной стадии масштабного процесса модернизации всей ядерной триады и расширяют ареал китайского присутствия в южной и западной части Тихого океана.

С политической точки зрения, принятая США на вооружение концепция «*Индо-Тихоокеанского региона*», как можно предположить, имеет задачей создание широкого межрегионального механизма взаимодействия в сфере безопасности (как ее понимают США), конечной целью которого будет сдерживание Китая. Во время саммита АСЕАН в ноябре 2017 г. произошло восстановление четырехстороннего механизма по обсуждению проблем региональной безопасности с участием США, Японии, Индии и Австралии. Одна-

ко отношение к дальнейшему участию Индии в подобном взаимодействии остается внутри индийского общества неоднозначным, и индийские обозреватели и эксперты указывают на риски и сложности такого взаимодействия⁹.

Индия старается избегать вовлечения в американские проекты, направленные на сдерживание КНР, при том что по мере активизации китайской политики в *Южной и Юго-Восточной Азии* столкновения интересов Дели и Пекина становятся все более частыми. Летом 2017 г. (с 16 июня по 28 августа) произошло противостояние военных двух стран на плато Доклам — пограничной территории между КНР и Бутаном. Жесткая индийская позиция в ходе пограничного кризиса, по-видимому, во многом определялась необходимостью «произвести впечатление» на менее крупные страны региона — Бангладеш, Непал, Шри-Ланку и Мальдивы и продемонстрировать способность Индии отстаивать свои интересы перед лицом Китая¹⁰. В начале 2018 г. заметную напряженность между двумя странами вызвал политический кризис на Мальдивских о-вах, которые Индия относит к своей традиционной сфере влияния и которые активизировали в последние годы сотрудничество с КНР.

Американская политика по втягиванию Индии в те или иные схемы по сдерживанию КНР несет прямую угрозу российским интересам. В случае ее успеха Россия столкнется с возможной потерей индийского рынка импорта военной техники и ядерных технологий, рискует снизить уровень отношений с одной из ключевых растущих мировых держав. Разумеется, потери России будут ничтожными по сравнению с ущербом, который понесут Китай и Индия в случае их прямого конфликта. Для РФ и Китая имеет смысл активизировать взаимодействие по смягчению и упреждению потенциальных конфликтов и напряженности, в том числе задействуя возможности сложившегося трехстороннего формата «Россия—Индия—Китай», который после саммита ШОС в Астане объединяет трех полноправных членов организации.

Таким образом, Россия и Китай в 2017 — первой половине 2018 гг. столкнулись с угрозами, связанными со значительным ухудшением военно-политической ситуации, и нарастающими общими для них рисками как на глобальном, так и региональном уровнях. Ответами на них стало наращивание сотрудничества по линии воен-

ных ведомств и специальных служб, совершенствование механизмов совместного реагирования на военно-политические кризисы в соседних регионах. В настоящее время Россия и Китай стоят перед лицом необходимости создания целого ряда новых международных механизмов безопасности, которые будут являться альтернативой существующим, находящимся под контролем США.

Шанхайская организация сотрудничества уже представляет собой одну из таких возможных альтернатив в силу своих масштабов и общности интересов ее постоянных членов. ШОС, пережив период некоторого снижения активности в начале 2010-х гг., сейчас может перейти к новому этапу роста и укрепления. Движущей силой этого укрепления станет необходимость реагирования на сходные угрозы в сферах военной и экономической безопасности, с которыми Россия и Китай сталкиваются в наибольшей степени. Организации предстоит усилить свою традиционную роль по укреплению доверия на пространстве Евразии, более энергично заявлять о своей позиции на международной арене, интенсифицировать сотрудничество в сфере борьбы с терроризмом, и что не менее важно — серьезно расширить участие в региональной экономической интеграции. Все государства ШОС заинтересованы в экономическом прогрессе как на своих, так и на окружающих территориях. Хозяйственное развитие, удовлетворение жизненных потребностей населения являются не только залогом материальной и социальной устойчивости, но и политической безопасности стран Организации¹¹.

Не стоит пренебрегать и задействованием гуманитарной составляющей ШОС как дополнительного механизма стабилизации ситуации там, где традиционные рычаги поддержания безопасности оказываются недоступными.

Примечания

¹ National Security Strategy of the United States of America. December 2017. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf>

² Обзор ядерной политики. Февраль 2018 г. URL: <https://media.defense.gov/2018/feb/02/2001872876/-1/-1/1/executive-summary-translation-russian.pdf>

³ WSJ: США разрабатывают новую крылатую ракету морского базирования для сдерживания России и Китая // Взгляд. Деловая газета. 16.01.2018. URL: <https://vz.ru/news/2018/1/16/903684.html>

⁴ ИТАР-ТАСС, Антитеррористические учения стран ШОС «Мирная миссия-2014». Досье. URL: <http://tass.ru/info/1393512> URL: <http://tass.ru/info/1393512>

⁵ WION News. Chinese security forces caught patrolling deep inside Eastern Afghanistan. URL: www.wionews.com/south-asia/exclusive-chinese-security-forces-caught-patrolling-deep-inside-eastern-afghanistan-8008

⁶ *Bauke, Nicole*. Now China's helping to build a military base in Afghanistan. URL: <https://www.militarytimes.com/news/2018/02/02/now-chinas-helping-to-build-a-military-base-in-afghanistan/>

⁷ *Ramzy, Austin*. China Conducts War Games, and Taiwan Is the Target // The New York Times. 18.04.2018. URL: <https://www.nytimes.com/2018/04/18/world/asia/china-war-games-taiwan-.html>

⁸ Joint Statement — United States and India: Prosperity Through Partnership. URL: http://mea.gov.in/bilateral-documents.htm?dtl/28560/United_States_and_India_Prosperty_Through_Partnership

⁹ *Joshi, Manoj*. Why India Should Be Wary of the Quad. URL: <https://thewire.in/external-affairs/india-us-japan-australia-quadrilateral-alliance>

¹⁰ *Kattakayam, Jiby J.* 'Our stance at Doklam will make positive impression on friends like Bangladesh, Nepal, Sri Lanka and Maldives'//The Times of India. 21.07.2017. URL: <https://blogs.timesofindia.indiatimes.com/jibber-jabber/our-stance-at-doklam-will-make-positive-impression-on-friends-like-bangladesh-nepal-sri-lanka-and-maldives>

¹¹ См., напр.: *Сафронова Е.И.* К вопросу об объективной необходимости российско-китайского сотрудничества в Центральной Азии// Китай: шансы и вызовы глобализации. Ч. 2. М.: ИДВ РАН, 2003. С. 37.

DOI: 10.24411/2618-6888-2018-10003

Д.В. Ефременко

СОПРЯЖЕНИЕ КИТАЙСКОЙ ИНИЦИАТИВЫ «ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ПОЯС ШЕЛКОВОГО ПУТИ» И ИНТЕГРАЦИОННОГО ПРОЕКТА «ЕВРАЗИЙСКИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ СОЮЗ» В КОНТЕКСТЕ ТРАНСФОРМАЦИЙ СОВРЕМЕННОГО МИРОВОГО ПОРЯДКА*

Аннотация. Рассмотрены геополитические трансформации, связанные с процессом сопряжения китайской инициативы «Экономический пояс Шелкового пути» (ЭПШП) и интеграционного проекта «Евразийский экономический союз» (ЕАЭС). Показано, что заключение торгово-экономического соглашения между КНР и ЕАЭС существенно укрепит международную субъектность Евразийского экономического союза. В перспективе результатом сопряжения ЕАЭС и ЭПШП может стать появление новой модели евра-

* Статья отражает результаты работы по исследовательскому проекту «Формирование общего экономического пространства в Евразии: Исследование вопросов сопряжения строительства Экономического пояса Шелкового пути и Евразийского экономического союза», осуществляемого при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (Отделение гуманитарных и общественных наук) и Китайской академии общественных наук (грант № 16-27-21001).

зийского регионализма. Сопровождающая процесс сопряжения разработка концепции Большой Евразии отражает объективную динамику усиливающейся экономической взаимозависимости, но в то же время способствует конструированию макрорегиона на основе идей и идентичностей, гармонизация которых будет служить интересу Китая, России, других стран ЕАЭС, а также более широкому кругу евразийских акторов.

Ключевые слова: Россия, Китай, Евразийский экономический союз, «Экономический пояс Шелкового пути», трансформации мирового порядка, Большая Евразия, непреференциальные торговые соглашения, транспортные коридоры.

40-летняя годовщина экономических реформ, начатых КНР в декабре 1978 г. под руководством Дэн Сяопина, позволяет оценить в широком историческом контексте огромные изменения в мировой политике и экономике, происшедшие за эти 4 десятилетия. Данная годовщина дает основание констатировать, что следствием успешной китайской стратегии глубокого реформирования экономики при сохранении политического контроля со стороны государства и коммунистической партии, а также очевидной неудачи другой модели преобразований, представленной советской политической *перестройки* под руководством М. Горбачева, стали фундаментальные геополитические и геоэкономические трансформации в современном мире. Нет сомнений, что важнейшая роль Китая в современной системе международных экономических и политических отношений является непосредственным результатом политики, которую проводят несколько поколений китайских лидеров, начиная с Дэн Сяопина и заканчивая Си Цзиньпином.

Свое признание успех китайских реформ получил и на Западе. По крайней мере, термин «Пекинский консенсус» — западное изобретение, авторство которого принадлежит известному американскому политическому аналитику Джошуа Рамо. Рамо называет следующие факторы успеха «Пекинского консенсуса»: твердое осознание необходимости и самостремление к модернизации и инновациям, сочетание долговременных целей и прагматичной тактики, опора на национальный суверенитет и стабильный экономический рост, социально-ориентированная экономика и «инструменты асим-

метричной силы», например, значительные накопления государственных долговых обязательств иностранных государств¹. Суть «Пекинского консенсуса» состоит в том, что основным инструментом достижения экономического процветания становится сильное государство, управляемое эффективными лидерами, мало озабоченными степенью соответствия их действий западной ценностной матрице².

Преимущества китайской модели, убедительно продемонстрированные и в ходе мирового финансового кризиса, порождают на Западе волну алармистских комментариев. Например, политический обозреватель Анатолий Калецки полагает: «Перед Западом стоит выбор: или мы уступим и признаем, что Китай, как показывают пять тысяч лет изученной истории человечества, показал себя более успешной и долговечной культурой, нежели Америка или Западная Европа, и теперь возвращает себе естественное положение мирового лидера, или же перестанем отрицать факт соперничества между китайской и западной моделями и начнем всерьез думать о том, как можно реформировать западный капитализм, чтобы у нас было больше шансов на победу»³.

Следует подчеркнуть, что для алармистских заявлений западных экспертов появляется все больше оснований. Выдвинутая Си Цзиньпином инициатива «Экономический пояс Шелкового пути» (чуть позже расширенная до мегапроекта «Один пояс, один путь», включившего также субпроект «Морской Шелковый путь XXI века») может иметь беспрецедентный трансформирующий эффект в масштабе всего евразийского континента. Принятое в мае 2015 г. решение лидеров России и Китая добиваться сопряжения инициативы ЭПШП и интеграционных процессов в рамках ЕАЭС способно стать в этом плане подлинным поворотным пунктом.

Значительная часть комментариев и аналитических материалов о перспективах сопряжения ЭПШП и ЕАЭС отражают существующие тенденции в изучении российско-китайских отношений. Многие авторы, в особенности в странах Запада и России, сами эти отношения рассматривают как контекстуально зависимые от отношений Китая и США, России и стран Запада. Соответственно, новый шаг в развитии российско-китайского сотрудничества они склонны трактовать всего лишь как реакцию на нарастание напряженности между Россией и Западом в связи с украинским кризисом. Для этого

подхода характерно нежелание либо неспособность признать возможность формирования единого экономического пространства в Евразии как качественно нового феномена, противоречащего европоцентристской картине международных экономических и политических отношений. Явно или неявно, но мировая политика рассматривается этими экспертами в качестве игры с нулевой суммой, где выигрыш одной из сторон равнозначен проигрышу другой.

Вместе с тем другая часть экспертов обращает внимание на то, что российско-китайское стратегическое партнерство является мощной движущей силой трансформации международных экономических и политических отношений, формирования нового, более справедливого мирового порядка, отвечающего интересам большинства человечества. Экономическое сближение между государствами Евразии, гармонизация различных интеграционных проектов способны дать мощный импульс развитию экономик целого ряда стран и — в конечном счете — сформировать новые источники роста в мировой экономике. Именно с этой точки зрения имеет смысл проанализировать актуальное состояние многоплановой работы по сопряжению ЭПШП и ЕАЭС.

Само введение в 2015 г. в дипломатический лексикон понятия «сопряжение» указывало на необходимость решения нетривиальных политических задач. Первоочередная из них — поиск формата, в котором сформулированную в достаточно общих выражениях долгосрочную стратегическую инициативу трансконтинентального масштаба (ЭПШП) можно было бы совместить с уже реально функционирующими структурами и механизмами регионального экономического интеграционного объединения (ЕАЭС). Как справедливо отмечает С.Г. Лузянин, китайская инициатива вряд ли станет когда-нибудь институционализированным проектом — она, по всей видимости, останется инструментом экономического, инвестиционного, транспортного и гуманитарного освоения евразийского пространства⁴. ЕАЭС же, как, впрочем, и ШОС, ориентирован на укрепление институциональной базы. Эта концептуальная асимметрия двух проектов, если не сказать эклектика, представляет объективную трудность, с которой, тем не менее, можно справиться при условии общей заинтересованности и наличии политической воли к поиску оптимальных решений.

Подтверждением наличия общей политической воли стало подписание в мае 2018 г. торгово-экономического соглашения между КНР и Евразийским экономическим союзом. Тем самым был сделан первый важный шаг в направлении институционализации достигнутых между лидерами России и Китая договоренностей о сопряжении ЕАЭС и ЭПШП. Это соглашение является непререференциальным, оно затрагивает проблематику таможенных процедур, содействия развитию торговле, прав на интеллектуальную собственность, межведомственного сотрудничества, государственных заказов, электронной коммерции и других вопросов⁵. Очевидно, что эта сделка является более «скромной», чем уже вступившее в силу соглашение о создании зоны свободной торговли (ЗСТ) между ЕАЭС и Вьетнамом. Несмотря на то, что интересы стран-участниц ЕАЭС по отношению к Китаю весьма далеки от совпадения, в настоящий момент членов Евразийского союза объединяет неготовность к снятию тарифных барьеров и открытию своих рынков для китайских товаров и услуг. Однако сам факт заключения этого соглашения существенно укрепляет международную субъектность ЕАЭС, поскольку демонстрирует его признание одним из важнейших акторов глобальной политики и экономики, а именно — Китаем. Вместе с тем в более отдаленной перспективе вопрос о либерализации торговых отношений между ЕАЭС и КНР практически неизбежно вернется в повестку дня.

Заключение торгово-экономического соглашения между ЕАЭС и КНР должно убедительно опровергнуть утверждения ряда западных аналитиков о том, что сопряжение ЕАЭС и инициативы ЭПШП так и останется политической декларацией в силу слабости и ригидности ЕАЭС, неготовности входящих в него стран к полноценной экономической конкуренции, а также доминирования в процессах евразийской экономической интеграции России, которая якобы стремится превратить саму эту интеграцию в барьер на пути политико-экономического проникновения на постсоветское пространство таких мощных внешних игроков, как Европейский союз и Китай⁶. На деле, однако, прогресс в деле сопряжения продемонстрирует принципиальные различия между устремлениями Китая и экспансионистской стратегией Евросоюза, практическим выражением которой стала программа «Восточное партнерство».

Очевидно, что Пекин пошел навстречу Москве и столицам других стран ЕАЭС, выразив готовность перевести регулирование ряда значимых вопросов на уровень взаимодействия с интеграционными структурами постсоветского регионализма. В числе этих вопросов — сотрудничество в развитии инфраструктуры, промышленности, транспорта, стимулирование инвестиционной активности, регулирование доступа на финансовые рынки, рынок услуг и др. Благодаря достигнутому соглашению также появятся дополнительные инструменты выравнивания существующих дисбалансов в торгово-экономических отношениях Китая и стран ЕАЭС.

Текущий этап сопряжения характеризуется постепенной адаптацией России и других стран ЕАЭС к особенностям продвижения китайской инициативы «Один пояс, один путь» (ОПОП), объединяющей ЭПШП и проект «Морского Шелкового пути XXI в.». Однако еще рано говорить, что все сложности преодолены. Среди остающихся проблем является своеобразная «размытость» ряда ключевых параметров сотрудничества в рамках ОПОП, выражающаяся в готовности Пекина каждый раз определять эти параметры *ad hoc*, с учетом специфики обстоятельств и интересов конкретного партнера, с которым ведется диалог. В этом контексте успешное завершение переговоров по подготовке торгово-экономического соглашения между КНР и ЕАЭС как раз и является очень важным этапом в процессе определения конкретных условий и формата сопряжения.

Развитие транспортной и сопутствующей ей инфраструктуры евразийского континента, способной обеспечить надежное снабжение ресурсами и расширение экспортных возможностей китайской экономики, является важнейшей задачей инициативы «Один пояс, один путь». Соответственно, этот аспект неизбежно выйдет на первый план и в процессе сопряжения ЭПШП и ЕАЭС. Именно качественное обновление транспортно-логистической инфраструктуры, надежно соединяющей крупнейшие рынки Евразии — Китая и Европейского союза, обеспечит процессу сопряжения подлинно трансконтинентальную значимость. Торгово-экономическое соглашение между ЕАЭС и КНР создаст более благоприятные условия для инфраструктурного строительства и инвестиций. Вместе с тем пока еще нет оснований говорить о каком-то прорыве в деле создания современной транспортно-логистической инфраструктуры Евразии.

Существует большое количество обстоятельств и факторов, препятствующих быстрому запуску столь масштабных инфраструктурных проектов. В их числе — недостаточность тех вариантов развития транспортно-логистической инфраструктуры, которые сводят роль большинства стран и регионов по пути прохождения соответствующего транспортного маршрута только к обеспечению транзита товарных грузов и пассажиров. Необходима интенсификация торговой и производственной активности на всем протяжении транспортного коридора, обеспечивающая максимальную загрузку контейнеров, судов и автомобильных фур и способствующая тем самым повышению экономической связанности территорий и общей эффективности инфраструктурных проектов.

Такая постановка задачи, в свою очередь, требует от государств, заинтересованных в развитии трансконтинентальной инфраструктуры, нового качества инфраструктурной политики и управления транспортными потоками, позволяющего преодолеть диспропорции в функционировании рынка транспортных услуг и системы доставки внешнеторговых грузов через морские и речные порты. Однако в настоящее время не только на уровне межгосударственного взаимодействия на постсоветском пространстве, но даже в самой России отсутствует орган оперативного регулирования перевозок грузов в ее единой транспортной системе (ЕТС)⁷. Вместо этого внутри страны функционируют и взаимодействуют друг с другом несколько систем оперативного управления железнодорожным, водным, автомобильным транспортом. В результате хронической болезнью российской ЕТС становятся такие «узкие места», как, например, скопления грузов на подходах ко многим морским портам. Запуск гигантских проектов развития евразийской транспортно-логистической инфраструктуры без расширения «узких мест» в лучшем случае будет изначально обречен на низкую экономическую эффективность, а в худшем — приведет к постановке вопроса об их «автономизации» относительно существующих структур управления ЕТС и даже передаче важнейших элементов вновь созданной инфраструктуры под контроль основного инвестора. Между тем одной из важнейших задач, которую необходимо решить в процессе формирования на территории стран ЕАЭС транспортных коридоров ЭПШП, является обеспечение экономической связанности всего макрорегиона, для

чего необходимы как модернизация механизмов управления ЕТС, так и «сфокусированная» на этих проектах региональная, промышленная, инвестиционная и торговая политика отдельных государств и интеграционных структур ЕАЭС. По сути дела, речь идет о том, что транспортные коридоры ЭПШП должны одновременно стать коридорами развития внутри ЕАЭС.

Несомненно, что расшивка «узких мест» уже существующей транспортной инфраструктуры может дать значительный экономический эффект и обеспечить решение части задач транспортно-логистического характера в рамках сопряжения ЭПШП и ЕАЭС. Для этого необходимы строительство среднеформатных логистических центров, модернизация отдельных участков железных дорог, пограничных переходов и особенно — задействование в полном объеме современных цифровых технологий (в том числе систем обработки так называемых Больших данных, Интернета вещей и облачных технологий управления).

Тем не менее, стратегические решения относительно развития евразийской сети транспортных коридоров в географическом ареале сопряжения ЭПШП и ЕАЭС еще не приняты⁸. Россия и ее партнеры по Евразийскому экономическому союзу находятся в непростой ситуации, когда поспешные и непродуманные решения могут иметь высокую экономическую цену, но чрезмерное промедление с их принятием также может привести к не только экономическим, но и серьезным геополитическим последствиям. Существующая транспортная инфраструктура в ряде важнейших сегментов (Транссиб, Московский регион) работает практически на пределе возможностей. Ее модернизация позволит наиболее экономически эффективно решить ряд текущих задач, но уже в среднесрочной перспективе инфраструктурные ограничения вновь дадут о себе знать в полную силу.

Проводимый американской администрацией курс на усиление протекционизма и свертывание участия США в многосторонних форматах межгосударственного экономического и торгового взаимодействия лишь делает более контрастной тенденцию, проявившуюся еще до прихода в Белый дом Д. Трампа: откат глобализационной волны и подъем новой волны торгово-экономической и валютно-финансовой регионализации. Провозглашая инициативу «Один пояс, один путь», лидер КНР Си Цзиньпин не только пред-

восхитил эту перемену, но и сделал самую серьезную заявку на лидерство Китая в меняющихся условиях. Конкретизация инициативы ОПОП вполне может привести к появлению на пространстве Евразии нескольких вариаций регионализма, в каждой из которых существенным будет присутствие КНР.

Одна из таких вариаций будет связана с сопряжением ЭПШП и ЕАЭС как крупнейшего интеграционного проекта на постсоветском пространстве. Однако возможности, которые в настоящий момент открывает сопряжение для государств ЕАЭС, следует рассматривать в качестве своеобразного экзамена на эффективность и политическую зрелость постсоветских элит. Эти возможности можно считать эксклюзивными, отражающими как высокую степень заинтересованности России и Китая во взаимной поддержке, так и доверительный характер отношений их лидеров — В.В. Путина и Си Цзиньпина. Но общий благоприятный фон российско-китайских отношений вовсе не означает, что нынешнее «окно возможностей» вечно будет открытым.

Очевидно, что странам ЕАЭС необходимо не только выработать и сохранить единую позицию в отношении сотрудничества с КНР, но и обеспечить практическую реализацию договоренностей с Пекином на таком уровне, который позволит и заинтересованным внешним акторам считать проект сопряжения успешным. По сути дела, речь идет о том, что сопряжение ЭПШП и ЕАЭС придаст мощный импульс развитию нового евразийского регионализма. На концептуальном уровне это прежде всего выразилось в разработке представлений о Большой Евразии⁹. Концепция Большой Евразии, с одной стороны, отражает объективную динамику усиливающейся экономической взаимозависимости, а с другой — способствует конструированию особого макрорегиона на основе идей и идентичностей, гармонизация которых будет служить интересам Китая, России, других стран ЕАЭС, а также более широкому кругу евразийских акторов.

Различия в интенциях ключевых акторов сопряжения и их подходах к регионализму (например, контраст между проактивным подходом Китая при разработке инициативы «Один пояс, один путь» и «охранительными» установками России как инициатора интеграционных процессов на постсоветском пространстве¹⁰) не стоит преувеличивать. Российское понимание Большой Евразии исходит из ви-

дения сотрудничества и экономической интеграции в более широком, чем бывший СССР, географическом ареале. В содержательном отношении идея Большой Евразии достаточно тесно сближается с китайским концептом «Сообщества общей судьбы». Этот концепт впервые был сформулирован еще предыдущим лидером КНР Ху Цзиньтао, но в развернутом виде представлен в выступлениях Си Цзиньпина и официальных партийных документах, одобренных XIX съездом КПК¹¹. Если первоначально аргументация «Сообщества общей судьбы» была адресована отдельным странам, в первую очередь — ближайшим соседям Китая, то в своей новейшей версии идея «Сообщества общей судьбы» становится максимально широкой идеологической платформой для доверительного сотрудничества Китая с любым сегментом мирового сообщества, имеющим с КНР общие экономические интересы и готовым разделить ответственность за безопасность и решение глобальных и региональных проблем¹². В документах XIX съезда КПК эта версия широко представлена под термином «Сообщество единой судьбы **человечества**».

В то же время реальное сопряжение ЕАЭС и «Экономического пояса Шелкового пути» подразумевает перенос акцента с общих концептов к установлению совместных правил и норм практического сотрудничества между Китаем и Евразийским экономическим союзом. Более того, вслед за подписанием соглашений, фиксирующих эти нормы, следует ожидать институционализации механизмов сотрудничества. Конкретный дизайн совместных институтов позволит сделать выводы о характерных особенностях модели регионализма, импульсом для формирования которой стало историческое решение В.В. Путина и Си Цзиньпина о сопряжении интеграционного проекта ЕАЭС и инициативы «Экономический пояс Шелкового пути». Наконец, практическая реализация достигнутых соглашений, обеспечение эффективного функционирования институтов сопряжения и строительство современной инфраструктуры евразийских транспортных коридоров позволят России (а вместе с ней и ЕАЭС) возобновить диалог с Европейским союзом в новом формате — в опоре на расширенный потенциал евразийского регионализма. Нет сомнений, что и Китай воспользуется позитивными результатами сопряжения для укрепления своих позиций как первоклассного глобального игрока.

Необходимо понимать: трек сопряжения в рамках стратегии ЭПШП/ОПОП является для Пекина одним из важнейших, но все же далеко не единственным. Для Москвы это означает необходимость постоянного мониторинга процессов на южном фланге ЭПШП, прежде всего развития транспортных коридоров, идущих в обход России. Сейчас нет оснований полагать, что Китай намерен ослабить роль РФ как ключевой страны-транзитера евразийского континента. Однако КНР в любом случае стремится к диверсификации транспортных маршрутов, а длительная задержка в реализации крупномасштабных проектов развития транспортно-логистической инфраструктуры на территории России будет подталкивать Пекин к большей активности на альтернативных направлениях.

* * *

Особенность текущей ситуации состоит в том, что процесс сопряжения, возможно, приближается к важной развилке. Прежде всего, вполне четко просматривается траектория поступательного движения: подписание торгово-экономического соглашения, вступление его в силу, перевод значимых направлений экономического сотрудничества в формат взаимодействия «КНР—ЕАЭС», постепенное расширение сфер сотрудничества, регулируемых в этом формате, углубление кооперации (в частности, переход к подготовке преференциального торгово-экономического соглашения и предметному обсуждению вопроса о создании зоны свободной торговли «КНР—ЕАЭС»), практическая реализация проектов развития транспортно-логистической инфраструктуры Большой Евразии. Но вместе с тем вероятно и продвижение и по другой, мобилизационной траектории. Переход на такую траекторию может быть вызван давлением внешних сил, заинтересованных в подрыве экономических и политических возможностей России и Китая. Выбор администрации США в пользу неприкрытого протекционизма и достижения односторонних преимуществ в торгово-экономических отношениях со своими партнерами, угроза торговой войны с Китаем и санкционная война с Россией способны привести к глубокому реформатированию (вплоть до фрагментации) глобальной финансово-экономической системы. В этих обстоятельствах Пекин и Москва имеют доста-

точно оснований для разработки совместных мер и программ (в частности, в сферах страхования рисков, дедолларизации банковских расчетов, их перевода на независимую от SWIFT телекоммуникационную систему передачи коммерческой информации и электронных платежей), направленных на нейтрализацию давления Вашингтона. Само это давление рано или поздно будет направлено на подрыв единства ЕАЭС. Удивляться этому вряд ли приходится, поскольку уже сейчас через механизм санкций Вашингтон вполне успешно лишает российские компании ряда важных для них рынков сбыта. Соответственно, используя имеющиеся у него рычаги, Вашингтон может предпринять усилия, направленные на разрушение интеграционного поля Евразийского экономического союза. Если же Москва и Пекин решат совместно и на системной основе противостоять американскому давлению, то, по всей видимости, не останутся в стороне от соответствующей активности и структуры взаимодействия между КНР и ЕАЭС.

При всех проблемах и рисках, сопряжение ЕАЭС и ЭПШП остается начинанием, сулящим выигрыш всем его участникам. Именно с сопряжением в ближайшие годы, по всей видимости, будут связаны очень серьезные геоэкономические и геополитические трансформации на Евразийском континенте. По этой же причине нетрудно предсказать и новые вызовы, с которыми придется в ближайшее время иметь дело России вместе с другими странами ЕАЭС и Китаем. Успех политики сопряжения далеко не запрограммирован. Но наличие политической воли к тому, чтобы реализовать огромный потенциал сопряжения, в конечном счете может принести плоды, которыми будут пользоваться страны и народы Большой Евразии.

Примечания

¹ *Ramo J. C.* The Beijing Consensus. London: Foreign Policy Center, 2004.

² См.: *Marks S.* Introduction. / African perspective on China in Africa / Firoze M. Manji and Stephen Marks (eds.). Cape Town: Fahamu, 2007. P. 3—9.

³ *Kaletsky A.* We Need a New Capitalism to Take on China // The Times. 04.02.2010.

⁴ *Лузянин С.Г.* Поглощение, сопряжение или конфликт? ШОС, китайский проект «Шелкового Пути» и ЕАЭС: варианты взаимодействия в Евразии. Итоговый экспертно-аналитический доклад по проекту РФФИ № 16-07-00024. URL: http://www.ifes-ras.ru/images/stories/2018/report_2018_luzyanin_s_g.pdf

⁵ Китай и ЕАЭС завершили переговоры по торгово-экономическому соглашению. URL: <https://ria.ru/economy/20171001/1505949651.html>

⁶ *Popescu N.* Eurasian Union: the Real, the Imaginary and the Likely. Chaillot Paper no. 132. Paris, EU Institute for Security Studies, 2014.

⁷ *Куприяновский В.П., Куренков П.В., Мадяр О.Н.* Грузопассажирские транспортные коридоры в евро-азиатском цифровом пространстве // Транспорт: наука, техника, управление. Научный информационный сборник. 2017. № 11. С. 8—17.

⁸ В сентябре 2017 г. завершено проектирование высокоскоростной магистрали «Москва—Казань», проект передан на экспертизу; подготовлены совместные соглашения и меморандумы о привлечении китайских инвестиций через Фонд Шелкового пути. (РЖД завершили проектирование высокоскоростной магистрали Москва — Казань.) URL: https://lenta.ru/news/2017/09/07/misharin_vsm/

⁹ *Бордачев Т.В.* Новое евразийство // Россия в глобальной политике. 2015. № 5. С. 194—205; *Ефременко Д.В.* Рождение Большой Евразии // Россия в глобальной политике. 2016. № 6. С. 28—45; *Караганов С.А.* С Востока на Запад, или Большая Евразия. URL: <http://www.globalaffairs.ru/pubcol/S-Vostoka-na-Zapad-ili-Bolshaya-Evraziya-18438>; *Kuznetsova A.* Greater Eurasia: Perceptions from Russia, the European Union, and China / P. Schulze (Ed.). Core Europe and Greater Eurasia — A Roadmap for the Future. Frankfurt am Main — NY: Campus Verlag, 2017. P. 177—191.

¹⁰ *Kaczmarek M.* Non-Western Visions of Regionalism: China's New Silk Road and Russia's Eurasian Economic Union // *International Affairs*. V. 93. No. 6. November 2017. P. 1357—1376.

¹¹ *Mardell J.* The 'Community of Common Destiny' in Xi Jinping's New Era. URL: <https://thediplomat.com/2017/10/the-community-of-common-destiny-in-xi-jinpings-new-era/>

¹² См.: *Wang Yiwei.* The Belt and Road: What Will China Offer the World in Its Rise. Beijing: New World Press, 2016.

DOI: 10.24411/2618-6888-2018-10004

Ли Юнхуэй

БОЛЬШОЕ ЕВРАЗИЙСКОЕ ПАРТНЕРСТВО И КИТАЙСКО-РОССИЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

Аннотация. Дан анализ смысла и возможных перспектив создания Большого евразийского партнерства, роль РФ и Китая в этом процессе, а также вероятных путей реализации данного масштабного международного проекта, выдвинутого Россией.

Ключевые слова: Китай, Россия, Большое евразийское партнерство (БЕП), инициатива «Один пояс, один путь» (ОПОП), Евразийский экономический союз (ЕАЭС), ШОС, АСЕАН, сотрудничество.

После того, как Китай установил в 1991 г. дипломатические отношения с новой Россией, последовавшее устойчивое развитие китайско-российских связей не только достигло за последние 26 лет самого высокого уровня в истории, но и явило собой пример становления отношений между крупными державами на пути постоянного и здорового развития.

Концепция «Большого евразийского партнерства» была выдвинута президентом России В.В. Путиным в его выступлении на пленарном заседании Петербургского международного экономического форума (ПМЭФ) в июне 2016 г. Российский лидер призвал к созданию крупного партнерства, которое связало бы Азию и Европу, под-

черкнув, что Россия и другие страны Евразийского экономического союза выступают за создание БЭП с участием Китая, Индии, Пакистана, Ирана, стран СНГ и ряда других государств. Тогда же российский лидер заявил о совместных российско-китайских планах «дать официальный старт переговорам о создании всеобъемлющего торгово-экономического партнерства в Евразии с участием государств Евразийского экономического союза и Китая», полагая, что «это станет одним из первых шагов формирования Большого Евразийского партнерства»¹.

К ноябрю 2017 г. коннотация евразийского партнерства постепенно прояснилась. Предваряя свое участие во встрече лидеров АТЭС в Дананге, российский президент опубликовал статью, в которой провел мысль о том, что углубление региональной экономической интеграции в АТР может идти по пути создания «Большого евразийского партнерства» на базе Евразийского экономического союза и китайской инициативы «Один пояс, один путь», подчеркнув гибкий и современный характер этого проекта, его открытость для присоединения других участников².

I. Смысл и суть Большого евразийского партнерства

В своем выступлении на ПМЭФ-2016 В.В. Путин призвал развивать международную кооперацию в контексте БЕП в рамках гибких интеграционных структур, поскольку «масштаб технологических, экономических задач и объективно складывающейся ситуации сегодня имеет такой масштаб и такой характер, что развиваться эффективно можно только вместе, выстраивая кооперационные связи». А гибкие и открытые интеграционные структуры лучше благоприятствуют конкуренции в плодотворном научном поиске и многообразию технических решений, а также позволяют странам-участницам в полной мере реализовать свои компетенции и потенциал³.

Таким образом, смысл БЕП заключается в том, что появляется возможность создать международную кооперационную структуру, строящуюся на принципах инклюзивности, способствующую совместному решению широкого спектра мирохозяйственных вопросов, а на основе духа сотрудничества, взаимопомощи и совпадения

интересов — выстраиванию защиты от угроз региональной и транс-региональной экономической безопасности.

Суть же Большого евразийского партнерства можно усматривать в том, что оно представляет собой огромный мегапроект, могущий объединить начинания ЕАЭС, Европейского союза, США, Китая и АТЭС, АСЕАН и других субъектов международных отношений, которые порой трактуются как «полюса» многополярного мира.

Создание БЕП имеет прежде всего большое экономическое значение, ибо партнерство облегчит торговый обмен и кооперацию между странами Евразии (и, возможно, всего АТР) во главе с Евразийским экономическим союзом. Первым шагом на пути формирования БЕП, видимо, должно стать заключение соглашения о свободной торговле между всеми потенциальными участниками партнерства.

БЕП можно рассматривать как развитие идеи евразийства и как особую форму регионализма, основанную на углубленном сотрудничестве и интеграции регионального уровня, но способную быть воспринятой и соседними регионами в интересах плодотворного межрегионального со-развития.

II. Концепция Большого евразийского партнерства отражает новую концепцию евразийства во внешней политике России

Концепция БЕП исходит из того, что Россия — это великая страна, территория которой пролегает и в Европе, и в Азии; страна, объединяющая много этносов и цивилизаций, обладающая богатейшими человеческими, культурными и природными ресурсами. Многонациональная страна всегда должна строиться на принципах единства и стабильности.

При этом концепция БЕП подразумевает использование международных факторов для реализации геополитических задач России и укрепления ее международного статуса и влияния, а также для расширения сотрудничества РФ с соседними странами Дальнего Востока в интересах развития российского Дальневосточного Федерального округа (ДФО) и Сибири.

Учитывая свои геополитические, геоэкономические и географические реалии, Россия не может проводить одновекторную внешнюю политику, ориентированную только на одну страну, континент или регион. А во внутренней политике Россия следует принципам со-развития всех ее субъектов, народностей и социальных групп, препятствуя общественным потрясениям, культурному и экономическому расколу. И новое евразийство является идеологической основой диалога и единения всех этнических, культурных и экономических групп российской цивилизации.

III. Как создать Большое евразийское партнерство

На взгляд автора, основным путем создания Евразийского партнерства является экономическая, а не политическая интеграция. Поэтому проект «Большое евразийское партнерство» может быть легко состыкован с проектом «Один пояс, один путь», поскольку исходная установка обоих проектов именно на экономическое взаимодействие полностью совпадает. Составной и опорной частью процесса интеграции может стать сопряжение ЕАЭС и инициативы «Один пояс, один путь».

Дальнейшее развитие отношений между Китаем и Россией на основе принципов взаимоуважения, справедливости и взаимной выгоды является основой Большого евразийского партнерства. После распада СССР Китай и Россия, преодолев множество препятствий и трудностей, сообща подняли свои отношения на небывало высокий уровень.

Ныне отношения между двумя странами переживают наилучший период их истории. В 2001 г. Китай и Россия подписали Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве. Этот договор провозгласил установление нового типа двусторонних отношений на принципах отказа от создания военного блока или союза, а также их неконфронтационности и ненаправленности против третьих стран; отношений, основанных на идее дружбы от поколения к поколению и невозможности когда-либо стать врагами.

В мае 2014 г. президент России В.В. Путин, находящийся с визитом в Китае, и председатель КНР Си Цзиньпин подписали «Ки-

тайско-российское совместное заявление о новом этапе отношений всестороннего стратегического взаимодействия и партнерства между двумя странами», что подняло китайско-российские отношения на еще более высокую ступень на основе равенства и взаимодоверия⁴. Стержневой идеей Заявления стало подтверждение на новом этапе принципов координации действий двух стран, защиты их национального суверенитета, территориальной целостности и национального достоинства, содействия развитию многополярного мира и создания справедливого нового международного политического и экономического порядка.

Укрепление стратегического взаимодействия Китая и России может стать ключом к формированию Большого евразийского партнерства. И Китай, и Россия разделяют сходные взгляды на проблемы глобального управления и тесно взаимодействуют в международных делах.

IV. Сопряжение инициативы «Один пояс, один путь» и Евразийского экономического союза является основным содержанием Большого евразийского партнерства (как состыковать инициативу ОПОП с ЕАЭС)

Для сопряжения указанных двух проектов, во-первых, надо усовершенствовать политику взаимного информирования и коммуникаций. В мае 2015 г. «Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о сотрудничестве по сопряжению строительства Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути», подписанное главами государств двух стран, значительно углубило взаимопонимание и политическое взаимодоверие между двумя странами. За последние два года соответствующие ведомства Китая и России проделали большую работу. В мае 2018 г. Китай и ЕАЭС подписали «Соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве между Китаем и Евразийским экономическим союзом» и таким образом достигли первого успеха в деле либерализации взаимной торговли и инвестиции. Так был сделан и первый шаг на пути к созданию зоны свободной торговли между

КНР и ЕАЭС. Китайская сторона рассчитывает на дальнейшее расширение сотрудничества с Евразийским экономическим союзом.

Во-вторых, для сопряжения инициативы ОПОП и ЕАЭС необходимо усиление инфраструктурной взаимосвязанности между двумя проектами.

Сооружение восточной линии российско-китайского газопровода («Сила Сибири») идет хорошо. На основе этого Китай получает возможность не только увеличить масштабы импорта энергоресурсов из России, но и расширить другие направления взаимного сотрудничества. Китай и РФ строят долгосрочное и комплексное партнерство в традиционном энергетическом секторе.

Строительство трансграничного железнодорожного моста между северо-восточным Китаем и Дальним Востоком России с прокладкой крупномасштабных транспортных коридоров «Бинхай-1» и «Бинхай-2» также способно оказать огромную помощь в деле сопряжения инициативы «Пояс и путь» с ЕАЭС.

Обеспечение эффективной экономической и транспортной взаимосвязанности ОПОП и ЕАЭС принесет беспрецедентные возможности для успешного развития Дальнего Востока России и всего обширного Евразийского региона.

В-третьих, расширение торговых связей — также важный механизм сопряжения «Пояса и пути» и Евразийского союза. Китай на протяжении 6 последних лет является крупнейшим торговым партнером РФ, а Россия — это один из основных источников импорта Китаем энергоресурсов и электромеханической высокотехнологичной продукции. 2017 год стал свидетелем значительного роста китайско-российского торгового и инвестиционного обмена. С января по октябрь 2017 г. объем двусторонней торговли составил 68,50 млрд долл., что на 21,3 % больше, чем за аналогичный период предыдущего года. Это говорит о явной тенденции к восстановлению цифр двустороннего товарооборота докризисного времени.

В-четвертых, в финансовом и инвестиционном сотрудничестве достигнут новый прогресс. Оба правительства и финансовые учреждения двух стран согласились создать ряд новых кооперационных структур. Так, Центральный банк России открыл представительство в Китае, а в Москве был открыт российский клиринговый центр. Государственный банк развития Китая, Экспортно-импортный банк

КНР и ряд российских финансовых институтов определили новый список крупных проектов инвестиционного сотрудничества. Китай создаст фонд для сотрудничества и развития в Китае и России с общим объемом капитала в 100 млрд юаней и сформирует на первом этапе актив в 10 млрд юаней для содействия развитию малых и средних предприятий.

В-пятых, расширение гуманитарных обменов также служит интересам Большого евразийского партнерства и делу сопряжения инициативы ОПОП с ЕАЭС в плане создания социальной основы для их развития. Продолжается и углубляется китайско-российское сотрудничество в сфере гуманитарных наук, заметно укрепилась социальная база российско-китайских отношений и улучшилось восприятие страны-партнера населением двух стран. В последние годы Китай и Россия успешно провели перекрестные мероприятия «Год страны», «Год языка», «Год туризма», «Год молодежи и культуры» и «Год средств массовой информации». Благодаря серии культурных обменов дружелюбность отношений между народами России и Китая поднялась на новый уровень. Количество ежегодных кадровых обменов между Китаем и Россией превышает 3 млн человек. КНР и РФ обмениваются студентами, общее число которых достигло 80 тыс. в год. И этот показатель также будет расти.

V. Возможности и вызовы в развитии Большого евразийского партнерства

Возможности

Интересы стратегической безопасности обеих стран совпадают. Во-первых, оба государства стремятся к обеспечению стабильности и развития соседних стран и территорий. Они выступают за денуклеаризацию Корейского полуострова и за политический диалог по разрешению там ядерного кризиса. По территориальному вопросу в Южно-Китайском море Россия сохраняет нейтральную позицию и выступает против применения силы при разрешении соответствующих споров. Китай и РФ считают, что в интересах обеспечения безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе должен быть создан открытый механизм коллективной безопасности.

С точки зрения экономической стратегии существует несколько опорных линий для сотрудничества между Китаем и Россией в рамках Большого евразийского партнерства: первое — это, как уже отмечалось, сопряжение ЕАЭС и инициативы «Один пояс, один путь», второе — сотрудничество по многосоставному вектору «Евразийский союз—ШОС—ОПОП». В-третьих, сотрудничество между Евразийским экономическим союзом и АСЕАН и инициативой ОПОП. Эти опорные линии охватывают весь Евразийский континент, от Европы на севере до АСЕАН на юге, от Японии и Южной Кореи на востоке до Лиссабона на западе.

Вызовы

Различия в экономическом развитии Китая и России, в окружающей их макросреде, да и в некоторых их интересах неизбежно создадут трудности для расширения двусторонних отношений.

Во-первых, долгое время в китайско-российских экономических связях наблюдается несбалансированность структуры торговли и недостаточность ее объема. Масштабы торгово-экономического сотрудничества между Китаем и Россией не так велики, как между КНР и США. (Например, только в ноябре 2017 г. во время визита президента США Д. Трампа в Китай сторонами были подписаны контракты на сумму 253,5 млрд долл.). По сравнению с политическими отношениями, экономические и торговые связи Китая и России отстают. Наши страны могут наиболее тесно дополнять друг друга в энергетической сфере. Однако в России есть беспокойство по поводу того, что страна является сырьевым «вассалом» Китая и что основная причина интереса КНР к РФ — это российские энергоносители. К тому же согласование китайско-российского газового соглашения продолжается уже более десятилетия. Однако кризис на Украине весьма ускорил подписание соглашения о поставках природного газа по линии «Восток-Запад».

Во-вторых, существует проблема выработки конкретной «дорожной карты» состыковки инициативы ОПОП и ЕАЭС. Составление списка реально выполнимых и эффективных субпроектов станет ключевой задачей для разрешения этой проблемы.

В-третьих, стоит вопрос о нивелировании опасений в РФ по поводу «китайской угрозы» в свете того, что совокупная национальная

мощь Китая растет и ее соотношение с потенциалом России тоже меняется.

Успешное, заинтересованное разрешение перечисленных проблем само по себе может стать действенным фактором и дополнительным импульсом для развития двусторонних отношений, придаст китайско-российскому взаимодействию новую энергию, которая поможет двум станам построить Большое евразийское партнерство.

Россия и Китай имеют явные преимущества в плане расширения регионального сотрудничества. Однако в РФ по-прежнему наблюдается беспокойство по поводу «открытия» российского Дальнего Востока Китаю. Россию беспокоит поток китайских мигрантов в ДВФО, а также вопросы трансграничной безопасности. В связи с неблагоприятными явлениями в экономике России разрыв в уровне хозяйственного развития РФ и Китая, возможно, будет расти и впредь. В силу перечисленных обстоятельств будет очень трудно сделать большой прорыв на пути увеличения товарооборота между двумя странами, если только не повысится мировая цена на нефть.

В-четвертых, будущее Большое евразийское партнерство столкнется со сложностями, обусловленными спецификой отношений в треугольнике «Китай — Россия — США». Улучшение взаимодействия внутри этого «треугольника» является серьезной проблемой, которую необходимо решить в интересах успешного создания БЕП.

VI. Выводы

Формирование Большого евразийского партнерства является важной целью внешней политики России на Востоке, и в случае ее достижения РФ и Китай станут единым «полюсом» многополярного мира.

Ныне Большое евразийское партнерство — это еще не международная структура, а процесс выстраивания экономической интеграции между заинтересованными сторонами.

БЕП подразумевает реализацию как двусторонних, так и многосторонних форм международного сотрудничества, среди которых Евразийский экономический союз и ОПОП, ЕАЭС, ОПОП и ШОС, сопряжение Евразийского экономического союза и «Пояса и пути», кооперация ЕАЭС, ОПОП и АСЕАН.

Итак, создание Большого евразийского партнерства — это перспективная цель китайско-российского стратегического взаимодействия, основанного на принципах взаимоуважения, неприсоединения к военным блокам, неконфронтационности и ненаправленности против третьих стран, а также взаимной выгоды и бесприигрышности для всех участвующих сторон.

Примечания

¹ Путин призвал создать большое Евразийское партнерство. URL: <http://tass.ru/pmef-2016/article/3376295>

² Статья Владимира Путина «XXV саммит АТЭС в Дананге: вместе к процветанию и гармоничному развитию». URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/56023>

³ URL: <http://tass.ru/pmef-2016/article/3376295>

⁴ Ли Хуэй (Чрезвычайный и Полномочный Посол КНР в РФ). Крепкая дружба и плодотворное сотрудничество // Российская газета. 02.10.2014.

DOI: 10.24411/2618-6888-2018-10005

Л.Е. Васильев

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ РОССИИ И КИТАЯ В РЕШЕНИИ ПРОБЛЕМ ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ БЕЗОПАСНОСТИ В ЕВРАЗИИ*

Аннотация. Статья посвящена оценке эффективности взаимодействия России и Китая в сфере обеспечения стабильности и безопасности в Восточной Евразии, а также возможным вариантам развития обстановки этом регионе в ближайшей перспективе и вероятной реакции двух государств на новые вызовы региональной безопасности.

Ключевые слова: Евразия, Китайская Народная Республика, Российская Федерация, безопасность, региональная безопасность,

* Статья подготовлена в рамках программы фундаментальных исследований президиума РАН на 2018 г. №22 «Анализ и прогноз новых глобальных вызовов и возможностей для России» согласно проекту «Анализ и прогноз новых глобальных и региональных возможностей расширения ШОС для России (2018—2020 гг.)» № 0194-2018-0001. Номер государственной регистрации: AAAA-A17-117122890039-3.

вызовы и угрозы безопасности, международный терроризм, сепаратизм, экстремизм, Шанхайская организация сотрудничества, антитеррористические учения.

1. Основные вызовы безопасности России и Китая

Сотрудничество России и КНР в сфере безопасности стало в новейшей истории одним из основополагающих факторов, влияющих на выстраивание отношений между двумя государствами. Безопасность самого крупного континента планеты — Евразии обуславливает безопасность мирового сообщества в целом. При этом надо учитывать, что территориально наши две страны занимают большую часть данного континента, а с экономической и с военной точек зрения — относятся к ведущим мировым акторам, способным оказать серьезное (если не сказать — решающее) влияние на развитие всего мирового сообщества.

Кроме того, географическое расположение той части Евразии, которую занимают Россия и Китай, обладает особым значением: по территории двух стран проходят кратчайшие пути между Европой, Ближним и Средним Востоком, а также между Северной Африкой и странами Восточной и Юго-Восточной Азии, которые в настоящее время являются наиболее динамично развивающимися регионами мира. Вследствие этого именно из Евразии наиболее удобно контролировать как указанные транзитные пути, так и глубинные тыловые районы крупнейших региональных государств — Китая, Индии и России. Поэтому обеспечение безопасности в Евразии имеет и, скорее всего, будет иметь на длительную перспективу существенное значение с точки зрения обеспечения внешней и внутренней безопасности России и Китая.

Базовым документом, заложившим юридические основы сотрудничества двух стран в сфере поддержания безопасности, стал Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой, подписанный 16 июля 2001 г. В ст. 9 Договора были прописаны действия сторон при возникновении угроз: «В случае возникновения ситуации, которая, по мнению одной из Договаривающихся Сторон, может

создать угрозу миру, нарушить мир или затронуть интересы ее безопасности, а также в случае возникновения угрозы агрессии против одной из Договаривающихся Сторон Договаривающиеся Стороны незамедлительно вступают в контакт друг с другом и проводят консультации в целях устранения возникшей угрозы». Ст. 20 Договора развивает это положение, подчеркивая, что «Договаривающиеся Стороны в соответствии со своим национальным законодательством и международными обязательствами каждой из них активно сотрудничают в области борьбы с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, а также в области борьбы с организованной преступностью, незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ, оружия и другой преступной деятельностью»¹.

В сентябре 2013 г. китайским руководством была озвучена программа по радикальной активизации всей внешнеэкономической деятельности КНР в Евразии, получившая название «инициатива/проект Экономического пояса Шелкового пути» (ЭПШП). В китайской экспертной трактовке этот проект имеет целью связать между собой Центральную, Восточную, Южную и Западную Азию с помощью различных способов экономического сотрудничества². Российское руководство заявило о своей поддержке проекта, а также об участии в нем РФ. Очевидно, что с началом реализации ЭПШП значимость работы по обеспечению безопасности на Евразийском континенте существенно возрастет. При этом необходимо учитывать, что в современных реалиях Россия и Китай являются и в ближайшем будущем останутся основными гарантами безопасности в регионе.

Основные угрозы и вызовы стабильности и безопасности Евразии связаны с наличием практически во всех государствах региона значительных групп населения, проповедующих идеи сепаратизма, исламского экстремизма и использующих для достижения своих целей методы и инструментарий террористической борьбы. Кроме того, в настоящее время наблюдается продвижение военизированных исламистских группировок к северным и северо-восточным границам Афганистана, а также налаживается взаимодействие таких террористических организаций, как запрещенные в России «Талибан», «Исламское движение Узбекистана» и «Исламская партия Туркестана» с боевиками также запрещенного в РФ «Исламского го-

сударства» (ИГИЛ), в число которых входит немалое количество выходцев из стран Центральной Азии, в первую очередь, Узбекистана, Таджикистана и Кыргызстана.

Следует учитывать, что в этой части Евразии сепаратизм имеет этническую подоплеку. Его идеологическую основу составляет национализм. Этим объясняется тот факт, что этнический сепаратизм в этом регионе был и остается радикальным, «эгоцентрическим» (ни коим образом не признающим других точек зрения) способом разрешения проблем, которые, так или иначе, возникают в многонациональных обществах, во взаимоотношениях этнического меньшинства с этническим большинством, а также отдельных территорий с центральной властью.

Вторым «злом» и угрозой безопасности в Евразии является исламский экстремизм. Толковый словарь Ожегова трактует понятие «экстремизм» как приверженность крайним взглядам и средствам достижения поставленных целей. С другой точки зрения, экстремизм можно охарактеризовать как идеологию, основанную на нетерпимости и исключительности. Понятно, что экстремизм, проявляющийся в политической сфере общества, называется политическим экстремизмом, экстремизм же, проявляющийся в религиозной сфере, — религиозным.

Исламский экстремизм в Евразии представляет собой сложное и многоаспектное явление, включающее политический, экономический, социальный, криминальный и военный компоненты. В Евразии оперируют международные организации или их подразделения, радикально настроенные исламские фундаменталисты, экстремистские группировки, стремящиеся занять главенствующее положение в мировом исламском движении. Исламистский экстремизм, как и любой другой экстремизм религиозного толка, предполагает: отрицание и подавление всяческого инакомыслия; жесткое утверждение своего свода политических и религиозных взглядов; слепое повиновение приказам лидера. В организационном плане — подпольный и жестко структурированный характер экстремистской структуры; постоянная агрессивность ее действий вплоть до использования методов террора; стремление противопоставить себя действующему государственному строю.

К основным экстремистским и сепаратистским организациям, действующим в данной части Евразии, следует отнести:

«Исламское движение Узбекистана» и его ответвление «Союз исламского джихада», «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами» («Партия исламского освобождения»), Исламский джихад (Джамаат моджахедов). Эти крупные террористические организации действуют практически на всем пространстве Центральной Азии (деятельность всех этих организаций запрещена на территории России).

Автономные ячейки международной террористической организации «Братья-мусульмане», такие, как «Общество социальных реформ», «Комитет исламского призыва», «Даава Исламийя» и др. действуют в Казахстане, Кыргызстане и Таджикистане.

Террористические организации «Акромиды», Адолат уюшмаси», «Ислом лашкарлари» («Воины ислама») — действует в Узбекистане, организация «Товба» («Покаяние») — имеет сторонников и активистов в Кыргызстане и Узбекистане.

Кроме того, в регионе активно работают фонды и организации исламской направленности, такие, как «Мутакалим», «Ихсан-Хария», «Аль Вахь Аль Ислами», «Всемирная ассамблея исламской молодежи», «Международный гуманитарный призыв», «Комитет мусульман Азии», «Союз исламского джихада» и др., некоторые из которых проповедуют направления радикального ислама, такие, как сулафизм и ваххабизм. Практически все из вышеперечисленных организаций, реальная деятельность ячеек которых отмечается в России, запрещены законом Российской Федерации как террористические.

В последнее время на территории ЦАР и прилегающих к нему районах активно начали работать ячейки самой крупной международной террористической организации современности — ИГИЛ («Исламское государство Ирака и Леванта»), в арабской транскрипции — ДАИШ (запрещена в России). Это *непризнанное квазигосударство* было провозглашено в 2014 г. в форме «всемирного халифата» с шариатской формой правления. По своей сути — это международная исламистская суннитская террористическая организация, действующая преимущественно на территории Сирии и Ирака. Кроме того, помимо Сирии и Ирака, ИГИЛ и подконтрольные ему группировки участвуют в боевых действиях в Ливане, Афганистане, Алжире, Пакистане, Ливии, Египте, Йемене, Нигерии, а также ведут тер-

рористическую деятельность в некоторых других странах. Международные организации «Исламское государство Ирака и Леванта» и родственная ей организация «Джебхат ан-Нусра» признаны террористическими и запрещены во всех государствах ШОС.

Основной сепаратистской организацией уйгуров, действующей в Синьцзян-Уйгурском автономном районе Китая (далее — СУАР), является «Исламская партия Туркестана» (ранее известная как «Исламское движение Восточного Туркестана»), которая пользуется наибольшей поддержкой среди представителей этого этноса в регионе (эти организации запрещены в России).

Таким образом, характеризуя современную обстановку в Восточной Евразии, угрозы и вызовы ее стабильности, а также особенности активности террористических, сепаратистских и экстремистских организаций в соседних с Россией и Китаем регионах, нельзя не отметить, что эта деятельность носит явный трансграничный характер. Ею охвачены территории практически всех центральноазиатских и южноазиатских государств, и она координируется международными террористическими центрами.

Поэтому столь сложные и нередко деликатные проблемы, как обеспечение безопасности в Евразии, борьба с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, особенно в условиях их интернационализации, могут быть наиболее эффективно решены только при международной кооперации, и в первую очередь — между заинтересованными государствами. В этом плане Шанхайская организация сотрудничества во главе с ее лидерами — Россией и Китаем, имеющими опыт совместной деятельности в данной сфере и схожие внешнеполитические интересы, является наиболее подходящей структурой, в рамках которой деятельность по обеспечению безопасности в регионе может обрести необходимую эффективность.

2. Взаимодействие России и Китая в решении проблем обеспечения безопасности в Евразии

Российско-китайское взаимодействие в решении проблем обеспечения безопасности в Евразии, а также в борьбе с силами «трех зол» — терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, осуществляет-

ся в основном в рамках ШОС. Конечно, сотрудничество государств в этой в сфере коррелируется с системой их взаимоотношений в других международных организациях (например, ООН, АСЕАН и т. п.), но по указанной проблеме наиболее эффективно такое сотрудничество проявляется именно в формате ШОС. При этом следует отметить, что с самого начала Россией и Китаем был заложен концептуальный фундамент такого взаимодействия, выработаны и утверждены руководством государств его теоретическая, научная и юридическая база.

Для эффективной и целенаправленной работы по данной проблеме на саммите глав государств-участников ШОС в Санкт-Петербурге (2002 г.) было подписано «Соглашение между государствами-членами Шанхайской организации сотрудничества о Региональной антитеррористической структуре» (далее — РАТС), представляющей собой межгосударственный институт Организации, призванный вырабатывать стратегию деятельности в этой области, рекомендовать порядок взаимодействия силовых структур и конкретных мероприятий для их совместного осуществления.

На РАТС возложена и задача содействовать национальным органам сторон (по их просьбе) в борьбе с проявлениями так называемых новых угроз. Для этого РАТС, в частности, накапливает и анализирует информацию, формирует банк данных по международным террористическим и экстремистским организациям, их лидерам, структурам и лицам, причастным к этим организациям. В сфере деятельности РАТС находится также анализ текущего состояния, а также тенденций в распространении терроризма и экстремизма с одновременным сбором информации о неправительственных организациях и лицах, оказывающих поддержку террористам³.

В целях реализации поставленных задач разработаны и утверждены:

- соглашение о порядке организации и проведения совместных антитеррористических мероприятий;
- соглашение о сотрудничестве в области выявления и перекрытия каналов проникновения лиц, причастных к террористической, сепаратистской и экстремистской деятельности;
- соглашение о порядке организации и проведения совместных антитеррористических учений;

- соглашение о сотрудничестве в борьбе с незаконным оборотом оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ;
- соглашение о подготовке кадров для антитеррористических формирований;
- соглашение о сотрудничестве и взаимодействии по пограничным вопросам;
- соглашение о банке данных РАТС и другие документы, регламентирующие деятельность структуры.

Кроме того, в марте 2006 г. на заседании Совета РАТС в Ташкенте были утверждены «Перечень террористических, сепаратистских и экстремистских организаций, деятельность которых запрещена на территориях государств-членов ШОС» и «Список лиц, объявленных спецслужбами и правоохранительными органами государств-членов ШОС в международный розыск за совершение или по подозрению в совершении преступлений террористического, сепаратистского и экстремистского характера». В Перечне для каждого государства-члена ШОС указаны организации, которые официально признаны данным государством террористическими, сепаратистскими и экстремистскими и деятельность которых запрещена на его территории. Данные этих документов постоянно уточняются и корректируются.

Другим направлением взаимодействия России и Китая в сфере обеспечения безопасности в Евразии, а также в антитеррористической деятельности является проведение совместных антитеррористических учений. Учения под кодовым названием «Мирная миссия» регулярно проводятся с 2005 г. Основными их целями является повышение боевой готовности антитеррористических подразделений и укрепление оперативного взаимодействия между компетентными органами государств-членов ШОС. Учения, как правило, включают в себя анализ обстановки, проведение военно-политических консультаций на уровне руководства вооруженными силами, выработку совместного решения на проведение контртеррористической операции и отработку практического взаимодействия войск при ведении операции, включая проведение разведки, захват ключевых районов, блокирование и преследование террористов, их разоружение и ликвидация на земле и с воздуха. Численность личного состава, привлекаемого к учениям, достигает 10 тыс. человек, ос-

новная часть которых — воинские подразделения России и Китая. Время и координаты учений «Мирная миссия» представлены в табл. 1.

Таблица 1

№ п/п	Время проведения	Место проведения
1	Август 2005 г.	г. Владивосток (Россия), полуостров Шаньдун и прилегающая к нему морская зона (Китай)
2	Август 2007 г.	г. Урумчи (Китай), полигон Чебаркулем (Челябинская область, Россия)
3	Июль 2009 г.	г. Хабаровск (Россия), полигон Таонань (Китай)
4	Сентябрь 2010 г.	Алма-Ата, полигон Матыбулак (Казахстан)
5	Июнь 2012 г.	Полигон Чорух-Дайрон (Согдийская область, Таджикистан)
6	Август 2013 г.	Полигон Чебаркулем (Челябинская область, Россия)
7	Август 2014 г.	Полигон Чжужихэ (Внутренняя Монголия, Китай)
8	Сентябрь 2016 г.	Полигон Эдельвейс (Иссык-Кульская область, Кыргызстан)
9	Август 2018 г.	Полигон Чебаркулем (Челябинская область, Россия)*

Кроме серии учений «Мирная миссия», которые проводятся в рамках ШОС, регулярно организуются военно-морские учения флотов России и Китая, целью которых, среди прочего, является усиление совместных возможностей борьбы с пиратством как одной из разновидностей терроризма. Первые подобные учения были прове-

* Планируется провести в 2018 г. с участием представителей вооруженных сил новых членов ШОС — Индии и Пакистана.

дены в 2005 г. в морской акватории, прилегающей к полуострову Шаньдун. Начиная с 2012 г. проводятся ежегодные военно-морские учения флотов двух стран «Морское взаимодействие». Время и координаты учений представлены в табл. 2.

Таблица 2

№ п/п	Время проведения	Место проведения
1	Август 2005 г.	Полуостров Шаньдун и прилегающая к нему морская зона Желтого моря (Китай)
2	Сентябрь 2009 г.	Аденский залив
3	Апрель 2012 г.	Полуостров Шаньдун и прилегающая к нему морская зона Желтого моря (Китай)
4	Июль 2013 г.	Залив Петра Великого (Россия)
5	Май 2014 г.	Район ВМБ Усун (г. Шанхай, Китай)
6	Август 2015 г.	Средиземное море
7	Сентябрь 2016 г.	Южно-Китайское море
8	Сентябрь 2017 г.	Владивосток (Россия) и прилегающая к нему морская зона, а также акватории Японского и южной части Охотского морей

Исследуя процесс взаимодействия России и Китая в сфере обеспечения стабильности и безопасности в Евразии, можно выделить основные принципы их взаимодействия:

- всестороннее изучение причин существования и распространения экстремистских идеологий и терроризма, а также создание предпосылок для их устранения;
- отказ от политики двойных стандартов в определении принадлежности тех или иных движений к экстремистским и террористическим организациям как внутри собственной страны, так и действующих в сопредельных государствах;

- оказание содействия региональному и международному сотрудничеству между соответствующими агентствами и структурами, работающими в смежных областях (борьба с организованной преступностью, незаконной миграцией, с производством и распространением наркотиков и т. п.), путем обмена информацией, создания объединенных баз данных, согласования розыскных действий и т. п.;
- углубление сотрудничества в противодействии террористическим угрозам на межгосударственном уровне и вовлечении в него неправительственных, общественных, религиозных, молодежных и иных организаций;
- активизация деятельности, направленной на повышение толерантности и уважения к правам человека в обществе, в том числе оказание широкой поддержки межкультурному и межконфессиональному диалогу;
- сохранение секуляризма в светском государстве, развитие и распространение «классического» ислама, организация общественных дискуссий с участием представителей органов власти, общественности, религиозных деятелей и ученых;
- поддержание в постоянной готовности соответствующих военных структур обоих государств для пресечения и нейтрализации наиболее крупных и скоординированных выступлений экстремистов.

На наш взгляд, в целях повышения эффективности взаимодействия двух стран в этой сфере необходимо:

1. Повысить эффективность деятельности РАТС, расширив ее возможности и полномочия аналогично принципам деятельности такой организации, как Интерпол.

2. Поручить РАТС выявление тех негосударственных иностранных организаций, действующих на территориях государств ШОС, идеология которых позволяет использовать нелегитимные способы ведения политической борьбы.

3. Постепенно, но планомерно расширять масштабы и состав участников антитеррористических учений под эгидой ШОС, создать постоянные воинские формирования в государствах-участниках, а также объединенное командование этих подразделений, которое

смогло бы обеспечить решение задач в условиях жесткого лимита времени.

4. Россия и Китай должны увеличить помощь другим государствам ШОС в плане военно-технического сотрудничества, а также совершенствования деятельности их национальных спецслужб, пограничных войск и органов внутренних дел.

Примечания

¹ Приводится по: Российско-китайские отношения на современном этапе. К 15-летию подписания Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между РФ и КНР // Проблемы Дальнего Востока. 2016. № 4. С. 7, 8.

² Голишиников О. Центральная Азия на прицеле Китая: последствия для России. URL: <http://globalaffairs.ru/> (дата обращения: 06.06.2014).

³ См. соглашение между государствами-членами Шанхайской организации сотрудничества о региональной антитеррористической структуре от 07.06.2002 г. URL: <http://ecrats.org/upload/iblock/90a/2.pdf>

DOI: 10.24411/2618-6888-2018-10006

В.И. Балакин

ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ НА ПРОСТРАНСТВЕ ШОС И ЕВРАЗИЙСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

Аннотация. Рассмотрено взаимодействие России и КНР в Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), представляющей собой международную региональную структуру, в компетенцию которой входят вопросы комплексного обеспечения безопасности по сути дела на всем евразийском пространстве. Становление комплексной безопасности в рамках ШОС оценивается как вопрос ныне достаточно дискуссионный, поскольку он понимается участниками Организации по-разному, исходя из их национальных приоритетов. Автор полагает, что проблемой безопасности на евразийском пространстве озабочены прежде всего Россия и Китай, что объясняется их серьезными опасениями по поводу постоянных попыток внешних сил заявить о своих притязаниях на более весомую политическую роль в Евразии, рассчитывая таким образом помешать Москве и Пекину создать здесь конвенциональную (договорную) зону исключительного влияния. Исследуются важнейшие факторы, объективно способствующие достижению названной цели, содействующие реализации российско-китайских интеграционных проектов и создающие реальную основу для совместного

экономического «доминирования» РФ и КНР на евроазиатском континенте. В итоге автор приходит к обоснованному выводу, что практически все широкомасштабные интеграционные проекты в инфраструктурной сфере, согласованные Россией и Китаем, значительным образом повлияют на становление евразийского пространства в качестве наиболее экономически привлекательного региона мира в XXI веке.

Ключевые слова: Китай, Россия, Евразия, ШОС, интеграция.

С точки зрения общей теории регионоведения, евразийская интеграция представляет собой объективное явление, в фундамент которого заложен принцип «цветущей сложности», подразумевающий некий этнокультурный ансамбль сложившихся устойчивых национальных государственных, диалектически противостоящих западному атлантическому сообществу¹. Отсюда и проистекает концепция евразийской безопасности, которая включает некий геополитический посыл, основанный на постоянной готовности евразийских акторов к отражению попыток Запада подорвать изнутри и в итоге расчленив крупнейшие государственности континента. Китай и Россия в связи с этим реально ощущают необходимость придания комплексной евразийской идее характера важнейшего политико-стратегического и мировоззренческого ресурса, нужного для усиления потенциала более тесного взаимодействия двух традиционных национальных государственных.

В рамках Шанхайской организации сотрудничества на фоне организационных неурядиц в Евросоюзе происходит медленное и достаточно уверенное сближение государств-членов, выстраивающих евразийскую интеграцию и создающих для нее необходимые условия в плане обеспечения комплексной безопасности. Последнее представляется весьма существенным, поскольку к сотрудничеству с ШОС все более тяготеют страны Юго-Восточной Азии, проявляют заметный интерес Япония и Республика Корея, зондируют почву для возможных взаимовыгодных контактов некоторые государства Ближнего Востока. Однако многие государства традиционно беспокоит геополитическое возвышение КНР, снижение эффективности экономического поведения США, все реже решающих раскрывать свой «защитный зонтик» даже над самыми близкими союзниками².

Потенциальная структура и содержание евразийской безопасности

Укрепляющийся евразийский тренд в последнее время вновь сталкивается с традиционным противником в лице англосаксонского мира. Нельзя не вспомнить известного британского геостратега Х. Дж. Маккиндера, определившего в свое время принцип глобального доминирования в виде широкоизвестного постулата: «Кто владеет “Heartland” (Центральная Азия) — тот владеет миром»³. Но англосаксонская элита, сама того не осознавая, своей враждебностью оказывает существенную поддержку евразийской интеграции, ибо стимулирует процессы становления комплексной системы безопасности на материке. Россия и Китай уже ведут консультации о тесном военно-политическом сотрудничестве, планируя нанести мощный удар поддерживаемым Вашингтоном и Лондоном различным экстремистским и террористическим структурам.

Бескомпромиссная борьба англосаксонского мира с ШОС, видимо, затянется на весьма отдаленную перспективу и будет вестись жестко как напрямую, так и «чужими руками», ведь в этой борьбе очень высокие ставки, поскольку на повестку дня встает вопрос о формирующемся миропорядке с его новым «центром силы», смещающимся из Евро-Атлантики в Азию. В Китае обозначенная идея нового «центра силы» вызывает особый интерес, так как осуществлению грандиозного плана по возрождению торгового коридора из Азии в Европу под названием «Экономический пояс Шелкового пути» нужна гарантия международной безопасности. С состоявшимся полноправным вступлением в ШОС Индии и Пакистана геополитический и геоэкономический ландшафт Организации значительно усложнится за счет политико-экономического потенциала южноазиатских государств, что в результате позволит ШОС заметно расширить геостратегические границы региональной активности от Тихого океана до Европы и от Северного Ледовитого до Индийского океана⁴.

В настоящее время оба основных политических игрока ШОС — Россия и Китай — находятся на стадии геостратегических изысканий по проблемам структуры евразийской безопасности и видят эту

структуру во многом по-разному. В России большинство специалистов склоняются к мнению, что главным направлением достижения евразийской безопасности должен стать антизападный вектор структурированной евразийской безопасности в лице геополитического альянса Москвы, Пекина, Дели и возможно — Тегерана.

В подавляющей части высказываний авторитетных китайских экспертов структура евразийской безопасности предстает в виде эффективно действующего механизма преобразования национальной экономической мощи КНР в устойчивый фактор политического влияния на всем пространстве Евразии, не зависящий от традиционных геополитических интересов других сторон.

Новую американскую администрацию весьма насторожила неожиданно ускорившаяся дезинтеграция Европейского союза, который во многом олицетворял некую модель, не только реально работавшую на европейском континенте, но и в течение всех последних десятилетий позволявшую Вашингтону уверенно проектировать и контролировать процессы интеграции по американским лекалам в Восточной и Центральной Азии. Вашингтонским стратегам уже виделся евразийский континент, состоящий не из традиционных суверенных государств с их давно сложившимися национальными интересами, а весьма жестко структурированная извне система сырьевых и производственных кластеров, функционирующая под управлением практически всех крупнейших американских транснациональных корпораций⁵. Очевидно, что подобная угроза со стороны внеконтинентальных игроков может быть предотвращена только совместной коалицией России и Китая, работающей одновременно по двум направлениям, а именно: во-первых, по вектору воспрепятствования США в концентрации ныне ограниченных американских сил на евразийском континенте; во-вторых, по вектору укрепления практического российско-китайского взаимодействия в Евразии и совместного формирования здесь разветвленной структуры безопасности.

Вышеизложенная картина глобального противостояния России и Китая, с одной стороны, и объединенного евроатлантического Запада — с другой, объективно объясняется серьезными опасениями США столкнуться в достаточно близкой перспективе с мощной российско-китайской коалицией как в Евразии, так и в Тихоокеанском регионе⁶. В то же время укрепление российско-китайской коалиции

в реальности происходит не только из-за постепенного ослабления американского могущества как такового (этого было бы мало), но и потому, что на самом деле назревает коренной перелом в развитии всей глобальной архитектуры международных отношений, когда даже относительно большие государства не могут полностью исключить вероятность угасания своего суверенитета и развития. У тех же России и Китая имеется много объективных причин для укрепления межгосударственного взаимодействия на глобальном уровне, ибо совместное построение нового справедливого мирового порядка является наивысшей гарантией реализации национальных интересов обоих государств.

Наблюдается целенаправленная систематизация процесса придания Шанхайской организации сотрудничества реальной эффективности, четко обусловленной новыми геополитическими возможностями в мировом развитии. Формируя обновленный облик ШОС, Россия и Китай посылают США ясный знак, что им не нужны никакие уступки с американской стороны, но, напротив, Организация в полной мере готова взять на себя всю полноту ответственности на пространстве Евразии⁷. Во многом это говорит о том, что ШОС в лице России и Китая уже окончательно состоялась и готова полностью нивелировать влияние США на евразийском континенте.

В связи с этим обращают на себя внимание экспертные оценки в близких к правительству японских политических кругах, делающих основной акцент на ключевой роли для ситуации в Евразии положения в Афганистане, традиционно являющемся причиной противостояния Запада и Востока. В японских аналитических документах в несвойственной японцам прямолинейной манере предсказывается скорое и весьма радикальное сокращение американского присутствия на афганской территории, что объясняется бесперспективностью продолжения миссии США из-за фактического проигрыша Китаю в борьбе за влияние на ведущие властные группировки в ИРА. По сути дела, США вынуждены будут признать, что «ключ к Евразии» переходит в руки Китая и отчасти — России, а для Вашингтона остается только одна возможность — что-то за это получить в другом месте в рамках смещающегося геополитического расклада⁸.

Наверное, не от хорошей жизни США медленно, но верно покидают Центральную Азию, лишаясь влияния на всем евразийском

пространстве. В результате кризиса американской модели глобализма и разрушения мировой гегемонии США естественным образом исчерпывается предыдущая логика более чем 30-летнего американо-китайского партнерства, а это означает, что Пекин будет вынужден брать на себя геополитическую ответственность и пространство Евразии безусловно станет первой ареной пробы сил Китая и США. Москве нельзя поддаваться на уже слышащиеся призывы американских «сладкоголосых сирен» и уклоняться от масштабного стратегического диалога с Пекином, особенно в вопросе о выработке согласованной позиции в ШОС⁹.

Роль ШОС в формирующейся системе евразийской безопасности

Одним из главных принципов обеспечения безопасности в рамках ШОС признано положение об «автономии воли» каждого из государств-членов Организации, что напрямую соответствует Уставу ООН, а, значит, вполне применимо к формирующейся системе евразийской безопасности¹⁰.

Систему безопасности на евразийском пространстве Китай видит в «элитном консенсусе», ориентированном на выработку общей доктрины континентального развития. В рамках названной доктрины предполагается сосредоточиться на общем экономическом со-развитии, для чего Пекин готов предложить крупные инфраструктурные проекты, а также обеспечить их финансирование. В реальности Китай сегодня призывает отказаться от западного глобализма и неолиберального капитализма, активнее использовать механизмы ШОС, чтобы доказать свои лидерские качества на пространстве Евразии¹¹.

В кои веки главные конкуренты оказались погруженными в урегулирование собственных внутренних проблем и несколько отвлеклись от глобальных процессов, позволяя таким образом России и Китаю использовать по их усмотрению ослабление западного военно-политического давления в той же Центральной Азии. Не воспользоваться сложившейся ситуацией было бы крайне опрометчиво с учетом также и того, что основная площадка российско-китай-

ского многостороннего диалога — Шанхайская организация сотрудничества — нуждается в переформатировании в связи с пополнением ее рядов новыми полноправными членами — Индией и Пакистаном¹². Как поведут себя последние и смогут ли они быстро адаптироваться к нынешним политическим требованиям новой для них организации представляет собой острый вопрос, способ решения которого проиллюстрирует в самой ближайшей перспективе степень эффективности ШОС в процессах становления евразийской безопасности.

Анализируя вероятность создания устойчивой архитектуры евразийской безопасности, многие эксперты отмечают возможность объединения усилий в этом вопросе таких игроков, как Россия, Китай и Иран¹³. Что касается первых двух, то следует указать на такой фактор, побуждающий их к самому тесному геополитическому взаимодействию, как стремление США и НАТО всеми силами сохранить свое присутствие на евразийском континенте в интересах противодействия формированию российско-китайского военно-политического альянса. Реальная перспектива вступления Ирана в ШОС позволит ему укрепить свой внешнеполитический вес, заметно усилить позиции в ближневосточной геополитической игре, а также сдерживать американские попытки ввергнуть Тегеран в «горячий» военный конфликт с Саудовской Аравией и возможно даже с Израилем.

США и НАТО крайне настороженно и даже нервно воспринимают последовательное превращение ШОС в механизм комплексной безопасности на пространстве Евразии. В определениях американских аналитиков, близких к государственному департаменту, Шанхайская организация сотрудничества характеризуется не иначе как вызов, брошенный Вашингтону Пекином, в расчете на постепенное выдавливание США из Центральной Азии¹⁴. Своеобразно трактуется американскими аналитиками и роль России, поскольку уже сейчас российско-китайское стратегическое партнерство распространилось на всю Евразию и является-де крайне опасным для американских геополитических и геоэкономических интересов. Однако это лишь поверхностное впечатление: на самом деле Россия мечтает о большем, а именно — о создании широкого союза евразийских государств на антизападной основе.

Евразийский проект видится в Вашингтоне и как противовес несостоявшемуся масштабному интеграционному проекту в АТР под названием Транстихоокеанское партнерство. Центральным звеном евразийского проекта должна стать ШОС, которая представляется Пекину в качестве идеального механизма укрепления его влияния в Евразии¹⁵. Китайская политика на евразийском континенте носит долгосрочный характер, она ориентирована на достижение Китаем устойчивого лидерства в данном районе мира, а это значит, что России придется с этим считаться, принимая разумные, а главное — оптимальные решения с позиций не только региональной, но и глобальной дипломатии.

Вместе с тем присутствует явление, которое трудно объяснить просто политическими мотивами, а именно: центральноазиатские государства не только не опасаются, но, напротив, стремятся к углублению сотрудничества с развитыми восточноазиатскими странами (Япония, Республика Корея, АСЕАН), правда, исключительно на двусторонней основе¹⁶. Во многом названный феномен связан с принципиальной позицией самих стран Восточной Азии, не склонных помимо экономических сделок выстраивать какие-то сложные геополитические конструкции. Китай видит подобные тенденции и даже старается их использовать, демонстративно противодействуя евроатлантическому влиянию в Центральной Азии, но мало обращая внимание на экономические проекты там своих восточноазиатских конкурентов.

По оценкам международных экспертов, в силу того, что Афганистан всегда был и будет оставаться важнейшей «точкой отсчета» всей системы безопасности в Евразии, России придется реально пытаться совершенно иначе выстраивать весь комплекс взаимоотношений с новой американской администрацией, реализуя их через призму интересов евразийской безопасности¹⁷. Следует принять в качестве руководства к действию необходимость всеми силами закреплять состоявшийся российский «поворот на Восток» и на самом высоком уровне признать его важнейшим направлением дипломатической деятельности РФ, исходя из его несомненной приоритетности в силу усложнения отношений с США и Евросоюзом на обозримую перспективу.

Интеграционная составляющая дипломатии КНР в Евразии

Нельзя, однако, забывать о том, что китайская дипломатия на евразийском континенте также имеет глубокие исторические корни и это во многом связано с самой конфуцианской концепцией сохранения Срединного государства. Тысячелетия становления государственности в Китае отмечены целеустремленной интеграцией территорий, которые подчинялись превосходящей силе, становясь составной частью единого образования. Срединное государство всегда было не только и не столько объединением властных институтов, но выражением некой высокой идеи, которая в конфуцианской философии воплощалась в мысли о ниспосланной Небом государственности, прочно увязанной с объективной сущностью «ханьского бытия»¹⁸.

Таким пространством, согласно китайской истории, всегда являлись территории, окружавшие «цивилизационное ядро», то есть все, что находилось по периметру Срединного государства, причем на глубину, измеряемую властями Поднебесной в зависимости от их интересов на конкретный момент. Освоение территорий за пределами Срединного государства велось по принципу учета степени сопротивления противостоящих местных элит; при этом наиболее предпочтительными чаще всего оказывались не военные, а дипломатические методы, включавшие финансовый компонент, а также весьма избирательное применение механизмов силового принуждения¹⁹. Как правило, все связанные с этим расходы затем многократно покрывались за счет новой подконтрольной территории, которая редко напрямую включалась в состав китайского государства, но чаще всего просто экономически осваивалась китайцами в течение многих столетий, а иногда и тысячелетий.

Венцом китайских интеграционных проектов в Евразии фактически уже стала хорошо подготовленная инициатива правительства КНР под общим названием «Один пояс, один путь», предусматривающая сочетание «Экономического пояса Шелкового пути» через Центральную Азию и «Морского Шелкового пути XXI в.» через Индийский океан: очевидно, что и тот, и другой нацелены на глубокое проникновение в экономическое пространство Евросоюза²⁰. Существует некоторое заблуждение относительно того, что Китай присту-

пил к реализации вышеупомянутого проекта, исходя исключительно из простейших экономических интересов и не просчитав геополитические последствия его осуществления. Здесь следует отметить, что китайское правительство, начиная с конца января 2015 г., провело широчайшую переговорно-дипломатическую «обкатку» данного проекта практически как со всеми его очевидными сторонниками, так и явными противниками.

Что касается индийско-китайских геополитических разногласий, то они могут искусственно подогреваться извне, о чем свидетельствует намерение новой администрации США вступить в жесткий диалог с КНР, используя для давления весь арсенал имеющихся дипломатических средств и не забывая при этом и об индийском факторе. В нынешних условиях все китайские интеграционные проекты являются для Вашингтона предметом глубокой тревоги и озабоченности, поскольку затрагивают ключевые национальные интересы США на глобальном уровне²¹. Решая в приоритетном порядке свои внутренние проблемы, новая американская администрация, тем не менее, будет делать все возможное, чтобы привлекательность внутреннего рынка США не ограничивалась из-за мощной внешней конкуренции, в которой Китай уже давно и серьезно преуспел.

В Европе Китаю синхронно придется решать для себя несколько трудных вопросов, а именно: как действовать в условиях обострившегося российско-натовского противостояния и как достичь понятной, работающей концепции евразийской интеграции, в равной степени привлекательной и для России, и для Евросоюза. Это трудно решаемые вопросы, однако в связи с переживаемым в настоящее время европейскими властными структурами острым кризисом Пекин вполне может сделать ставку на постепенный переход к долговременной «осаде» европейской крепости, в том числе через использование в своих интересах российско-европейского противостояния²².

Сегодняшнее спрессованное время заставляет всех ведущих глобальных игроков — США, Китай, Россию и Евросоюз — постоянно пересматривать свои геополитические приоритеты на евразийском континенте. Единое экономическое пространство «от Лиссабона до Владивостока» с точки зрения европейской безопасности оказалось перспективной идеей, но которую России вряд ли удастся реализо-

вать самостоятельно в обозримой перспективе. При этом Китай не готов удовлетвориться лишь наращиванием экономических связей с Евросоюзом, а, судя по всему, рассчитывает на непосредственный политический диалог с Европой²³.

Для понимания сути названной проблемы реальных перспектив более тесного китайского политического взаимодействия с ЕС необходимо обратиться к одному из важнейших постулатов традиционной китайской дипломатии, который всегда определял должное поведение Поднебесной при освоении большого геополитического пространства, а именно: «ареал важнейших национальных интересов Поднебесной формируется на основе их синхронизации с интересами уже существующих местных властных структур, при этом совершенно необязательно полностью учитывать степень лояльности этих структур»²⁴. Упомянутый постулат до некоторой степени объясняет логику руководства КНР, предпочитающего несколько отстраненно обсуждать возможность реального сопряжения двух евразийских проектов Евразийского экономического пространства (ЕАЭС) и Шелкового пути, но при этом настойчиво продвигать самую важную для Китая идею налаживания тесных связей между двумя евразийскими организациями: ШОС и ЕС. Китайцами движет элементарный прагматичный расчет, суть которого восходит к одной из традиционных норм еще римского права: «слабый не может диктовать свою волю сильному».

Примечания

¹ Приводится по: Российско-китайские отношения на современном этапе. К 15-летию подписания Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между РФ и КНР // Проблемы Дальнего Востока. 2016. № 4. С. 7, 8.

² Голишников О. Центральная Азия на прицеле Китая: последствия для России. URL: <http://globalaffairs.ru/> (дата обращения: 06.06.2014).

³ См. соглашение между государствами-членами Шанхайской организации сотрудничества о региональной антитеррористической структуре от 7 июня 2002 г. URL: <http://ecrats.org/upload/iblock/90a/2.pdf>

⁴ Chong, Ja Ian (25 January 2017) National University of Singapore. Working Papers. P. 19.

² *Blackwill, Robert D.; Tellis, Ashley J.* Revising U.S. Grand Strategy toward China. Council Special Report No. 72. Council on Foreign Relations. Washington DC. 2015. P. 24 (54 p.).

³ Cit. by: *Cornell, Swante E.* Geopolitics and Strategic Alignments in the Caucasus and Central Asia Perceptions // Journal of International Affairs, 1999. Vol. IV. No. 2. P. 100—125.

⁴ *Tumer, Mej Jefferson E.* What is driving India's and Pakistan's Interests in Joining Shanghai Cooperation Organization ? Strategic Insights, Vol.IV, Issue 8. Center for Contemporary Conflicts. California. USA. August 2015. P. 10 (19 p.).

⁵ *Sprout, Ron; Swedberg, Jeffrey.* Peace and Security in Eastern Europe and Eurasia. USAID. Working Paper Series on the Transition Countries No.10. Washington DC. 2009. P. 45 (88 p.).

⁶ *Feng, Huiyun.* The New Geostrategic Game: Will China and Russia Form Alliance Against the United States / Danish Institute for International Studies. Denmark. 2015. P. 7 (45 p.).

⁷ *Spitsyn A.T.; Kulubekova G.A.* Eurasian Economic Union and Prospects of Development of Transnational Corporations in the Frame of Globalization // Economy of Region, 2016. Vol. 12, Issue 3. L.N. Gumiliov Eurasian National University. Astana. P. 698 (695—702 p.).

⁸ *Fredholm, Michael.* The Shanghai Cooperation Organization and Eurasian Geopolitics. University of Copenhagen / Nordic Institute of Asian Studies. 2013. P. 85 (889 p.).

⁹ *Pape, Robert.* A Soft Balancing against the United States. International Security. Washington DC. 2005. P. 11 (89 p.).

¹⁰ *Hessbruegge, Jan Arno.* The Shanghai Cooperation organization: A Holly Alliance for Central Asia ? The Fletcher School on line // Journal of Tufts University. Spring 2004. P. 3 (9 p.).

¹¹ *Hann, Chris.* A Concept of Eurasia. Current Anthropology. 2016. Vol. 57. No. 1. Max Planck Institute for Social Anthropology. Halle/Saale. Germany. February. P. 6 (27 p.).

¹² *Antonenko, Oksana.* The EU and the Shanghai Cooperation Organization / Center for European Reform. London. P. 7 (14 p.).

¹³ *Wuthnow, Joel.* Posing Problems Without an Alliance: China-Iran Relations after the Nuclear Deal / National Defense University. Strategic Forum. China. February 2016. P. 6 (12 p.).

¹⁴ *McClellan, Scott Andrew.* The Shanghai Cooperation Organization: Should the U.S. be concerned ? United States Army War College. Philadelphia, 2013. P. 10 (62 p.).

¹⁵ *Gao Fei*. The Shanghai Cooperation Organization and China's New Diplomacy. Discussion Papers in Diplomacy / Netherlands Institute of International Relations "Clingendael". 2010. P. 7 (24 p.).

¹⁶ *Mangi, Lufullah*. The Political and Economic Strategy of Japan towards Central Asia. Social Research Center. American University of Central Asia. Kyrgyzstan. 2011. P. 3 (9 p.).

¹⁷ *Milley, Mark A.* Russia/U.S. Relations: The Basics / Senate Armed Services Committee. 2015. P. 1—3.

¹⁸ *Kuhn, Philip A.* Ideas behind China's State. Harvard-Yenching Institute. USA. 2010. P. 332 (337 p.).

¹⁹ *Bolewski, Wilfried; Rietig, Candy M.* The Cultural Impact on China's New Diplomacy and International Relations / Free University of Berlin. 2015. P. 91 (96 p.).

²⁰ *Wang, Shida*. The New Silk Roads: China, the U.S., and the Future of Central Asia / China Institute of Contemporary International Relations / Shanghai Academy of Social Science. 2015. P. 16 (26 p.).

²¹ *Bader, Jeffrey A.* A Framework for U.S. Policy toward China. Working Group Paper 3. Brookings Institution. 2016. Washington DC. P. 5 (16 p.).

²² *Sharmbaugh, David*. The Development of EU Policies toward China. Springer Fachmedian. Wiesbaden. 2015. P. 27 (34 p.).

²³ *Jing Men*. The EU-China Political Dialogue. Department of EU International Relations and Diplomacy Studies. College of Europe // EU-China Observer. 2010, Issue 5. P. 2 (81 p.).

²⁴ *Fallon, Theresa*. The New Silk Road: Xi Jinping's Grand Strategy for Eurasia // American Foreign Policy Interests. 2015. P. 142 (140—147 p.).

DOI: 10.24411/2618-6888-2018-10007

А.Ф. Клименко

ВЫЗОВЫ И УГРОЗЫ ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И ПОЗИЦИЯ КИТАЯ

Аннотация. Проанализированы проблемы безопасности в Центральной Азии и на всем пространстве ШОС. Аргументируется необходимость усиления дееспособности ШОС и ОДКБ в обеспечении безопасности и стабильности на этом пространстве. Даны рекомендации по повышению потенциала ШОС и ОДКБ в решении этой задачи.

Ключевые слова. Россия, Китай, Центрально-Азиатский регион, ШОС, ОДКБ, исламский фундаментализм, оборона, безопасность.

1. Роль и место Центральной Азии в системе международных отношений

Центрально-Азиатский регион (ЦАР) с более чем 65-миллионным населением занимает важные геостратегические позиции. Его срединное расположение обуславливает кратчайшую связь Кавказа

и Среднего Востока со странами Восточной Азии, а также юга и севера континента. Вследствие этого, из ЦАР удобно контролировать как указанные транзитные маршруты, так и отслеживать ситуацию в тыловых районах крупнейших участников Шанхайской организации сотрудничества — Индии, Ирана, Китая и России.

В современных условиях значение Центральной Азии существенно возрастает не только в геополитическом, но и в геоэкономическом плане. Месторождения урана, золота, других цветных металлов и редкоземельных элементов, наличие залежей нефти и газа, интенсивное развитие системы трубопроводов из нефтегазоносных районов в южном и восточном направлениях в сочетании с удобством прокладки международных транспортных коммуникаций повышают интерес к региону со стороны США, ЕС, Японии, участников ШОС — Китая, Индии, Пакистана, наблюдателя в Организации — Ирана и ее партнера по диалогу — Турции. Их нефтегазовые компании являются основными инвесторами в экономику богатых энергетическими ресурсами стран.

В итоге в ЦАР не прекращается борьба за влияние между ведущими международными акторами. Поэтому одно из характерных для региона противоречий связано с проблемой углубления связей центральноазиатских государств с крупными державами при одновременном неприятии гегемонии или доминирования в регионе какой бы то ни было из них.

Интерес к Центральной Азии многих мусульманских государств обусловлен мировоззренческим фактором, который одновременно порождает существенный риск, связанный с ростом политической нестабильности, обострением конфессиональных и межэтнических конфликтов. Последние же, как известно, могут служить предлогом для вмешательства со стороны влиятельных внешних акторов.

Показательным в этом отношении является 18-летняя «борьба с терроризмом» США и их союзников по НАТО в Афганистане (ИРА), которая все более обнажает истинную цель «антитеррористической коалиции»: под благовидным предлогом закрепиться в этом регионе, взять под контроль своих потенциальных противников — Китай, Россию и Иран. Об этом свидетельствуют и факты негласной поддержки со стороны США последователей ИГИЛ (запрещенная в России террористическая организация), разбитых в Сирии

и мигрирующих на север Афганистана — к границам ИРА с центральноазиатскими государствами.

Страны ЦАР учитывают все вышеназванные факторы. Они обеспокоены опасностью, которую несет региону религиозный экстремизм и терроризм, и проблема безопасности и стабильности остается важным направлением их внешнеполитической активности. Этим же обусловлен интерес к региону и со стороны России, которая, наряду с центральноазиатскими странами, является активным участником ОДКБ и ШОС, а также ЕАЭС.

2. Некоторые особенности и направления развития современного терроризма

Второе десятилетие XXI в. ознаменовалось значительным ростом влияния террористических организаций. Их сторонники исчисляются десятками миллионов человек. Террористы обзаводятся новейшим вооружением, обрели возможность проводить боевые операции на уровне регулярных армий, устанавливают контроль над обширными территориями. Сторонники запрещенных в РФ ИГИЛ, «Джебхат ан-Нусры» и «Талибана» не оставляют попыток формирования собственного квазигосударства с соответствующими управленческим и пропагандистским аппаратами и спецслужбами. Как показывает конфликт в Сирии, террористические организации не останавливаются перед применением оружия массового уничтожения, что может привести к катастрофическим последствиям и не только для стран Ближнего Востока.

Отличием современного терроризма от терроризма прошлых веков является то, что ранее он не угрожал обществу в целом. Ныне же его вертикальная и горизонтальная эскалация, расширение методов и применяемых средств привели к тому, что за непродолжительный исторический период времени он превратился в политическую силу и стратегию, став фактором, с которым приходится считаться любому правительству во внутренней и во внешней политике¹. Иными словами, эволюция масштабов, целей, средств и методов терроризма превратила его в серьезную угрозу для жизненно важных интересов многих стран, и не в последнюю очередь — центральноазиатских.

Насколько устойчива угроза международного терроризма? Означает ли успех международной коалиции, и в первую очередь — российского контингента вооруженных сил на Ближнем Востоке, «начало конца» этой угрозы? Сомнительно. Даже самый поверхностный анализ приводит нас к неутешительному прогнозу дальнейшего развития событий.

Следует учесть, что при всем разнообразии современного религиозно-мотивированного терроризма он имеет единый мировоззренческий фундамент — «ваххабитскую секту суннизма»². Все самые опасные террористические организации наших дней относятся либо к структурам классических ваххабитов-салафитов, либо к их ответвлениям. Можно утверждать, что при наличии стран, которые распространяют ваххабитскую идеологию, террористические организации будут постоянно воспроизводиться и эволюционировать.

В Сирии мы видели успешное сотрудничество России, Ирана и Турции (в том или ином статусе являющихся участниками ШОС), где наши специалисты совместно с сирийской армией разгромили международных террористов. Но достаточно ли этого?

Во-первых, сетевая структура международных террористических организаций, их переход в «подполье» и к партизанским действиям создают возможность активизации борьбы.

Во-вторых, борясь с конкретными террористическими структурами, мы «вырезаем метастазы раковой опухоли», имя которой — ваххабизм. Но пока эта «опухоль» цела, будут возникать новые «метастазы», и на смену ИГИЛ может прийти новая террористическая организация, еще опасней. Тем более, что США сегодня прикладывают к этому немалые усилия, собирая остатки разбитых террористических формирований, вооружая их и подготавливая к продолжению войны на Ближнем Востоке, в Афганистане и в Центральной Азии.

Полноценная борьба с экстремизмом и терроризмом возможна, прежде всего, через опровержение ваххабитской идеологии и диффамацию всех ее производных. В противном случае мы обречены на «удары по хвостам» и малую эффективность оборонительной стратегии.

Первоочередные задачи для достижения успеха в этой борьбе — поддержка и пропаганда традиционных течений ислама и идеологи-

ческое противодействие ваххабитской идеологии. Особенно эффективным здесь видится, во-первых, деромантизация ваххабитских террористов, которые вовлекают в свои ряды множество людей за счет искусственного создания для них ореола борцов за справедливость; во-вторых, непосредственно боевые действия против террористических вооруженных формирований. И, конечно же — решение социально-экономических проблем в бедных, неблагополучных государствах, где ваххабиты вербуют новых последователей.

3. О религиозном экстремизме и терроризме в Центральной Азии

В России озабочены усилением террористических группировок на севере Афганистана, на границах с государствами Центральной Азии. По официальным данным, более 2,5 тыс. граждан из стран ЦАР пополнили ряды боевиков «Исламского государства». Российские эксперты проанализировали основные тенденции развития экстремизма, особенности работы вербовщиков и вскрыли схемы и источники финансирования боевиков³. Среди последних — радикальные исламские фонды из стран Ближнего Востока, международные террористические организации, добровольные пожертвования частных лиц, доходы от криминальной деятельности — вымогательства, рэкета, грабежей, работ торговли, торговли наркотиками, похищения людей. Социальная база вербуемых — заключенные тюрем, криминалитет, этнические меньшинства, молодежь, трудовые мигранты. Основные мотивы вербовки — идеологический, финансовый, политический.

До недавнего времени Казахстан был благополучным в силу малой распространенности религиозного экстремизма. Стабильная экономика, высокая степень модернизации, исторические традиции и большая прослойка русскоговорящего населения не позволяли развернуться террористам. Вербовщики начали работать с гражданами Казахстана в начале 2000-х гг. Число местных жителей, привлекаемых к уголовной ответственности за терроризм и экстремизм, начало расти с 2005 г., а впоследствии этот процесс ускорился.

Киргизия — наиболее подверженная угрозам религиозного экстремизма центральноазиатская страна. Причина кроется в сложной социально-экономической ситуации и межэтнических конфликтах на юге КР. Отдельной проблемой остаются уйгурские экстремисты, проживающие в стране: они ведут борьбу за создание независимого национального государства на территории Синь-цзян-Уйгурского автономного района Китая. Их целями становятся китайские дипломаты и бизнесмены. Серьезную угрозу представляет и постепенный процесс слияния криминальных и экстремистских группировок.

Таджикистан сталкивается с наиболее острой угрозой терроризма и религиозного экстремизма в регионе. Это вызвано последствиями гражданской войны, протяженностью границы с Афганистаном и непростой социально-экономической ситуацией в стране. В РТ активно работают фонды, проповедующие радикальные формы ислама, с которыми местные власти активно начали бороться с 2011 г. При этом порядка 85 % таджикистанцев впервые были завербованы, находясь в России.

Узбекистанские экстремистские структуры — самые сильные и агрессивные в регионе. Однако местные власти проводят жесткую борьбу с ними. Сегодня большая часть боевиков выдворена из страны. По официальным данным, в рядах «Исламского государства» в Сирии сражалось около 500 граждан Узбекистана. Причины роста экстремизма в Узбекистане, по выводам экспертов, заключаются в нерешенности политических, социально-экономических и межрегиональных проблем⁴.

Ситуация в Центральной Азии усугубляется тем, что террористы, бежавшие из Сирии, перебираются на север Афганистана к границе с Узбекистаном, Таджикистаном и Туркменистаном, где, по сообщению СМИ, ими созданы тренировочные базы. Среди них насчитывается около 3 тыс. получивших боевой опыт выходцев из центральноазиатских государств, о чем заявлял начальник Объединенного штаба ОДКБ генерал-полковник А. Сидоров на Третьем международном общественно-научном конгрессе «Горчаковские чтения»⁵.

При всем этом местные афганцы не отмечают активности правительственных сил в регионе. Более того, ИГИЛовцы начали наво-

дять здесь свои порядки, занимаются активной вербовкой местных подростков, закрывают школы, ими захвачен контроль над доходной добычей полезных ископаемых.

Из всего сказанного можно сделать следующие выводы:

1. Пристальное внимание международных террористических организаций к Центральной Азии и усиление пропаганды экстремизма повышают уровень угроз в регионе.

2. Вмешательство США и их союзников по НАТО во внутренние дела центральноазиатских стран, попытки канализировать террористическую угрозу из Ближнего Востока и Афганистана на территорию Центральной Азии обостряют проблему региональной безопасности.

3. В силу масштабности и трансграничного характера терроризма противодействие этой угрозе требует объединения усилий не только центральноазиатских, но и всех остальных участников ШОС и ОДКБ.

Система региональной безопасности на пространстве ШОС: проблема повышения ее дееспособности

ОДКБ и ШОС составляют основу сложившейся на сегодня системы безопасности в Центральной Азии и на всем пространстве их ответственности.

ОДКБ на современном этапе стремится повысить уровень сотрудничества своих участников, следуя принципу приоритетности именно политических средств в деле предотвращения военных конфликтов. Организация совершенствует механизмы взаимодействия государств-членов, стремится к их политической консолидации для коллективного противодействия современным вызовам и угрозам в регионе. Особое внимание уделяется развитию военной составляющей, повышению эффективности работы и способности оперативно реагировать на возможные угрозы и упреждать их вызревание в интересах обеспечения региональной стабильности.

В целом, Организация эволюционирует в универсальную структуру, призванную противостоять как традиционным военным, так и новым угрозам (пресечение наркотрафика и др.). Она открыта для

диалога со всеми международными организациями, имеющими аналогичные цели⁶.

Вместе с тем, помимо очевидных преимуществ, в деятельности ОДКБ выделяются и некоторые недостатки. Основным из них является отсутствие союзнической дисциплины. Речь идет о положении ст. 2 Договора о коллективной безопасности, предусматривающего лишь «механизмы совместных консультаций стран-участниц для согласования и координации позиций в случае возникновения угрозы для одного или нескольких государств ОДКБ»⁷. На практике заложенная в этой статье необязательность исполнения, усиленная приоритетом национальных интересов безопасности над коллективными и ориентацией большинства «союзников» на одностороннюю выгоду, приводит к отсутствию политической солидарности в случае возникновения угрозы конкретному государству. Особенно, если эта угроза непосредственно не касается других государств.

В отличие от ОДКБ, Шанхайская организация не является институтом региональной безопасности. Страны-участницы создали механизм взаимодействия, который предусматривает неприменение силы или угрозы силой, исключает ведение военной деятельности, в том числе при нарушении стабильности в регионе. Принципиальным моментом для ШОС является ее невмешательство во внутренние дела стран-участниц.

С 2008 г. ШОС и ОДКБ начали предпринимать первые практические шаги по объединению их потенциалов. Первоначально совместные усилия были направлены на развитие взаимодействия в целях пресечения наркотрафика и нелегальной торговли оружием. Их дополнило коллективное реагирование на чрезвычайные ситуации при природных и техногенных катастрофах и обеспечение информационной безопасности. Не исключено, что впоследствии к ним может добавиться решение всего комплекса гуманитарных и миротворческих задач.

В интересах обеспечения коллективными усилиями мира, благополучия и стабильности в Центрально-Азиатском регионе нужно преодолеть избирательный подход некоторых стран-участниц к сотрудничеству в форматах ШОС и ОДКБ. На это направлен Меморандум о взаимопонимании между секретариатами ШОС и ОДКБ (2007 г.)⁸. В документе определено, что обе организации будут разра-

батывать совместные программы и мероприятия в целях развития сотрудничества в сферах, относящихся к их компетенции, включая выработку мер для обеспечения выполнения таких программ и мероприятий. Более того, их секретариаты могут, при необходимости, вносить в Меморандум изменения и дополнения, которые станут неотъемлемой его частью.

Таким образом, страны-участницы обеих организаций намерены снять некоторые преграды на пути своего взаимодействия. Однако речь в меморандуме идет не о сотрудничестве между ОДКБ и ШОС, а лишь о координации работы между их секретариатами. Это снижает ценность данного соглашения, так как не создает механизмов для коллективного решения проблем безопасности на общем пространстве. К тому же ШОС, в отличие от ОДКБ, не имеет ни миротворческих сил, ни сил быстрого реагирования и не позиционирует себя как военную организацию, хотя и проводит регулярно двусторонние и многосторонние военные учения «Мирная миссия».

Для совместного решения задач и накопившихся проблем потребуется преодолеть противоречия между продекларированными намерениями в отношении сотрудничества обеих организаций в области безопасности и отсутствием органов управления, а также сил и средств, необходимых для их реализации, прежде всего в ШОС, и полноценного взаимодействия ее с ОДКБ.

Другие недостатки обусловлены разнонаправленностью интересов участников ШОС и ОДКБ. Следует отметить, что некоторые из них изменили подход к своим «внешним» партнерам. Они часто ставят во главу угла свои узконациональные интересы, в первую очередь политические и экономические выгоды. А поскольку Центральная Азия входит в орбиту геополитического внимания таких акторов, как Китай, США, Индия, Иран, Турция и др., с участием которых в странах региона реализуются многие экономические программы, у центральноазиатских стран появилась возможность выбирать партнеров, чем они (особенно Казахстан) и пользуются.

Нельзя не видеть и того, что в ОДКБ имеет место существенная асимметрия военных потенциалов России и ее союзников. Поэтому остальные участники ОДКБ заинтересованы в военном сотрудничестве с РФ во многом за счет российских ресурсов. Кроме того, наличие различия во взаимных гарантиях безопасности: Россия гарантиру-

ет безопасность и стабильность на всем пространстве двух организаций, а союзники разделяют с ней ответственность только за тот регион, в котором они находятся. При этом интересы безопасности самой России их мало волнуют.

Не случайно Россия не получила поддержки от своих партнеров по ШОС и ОДКБ ни в конфликте с Грузией в 2008 г., ни в борьбе с международным терроризмом в Сирии, несмотря на то, что в последнем случае террористическая угроза является общей для большинства этих партнеров. Исключение составляют лишь Иран и Турция, с которыми Россия взаимодействует в военной операции в Сирии. Хотя назвать их отношения союзническими сложно. Пока это только временное сотрудничество на двусторонней основе.

Развитие системы безопасности сдерживается также известными противоречиями между центральноазиатскими странами⁹ и территориальными спорами между Китаем и Индией, Пакистаном и Индией, неоднократно приводившими к приграничным вооруженным конфликтам.

Россия поддерживает тесное военное сотрудничество с Китаем и Индией. Но здесь уместнее говорить не о военном союзе, а об укреплении политических связей и создании предсказуемой военно-политической среды для взаимных отношений. Одновременно Россия и Китай создают многополярный порядок как сеть «долговременных межгосударственных отношений нового типа, не направленных против третьих стран» и основанных на принципах равенства, невмешательства, уважения взаимных интересов¹⁰.

Таким образом, основным препятствием для становления эффективной системы безопасности в Центральной Азии является отсутствие у государств общего подхода к ее формированию и склонность к установлению сотрудничества преимущественно двустороннего уровня. Во многом это связано с различиями в задачах и направлениях экономических, политических и военных реформ, в оценках угроз национальной безопасности, во внешнеполитических приоритетах, а также с личными амбициями руководителей государств и неурегулированностью территориально-пограничных споров¹¹. Эти и другие факторы в значительной мере определяют характер дальнейшего развития системы региональной безопасности в ЦА. На что можно при этом ориентироваться?

4. Некоторые предложения по повышению дееспособности системы безопасности на основе ОДКБ и ШОС

Ранее нами предлагалось строить систему безопасности в Центральной Азии на принципе дихотомности. Имелось в виду, что ОДКБ могла бы обеспечивать внутрирегиональную стабильность (внутреннее пространство безопасности), а ШОС расширять это пространство до внешних границ своих стран-участниц¹². Но сегодня, в связи с увеличением количества государств-членов «Шанхайского форума», зоны ответственности ШОС и ОДКБ в значительной степени пересекаются как функционально, так и географически. Все шесть участников ОДКБ в том или ином статусе представлены в ШОС, а из восьми ее постоянных членов пять входят в ОДКБ.

Понятно, что в силу этого некоторыми экспертами предлагается повышать эффективность регионального сотрудничества в сфере безопасности «не по пути дифференциации функций существующих организаций, а в направлении объединения усилий ОДКБ и ШОС вплоть до создания подобия коалиции для решения конкретных задач в сфере борьбы с новыми вызовами и угрозами»¹³.

На первый взгляд, в подобном предложении имеется определенная логика, есть свои плюсы, но есть и минусы.

В отличие от ОДКБ, Шанхайская организация не имеет практических механизмов и структур для реагирования на угрозы безопасности, что исключает возможность эффективных коллективных действий двух организаций. При этом в ШОС наработан опыт совместных действий вооруженных сил государств-членов Организации в процессе проведения военных маневров «Мирная миссия». Однако нужен следующий шаг — принятие решения по приданию подготовленным на этих маневрах подразделениям статуса миротворческих сил.

Конечно, создание реально работающего механизма принятия совместных решений в рамках ОДКБ и ШОС и органов оперативного управления объединенными миротворческими силами может стать сложной правовой и политической задачей. Здесь положительную роль может сыграть пересекающийся состав членов двух организаций, что фактически сведет основные дискуссии к обсуждению

готовности Китая взаимодействовать со структурами ОДКБ. Более серьезную проблему может составить возможность участия в создаваемой коалиции участие новых постоянных членов ШОС — Индии и Пакистана. Через исторически сложившиеся противоречия в треугольнике «Китай—Индия—Пакистан» одновременно перешагнуть невозможно.

Учитывая все противоречивые факторы, а также двусторонний или «многосторонне-избирательный» характер партнерства в рамках ОДКБ и ШОС, на первом этапе можно было бы из всего «набора» государств-участников этих организаций создавать «коалиции по сопadaющим интересам безопасности».

Подвижки в этом направлении уже происходят, чему способствуют ситуация в прилегающих к пространству ШОС регионах Ближнего и Среднего Востока и в СВА, а также ужесточение политики США относительно России, Китая и Ирана, которые новой «Национальной оборонной стратегией» США определены в качестве потенциальных противников. В документе утверждается, что Москва и Пекин стремятся создать миропорядок, соответствующий тому, что этот документ называет авторитарным внутривполитическим устройством. А на Ближнем Востоке основная угроза, по мнению Пентагона, исходит от Ирана. «Иран остается наиболее серьезной угрозой стабильности на Ближнем Востоке. Иран ... пытается доминировать в регионе, использует террористическую деятельность, сети своих марионеток и свою ракетную программу для достижения таких целей»¹⁴. При этом под предлогом борьбы с терроризмом американцы не собираются уходить с Ближнего Востока, объявив своим приоритетом достижение такого положения, при котором в регионе «не могла бы доминировать ни одна враждебная США держава»¹⁵.

Как отмечалось выше, Россия и Иран, официально не являясь союзниками, выступают на одной стороне в сирийском конфликте. Москва и Тегеран, а также Турция помогли САР справиться с террористами. Получившийся союз трех стран некоторые СМИ назвали «Осью порядка» или «Осью сопротивления (США)», а на Западе — «Хрустальным альянсом», потому что там не верили в способность этой «тройки» надолго сохранять союзнические отношения.

На фоне этих заявлений последовал ряд ответных предложений со стороны «противников» США. Так, военный атташе китайского

посольства в Москве, генерал-майор Куй Яньвэй в ходе встречи с председателем комитета Совета Федерации по обороне и безопасности В. Бондаревым в феврале 2018 г. предложил РФ и КНР объединиться против США и вместе противостоять давлению Вашингтона, поскольку «США с западными странами в европейской части сдерживают Россию, а в азиатской части сдерживают Китай»¹⁶. Только так, пояснил он, можно обеспечить мир в своих регионах и на всей планете.

Насколько значимы и ответственны эти предложения? При углубленном анализе можно видеть, что нынешнее заявление китайского военного атташе укладывается в общую политическую линию КНР по отношению к России. Так, на торжественном собрании, посвященном 95-летию основания КПК, обратила на себя внимание короткая, но очень важная часть выступления председателя КНР Си Цзиньпина. «Мир находится на грани радикальных перемен. Мы видим, как постепенно рушится Евросоюз, как терпит крах экономика США, все это закончится новым мироустройством. Так, как раньше, не будет никогда, через 10 лет нас ожидает новый миропорядок, в котором ключевым окажется **союз КНР и России**», — подчеркнул китайский лидер¹⁷.

Фактически, председатель КНР предложил руководству России сделать следующий шаг — перейти от экономического и политического партнерства к военно-политическому альянсу, способному противостоять грядущим вызовам и взять на себя лидерство в случае краха существующего миропорядка.

Аналогичные предложения прозвучали и со стороны Ирана. Так, военный советник руководителя Ирана аятоллы Али Хаменеи генерал Яхья Рахим Сафави выдвинул идею сформировать альянс с участием России для противостояния США и их союзникам в регионе¹⁸.

Конечно, эти предложения подлежат углубленному анализу, что не является предметом этой статьи, но тенденция налицо и ее надо изучать. С учетом национальных интересов России, естественно.

В заключение можно отметить, что возможность создания «коалиций по интересам» на основе ОДКБ и ШОС заинтересованными в них участниками вполне реализуема и является одним из возможных направлений дальнейшего развития системы региональной

безопасности на основе более тесного сотрудничества между двумя организациями.

России целесообразно активизировать соответствующие исследования совместно с научными структурами центральноазиатских государств, а также с китайскими и индийскими учеными. Общая цель работы — более четкое определение позиций каждой страны по названным и другим актуальным вопросам. И, что представляется наиболее важным, — определение и обоснование согласованных позиций по такой актуальной проблеме, как повышение дееспособности/эффективности ШОС в интересах укрепления региональной безопасности и стабильности.

Примечания

¹ URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/terrorizm-kak-vyzov-natsionalnoy-bezopasnosti-rossiyskoy-federatsii>

² URL: http://islamio.ru/news/society/chto_takoe_vakhkhabizm_i_kto_takie_va_khkhabity/

³ URL: <http://eurasia.expert/ugroza-terrorizma-na-postsovetskom-prostranstve-usilivaetsya-doklad/>

⁴ Там же.

⁵ URL: <http://www.mk.ru/politics/2018/02/21/odkb-gotova-protivostoyat-novym-ugrozam.html>

⁶ *Клименко А.Ф.* О налаживании взаимодействия между ШОС и ОДКБ // Стратегия развития Шанхайской организации сотрудничества до 2025 г.: исходные реалии и фактор российско-китайского партнёрства: монография / под ред. С.Г. Лузянина, Е.И. Сафроновой. М.: ИДВ РАН, 2015. С. 129—140.

⁷ Приводится по: URL: <http://vpoanalytics.com/2017/01/24/odkb-2017-perspektivy-razvitiya>

⁸ Официальный сайт ШОС. URL: <http://www.sectso.org/ru123/show.asp?id=112>

⁹ Более подробно об этом: *Клименко А.Ф.* Стратегия развития Шанхайской организации сотрудничества: проблема обороны и безопасности. М.: ИДВ РАН, 2009. С. 69—76.

¹⁰ URL: http://valdaiclub.com/publications/valdai-papers/Записки_Валдайского_клуба

¹¹ *Бурнашев Р.* О возможности системы региональной безопасности в Центральной Азии (Методологические аспекты) // Центральная Азия и Кавказ. 2001. № 1 (13).

¹² Подробнее см: *Клименко А.Ф.* Стратегия развития Шанхайской организации сотрудничества... С. 296—297.

¹³ URL: <http://www.pircenter.org/media/content/files/0/13406397580.pdf>. С. 51—52.

¹⁴ См: URL: <https://russian.rt.com/world/article/472066-ssha-odoronnaya-strategiya-rossiya>

¹⁵ Там же.

¹⁶ URL: <https://topwar.ru/134304-kitay-prizval-rossiyu-vmeste-protivostoyat-ssha.html>

¹⁷ URL: <https://www.politnavigator.net/kitajj-predlozhil-rossii-sozdat-soyuz-protiv-nato-chto-otvetit-moskva.html>

¹⁸ URL: <http://www.Iran.ru>

DOI: 10.24411/2618-6888-2018-10008

Л.Е. Васильев

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ БОРЬБЫ КИТАЯ С СИЛАМИ «ТРЕХ ЗОЛ»

Аннотация. Проанализированы основные направления борьбы Китая с силами «трех зол» — сепаратизмом, экстремизмом и терроризмом. Рассмотрена обстановка в двух проблемных регионах КНР, где активно действуют сепаратисты и экстремисты — в Синьцзян-Уйгурском и Тибетском автономных районах. Дана оценка действий сепаратистов в этих регионах, показаны их связи с международными террористическими группировками, исследованы основные меры, которые применяет китайское руководство для борьбы с ними. Проанализированы правовые основы противодействия терроризму в Китае, а также сотрудничество КНР с другими государствами в этой сфере.

Ключевые слова: Китай, Синьцзян-Уйгурский автономный район, Тибет, международный терроризм, сепаратизм, экстремизм, региональная безопасность, угрозы и вызовы безопасности, сотрудничество в сфере безопасности.

Китайская Народная Республика, как и множество других государств мира, вынуждена прилагать значительные усилия по борьбе с силами «трех зол» современности: сепаратизмом и экстремизмом, а

также широко используемым сепаратистами и экстремистами способом достижения их целей — терроризмом. Основными территориями Китая, где наиболее интенсивно действуют сепаратисты и экстремисты, являются Синьцзян-Уйгурский автономный район (далее — СУАР), Тибетский автономный район (далее — Тибет) и Тайвань. Что касается Тайваня, то в рамках данной научной статьи не ставилась задача осветить тайваньскую проблему в полном объеме. Нашей задачей стало исследование некоторых аспектов противодействия Китая проявлениям сепаратизма и экстремизма в СУАР и Тибете, учитывая тот факт, что эти явления, при всем своем различии, имеют достаточно много общих черт, тогда как развитие ситуации на Тайване существенно (если не сказать — принципиально) от них отличается. Поэтому мы решили исследовать положение в первых двух проблемных регионах КНР, выявить схожие черты и различия в развитии ситуации, а также на их примере рассмотреть современные особенности противодействия сепаратизму и экстремизму со стороны официального Пекина, полностью осознающего и учитывающего факт подстрекательства этих явлений из-за рубежа.

1. Сепаратизм и экстремизм — основные источники терроризма в мировом сообществе

Современный сепаратизм как политическое течение основывается на ложно трактуемом принципе самоопределения: «каждая этническая общность должна иметь собственную государственно оформленную территорию». «Предпосылка» этой идеологии — фактор компактности проживания определенной этнической группы на территории другой, как правило — «титупной». При этом игнорируется то, что мировое сообщество в принятых после Второй мировой войны международно-правовых документах признало незыблемой существующую систему этно-государственного строительства. Принцип самоопределения некоренных народов чаще всего трактуется международным правом как обеспечение права их активного участия в общественно-политических процессах в рамках устоявшихся сообществ, проживающих на данных территориях.

Несомненно, что принцип нерушимости существующих границ стал важнейшим инструментом нормализации межгосударственных отношений в послевоенном мире. Однако его абсолютизация, отказ национальным меньшинствам в праве на самоопределение вели к тому, что внутри существующих границ государств накапливались и нарастали межэтнические противоречия и все больше обострялись отношения между национальными «окраинами» и центральными властями. Кроме того, события, произошедшие в конце XX — начале XXI вв. (объединение Германии, распад Советского Союза и Югославии, получение независимости Косово и Восточным Тимором и т. п.) вообще поставили под сомнение нерушимость послевоенных постулатов и договоренностей.

В результате, территориальные конфликты, и в частности конфликты, связанные с сепаратистскими движениями, ныне во многом определяют современный общепланетарный политический климат. Сегодня мы имеем все основания включить сепаратизм в число глобальных проблем человечества. Так, 53 основных очага сепаратизма в мире суммарно занимают территорию 12,7 млн кв. км (8,5 % площади суши) и затрагивают около 4 % населения планеты (приблизительно 220 млн человек)¹. В эти конфликты зачастую вовлечены не только различные общественно-политические силы внутри самого государства, стоящего перед непосредственной угрозой потери своей территориальной целостности, но и его соседи, а нередко и отдаленные «центры силы», претендующие на роль региональных и мировых лидеров. В результате эскалации подобных конфликтов создается угроза для безопасности всего мира. Последствиями сепаратистской деятельности могут стать:

- дестабилизация ситуации в стране;
- выход отдельных территорий из-под контроля центральных властей;
- подрыв авторитета центральной власти среди населения страны;
- возникновение проблемы беженцев, которая может иметь серьезные политические и социально-экономические последствия;
- нарушение военной инфраструктуры страны;

- превращение отдельных районов страны в очаги военного противостояния правительственным силам.

Серьезной проблемой, вставшей перед мировым сообществом в последние десятилетия и способствующей широкому распространению терроризма по планете, является политический экстремизм. Он представляет собой многомерный, сложный социальный феномен, выступающий и как идеология, и как практика, и как механизм этносоциальной и религиозной агрессивности, и как принцип и инструмент политической жизни. Здесь оперируют международные организации или их подразделения, радикально настроенные фундаменталисты, экстремистские группировки, стремящиеся занять главенствующее положение в мировом сообществе.

Отличительным признаком политического экстремизма является расширительный характер его действия: он, одновременно проявляясь в разных формах, обладает способностью втягивать различных социальных и политических акторов в орбиту своего влияния, поскольку почвой для его развития часто является социально-экономическая и гуманитарная «необустроенность» этнических «окраин» и их недовольство национальной политикой официальных властей². Другое, не менее важное свойство политического экстремизма, объясняющее его высокую политическую и социальную востребованность и способность проникать в массы и управлять массовым сознанием, заключается в том, что он оперирует простыми и доступными схемами для решения сложных проблем.

Экстремизм по своей сути — прежде всего деяния, направленные на насильственный захват власти и/или насильственное ее удержание, будь то в рамках религиозной общины, общества или государства в целом. Его основу в современных условиях составляют социальная поляризация, дифференциация, дезинтеграция, противоречивость и противостояние интересов в силу слабости, незрелости, недостаточной развитости социально-политических, экономических, общественных институтов.

Обобщая особенности деятельности сепаратистских и экстремистских организаций, следует отметить присущие им черты:

- они все чаще используют для достижения своих целей террористические методы и способы борьбы;

- они распространяют радикальные идеи, отрицают легальность местных властей, тем самым провоцируя людей на свержение власти и расшатывание общественных устоев государства;
- для финансового обеспечения своей деятельности эти организации активно занимаются наркобизнесом, торговлей оружием, подстрекательством нелегальной миграции, что подрывает стабильность государства и его общественной жизни;
- деятельность экстремистских и сепаратистских организаций наносит значительный ущерб отношениям между различными государствами.

Таким образом, следует подчеркнуть, что экстремизм и сепаратизм наносят огромный вред безопасности любого государства и стабильности регионов в целом. Поэтому в целях повышения эффективности борьбы с этими явлениями необходимо не только принятие мер противодействия на национальном уровне, но и активное международное сотрудничество.

2. Уйгурский сепаратизм

Как уже говорилось выше, к проблемным районам Китая, где наиболее активно действуют сепаратисты, относится его *Синьцзян-Уйгурский автономный район*. Причем следует отметить, что конфликт здесь носит не только этнический, но экстремистско-религиозный характер, имея глубокие исторические корни. Уйгуры являются одним из древнейших народов, населяющих территорию нынешнего СУАР и проживающих крупными диаспорами в ряде стран Центральной Азии. Первое уйгурское государственное образование — Уйгурский каганат — был основан в VIII в. и просуществовал около 100 лет. В более поздний период уйгуры еще несколько раз создавали свои этнические образования, которые не отличались прочной государственностью и долголетием. В XVII в. уйгурами было основано очередное территориальное образование под названием Восточный Туркестан. Однако в 1760 г. под натиском маньчжурско-китайских войск уйгуры лишились независимости, а регион был окончательно включен в состав китайской империи под названием Синьцзян, что по-китайски — «новая граница».

В настоящее время, по официальной статистике КНР, численность населения СУАР превышает 21,8 млн человек, из них только 40 % составляют ханьцы, а остальные — в основном тюркоязычные народы мусульманского вероисповедания: уйгуры, казахи и др.³

Активизацию сепаратистских настроений в СУАР вызвал распад СССР и пример обретения независимости и собственной государственности целым рядом народов Центральной Азии. Начиная с 1992 г. через исламские экстремистские организации в Синьцзян стали поступать агитационная литература и финансовые средства из Саудовской Аравии и Турции. Кроме того, исламские радикальные круги Казахстана, Узбекистана и Кыргызстана, где уйгурская диаспора, по различным оценкам, составляет от 300 до 500 тыс. человек, также выступали с поддержкой сторонников создания исламского государства «Уйгуристан» на территориях СУАР и граничащих с ним центральноазиатских государств.

Вооруженный путь борьбы за независимость был провозглашен Всемирным уйгурским курултаем, прошедшим в Стамбуле в конце 1996 г. На нем большинство участников высказалось за «чеченский вариант» развития событий как наиболее действенный в решении уйгурской проблемы. Конечной целью такого варианта является создание исламского уйгурского государства Восточный Туркестан. Сложившаяся сегодня в СУАР ситуация такова, что религиозный экстремизм в этом районе теснейшим образом связан с проблемой терроризма и этнического сепаратизма. Практически все резонансные теракты в КНР совершаются членами уйгурских экстремистских организаций.

Помимо этнических и религиозных причин сепаратистских настроений в СУАР существуют и другие их причины, обусловленные геостратегическим и геоэкономическим значением СУАР. Дело в том, что Синьцзян — это большой торгово-коммуникационный узел, ключ к проекту «Экономический пояс Шелкового пути». Через него проходит единая телекоммуникационная магистраль «Шанхай — Франкфурт-на-Майне». На его территории может быть замкнута сеть транспортировки газа и нефти из Каспия в Азиатско-Тихоокеанский регион. Через Синьцзян в Европу по построенной в 2012 г. железной дороге, объединяющей Казахстан, Россию, Белоруссию, Польшу и германский Дуйсбург, экспортируется продукция

китайских предприятий. И, наконец, СУАР — это ворота в Пакистан, путь к Индийскому океану. Кроме того, его недра, по некоторым данным, таят 21 млрд т нефти, 10 трлн куб. м природного газа (четверть общекитайских запасов), 40 % всего угля страны и редкоземельные металлы⁴. Таким образом, уйгурский сепаратизм и экстремизм — «мина замедленного действия» в Центральной Азии, угрожающая не только Китаю, но и всему региону.

Основной сепаратистской организацией уйгуров является «*Исламская партия Туркестана*» (ранее известная как «Исламское движение Восточного Туркестана», запрещена в России), которая пользуется наибольшей поддержкой среди представителей этого этноса в регионе. С момента ее создания в 2008 г. члены организации поклялись проводить джихад против «коммунистических китайских оккупантов Синьцзяна». Организация, по некоторым данным, насчитывает до 600 боевиков, прошедших подготовку в лагерях исламистов в Афганистане, Таджикистане, Пакистане и Чечне.

Структура организации включает религиозно-политический центр, центр оперативного управления, мобильные бандформирования, подразделения разведки и контрразведки, а также органы, отвечающие за пропаганду и материально-техническое обеспечение. За пределами СУАР лидеры движения делают ставку прежде всего на многочисленные диаспоры уйгуров. В результате такой деятельности партии удалось не только добиться финансовой поддержки уйгурских диаспор в государствах Центральной Азии, но и создать в них собственные организации (например, «Уйгар озатшик ташлахты» в Казахстане).

Основными целями организации являются:

- создание религиозного братства мусульман в так называемом Туркестане для того, чтобы вести «джихад ради Аллаха и распространять его слово»;
- широкое распространение идей ваххабизма и салафизма среди мусульман СУАР и центральноазиатских государств;
- агитация за создание теократического исламского государства, живущего по законам шариата;
- проникновение в государственные и силовые структуры государств, на территории которых ведется подрывная деятельность;

- организация и проведение террористических актов против противников ислама, государственных служащих и военных.

Как уже указывалось выше, практически все террористические акты в Китае проводятся этническими уйгурами. Только за 2013—2014 гг. в результате терактов погибло, согласно официальным данным, более 170 и ранено более 360 человек. Наиболее масштабными выступлениями уйгуров стали события июля 2009 г. в г. Урумчи — столице Синьцзян-Уйгурского автономного района, в ходе которых погибло 186 человек и более 1000 было ранено⁵.

Следует отметить, что эти события стали крупнейшими массовыми беспорядками в Китае после событий на площади Тяньаньмэнь в июне 1989 г. При этом беспорядки были остановлены только после введения в город частей регулярной армии КНР. Важно также отметить, что последнее время региональный, замешанный на этническом сепаратизме терроризм вышел за пределы региона и теперь атакам подвергаются объекты в других частях Китая, иногда расположенные за тысячи километров от СУАР. Речь идет о терактах в Пекине и Куньмине, произошедших в 2013 г. и в 2014 г. соответственно.

В последнее время власти КНР фиксируют рост зарубежного финансирования проживающих в СУАР исламистов. Так, в июле 2015 г. группировка ИГИЛ опубликовала видеоролик, обращенный к уйгурам. Террористы призвали «братьев» отправиться на «священную войну» в Сирию и Ирак. Участие сепаратистов в войне в Сирии и Ираке — способ получить боевой опыт, который пригодится для организации диверсий против граждан и силовиков КНР. Руководство Китая считает, что уйгурские сепаратисты встали на путь радикализации исповедуемого ими ислама. Виной тому являются идеи, проникающие в СУАР из Афганистана или Саудовской Аравии. Уйгурские боевики попадают на Ближний Восток через Афганистан и Пакистан, с которыми как раз и граничит мятежный район⁶.

Китайское руководство стремится повысить эффективность борьбы с уйгурскими террористами. Так, после событий в Урумчи в первый же месяц были ликвидированы 32 банды террористов и свыше 380 подозреваемых были задержаны⁷.

В конце марта 2017 г. в СУАР в ходе сессии собрания народных представителей был принят «Список мер по борьбе с экстремизмом»

в этом регионе. В состав китайского «антитеррористического пакета» вошел список под названием «15 проявлений экстремизма», запрещенных на территории автономного района. Среди них — ношение хиджаба и «аномально большой» бороды и публичные отказы от просмотра государственного телевидения, совершение брачных и траурных церемоний по религиозным обычаям, противодействие государственной политике по контролю над рождаемостью, препятствование детям посещать государственную школу, намеренное повреждение паспорта, документов о регистрации или китайской валюты. Все эти запреты объясняются тем, что «религиозные силы не должны вмешиваться в светскую жизнь населения». Всего же в «антитеррористическом пакете» для СУАР содержится 50 пунктов, которые вступили в силу с 1 апреля 2017 г.⁸

3. Проблема Тибета

Вторым районом Китая, где среди населения активно распространяются сепаратистские настроения, является *Тибет*. Проблема Тибета возникла задолго до начала новейшего периода истории. На протяжении длительного времени Тибет состоял в вассальных отношениях с маньчжурской династией Цин, правившей Китаем с XVII в. В феврале 1913 г. Далай-лама XIII провозгласил независимость Тибета. Однако в том же году на международной конференции по его статусу, проходившей в Индии, Тибет не получил статуса суверенного государства по причине сопротивления центральных властей Китая. В 1949 г. Пекин ввел в Тибет войска, а в 1951 г. между властями Китая и Тибетом было подписано «Соглашение о мероприятиях по мирному освобождению Тибета», в соответствии с которым Тибету предоставлялась региональная автономия в составе КНР. Однако скрытое недовольство населения в связи с наплывом китайских военных и гражданских лиц привело в 1959 г. к восстанию в Тибете, которое было подавлено войсками НОАК, а духовный руководитель восставших Далай-лама покинул родину и до настоящего времени проживает за границей.

В марте 1989 г. произошли наиболее серьезные волнения тибетцев, длившиеся три дня. По разным оценкам экспертов, во время

волнений погибло от 80 до 400 человек, по официальному заявлению Пекина — 11.

Крупные волнения, связанные с 49-й годовщиной восстания против китайских властей, имели место в 2008 г. и были приурочены к началу летних Олимпийских игр в Пекине. Тибетское правительство в изгнании настаивает, что к восстанию привело подавление китайскими силовиками мирной демонстрации. Официальные власти КНР утверждают, что демонстрация практически сразу переросла в погром, в ходе которого целенаправленно убивали этнических китайцев и уничтожали их имущество. По неофициальным источникам, в результате подавления выступлений погибли 70 тибетцев и было арестовано около 5 тыс. человек.

Стимулирование антипекинских выступлений в Тибете осуществляется в первую очередь Далай-ламой XIV и его окружением. Тибетцы — очень верующий народ, религия для них все. Поэтому весьма значительная часть населения Тибета негласно поддерживает Далай-ламу.

Однако на самом деле Далай-лама и его сторонники из тибетского правительства в изгнании вовсе не говорят об отделении и образовании независимого государства. Это Тибету невыгодно экономически. Тибет не располагает многочисленным населением, у него нет выхода к морю, нет обилия ресурсов, газа и нефти. Большая часть территории — непроходимые горы. Экспортные товары, которые в состоянии производить Тибет, — это лекарственные травы и насекомые (для китайской традиционной медицины), мясо и шерсть. Больше в Тибете ничего нет. Это очевидно всем, и в том числе Далай-ламе⁹.

Кроме того, именно в период 60-летнего китайского управления многократно возросло качество жизни тибетского населения. Были созданы светские образовательные учреждения, предприятия, современная социально-бытовая и коммуникационная инфраструктура, здравоохранение — то есть все то, чего были лишены тибетцы в годы независимости. Отрицание реальных заслуг КНР в области обеспечения тибетского населения современными социальными благами представляется либо следствием неосведомленности, либо намеренным искажением фактов.

Поэтому Далай-лама не говорит о независимом государстве, он говорит о расширенной автономии по типу Сянган/Гонконга, который имеет свое правительство, валюту, полицию и т. д. В ноябре 2008 г. в Пекине посланниками Далай-ламы был представлен «Меморандум о подлинной автономии для тибетского народа», в котором были озвучены отказ от борьбы за независимость и согласие на подлинную автономию в случае удовлетворения китайским руководством ряда требований тибетцев. При этом Далай-лама неизменно акцентирует, что для достижения поставленных целей необходимо использовать только ненасильственные методы борьбы: мирные демонстрации, работу с общественным мнением и др.

Позиция Пекина состоит в следующем: руководство КНР согласно на возобновление переговоров с Далай-ламой по статусу Тибета только после признания им Тибета частью Китая и отказа от сепаратистской деятельности, а правительства КНР — единственной законной властью.

Нерешенность тибетской проблемы активно используются некоторыми мировыми державами в реализации их политики противостояния Китаю. Во-первых, в отделении Тибета заинтересована Индия, поскольку независимый Тибет может стать «буферным» государством между нею и КНР. Во-вторых, сложно отрицать заинтересованность Соединенных Штатов, являющихся, по их же заявлениям, одним из основных геополитических соперников Китая. Нерешенная тибетская проблема может быть использована США в качестве детонатора для подрыва политической и социальной стабильности в КНР. Наконец, Япония также видит в поддержке тибетского движения возможность ослабить позиции Китая в Азии. Движение за независимость Тибета поддерживается и значительной частью западной общественности, что связано, в первую очередь, с широким распространением интереса к буддизму и тибетской культуре среди образованных слоев американского и европейского общества.

Конечно, ссориться с современным Китаем из-за Тибета эти государства, скорее всего, не станут — себе дороже. Поэтому тибетские делегации, прибывающие в Соединенные Штаты или Великобританию за поддержкой, получают ответ, что Тибет является частью Китая, но есть «озабоченность соблюдением прав человека на

его территории»¹⁰. Однако не исключено, что при определенных обстоятельствах тибетская «карта» будет открыто разыграна Западом в собственных интересах. Более того, по оценкам некоторых экспертов, Далай-лама — это человек, который силой своего авторитета удерживает тибетцев от сепаратистской борьбы. Поэтому существует риск, что после его кончины резко активизируется борьба за тибетскую независимость, причем в самых опасных для населения формах.

4. Некоторые аспекты борьбы Китая с силами «трех зол»

Председатель КНР Си Цзиньпин в июле 2017 г. заявил, что «отдельные страны, как и прежде, под предлогом борьбы с терроризмом продвигают свои собственные интересы, применяют двойные стандарты по вопросу антитеррора». Это, по его мнению, неизбежно влечет за собой раздробление антитеррористической борьбы, затрудняет объединение усилий¹¹.

Как считает китайский лидер, основными условиями создания международной коалиции по борьбе с терроризмом являются:

- отказ от двойных стандартов в сфере борьбы с международным терроризмом;
- централизующая роль ООН в борьбе с этим злом;
- урегулирование надлежащим образом региональных «горячих точек»;
- помощь Сирии и другим странам Ближнего Востока в скорейшем восстановлении стабильности;
- принятие комплексных мер в сфере политики, экономики и культуры с целью уничтожения питательной почвы терроризма.

Согласно последним выступлениям руководства КНР, Пекин решительно настроен корректировать и ужесточать свою политику в сфере безопасности. В соответствии с Законом КНР о государственной безопасности (2015 г.), борьба с терроризмом стала одной из задач по обеспечению национальной безопасности. Ст. 28 этого Зако-

на гласит, что государство ведет борьбу с терроризмом и экстремизмом во всех формах, укрепляет возможности предупреждения и ликвидации терроризма, ведет работу по сбору информации, проведению проверок, предупреждению, ликвидации, а также контролю над движением капитала.

В том же 2015 г. в Китае был принят первый за всю историю государства закон, регламентирующий вопросы борьбы с терроризмом, — Закон КНР о борьбе с терроризмом. Закон устанавливает правовые и организационные основы борьбы с терроризмом, принципы, способы выявления террористических организаций и получения разведывательной информации о террористических формированиях, порядок расследования дел о террористических актах, меры по борьбе с терроризмом, а также закладывает основы международного сотрудничества КНР в области борьбы с терроризмом.

Борьба с терроризмом, в соответствии с принятым законом, вносится в концепцию национальной безопасности КНР. При этом в стране создается централизованный «руководящий орган по анти-террористической деятельности». Таким органом утвержден Контр-террористический комитет Китая. Кроме того, руководствуясь интересами обеспечения безопасности личности, общества и государства, согласно принятому закону Китай может преследовать как на своей территории, так и на территории иностранных государств лиц, обвиняемых (подозреваемых) в причастности к терроризму.

Следует отметить также, что особенностью системы борьбы с терроризмом в Китае является то, что в нее включены граждане и организации. Это означает, что все они обязаны сотрудничать с соответствующими правительственными органами в проведении контртеррористических мероприятий и незамедлительно передавать в органы общественной безопасности или соответствующие спецслужбы информацию о лицах, участвующих в террористической деятельности.

Как сообщает государственное информационное агентство КНР Синьхуа, власти теперь могут привлекать к юридической ответственности не только «за организацию, планирование, подготовку и осуществление террористических актов, а также участие в террористических группировках», но и «за пропаганду, подстрекательство к осуществлению террористической деятельности». Причем понятие

«терроризм» в законе определяется в том числе, как «убеждения и действия, создающие панические настроения в обществе»¹².

Китайское руководство одним из основополагающих принципов в борьбе с силами «трех зол» считает международное сотрудничество, и в первую очередь — сотрудничество с государствами-соседями. Глава китайского государства заявил, что «сотрудничество по противодействию терроризму является важной составляющей китайско-российского всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия, служит ярким примером в международном анти-террористическом сотрудничестве. Это не только отвечает коренным интересам двух стран, но и идет на пользу мира и стабильности региона и всего мира»¹³.

Российско-китайское взаимодействие в борьбе с силами «трех зол» в основном осуществляется в рамках Шанхайской организации сотрудничества. А на уровне двусторонних отношений КНР и Россия по линии правоохранительных органов и спецслужб поддерживают плодотворное взаимодействие по борьбе с «силами трех зол» — терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом и играют важную позитивную роль в поддержании стабильности и развития двух стран и всего региона.

Примечания

¹ Бергман Я. От сепаратизма к терроризму. URL: <http://cassad.net/> (дата обращения: 12.07.2014).

² См., напр.: Сафронова Е.И. Некоторые итоги гуманитарного взаимодействия стран-членов Шанхайской организации сотрудничества за пять лет ее существования // Шанхайская организация сотрудничества: к новым рубежам развития. М.: ИДВ РАН, 2008. С. 161—183.

³ URL: <https://ru.wikipedia.org/>

⁴ Уйгурский вопрос. URL: <http://www.regnum.ru/> (дата обращения: 08.02.2015).

⁵ Шустов А. Беспорядки в Синьцзяне и Центральной Азии. URL: <http://fondsk.ru/> 14.07.2009 г.

⁶ Заквасин А. Китай: на войну вместе с Россией. URL: <http://gusplt.ru/> (дата обращения: 14.01.2016).

⁷ ИА «Regnum» 16.12.2014.

⁸ Газета.ру от 09.04.2017.

⁹ *Попов А.* Тибетский сепаратизм, что это? URL: <https://poroffich.livejournal.com/> (дата обращения: 05.03.2015).

¹⁰ *Полонский И.* Тибетский вопрос Китая: есть ли решение? // Военное обозрение. 22.09.2014.

¹¹ ТАСС. 02.07.2017.

¹² Синьхуа. 28.12.2015.

¹³ ТАСС. 02.07.2017.

DOI: 10.24411/2618-6888-2018-10009

Ю.В. Морозов

ИНДО-ТИХООКЕАНСКАЯ СТРАТЕГИЯ Д. ТРАМПА КАК УГРОЗА ИНТЕРЕСАМ КИТАЯ И РОССИИ В АТР*

Аннотация. Проанализированы официальные документы США и заявления представителей Белого дома, точки зрения политологов и дипломатов, касающиеся стратегии США в АТР. Также автор выясняет, какие вызовы и угрозы эта стратегия несет для Китая и России, и предложены возможные направления взаимодействия двух стран по купированию соответствующих рисков.

Ключевые слова: Индо-тихоокеанская стратегия, АТР, политика, РФ, КНР, США.

В 2017 г. администрация Трампа издала ряд документов, излагающих основы американской политики в современном мире. Среди них особо важным является «Стратегия национальной безопасности», которая была опубликована в конце года¹. В ней немалое место уделено Азиатско-Тихоокеанскому региону (АТР), ряд стран которого Д. Трамп посетил в ноябре 2017 г.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ (проект №18-014-00006\18 «Военная стратегия США при администрации Д. Трампа и национальные интересы Российской Федерации»).

В преддверие визита Трампа в Индию, 18 октября госсекретарь Р. Тиллерсон выступил с речью, содержащей ряд установочных заявлений о политике США в АТР². А в январе 2018 г. глава Пентагона Дж. Мэттис артикулировал свое видение тенденций, происходящих в этом регионе. Согласно его заявлению, «американские дипломаты всегда будут выступать “с позиции силы” благодаря мощи вооруженных сил страны»³. На практике эти заявления подтверждены следующими акциями 45-го президента США: в 2017 г. он ввел новую американскую стратегию в Афганистане; вывел США из «Транстихоокеанского партнерства» (ТТП); поставил крест на «Трансатлантическом партнерстве» (ТАП) и заявил, что в регионе он будет проводить «Индо-Тихоокеанскую стратегию» (ИТС).

Стратегия США в АТР — вызов для национальных интересов Китая и России

В интерпретации Вашингтона, ИТС — это американская политика, направленная на обширное пространство «от западных берегов Индии до западного побережья США»⁴. Этот регион нужен США для того, чтобы сбалансировать усиление Китая в Восточной Азии, которая является естественной «осью» АТР. И тот, кто контролирует Восточную Азию, — управляет АТР и впоследствии — целым миром. Поэтому «нарезка» ИТС практически соответствует зоне ответственности Тихоокеанского командования США. Как считает эксперт Российского совета по международным делам И. Кравченко, «для Трампа важно установить тесное взаимодействие с ведущими странами в регионе. Речь идет об оси, соединяющей США, Индию, Японию, Южную Корею и Австралию с учетом их противоречий с Китаем, который строит новые острова в Южно-Китайском море для создания там военных баз. Пекин также активно спонсирует портовые проекты в Пакистане и на Шри-Ланке. Рост влияния Китая в АТР вызывает озабоченности у Индии и других стран региона, у которых есть нерешенные вопросы с КНР»⁵. В связи с этим Трамп видит АТР именно в качестве «Индо-Тихоокеанского региона» (ИТР), а не «Азиатско-Тихоокеанского» и намерен укреплять отношения со странами этого региона. Для этого ему нужны новые военные кон-

тракты и диверсификация рынка и привлечение региональных инвесторов в проекты США.

Важность АТР для Вашингтона вызвана и потребностью в военно-политическом сохранении господствующих позиций США на Тихом океане и в Восточной Азии. Поэтому, несмотря на истерику американских СМИ, связанную с якобы имевшим местом вмешательством России в американские выборы, Белый дом видит геополитическую угрозу не в ней, а в Китае. Это зафиксировано в Стратегии безопасности США 2017 г. Главным соперником США этот документ первым называет именно Китай, а только потом — Россию. В перечне региональных приоритетов американской внешней политики Стратегия ставит ИТР на первое место, где главным вызовом для нее опять является Китай. Как отмечает доцент МГИМО (У) А. Безруков, «Трамп в своей стратегии официально закрепил признание того, что конфликт с КНР — неизбежен»⁶. Это ставит под вопрос дальнейшую взаимозависимость двух экономик и усугубляет противоречия США и КНР по целому спектру проблем. При этом антикитайский поворот — это больше, чем обострение торгово-экономических отношений. Америка занимает «новую линию обороны», продолжая быть лидером глобального англосаксонского мира, включающего не только США, Великобританию и Канаду, но и Австралию, Индию, Новую Зеландию, а в будущем — некоторые другие страны⁷.

Все это позволяет Вашингтону использовать проамериканских акторов, которые будут «размывать» влияние Пекина. Такие надежды США возлагают в первую очередь на Индию. Именно она по своим показателям способна сбалансировать Китай. Так, к 2030 г. численность населения Индии может превзойти китайскую, причем население страны будет гораздо моложе стареющего населения КНР, что скажется на темпах роста экономики. К 2050 г. индийская экономика может стать второй в мире по объему ВВП, уже сегодня ее темпы роста превышают китайские⁸.

Однако существенным вопросом остается, насколько сама Индия готова к миссии главного партнера США, поскольку эта роль неизбежно означает усиление противостояния Китаю. Нью-Дели пока ведет себя в отношении Пекина достаточно осторожно, и нет оснований говорить о том, что Индия отказалась от своей линии «strate-

гической автономии», которая подразумевает избегание тесных альянсов с великими державами. Показательно и то, что Нью-Дели не готов участвовать в совместном патрулировании с ВМС США в Южно-Китайском море для поддержания свободы мореплавания, чего очень бы хотели в Вашингтоне. Кроме того, в июне 2017 г. Индия стала полноправным членом ШОС наравне с Китаем и Россией.

Фактором, существенно влияющим на стратегию Трампа в ИТР, является ракетно-ядерная программа Северной Кореи, представляющая угрозу для США, что отразилось на американских отношениях с Японией и Китаем. На пресс-конференции 6 ноября 2017 г. премьер-министр Японии и президент США заявили, что будут усиливать давление на КНДР, которая продолжает разрабатывать ядерное оружие⁹. При этом Вашингтон рассчитывает, что Пекин, контролирующий большую часть внешнеэкономических контактов Пхеньяна, способен заставить КНДР «образумиться» путем применения к ней экономических санкций и других рычагов. В обмен на сотрудничество Белый дом даже был готов пойти на уступки Пекину в сфере торговли и по проблемам Тайваня и Южно-Китайского моря, однако далее эти уступки сошли на нет. Ибо далеко не все в Вашингтоне верят в то, что Китай готов помогать США в решении северокорейской проблемы. Так, сенатор-республиканец Т. Коттон уверен, что Китай ведет «двойную игру». По его мнению, наличие ядерной Северной Кореи выгодно Пекину, это отвлекает внимание США от экономической экспансии Китая и других его действий, предпринимаемых в АТР¹⁰. Ему вторит политик П. Рон, который считает, что «в одиночку Китай и Россия очень уязвимы, но вместе они дополняют друг друга и сильны, что представляет прямую угрозу для США»¹¹.

Это сказывается на направлениях противоборства Соединенных Штатов с КНР и РФ, где первым вектором является наращивание экономического и военного потенциалов США за счет ускорения роста и модернизации экономики, укрепления вооруженных сил и создания «мобилизационного» резерва техники и вооружения, который будет необходим, если противостояние с Россией и КНР перейдет в «горячую фазу». Вторым — перевод военно-стратегической конкуренции с Китаем и РФ в новые области, способные обеспечить доминирование США на следующие десятилетия, в первую очередь — в космос и киберпространство. Еще одним направлением

является попытка задействовать проамериканский альянс против своего главного конкурента — Китая, привлекая для этого Индию, Японию и иные государства. Однако их готовность стать инструментом США в противостоянии с КНР, а тем более с Россией (на стороне США или Китая) — неочевидна¹². У Вашингтона есть еще одна опция для противостояния Китаю и России — развязать в АТР серию конфликтов. Такие дестабилизирующие региональную безопасность конфликты уже наблюдаются на Ближнем Востоке. Но в АТР они могут стать в лучшем случае «партизанскими», а в худшем — последней мировой войной для человечества.

В целом реализация стратегии в Индо-Тихоокеанском регионе представляет вызов для китайских национальных интересов в АТР. Она подразумевает неприятие инициативы КНР «Экономический пояс Шелкового пути» (ЭПШП), которая, по мнению Вашингтона, создает угрозу экономическому доминированию Китая в Азии¹³. ИТР — это также свобода действий для ВМС и ВВС США во всех акваториях Тихого и Индийского океанов в соответствии с принципом «свободы мореплавания». А попытки Пекина установить суверенитет над Южно-Китайским морем, а также его территориальные споры в регионе рассматриваются Вашингтоном как посягательство на принцип «свободы и открытости». В стратегию в ИТР укладываются и адресуемые Китаю обвинения США в «подрыве суверенитета соседних стран» и превращении их в свои «сателлитов»¹⁴.

Что касается России, в настоящее время в Тихом океане ее позиции, кроме военных, не особенно сильны, а в Индийском они не сформированы. Однако они есть в Центрально-Азиатском регионе, намеренно исключенном Трампом из «нарезки» ИТС, где соперничество между Москвой и Вашингтоном нарастает. Это касается и Северо-Восточной Азии (СВА), где Москва и Пекин инициировали ряд предложений по ядерной программе Пхеньяна, чтобы снизить военную напряженность на Корейском полуострове. Вступая на пресс-конференции, посвященной итогам своего турне в 2017 г., Трамп подчеркнул, что США не примут российский план «двойного замораживания» по КНДР, который предполагает остановку Пхеньяном любых ядерных испытаний, с одной стороны, а Соединенными Штатам и Южной Кореей крупномасштабных военных учений — с другой.

Это связано с тем, что СВА превращается в мощный плацдарм экономического роста и является перекрестком геополитических интересов РФ, КНР и США. В процессах, происходящих в СВА, все большую роль играют транснациональные политические и экономические организации (БРИКС, ЕАЭС и ШОС), где Россия и Китай играют значимую роль, что не по нраву Вашингтону.

Анализируя подходы к стратегии США в другом важном субрегионе АТР — Центральной Азии (ЦА), необходимо выделить два момента, обуславливающие наличие вызовов для России. Первый — это то обстоятельство, что политика Вашингтона нацелена на формирование «Большого Ближнего Востока» (ББВ), а также на вовлечение стран региона в сферу своего влияния. В рамках ББВ администрация США рассматривает ЦА как объект расширения зоны ответственности, которая охватывает «дугу нестабильности» (Афганистан, Иран, Пакистан) и ряд других государств региона. И второй — решения, принимаемые Д. Трампом на этом направлении, остаются в русле стратегии его предшественника и подчинены решению афгано-пакистанской проблемы. При этом взаимодействие с военно-политическими и экономическими организациями с участием РФ и КНР (ОДКБ и ШОС) — не предусмотрено.

Эволюция взаимоотношений России и США

Если оценивать нынешние российско-американские отношения, то их можно охарактеризовать как «холодная война-2». Это связано с событиями на Украине, в Сирии, в Афганистане и антиросийскими санкциями. Еще одна проблема российско-американских отношений обусловлена «вмешательством» РФ в американский избирательный процесс. Вашингтон настаивает на том, что Москва вторгалась в эти выборы в 2016 г. с помощью киберопераций. Поэтому в доктрине национальной обороны Пентагон поставил соответствующую деятельность в число главных угроз США. Трамп также обвиняет Москву в подрыве нефтяного эмбарго, которое он хочет ввести против Пхеньяна, а Россия вставляет ему «палки в колеса». Сильна напряженность и вокруг Ирана, где Вашингтон активно поддерживает протестные движения, а Москва видит в этом устрем-

ления США сменить режим в стране посредством проведения там «цветной революции».

Эти разногласия создают атмосферу сильнейшего недоверия между Москвой и Вашингтоном. Так, в 2018 г. администрация Трампа и Конгресс почти единогласно проголосовали за новые санкции против России. Свидетельство тому — очередная порция антироссийских санкций в виде опубликованного 31 января 2018 г. «черного списка», куда вошли политики и бизнесмены, поддерживающие президента В. Путина. Упорство США в проведении санкций против РФ объясняется недовольством Вашингтона тем, что Россия «обошла» США в Сирии. И если в марте 2018 г. на выборах президента РФ вновь победит Путин, то это станет очередным поражением США¹⁵. Предвидя это, Вашингтон усиливает информационное и санкционное давление на Россию, беспрецедентное даже в сравнении с самыми мрачными периодами «холодной войны» против СССР¹⁶.

Также следует понимать, что за возможное налаживание отношений Д. Трамп, как бизнесмен-прагматик, может потребовать от России «отдаления» от Китая. Но для нее в ближайшей и среднесрочной перспективе при решении глобальных и региональных проблем в разы важнее плодотворное сотрудничество с КНР, чем с США. Хотя в период предвыборной кампании Д. Трамп и заявлял, что он хотел бы наладить отношения с Москвой, однако сейчас он осознает, что это даст ему больше минусов, чем плюсов, при нынешней внутривнутриполитической ситуации в США. Поэтому возобновление российско-американского сотрудничества им отложено и, судя по всему, — надолго. По отношению к Москве Вашингтон будет стремиться проводить консолидированную политику с его союзниками. Однако отношения Запада с Россией в ближайшей перспективе вряд ли выльются в открытый конфликт.

Приоритеты политики России в АТР и отношения с Китаем

Оценивая приоритеты российской политики в АТР, их можно кратко суммировать следующим образом. Во-первых, повышение качества российско-китайского сотрудничества, прежде всего —

в экономической, научно-технической и гуманитарной областях. Во-вторых, максимальная «диверсификация» экономических и политических и иных связей России в АТР, включая его субрегионы. Тесное сотрудничество с КНР не исключает для РФ возможности стратегического партнерства с Индией, сотрудничества с Японией и странами Юго-Восточной и Северо-Восточной Азии. В-третьих, преодоление наметившихся сложностей в Азии и в акватории Тихого и Индийского океанов. В-четвертых, недопущение военного конфликта на Корейском полуострове с сохранением долгосрочной цели превращения полуострова в безъядерную зону. В-пятых, активизация участия России в режимах обеспечения безопасности в АТР.

Что касается перспектив развития российско-китайских связей, то в этой области сохранится позитивный тренд на их укрепление. Однако качественных прорывов здесь ожидать вряд ли стоит, так как постепенно будет нарастать асимметрия сотрудничества в торгово-экономической сфере: китайские инвестиции в большем объеме поступают в Россию, а не наоборот. Тем не менее, такая модель сотрудничества важна для РФ в свете западных санкций против нее¹⁷.

Политическая повестка будет превалировать над торгово-экономической, где необходимо решить проблемы разбалансированности уровней сотрудничества, создания финансовой системы, которая страховала бы КНР и РФ от использования Вашингтоном фактора финансовой зависимости наших двух стран от США. В рамках ШОС возможно дальнейшее продвижение в сторону сопряжения российской инициативы ЕАЭС и китайской инициативы ЭПШП, которые обеспечат выход Организации на глобальный уровень за счет реализации крупных инфраструктурных и транспортных проектов.

В военно-политической области РФ и КНР будут выражать общие взгляды на будущее мирового порядка и сохранять солидарность по ключевым глобальным и региональным проблемам. Однако углубление их отношений в сторону военно-политического союза будет идти медленно. Москва и Пекин сохранят за собой важную роль в урегулировании северокорейской ядерной проблемы и будут содействовать поддержанию статус-кво в области нераспространения ядерного оружия в регионе. Существует вероятность того, что они смогут убедить Пхеньян хотя бы временно отказаться от испытательной деятельности в обмен на частичное сокращение военной

активности США, Южной Кореи и Японии. Однако уступки противостоящих сторон будут носить символический характер, а обмены жесткими заявлениями и демонстрация силы возможны в любой момент. США и их военные союзники не пойдут на значительное сокращение в АТР планов учений и мероприятий оборонного плана.

Заключение

Анализ точек зрения политологов, касающихся стратегий главных действующих субъектов в АТР, позволяет прийти к целому ряду выводов и определить области взаимодействия России и Китая в интересах совместного купирования угроз, которые несет им реализация «Индо-Тихоокеанской стратегии» США.

Во-первых, в 2017 г. Трамп определил три принципа стратегии США в мире. Он воспринимает международные отношения «как арену сотрудничества и соперничества в своих интересах разных сил» и намерен усилить оборонный сектор США. При этом его политика в АТР характеризуется как элементами преемственности, так и нововведениями. Преемственность — идентификация Китая как главного геополитического вызова для Америки и ставка на Индию как потенциального балансира Китая. Нововведения же связаны с ядерной программой КНДР, которая внесла заметные коррективы в стратегию США. Из-за необходимости заручиться поддержкой КНР в давлении на Северную Корею Трамп временно сменил «гнев на милость» в отношениях с Китаем. Вместе с тем большим вопросом остается, как будут развиваться американо-китайские отношения в случае, если действия КНР по Северной Корее не приведут к желаемому Вашингтоном результату и тот начнет подозревать Пекин в двойной игре и нежелании решить северокорейскую ядерную проблему. Тогда нельзя исключить ухудшение отношений между США и Китаем.

Во-вторых, союзнические отношения США с другими государствами мира в рамках военно-политических альянсов — один из важнейших инструментов сохранения американского доминирования в ключевых регионах мира под девизом Трампа «Америка прежде всего». В Европе — это НАТО, в АТР самым развитым являет-

ся индийско-австрало-американо-японский «четырёхугольник». Эти военно-политические объединения направлены на долгосрочное сдерживание Китая и России. Главным актором в этих альянсах остаются США, которые направляют политику этих альянсов в нужном для себя направлении, занимаются вопросами их строительства и функционирования.

В-третьих, в сфере торгово-экономических отношений в АТР Белый дом делает ставку не на «свободную», а на «справедливую» торговлю. Для этого Трамп вывел США из ТТП и отдает приоритет двусторонним торгово-экономическим соглашениям, поскольку такой формат предоставляет Вашингтону гораздо больше рычагов воздействия. Отказавшись от ТТП, администрация Трампа предпочла краткосрочные торговые преимущества этого партнерства более долгосрочной перспективе формирования в АТР экономической модели, основанной на либерально-постиндустриальном капитализме, которая является основой экономической деятельности США.

В-четвертых, к ключевым угрозам России и Китаю и вызовам региональной безопасности в АТР в ближайшей перспективе относятся: закрепление в официальных документах США роли Китая и России в качестве соперников США в мире; нарастание российско-американских и американо-китайских противоречий; формирование Вашингтоном «Большого Ближнего Востока» и вовлечение его стран в сферу американского влияния; расширение зоны ответственности США в «дуге нестабильности», включающей Афганистан, Пакистан, Индию и Иран; применение Америкой военной силы, политических и экономических, информационных и иных акций против неугодных государств для замены существующей власти на проамериканские режимы при помощи «цветных революций»; вероятность развязывания военного конфликта на Корейском полуострове и в АТР с вовлечением в них Китая и России; обострение споров вокруг Южно-Китайского моря и растущая военная активность США в акваториях Тихого и Индийского океанов; стагнация российско-индийских и китайско-индийских отношений, отсутствие диалога США с ШОС и ОДКБ по вопросам безопасности; угроза распространения ядерного оружия в регионе и его непреднамеренного использования.

В-пятых, вполне очевидно, что с этими угрозами и вызовами Москве и Пекину не справиться в одиночку. Поэтому важно обеспечить совместными усилиями эффективность деятельности ШОС и БРИКС, создать общую систему безопасности в АТР и не дать Индии превратиться во врага Китая. В связи с этим заслуживают внимания предложения экспертов, знакомых с проблемами безопасности и деятельностью тех организаций, в которых Китай и Россия играют значимую роль, среди которых на первом месте стоит ШОС. Глобальный характер этой Организации проявляется в том, что на ее почве сопрягаются российский проект ЕАЭС и китайский проект ЭПШП. Как считает сотрудник Центра изучения мировых проблем агентства Синьхуа Шэн Шилян, ШОС, следуя примеру АСЕАН, целесообразно образовывать новые форматы сотрудничества типа «ШОС — плюс»: «ШОС + АСЕАН», «ШОС + ЕС», «ШОС + США» и т. д. для решения на равноправной основе проблем региональной безопасности и других вопросов. Это может стать фундаментом оздоровления международных отношений на планете¹⁸.

В-шестых, по мнению зампреда социального-демократической партии Казахстана «Азат» П. Своика, «в перспективе многополярное мироустройство будет напоминать русскую «матрешку», где ШОС будет играть роль «внешней» оболочки. Но как в ней будут соотноситься интересы Китая и России и как распределятся другие члены Организации — пока под вопросом»¹⁹. По мнению директора армянского филиала Института стран СНГ А. Маркарова, выходом из сложившейся ситуации является реализация на практике идеи сопряжения евразийской интеграции и инициативы ЭПШП, которые обеспечат ШОС выход на глобальный уровень экономического развития за счет реализации инфраструктурных и транспортных проектов ЕАЭС и Китая в Евразии²⁰.

В-седьмых, как отмечает сотрудник Центра изучения мировых проблем агентства Синьхуа Шэн Шилян, «ни США, ни Европа не воспринимают ШОС как «уютную» для них организацию и будут в дальнейшем привлекать ее членов на свою сторону». Существуют риски возобновления военных столкновений Пакистана и Индии, «отношения которой с Россией и Китаем становятся тоже не безоблачными». Поэтому в рамках ШОС необходимо блокировать противоречия между ее членами в двустороннем формате и углубить со-

трудничество со странами-наблюдателями и странами-партнерами. Для этого необходима активизация диалога Индии, Пакистана и Китая на площадке ШОС для снижения их конфликтного потенциала в субрегионах АТР. Главная цель диалога — предотвращение нового витка вооруженного насилия между Индией и Пакистаном и ликвидация «дуги напряженности»²¹.

В-восьмых, по мнению профессора Китайского исследовательского центра современного мира Юй Суйя, «одной из крупнейших угроз для ШОС остаются “три силы зла”: терроризм, сепаратизм и экстремизм. Особенно международный терроризм, росту которого способствует ИГИЛ, которое пытается возродиться в Афганистане после поражения в Сирии»²². Поэтому для замирения Афганистана Китай и Россия могли бы предложить ИРА использовать в стране таджикскую модель урегулирования конфликта — путем диалога и переговоров, являющуюся уникальной в мировой практике. Эта модель предусматривает принципы и механизмы урегулирования конфликтной ситуации с участием международных организаций.

В-девятых, как отмечает эксперт Института США и Канады РАН П. Золотарев, наиболее действенные меры для снижения рисков непреднамеренного применения ядерного оружия между государствами были предусмотрены Меморандумом между Россией и США (2000 г.) о создании совместного Центра обмена данными о пусках ракет в глобальном масштабе. Однако по ряду причин этот Меморандум не был реализован (срок его действия истек в 2010 г.)²³. Его воплощение в жизнь предусматривало совместное дежурство российских и американских операторов в Центре с использованием национальных систем предупреждения о ракетном нападении. Меморандум также предусматривал возможность подключения к работе Центра других заинтересованных государств. Поэтому возобновление российско-американского диалога о перспективах создания такого центра создаст предпосылки для формирования многостороннего режима по снижению рисков применения ядерного оружия на планете. Можно ожидать, что ряд государств, учитывая ядерные проблемы в АТР, будут заинтересованы принять участие в его работе. Например, с учетом проблем с ядерной программой КНДР желание участвовать ожидается со стороны Китая, Южной Кореи, Японии и ряда других стран.

Примечания

¹ White House. President Donald J. Trump Announces a National Security Strategy to Advance America's Interests // National Security & Defense. 18.12.2017.

² Remarks on «Defining Our Relationship with India for the Next Century». URL: <https://www.state.gov/secretary/remarks/2017/10/274913.htm>

³ «Стратегическая оборона» Трампа или... американское двоемыслие? URL: <http://maxpark.com/community/13/content/6186518>

⁴ Лукин Артем. Индо-Тихоокеанская стратегия Трампа. URL: <http://russiancouncil.ru/blogs/dvfu/33964/>

⁵ Цит. по: *Аш-Шарбаджи Манар*. Американская стратегия для Индо-Тихоокеанского региона. URL: <https://inosmi.ru/politic/20171110/240731399.html>

⁶ *Безруков Андрей*. Развод с миром и его последствия // Россия в глобальной политике. 2018. № 1. URL: <http://www.globalaffairs.ru/number/Razvod-s-mirom-i-e-go-posledstviya-19358>

⁷ What to do about China's "sharp power" // The Economist. 16.12.2017.

⁸ Indian Independence Day; Secretary of State Rex W. Tillerson; Washington, DC. URL: <https://www.state.gov/secretary/remarks/2017/10/274913.htm>

⁹ Азиатский гольф неуверенного Трампа. ИноСМИ. 10.11.2017. URL: <http://geo-politica.info/aziatskiy-golf>

¹⁰ Приводится по: *Ratner Ely*. How to Stop China's Maritime Advance. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/2017>.

¹¹ *Ron, Paul*. Russiagate Isn't About Trump, And It Isn't Even Ultimately About Russia // The Institute for Peace and Prosperity. 2017. P. 7.

¹² Внешняя политика России: взгляд в 2018 год. URL: <http://russiancouncil.ru/papers/Russia2018>

¹³ I Am Proud of Our Diplomacy; Secretary of State Rex W. Tillerson. URL: <https://www.state.gov/secretary/remarks/2017/12/276570.htm>

¹⁴ Remarks on «Defining Our Relationship With India for the Next Century»; Secretary of State Rex W. Tillerson/ Center for Strategic & International Studies; Washington, DC. URL: <https://www.state.gov/secretary/remarks/2017/10/274913.htm>

¹⁵ Америка внушает российской элите, что без Путина будет лучше. URL: <http://putin24.info/amerika-vnushaet-rossiyskoy-elite-chto-bez-putina-budet-luchshe.html>

¹⁶ *Морозов Ю.В.* Фальсификация итогов Второй мировой войны в рамках информационной борьбы против России // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2015. № 25. С. 50—63.

¹⁷ Перспективы сотрудничества России и Китая в Центральной Азии. URL: <http://russiancouncil.ru/activity/workingpapers/perspektivy-sotrudnichestva-rossii-i-kitaya-v-tsentralnoy-az/>

¹⁸ Материалы экспертного опроса, проведенного Институтом стран СНГ. URL: <http://www.materik.ru/institute/about/>

¹⁹ Там же.

²⁰ Приводится по: *Гордиенко Д. В.* Оценка изменения уровня экономической безопасности России при реализации инициативы «Экономического пояса Шелкового пути» (экономическая кооперация и экономическое противоборство) // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2017. Т. 13. Вып. № 4. С. 787—800.

²¹ Российская программа нейтрализации «афганской угрозы». URL: <https://pravdoryb.info/rossiyskaya-programma-neytralizatsii-afganskoj-ugrozy-113686.html>

²² Материалы экспертного опроса, проведенного Институтом стран СНГ. URL: <http://www.materik.ru/institute/about>

²³ Меморандум о договоренности между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки о создании совместного центра обмена данными от систем раннего предупреждения и уведомлениями о пусках ракет. URL: <http://docs.cntd.ru/document/901762199>

DOI: 10.24411/2618-6888-2018-10010

С.В. Уянаев

30 ЛЕТ КИТАЙСКО-ИНДИЙСКОЙ НОРМАЛИЗАЦИИ: «ВОЗВРАТ НА ПЕРЕКРЕСТОК» ИЛИ ВЕРНОСТЬ СОТРУДНИЧЕСТВУ И ДОБРОСОСЕДСТВУ?

Аннотация. Дан анализ текущего этапа китайско-индийских отношений, связанного с деятельностью нынешних руководителей КНР и Индии — Си Цзиньпина и Нарендры Моды. Сопоставлены позитивный и негативный потенциалы двусторонней повестки дня, и на этой основе дан ряд прогнозов. Делается вывод, что, несмотря на некоторые конфликтные ситуации последнего времени, в отношениях Китая и Индии в обозримой перспективе элементы сотрудничества с высокой степенью вероятности будут преобладать над элементами расхождений, тем самым удерживая стороны от перехода «красных линий».

Ключевые слова: Китай, Индия, Си Цзиньпин, Н.Моды, сотрудничество, конкуренция, проблемы, диалог, США, Пакистан, БРИКС, Южная Азия, РИК.

Для отношений КНР и Индии 2018 год — дата, во многом знаковая. Это год 30-летия важнейшего в современной истории двусторонних связей события — визита в Китай премьер-министра Индии Раджива Ганди.

Точка отсчета

Прошедшие в декабре 1988 г. в Пекине переговоры на высшем уровне — первые за предшествующие три десятка лет — прервали четвертьвековую полосу вражды и отчуждения. Начатая в 1962 г. кровопролитным вооруженным конфликтом на границе и продолженная долгими годами замораживания отношений, она иллюстрировалась хотя бы тем, что на полтора десятка лет стороны отозвали глав своих посольств, был практически свернут товарооборот, который еще в середине 1980-х гг. выражался в абсолютно символических цифрах (немногим более 0,2 млрд долл.). В ходе визита стороны договорились возобновить полномасштабный межгосударственный диалог, пришли к согласию, что ему не должны препятствовать остающиеся нерешенными пограничный и другие спорные вопросы¹.

Все это позволило считать визит Р. Ганди некой точкой отсчета для формальной нормализации двусторонних отношений. Однако сохранение ряда серьезных проблем, прежде всего оставленного историей вопроса погранично-территориального размежевания, вызревание некоторых новых разногласий поставили такую нормализацию в известные рамки. Речь идет о том, что в этих отношениях сочетаются две главные (и во многом противоречивые) тенденции — сотрудничества/партнерства и соперничества/конкуренции. Баланс этих двух тенденций все три последних десятилетия, собственно, и определяет сущностное содержание отношений Пекина и Нью-Дели.

Поиск позитивного баланса

Не будет преувеличением сказать, что все это время, истекшее с пекинского визита Р. Ганди, стороны (каждая исходя из собственных, понятно, интересов) ведут поиск позитивного общего знаменателя в таком балансе. Причем зачастую этот поиск происходит в крайне непростых условиях.

С одной стороны, все 30 лет, особенно в рамках провозглашенного в 2005 г. «стратегического партнерства», стороны практически

неизменно декларировали верность курсу на добрососедство и развитие связей в различных областях. Порой создавалось ощущение близких прорывов в решении давних сложных проблем.

Однако, с другой — с известной регулярностью давали о себе знать как долговременные проблемы (территориальная), так и сравнительно новые вызовы (тибетский, пакистанский и другие вопросы). Последние, к тому же, порой получали ранее не встречавшуюся нюансировку, обусловленную особенностями текущего момента.

Проблемная часть отношений (как проявление тенденции соперничества/конкуренции) особенно наглядно дала о себе знать, в частности, в серии пограничных инцидентов в середине 2010-х гг., которые, к счастью, ограничились лишь воинственной риторикой. Не случайно эти инциденты подтолкнули некоторых авторитетных международных экспертов к выводам, что с точки зрения альтернативы, стоящей перед китайско-индийскими отношениями, в 2017 г. последние вернулись на некий, казалось бы, уже пройденный «стратегический перекресток», причем с риском «откатиться» назад — по «негативному направлению»².

Даже если допустить, что такого рода опасения были не совсем оправданными, они не могут не свидетельствовать о необходимости повысить внимание к текущей ситуации в китайско-индийских отношениях и вновь провести оценку вовлеченных в них позитивных и негативных факторов и аргументов. Причем за временные рамки, наглядно иллюстрирующие сегодняшнее положение дел, уместно принять последние 3—4 года, когда у власти в КНР и Индии одновременно находились нынешние руководители этих стран — Си Цзиньпин и Нарендра Моди.

Повестка сотрудничества: высший и высокий уровни

Главными факторами, определявшими в последние 2—3 десятилетия позитивный вектор двусторонней повестки, специалисты признают создание и последовательное развитие многоуровневого механизма двусторонних связей, а также продвижение диверсифици-

рованного диалога в политической, экономической, культурной и других областях. При этом стороны уделяют повышенное внимание механизму встреч на высшем и высоком уровнях. В этом смысле период середины 2010-х гг. внешне выглядел достаточно насыщенным, хотя и с разным «наполнением» по годам, причем наиболее «урожайными» были 2014—2015 гг.

В мае 2014 г. новый премьер-министр Индии Н. Моди в телефонном разговоре с китайским коллегой Ли Кэцзяном назвал отношения с Китаем «одной из важных задач Индии». В свою очередь премьер Госсовета КНР, поздравляя собеседника с назначением и отметив, что две стороны «нашли способ одновременного расширения сотрудничества и урегулирования разногласий», подчеркнул готовность КНР укреплять отношения взаимного доверия с Индией и «рассматривать развитие Индии как шанс для себя»³.

Отражением такого обоюдного настроения можно считать последовавшие вскоре практические шаги. В июне 2014 г. в Нью-Дели в качестве спецпосланника председателя КНР Си Цзиньпина прибыл глава китайского МИД Ван И, который был принят новым индийским премьер-министром, провел переговоры с министром иностранных дел Индии г-жой С. Сварадж. Стороны говорили о «потенциале еще большего сотрудничества» и преобладании «общих интересов над расхождениями», о приоритетности отношений друг с другом и приверженности «совместному развитию» и укреплению отношений. Как отметил Ван И, Китай намерен «строить с Индией еще более тесные и многосторонние партнерские отношения»⁴.

Переговоры были особенно важны в том смысле, что стороны де-факто подтвердили существовавшую и при прежнем правительстве Индии (как и при правлении в КНР предшественников председателя Си) рамочную формулу двусторонних отношений. Речь идет о намерении углублять взаимодоверие и продолжать взаимные визиты на высоком уровне, стимулировать практическое сотрудничество, расширять гуманитарные связи. Составной частью формулы является намерение «надлежащим образом» урегулировать пограничный вопрос, совместно обеспечивая при этом мир и спокойствие на границе, а также гарантируя, что пограничный вопрос (как и другие пока нерешенные вопросы) не будет отрицательно влиять на отно-

шения двух стран⁵. Кроме того, была достигнута договоренность о скором проведении встреч на высшем уровне.

Такая встреча состоялась через месяц — на полях саммита БРИКС в Бразилии (Форталеза). Впервые лично приветствовав друг друга как высших руководителей своих стран, Си Цзиньпин и Н. Моди солидарно подчеркнули необходимость дальнейшего развития двусторонних отношений⁶.

Что же касается первой полноформатной встречи, то она состоялась 17—19 сентября 2014 г., когда с официальным государственным визитом Индию посетил председатель КНР Си Цзиньпин. Визит внешне стал образцовой иллюстрацией развития позитивной тенденции в отношениях двух стран. В ходе этого события, неординарного даже для нынешнего, достаточно благоприятного периода отношений (предыдущий визит главы КНР в Индию имел место за 8 лет до этого), было подписано 16 различных соглашений, в том числе по предполагаемым совместным проектам на сумму около 20 млрд долл. Лидеры двух стран заявили о готовности сотрудничать по глобальным вопросам и о стремлении содействовать созданию «открытой, транспарентной, равноправной и инклюзивной» системы безопасности в АТР, выступили за развитие взаимодействия на многосторонних площадках. При этом КНР заявила о том, что она приветствует вступление Индии в число полноформатных членов ШОС⁷.

Диалог на высшем уровне был продолжен спустя 8 месяцев — в мае 2015 г., когда Н.Моди побывал с официальным визитом в столице КНР. Было подписано 2 совместных заявления, а также 24 кооперационных межправительственных соглашения и 26 документов по линии взаимодействия бизнес-сообществ двух стран. Общая стоимость предполагаемых проектов была оценена в 32 млрд долл., из которых 22 млрд — по линии деловых кругов⁸. Стороны договорились о взаимном учреждении новых консульств — в Чэнду (КНР) и Ченнаи (Индия), об установлении нескольких новых пар побратимских связей между городами и регионами (например, Карнатака и Сычуань, Ченнаи и Чунцин, Хайдарабад и Циндао).

Лидеры двух стран подчеркнули «определяющую роль» двусторонних отношений в развитии событий в Азии и за ее пределами в XXI в., декларировали, что две страны, являясь «крупными держава-

ми в системе формирующегося миропорядка», соглашаются сотрудничать по целому ряду глобальных и региональных вопросов⁹. Диалог на высшем уровне не ограничивался лишь переговорами непосредственно «первых лиц» и дополнялся другими встречами. Так, в июле 2014 г. в Пекине находился вице-президент Индии Х. Ансари, который был принят председателем Си Цзиньпином. Участники переговоров вновь подчеркнули приоритетный характер китайско-индийских отношений для каждой из сторон¹⁰.

Встречи на высшем уровне 2016—2017 гг. уже не выглядели столь впечатляющими ни по частоте, ни по уровню. Хотя в мае 2016 г. с визитом в Китае находился президент Индии (пост, как известно, во многом церемониальный), непосредственно «первые лица» (председатель КНР и премьер-министр Индии) официальными визитами, в отличие от предыдущих двух лет, в эти два года не обменивались. Тем не менее, такие встречи с той или иной степенью регулярности происходили на полях различных международных форумов, в том числе в Китае и Индии.

В 2016 г. встреч высшего уровня «на полях» было три. Так, в июне 2016 г. лидеры двух стран имели личную беседу в ходе саммита ШОС в Ташкенте. А осенью они обменялись визитами. В сентябре 2016 г. Н. Моди посетил Ханьчжоу для участия в саммите G-20 и одновременно провел двусторонние переговоры с Си Цзиньпином. Через месяц уже председатель КНР находился в Индии на саммите БРИКС, на полях которого имел двустороннюю беседу с премьер-министром Н. Моди.

В ходе переговоров высшего уровня 2016 г. обсуждались такие вопросы, как перспективы участия Индии в Группе ядерных поставщиков и позиция, занятая по этому поводу Китаем¹¹; необходимость адекватного реформирования глобального управления; задача взаимного учета озабоченностей друг друга. Указывалось на важность интенсификации диалога на высшем уровне и продолжения тесной кооперации в международных форматах БРИКС, ШОС, АРФ и т. п.¹²

В 2017 г. встречи высшего уровня прошли по формально похожему сценарию — на полях саммитов ШОС (Астана, июнь), БРИКС (Сямэнь, сентябрь) и G-20 (Гамбург, июль)). Однако на этот раз они дали особую пищу для размышлений. Так, в столице Казахстана Си

Цзиньпин поздравил Н. Моди со вступлением Индии в члены ШОС, однако обсуждение созидательной части повестки оказалось омраченным тенью напряженности, наметившейся в то время в районе соприкосновения границ КНР, Индии и Бутана (район Доклам). На этом фоне не стало случайным, что через месяц, во время июльского саммита G-20 в Гамбурге, встреча «Си — Моди» специально уже не планировалась. Причину наблюдатели усмотрели в сохранявшихся неопределенностях на границе. Тем не менее, обмен мнениями (пусть и в сильно усеченном, пятиминутном формате) на полях «двадцатки» все же состоялся¹³.

Сентябрьская китайско-индийская встреча в верхах на полях саммита БРИКС прошла буквально через неделю после переговорного урегулирования ситуации в Докламе, и, видимо, поэтому вернулась к своей обычной (порядка 1 ч) продолжительности. В ходе беседы Си Цзиньпин призвал продвигать китайско-индийские отношения на «правильный путь». Индийская сторона оценила переговоры как «весьма конструктивные и обращенные не назад, а в перспективу». Стороны заявили о готовности и настрое на дальнейшее развитие отношений в самых разных областях¹⁴. Большое значение встречи в Сямэне состояло в том, что, несмотря на сложности, был сохранен регулярный формат диалога на высшем уровне и тем самым стороны совместно подчеркнули его приоритетную роль.

Своего рода точку в возникшем в 2017 г. похолодании был призван поставить неформальный визит премьер-министра Индии Нарендры Моди в Китай 27—28 апреля 2018 г. Свидетельство необычного и взаимно благожелательного настроения наблюдатели усмотрели в выборе как удаленного от столичного официоза места переговоров (г. Ухань, Центральный Китай), так и самого формата состоявшихся встреч. За два дня Си Цзиньпин и Н. Моди провели «один на один» не менее четырех бесед, обсудили двусторонние и международные вопросы. Как подчеркивалось в опубликованном пресс-релизе, стороны «рассмотрели события в отношениях между Индией и Китаем со стратегической перспективы, договорились значительно активизировать конвергенции через двусторонние механизмы, согласились, что обе стороны имеют зрелость и мудрость, чтобы справиться с разногласиями мирным путем»¹⁵.

К диалогу высокого уровня в 2014—2017 гг. следует отнести обмен важными официальными визитами и встречами «на полях» по линии руководства внешнеполитических ведомств. Министры Ван И и Сушма Сварадж встречались в этот период не меньше 7 раз. Особое внимание было приковано к переговорам в индийской столице на исходе 2017 г., которые проходили на полях министерского форума РИК и были первыми после событий упомянутого выше китайско-индийского противостояния на плато Доклам. Как и во время встречи «Си—Моди» тремя месяцами ранее в Сямэне, стороны продемонстрировали итоговый примирительный тон, сходным образом заявив, что они «должны способствовать дальнейшему укреплению взаимодоверия и взаимопонимания»¹⁶. При этом китайская сторона, фактически отказавшись разделить вину за произошедшее обострение, подчеркнула, что оно явилось серьезным испытанием для двусторонних отношений, которые переживают «критический период»; и хотя мирное разрешение говорит об их зрелости, должны быть сделаны серьезные выводы для предотвращения инцидентов впредь. Ван И призвал крепить стратегические связи на всех уровнях, развивать практическое сотрудничество в разных сферах, «правильно» подходить к существующим различиям¹⁷. В апреле 2018 г. С. Сварадж нанесла официальный визит в Пекин. Сторонам удалось закрепить позитивный настрой предыдущей встречи в Нью-Дели. Было заявлено о «большом прогрессе двусторонних отношений» с момента предыдущей встречи двух министров в декабре 2017 г.¹⁸

С марта по декабрь 2015 г. состоялись очередные три (18-й, 19-й и 20-й) раунды консультаций между спецпредставителями правительств двух стран по вопросу о границе. Ведущие последние годы переговоры член Госсовета КНР Ян Цзечи и советник премьер-министра Индии по национальной безопасности А. Довал заявляли, что стороны продолжали «надлежащим образом контролировать споры в целях совместной защиты мира и спокойствия в пограничных районах»¹⁹. Говорилось о продолжении поиска консенсусных решений, однако по-прежнему не сообщалось о степени реального прогресса в этой работе²⁰. Это свидетельствует о том, что здесь по-прежнему вряд ли придется ждать скорых и решительных результатов²¹.

Как известно, диалог по погранично-территориальной проблематике ведется КНР и Индией в рамках еще двух переговорных механизмов. Это созданный в 2012 г. Рабочий механизм консультаций и координации по вопросам китайско-индийской границы (Working Mechanism on Consultation & Coordination for India-China Border Affairs), 11-й раунд заседаний которого прошел в марте 2018 г.²² Также продолжает функционировать второй аналогичный механизм, действующий в рамках заключенного в 2013 г. Соглашения по сотрудничеству в охране границы (Border Defence Cooperation Agreement).

На уровне высоких государственных структур были продолжены переговоры по еще двум важным диалоговым дорожкам — по борьбе с терроризмом и по стратегической безопасности. Соответствующие правительственные встречи прошли в сентябре 2016 г. и в феврале 2017 г.²³

Армейские, парламентские и гуманитарные связи

Как и ранее, нынешнее руководство обеих стран уделяет внимание развитию диалога по линии разнообразных министерств и ведомств. Особое внимание привлекают связи между ведомствами силового блока, включая министерства обороны и внутренних дел, которые всегда значимы как индикатор общего уровня отношений.

Наиболее примечательным событием периода 2014—2017 гг. на этом направлении стал официальный визит в Китай (апрель 2016 г.) индийского министра обороны М. Паникара, который провел переговоры с китайским коллегой Чан Ваньцюанем и был принят премьер-министром КНР Ли Кэцяном. Повестка переговоров в рамках данного визита и целого ряда других межармейских встреч отразила общий лейтмотив контактов по военной линии за последние годы, составной частью которых стали консультации по обороне и безопасности, дружественные обмены между соседними военными округами и пограничными подразделениями. По мнению сторон, в немалой степени именно «благодаря этому на китайско-индийской границе сохранялись мир и спокойствие». Показателем уровня во-

енных связей являются начатые еще в 2007 г. совместные антитеррористические учения «Рука об руку». В 2015—2016 гг. они прошли последовательно в китайской провинции Юньнань и районе г. Пьюн на западе Индии²⁴. Нельзя не заметить, что в 2017 г. совместные антитеррористические учения не проводились (годовые перерывы, впрочем, случались и ранее), а военные обмены были менее насыщенными.

Армейские связи подкреплялись развитием диалога между министерствами внутренних дел и антитеррористическими ведомствами.

Среди других важных визитов, наполнявших различные дорожки сотрудничества, внимание привлекли поездки в Китай (в рамках проходивших с начала 2017 г. министерских встреч БРИКС) индийских министров финансов, коммерции, здравоохранения, культуры²⁵.

Кроме того, получили продолжение связи по парламентской и партийной линиям.

Новые шаги были сделаны в сфере гуманитарного сотрудничества. Значимым событием стало, в частности, посещение Китая многочисленной (100 человек) делегацией индийской молодежи²⁶. Такие обмены стороны решили поставить на взаимную основу и вдвое увеличить численность делегаций²⁷.

Традиционно важным пунктом двусторонней повестки остаются торгово-экономические связи. После относительного снижения объема товарооборота (с 73 млрд долл. в 2011 г. до порядка 66 млрд в 2012—2013 гг.) в 2015—2017 гг. наблюдался его подъем. В 2017 г. товарооборот достиг рекордного показателя в 84,48 млрд, превысив, к слову, аналогичный китайско-российский показатель²⁸. Правда, традиционно большое для Индии отрицательное сальдо ее торговли с Китаем не только сохранилось, но в абсолютных цифрах даже возросло — до 52 млрд долл. (68 млрд китайского экспорта в Индию и 16 млрд индийского экспорта в Китай). По итогам двух первых месяцев 2018 г. рост двустороннего товарооборота продолжился, составив 14,9 млрд долл. против 11,8 млрд за тот же период 2017 г.²⁹ Инвестиционное сотрудничество остается пока на скромном уровне: на апрель 2017 г. суммарные китайские инвестиции в Индию достигли 4,7 млрд долл., индийские в КНР — немного превысили 700 млн³⁰.

Противоречия сохраняются

Подробное изложение картины событий, приведенных выше, является не случайным и показывает, что в середине 2010-х гг. правительства Си Цзиньпина и Н.Моди продолжали поддерживать разветвленный межгосударственный диалог. Это отражало позитивную повестку двусторонних связей, тенденцию сотрудничества и добрососедского стратегического партнерства. Однако что же заставило ряд серьезных наблюдателей на исходе 2017 г. обратить особое внимание на другую, проблемную часть отношений, поставив под сомнение перспективы самого «узлового» вектора китайско-индийского диалога?

Пытаясь ответить, обратимся к конкретному существу имеющихся проблем, их состоянию на нынешнем этапе.

Прежде всего, уместно отметить обострение одной из наиболее болезненных проблем — территориально-пограничной. Несмотря на несколько переговорных дорожек высокого уровня, прорывов в системном разрешении разногласий здесь не достигнуто. Прямым следствием этого стала пограничная напряженность 2014 г. в Ладакхе и особенно — упоминавшееся противостояние лета 2017 г. на плато Доклам (Дунла в китайском варианте). Непосредственным поводом для конфликта в очередной раз явились разночтения в прохождении Линии фактического контроля, разделяющей стороны в условиях отсутствия юридически зафиксированной границы. «Камнем преткновения» стал конкретный участок на стыке рубежей Китая, Индии и Бутана, формально относящийся к границе между КНР и Бутаном, интересы которого традиционно защищает Нью-Дели. Обвинения друг друга в «нарушении границы», снос китайской стороной индийских блиндажей, давление индийских пограничников на китайских дорожных рабочих, занятых прокладкой шоссе на плато Доклам, привели к противостоянию вооруженных подразделений двух стран, которые 72 дня разделяла лишь узкая дорожная полоса. К счастью, традиция, согласно которой на границе вот уже несколько десятилетий не звучит ни единого выстрела, не прервалась и на этот раз. Дипломатическими усилиями, в том числе в рамках упомянутых выше механизмов, ситуация была разрешена³¹. Однако она вновь указала на всю серьезность и потенциальную

взрывоопасность территориального спора. В его ареал вовлечены 135 тыс. кв. км территории в западном, центральном и восточном секторах границы. Стороны не прекращают высказывать взаимные претензии: Более того, события вокруг Доклама, как уже отмечалось, впервые за много лет стали поводом для особенно резкой полемики³², для жестких оценок со стороны политиков и экспертов, согласно которым отношения двух стран «оказались в критической точке» и могут быть отброшены на уже некогда пройденный «перекресток».

Территориальную проблему прямо иллюстрируют осложнения, связанные с правительственными демаршами Пекина из-за поездок индийских руководителей в штат Аруначал-Прадеш, который Китай считает своей территорией, именуя его «Южный Тибет». В 2016—2018 гг. Пекин протестовал по этому поводу несколько раз. Но наибольший резонанс был вызван приглашением Далай-ламы в Аруначал-Прадеш. Сам факт многолетнего пребывания Далай-ламы на индийской территории вызывает откровенное недовольство Пекина. В данном же случае, когда Далай-лама был приглашен в район, который с точки зрения Китая является спорным, по сути дела произошел «стык» территориальной и так называемой тибетской проблемы, в рамках которой Китай обвиняет Индию в «потворстве тибетскому сепаратизму», связанному с якобы антикитайской деятельностью беженцев и Далай-ламы, перебравшихся в Индию после Тибетского восстания 1959 г.

Давали о себе знать и другие двусторонние проблемы. Если говорить о подходах индийской стороны, то, к примеру, летом 2016 г. Нью-Дели нервно отреагировал на очередное нежелание Пекина открыть Индии дорогу в Группу ядерных поставщиков (ГЯП). Равным образом индийское руководство испытало разочарование, когда его попытки включить в число официально признаваемых ООН террористических формирований группировку «Джаиш-и-Мухаммед» (базируется в пакистанской части Кашмира) также были заблокированы Пекином. В данном сюжете нашла отражение еще одна застарелая проблема двусторонних отношений — вопрос китайско-пакистанского сотрудничества в военно-политической сфере, которое, по убеждению Нью-Дели, имеет антииндийскую направленность.

«Территориальный» и «пакистанский» акценты в списке двусторонних противоречий в последнее время усилились в контексте растущей индийской настороженности по поводу китайской трансевразийской инициативы «Один пояс, один путь». С самого начала заняв весьма сдержанную позицию в отношении этой идеи, Нью-Дели лишь умножил свои подозрения относительно геополитических целей китайского проекта после того, как Пекин официально объявил его составной частью экономического коридор «Китай-Пакистан» и более того — приступил здесь к практическому строительству. Поскольку коридор проходит в том числе по территории Кашмира, который Индия считает полностью своим, Нью-Дели выступает резко против этого проекта. В частности Индия демонстративно бойкотировала проведенный в мае 2017 г. в Пекине Форум по сотрудничеству в рамках «Одного пояса, одного пути», на который прибыли лидеры 29 стран.

Проявляется, как и прежде, геоэкономическая и геополитическая конкуренция двух государств. В контексте ее регионального измерения Нью-Дели выражает неослабевающее беспокойство в связи с активностью Китая в соседних с Индией странах, прежде всего в Шри-Ланке, на Мальдивах, в Непале, усматривая в этом ущемление собственного влияния и интересов³³. Указывая на стремление Китая «ограничить естественные индийские интересы в Южной Азии и в бассейне Индийского океана», в Индии с озабоченностью говорят о китайском проекте создания «однополярной Азии» и даже о «Евразии, где выделяется растущий Китай» уже сегодня³⁴.

Если говорить о взгляде из Пекина, то здесь (помимо противоположного толкования предыдущих сюжетов) озабочены «антикитайскими акцентами», которые руководство КНР видит в расширении и углублении индийско-американского диалога (визит Б. Обамы в Нью-Дели в январе 2015 г., визит Н. Моди в США в апреле 2016 г. и летом 2017 г., его встреча с Д. Трампом в ноябре 2017 г. в Маниле).

В рамках отношений с США Нью-Дели не скрывает цели «создать приемлемый для Индии баланс региональных сил», которая в индийско-американских (и индийско-японских) совместных документах последнего времени облекается в формулу «поддержания мира и стабильности в Индо-Тихоокеанском регионе» и «растущего

сходства интересов» стран-подписантов в этом районе³⁵. По более откровенной версии индийского экспертного сообщества, поддержание такого «баланса» касается в первую очередь «отношений с Китаем». Иными словами, прямо ставится задача «сдержать растущего и малопредсказуемого северного соседа»³⁶. Ситуацию накаляет антикитайски настроенный Вашингтон, стремящийся в своих интересах, как можно глубже, вбить клин в отношения Пекина и Нью-Дели³⁷.

Другой точкой расхождений, как и прежде, остается вопрос несбалансированности торговли, в частности, упомянутое серьезное отрицательное сальдо Индии в двустороннем товарообороте (превышение китайского экспорта над импортом в 4,2 раза в 2017 г.). При этом Китай обвиняет Индию в необоснованных антидемпинговых расследованиях. Продолжает звучать и проблема водопользования пограничной реки Брахмапутра/Ялуцангпо³⁸.

Такой достаточно широкий спектр исторически сложившихся вопросов и современных разногласий увенчан системной проблемой дефицита стратегического взаимодоверия. Эта проблема, с одной стороны, мешает решить старые, исторически унаследованные и другие спорные вопросы, а с другой — лишь усиливается с каждым рецидивом хотя бы одного из них.

Что на этом фоне ждет двусторонние отношения в обозримой перспективе?

Избежать перехода «красных линий»

Поиски ответа на этот вопрос могут лежать лишь в одной разумной плоскости — попытках соизмерить позитивный и негативный потенциалы, сопоставить между собой суммы центростремительных и центробежных факторов в отношениях двух стран.

Несомненно, факторы негативного характера, которые особенно дали о себе знать в 2017 г., выглядели достаточно тревожно. К обострению ряда двусторонних проблем можно добавить и некоторое снижение (опять же в 2017 г.) интенсивности политических, военных и других традиционных для последнего времени контактов.

Однако не следует недооценивать роли позитивных факторов и импульсов к развитию сотрудничества. Прежде всего, речь идет о результатах большой созидательной работы, о предпринятых сторонами за последние три десятилетия усилиях по созданию многопрофильной сети механизмов взаимодействия. Таких действующих «дорожек сотрудничества», обеспечивающих как площадку для переговоров, так и инструменты для практических шагов, между КНР и Индией создано свыше 35. Важное место среди них, повторим, занимает механизм встреч на высшем уровне, который действовал и в последнее, не самое спокойное время. Все это позволяет если не предотвращать обострение тех или иных проблем, то, по крайней мере, обеспечивать их мирное, взаимоприемлемое купирование.

Будем также иметь в виду, что наиболее острый сюжет, связанный с такими обострениями — военное противостояние на плато Доклам, не внес в двусторонние отношения чего-либо принципиально нового. Схожий, продолжавшийся один месяц инцидент имел место, например, в 2014 г. на западном участке общей границы (район Чумар), когда в противостоянии с обеих сторон участвовало еще большее число военнослужащих. Однако затем ситуация была урегулирована с помощью имеющихся переговорных механизмов, а вслед за этим прошел успешный визит председателя КНР в Индию. Есть надежда, что коль скоро такого рода ситуаций в ближайшее время вряд ли удастся полностью исключить, то мирный подход к их разрешению все же сохранится.

Поводом для осторожного оптимизма является и наметившийся подъем в двусторонней торговле, которая, повторим, невзирая на не самую хорошую общую обстановку, достигла рекордного уровня.

Наконец, несмотря на всю условность языка официальных деклараций, нельзя не принимать во внимание векторную тональность заявлений Пекина и Нью-Дели, затрагивающих перспективы китайско-индийских отношений. Выступая 8 марта 2018 г. на пресс-конференции в ходе сессии китайского парламента, глава МИД КНР Ван И высказался за развитие двусторонних отношений, указав на главную совместную задачу — «справиться с вопросом установления взаимодоверия». «Диалог поможет управлять разногласиями, а сотрудничество откроет дорогу в будущее», — подчеркнул министр³⁹.

Можно вспомнить и заявление Н. Моди, сделанное в канун 2018 г. в ходе приема в честь находившегося в Нью-Дели члена Госсовета КНР Ян Цзечи: «Сильные и здоровые отношения Индии и Китая важны не только для интересов народов обеих стран, но также для региона и всего мира, Индия готова вместе с Китаем и далее укреплять взаимовыгодное двустороннее сотрудничество»⁴⁰. Приоритетность отношений с Китаем еще четче была отмечена премьер-министром Индии в письме Си Цзиньпину в связи с его переизбранием в марте 2018 г. на пост председателя КНР, в котором указано на намерение совместными усилиями двух лидеров «поднять отношения двух стран к новым высотам»⁴¹.

Обоюдное намерение крепить партнерство «более тесного уровня», путем диалога разрешать разногласия с учетом чувствительных озабоченностей друг друга было, как сказано выше, подчеркнуто высшими руководителями двух стран и на неформальной встрече в конце апреля 2018 г. в г. Ухань.

Такой подход обеих сторон служит еще одним аргументом в пользу позитивности перспектив двусторонних связей. Вся сумма факторов сотрудничества/партнерства в китайско-индийской повестке позволяет судить, что она как минимум не уступает по значимости совокупности факторов разногласий, споров и расхождений. От отношений между Пекином и Нью-Дели в обозримом будущем вряд ли стоит ждать каких-то прорывов и разрешения застарелых споров. Но и переход за некие «красные линии» вряд ли возможен.

Стабильные и добрососедские отношения Китая и Индии отвечают интересам РФ. Для России обе страны являются важными стратегическими партнерами и в региональном, и в глобальном планах. Формат «Россия—Индия—Китай» (РИК), созданный по инициативе российской стороны полтора десятилетия назад в целях продвижения совпадающих или сходных международных и внутренних интересов, вносит свой вклад в развитие отношений между всеми участниками «тройки». В том числе РИК способствует диалогу Пекина и Нью-Дели, ежегодно создавая дополнительную площадку для благожелательного обмена мнениями. Хорошим его примером стала встреча министров иностранных дел РИК в апреле 2016 г. в Москве, где, как уже упоминалось, китайская и индийская стороны предметно обсудили и двустороннюю повестку⁴².

Примечания

¹ См.: Sino-Indian Joint Press Communique(Beijing, 23 December 1988). URL: http://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/wjb_663304/zzjg_663340/yzs_663350/gjlb_663354/2711_663426/2712_663428/t15913.shtml

² URL: <https://thediplomat.com/2018/01/2017-a-tough-year-for-china-india-relations>

³ URL: <http://russian.people.com.cn/n/2014/0530/c31521-8735023.html>

⁴ URL: <http://english.people.com.cn/n/2014/0610/c90883-8739003.html>

⁵ URL: http://russian.news.cn/china/2014-06/09/c_133392300.htm

⁶ URL: http://russian.news.cn/china/2014-07/15/c_133484931.htm

⁷ URL: <http://www.mea.gov.in/bilateral-documents.htm?dtl/24022/Joint+Statement+between+the+Republic+of+India+and+the+Peoples+Republic+of+China+on+Building+a+Closer+Developmental+Partnership>

⁸ URL: <http://www.mea.gov.in/outgoing-visit-info.htm?2/772/Visit+of+Prime+Minister+to+China+May+1416+2015>

⁹ URL: <http://www.mea.gov.in/outgoing-visit-detail.htm?25240/Joint+Statement+between+the+India+and+China+during+Prime+Ministers+visit+to+China>

¹⁰ URL: <http://russian.people.com.cn/n/2014/0701/c31521-8748918.html>

¹¹ URL: <http://www.mea.gov.in/media-briefings.htm?dtl/26947/Transcript+of+Media+Briefing+by+Official+Spokesperson+in+Tashkent+on+Prime+Ministers+on+going+visit+to+Uzbekistan+June+23+2016>

¹² URL: <http://mea.gov.in/outgoing-visit-detail.htm?27366/Transcript+of+Media+Briefing+by+Official+Spokesperson+in+Hangzhou+on+Prime+Ministers+visit+to+China+September+04+2016>

¹³ URL: <http://www.scmp.com/news/china/diplomacy-defence/article/2101742/chinas-xi-jinping-and-indias-narendra-modi-meet-g20>; URL: <https://www.hindustanimes.com/india-news/pm-modi-chinese-president-xi-jinping-discuss-range-of-issues-on-the-sidelines-of-g20-summit/story-Mc0hfELhMuhXxh6LRLvxiI.html>

¹⁴ URL: <http://mea.gov.in/outgoing-visit-detail.htm?28925/Transcript+of+Media+Briefing+by+Foreign+Secretary+in+Xiamen+on+Prime+Ministers+Bilateral+Meeting+with+Xi+Jinping+President+of+China+on+the+sidelines+of+BRICS2017+September+05+2017>

¹⁵ URL: <http://www.mea.gov.in/outgoing-visit-detail.htm?29853/IndiaChina+Informal+Summit+at+Wuhan>

¹⁶ URL: <https://www.firstpost.com/india/doka-la-standoff-put-severe-strain-on-bilateral-ties-chinese-foreign-minister-wang-yi-tells-sushma-swaraj-4255339.html>

¹⁷ URL: http://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/zxxx_662805/t1519385.shtml

¹⁸ URL: <http://www.mea.gov.in/outoging-visit-detail.htm?29839/EAMs+Press+Statement+following+Meeting+with+Foreign+Minister+of+China+April+22+2018>

¹⁹ URL: http://russian.news.cn/china/2015-03/24/c_134092882.htm

²⁰ URL: <http://www.firstpost.com/firstcricket/sports-news/ajit-doval-beijings-state-councillor-hold-20th-round-of-border-discussions-in-new-delhi-4271293.html>

²¹ В марте 2018 г. китайские СМИ сообщили, что впредь обязанности спецпосланника на пограничных переговорах с Индией возлагаются на министра иностранных дел Ван И.

²² URL: http://mea.gov.in/press-releases.htm?dtl/29706/Working_Mechanism_on_Consultation_amp_Coordination_for_India_China_Border_Affairs

²³ URL: http://www.mea.gov.in/Portal/ForeignRelation/China_October_2017.pdf

²⁴ URL: <https://thediplomat.com/2016/11/china-india-hold-joint-military-drill/>; URL: <https://thediplomat.com/2015/10/china-and-india-hold-joint-military-exercise>

²⁵ URL: <http://indianembassybeijing.in/economic-and-trade-relation.php>

²⁶ URL: <http://russian.people.com.cn/n/2014/1125/c31520-8813486.html>

²⁷ URL: <http://www.mea.gov.in/outoging-visit-detail.htm?25240/Joint+Statement+between+the+India+and+China+during+Prime+Ministers+visit+to+China>

²⁸ URL: http://www.chinacustomsstat.com/asp/1/NewData/Record_Class.aspx?id=3386¤cy=usd

²⁹ URL: http://www.chinacustomsstat.com/asp/1/NewData/Record_Class.aspx?id=3447¤cy=usd

³⁰ URL: http://www.mea.gov.in/Portal/ForeignRelation/China_October_2017.pdf

³¹ URL: <https://thediplomat.com/2017/08/what-china-learned-about-india-at-doklam/>; URL: https://en.wikipedia.org/wiki/2017_China%E2%80%93India_border_standoff;

³² См., напр.: URL: http://english.chinamil.com.cn/view/2017-08/02/content_7700993.htm

³³ URL: <http://inosmi.ru/politic/20161115/238205851.html>

³⁴ Там же.

³⁵ URL: <http://mea.gov.in/outoging-visit-detail.htm?28560/Joint+Statement++United+States+and+India+Prosperity+Through+Partnership>; URL: <http://mea.gov.in/outoging-visit-detail.htm?25868/Inaugural+USIndiaJapan+Trilateral+Ministerial+Dialogue+in+New+York>

³⁶ Ibidem.

³⁷ Подробнее см., напр.: *Микрюков В.* Провокаторы наготове. В раздувании конфликта между Китаем и Индией заинтересованы прежде всего США // Независимая газета. 13.10.2017.

³⁸ URL: http://russian.news.cn/china/2014-11/25/c_133811288.htm

³⁹ URL: http://russian.china.org.cn/china/txt/2018-03/08/content_50684087.htm

⁴⁰ URL: http://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/wjb_663304/zzjg_663340/yzs_663350/gjlb_663354/2711_663426/2713_663430/t1522078.shtml

⁴¹ URL: http://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/wjb_663304/zzjg_663340/yzs_663350/gjlb_663354/2711_663426/2713_663430/t1544883.shtml

⁴² URL: http://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/zxxx_662805/t1357011.shtml

DOI: 10.24411/2618-6888-2018-10011

А.С. Давыдов

ПЕКИН, МОСКВА И ВАШИНГТОН: ПОИСКИ ВЫХОДА ИЗ «КОРЕЙСКОГО ТУПИКА»

Аннотация. Кардинальным решением проблемы Корейского полуострова является воссоединение корейской нации. Лишь оно способно окончательно стабилизировать обстановку в Северо-Восточной Азии и ликвидировать исходящую отсюда ядерную угрозу. Совместные скоординированные усилия КНР, США и России могут способствовать достижению этой цели.

Ключевые слова: КНДР, РК, Корейский полуостров, ракетно-ядерные испытания, США, КНР, Россия, безопасность в АТР.

«Объединение Кореи в ближайшей перспективе — 15—20 лет — нереально в силу крайней враждебности двух корейских государств и отсутствия мотивации к сотрудничеству». Эти слова на первой конференции корееведов России и стран СНГ в 1996 г. произнес видный отечественный специалист по корейским проблемам В.П. Ткаченко¹. Его прогноз полностью подтвердился: прошло уже больше 20 лет, «а воз и ныне там».

Более того, за последние годы положение на Корейском полуострове усугубилось, а отношения между Севером и Югом обострились до грани военного конфликта. Обострение происходило не впервые, но в конце 2017 г. дошло до очень серьезной стадии. Не зря

для рассмотрения корейского вопроса на всем его протяжении Совет Безопасности ООН собирался неоднократно, а тема конфронтации Пхеньяна с Сеулом и Вашингтоном не сходила с телеэкранов и первых полос СМИ разных стран.

Диапазон мнений по поводу причин конфликта был не слишком широк и сводился к двум точкам зрения:

1) «кровавый диктаторский режим» своими действиями бросает миру вызов и, попирая все нормы международного права и Устав ООН, ставит человечество на грань ядерной катастрофы;

2) оппоненты такого взгляда, жуя Ким Чен Ына за ракетно-ядерные «шалости» на Корейском полуострове, упирали на вину Соединенных Штатов, якобы спровоцировавших своим агрессивным поведением «вынужденные шаги Пхеньяна».

Оба мнения представлялись достаточно поверхностными. Совпадали стороны дискуссии лишь в очевидном: военного решения проблемы существовать не должно, ибо оно станет той крайне нежелательной мерой, которая повлечет необратимые бедственные последствия. Причем не только для конфликтующих сторон и всей корейской нации в целом, но для ее ближайших соседей — Японии, Китая и России.

Конфликт на Корейском полуострове, то ненадолго затухающий, то вспыхивающий с новой силой уже на протяжении шести с половиной десятилетий, напоминает бесконечный бег по замкнутому кругу. И если его военного решения, как утверждается, не должно быть в принципе, то четких подходов к мирному разрешению на конец прошлого года тоже не просматривалось.

Северо-Восточная Азия (СВА) издавна является одним из самых взрывоопасных территорий мира и, к сожалению, до сих пор остается в числе тех регионов, которые не имеют постоянно действующего органа, занимающегося вопросами безопасности.

Механизма безопасности в СВА не сложилось по целому ряду причин. Одна из них в том, что регион «занимает особое, уникальное место в системе глобальных политических и экономических отношений, будучи местом соединения и одновременно **столкновения** (выделено мною. — Авт.) геополитических интересов нескольких наиболее крупных мировых держав — прежде всего, России, Китая, США и Японии»².

В эпицентр сложного переплетения и противоборства региональных интересов попадают и обе Кореи — Северная и Южная. Две Кореи, как известно, — суть наследие неурегулированных проблем и противоречий, сохранившихся со времен Второй мировой и последовавшей за ней «холодной войны», характеризовавшейся острым противостоянием двух конфронтационных общественно-политических систем.

Высокую активность в СВА на протяжении многих лет традиционно сохраняли Соединенные Штаты, действия которых являются составной частью американской стратегии в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Экономическое и военное усиление США в АТР в последние годы обусловлено, в первую очередь, заметным укреплением в нем позиций Китая.

Кто виноват?

Примечательно, что, анализируя текущий конфликт между США и КНДР, практически никто из российских и зарубежных экспертов не углублялся в анализ его исторических корней или причин. А ведь именно они могут подсказать магистральный выход из давно существующей взрывоопасной ситуации.

Но если в поисках ответа на вопрос «Что делать?» обращаться к истории, то в первую очередь предстоит ответить на другой извечный вопрос: «Кто виноват?» А виноваты все — США, Китай, Советский Союз, правопреемником которого выступает нынешняя Россия. С исторической точки зрения виновата и Япония, колонизировавшая и оккупировавшая Корею во время Второй мировой войны. Каждая из этих четырех стран сыграла в возникновении очага напряженности на Корейском полуострове свою особую роль.

США несут ответственность за то, что, выйдя победителем войны в Европе и разделавшись с Японией в Азии, возомнили себя мировым властелином и заодно решили «потеснить» СССР везде, где советское влияние тогда постепенно усиливалось.

Персонифицированный в лице И. Сталина Советский Союз, переживавший эйфорию победителя, не мог не поддаться соблазну претендовать на статус мировой державы со всеми вытекающими

последствиями — насаждением по миру собственной марксистско-ленинской идеологии и сколачиванием на ее основе военно-политических блоков в Восточной Европе и Азии.

Более того, по некоторым данным, мотивом решения Сталина санкционировать наступление северокорейской армии на Сеул стало его стремление сковать военные силы США вдали от европейского континента, где советский вождь рассчитывал значительно расширить социалистический лагерь путем включения в него Германии, Италии и Греции. Именно по этой причине он якобы запретил тогдашнему представителю СССР при ООН наложить вето на резолюцию Совета Безопасности о направлении состоявших преимущественно из американского контингента «ооновских войск» на Корейский полуостров.

Что уж говорить о том, что правителем Северной Кореи был назначен бывший капитан Советской армии Ким Ир Сен, хорошо освоивший науку «лабиринтов» между Пекином и Москвой и извлекавший из этого свои дивиденды.

Маоистский Китай следует винить в постоянном шантаже СССР на почве «слабости КНР перед лицом американского империализма и гоминьдановского Тайваня», результатом которого стало «выбивание» Мао Цзедуном у Сталина крупных советских поставок вооружений, технического оборудования, а заодно и согласия на «территориальное расширение сферы влияния социализма в Азии».

В итоге сложных военно-политических перипетий возникло то, что сохраняется и поныне: Корейский полуостров расколот на две части по линии, совпадающей с прохождением 38-й параллели. Единая корейская нация оказалась разделенной, ведущей существование в форме двух противоборствующих государств — носителей враждебных политических, идеологических и социально-экономических систем. По сути, именно руками политиков США, СССР и КНР корейский народ был разъединен, разобщен и стал заложником их геополитических игр и державных амбиций.

Так появился очаг напряженности, представляющий не региональную, а глобальную опасность. Он стал одним из четырех подобных очагов, сформировавшихся в период существования послевоенной мировой биполярной системы. Три других, как известно, находились в Германии, Вьетнаме и Китае. Их общей отличительной

чертой стал раскол некогда единой нации, выразившийся в образовании на принадлежавшей ей территории двух конфликтовавших и зачастую противоборствовавших друг с другом государств.

В условиях глобальной биполярности эти четыре очага напряженности оставались серьезными источниками угрозы возникновения взрывоопасных конфликтов. Противостояние в Тайваньском проливе и на 38-й параллели, вьетнамские войны с участием Франции и США, постоянный алармизм вокруг Западного Берлина, материализованный в сооружении символа антагонизма двух систем — Берлинской стены — держали мир в страхе и напряжении.

Некоторое расслабление ситуации мировое сообщество ощутило в 1970-е гг., когда в результате поражения США в Юго-Восточной Азии воссоединения добился Вьетнам, а после визита Р.Никсона в КНР было опубликовано Шанхайское коммюнике, регулировавшее на тот момент проблему «двух Китаев». Почти одновременно Хельсинский процесс привел к смягчению ситуации в центре Европы, хотя проблема мирного объединения Германии окончательно решилась лишь на рубеже 1980—1990-х гг. в преддверии распада «постперестроечного» СССР и биполярной системы в целом. Таким образом, из всех очагов глобальной напряженности, возникших в ходе холодной войны, реально сохранился один единственный — корейский.

Поскольку нынешнее положение на Корейском полуострове есть следствие биполярного противостояния во второй половине XX в., его «отголосок», не устраненный до сих пор — сложившаяся там ситуация — будет сохраняться, а любые меры по ее урегулированию, даже самые взвешенные и гуманные, но не нацеленные на окончательное воссоединение разобщенного корейского народа, обречены на провал.

Где выход?

Крах биполярности покончил с идеологическим размежеванием в глобальном мироустройстве, но не привел к ликвидации идейного многообразия политических систем, избираемых той или иной страной в интересах собственного социально-экономического развития.

Негласное табу действует лишь для религиозно-экстремистских террористических режимов и тоталитарных фашистских диктатур. Но и те могут существовать достаточно долго, если открыто не экспортируют вовне свои порочные порядки, идеи и другие «ценности». Подобные примеры имеют место и донныне.

Однако Корея — случай особый. На территории расселения этой древней и некогда единой нации противоборствуют две антагонистические политические системы. При этом цель и смысл существования одной из них заключаются не столько в заботе о благе собственного народа, хотя пропаганда Пхеньяна ее усиленно декларирует, и даже не в доказательстве своих политических, экономических или любых иных преимуществ перед визави, а в **самосохранении правящего режима**, причем любыми средствами, вплоть до военной силы. Управление Северной Кореей осуществляется на основе принципа династийного вожизма, прикрываемого ортодоксальной фразеологией, именуемой «идеями чучхэ».

Любая подобная система выживает до поры до времени за счет применения одного из двух методов — максимально возможного повышения благосостояния своего населения либо жесткого подавления внутреннего недовольства в нем средствами полицейского террора и наращиванием военной силы для противодействия посягательствам извне. Крах ее происходит в тот момент, когда резервы подпитки избранного ею способа самосохранения оказываются исчерпанными.

Правлению Кимов, инициированному вождями СССР и КНР И.Сталиным и Мао Цзэдуном, в условиях биполярного противостояния еще можно было найти оправдание, но и в ту пору не стоило забывать, что любой пестуемый режим нуждается не только в финансовых вливаниях и покровительстве, но и в строжайшем контроле и регулировании. В какой-то момент «вожжи», сдерживавшие Пхеньян, оказались выпущены из рук, а он, в свою очередь, сменил команду партийных управленцев на боевых командиров.

До сих пор, однако, сохраняется ощущение, что ни геополитически, ни стратегически, и в какой-то степени ни идеологически мы не в состоянии ныне окончательно распрощаться с Кимами. Мы не только сами породили эту «династию», но втихую подкармливаем, поддерживаем и обхаживаем 25 млн северных корейцев. Постоянно

прощаем долги, списываем Пхеньяну миллиардные суммы займов — средства, которые и для собственного бюджета были бы нелишними. При этом объем нашей двусторонней торговли просто мизерный — порядка 75—80 млн долл. в год.

Хотя уже не восторгаемся, но зачастую со скрытым удовлетворением наблюдаем «игру» молодого северокорейского лидера с ракетно-ядерными пусковыми кнопками. Кстати, нелишне задать вопрос: откуда у Северной Кореи, страны экономически отсталой и попросту бедной, появился собственный ядерно-ракетный комплекс? Зарубежные и отечественные эксперты отвечают прямо: помощь в этой области КНДР оказали СССР, Пакистан и... современная Россия. На определенном этапе не исключалось участие Китая. Хотя вероятность этого значительно меньше.

Понятно, что в советское время такая помощь предоставлялась под благовидным предлогом развития в Северной Корее собственного «мирного атома». Но даже в этом случае следовало учитывать особенности существующего в стране режима и, тем более, характер личностей его лидеров. Если дед и отец нынешнего вождя все же отличались некоторой сдержанностью (возможно, в силу ограниченности технических и финансовых возможностей), то про их внука и сына это можно сказать с большим трудом.

Так, при Ким Ир Сене КНДР произвела всего 15 ракетных запусков, при Ким Чен Ире — 16. Ким Чен Ын за время пребывания во власти санкционировал уже порядка 90(!) ракетных пусков — втрое больше общего количества испытаний, осуществленных при его деде и отце. Ракетно-ядерную гонку в КНДР увенчали недавние успешные испытания водородной бомбы.

Интенсификацию северокорейской ракетно-ядерной программы ее адвокаты обычно оправдывали угрозой, исходящей от американской системы ПРО ТНААД, размещенной на территории Южной Кореи. Но в этом прослеживается определенное лукавство: их оппоненты ссылаются на зеркально противоположную причину ее развертывания — совершенствование и наращивание ядерных и ракетных систем КНДР. В этом есть резон, поскольку развитие северокорейских ракетно-ядерных средств стартовало намного раньше установки американских противоракет на Юге Кореи.

Можно долго спорить о том, кто виноват в резком ухудшении отношений между КНДР и США после достижения в начале XXI в. в рамках «шестерки» ряда договоренностей о сворачивании северокорейской ядерной программы. Но остается фактом, что денуклеаризация Корейского полуострова стала особенно актуальной для мира после прихода ко власти на Севере Ким Чен Ына.

Рубеж 2011—2012 гг. казался почти идеальным временем не только для смягчения напряженности в межкорейских отношениях, но и для продвижения к созданию системы региональной безопасности в АТР. Одна из самых «мягких» за последнее десятилетие американская администрация Б. Обамы, занявшая в корейском вопросе позицию «стратегического терпения», рассчитывала на либерализацию режима в КНДР. Однако этого не произошло, скорее всего, по причинам вынужденной необходимости консолидации власти внутри Северной Кореи в руках ее нового лидера. Д. Трамп в отличие от Б. Обамы «либеральничать» не захотел.

Давно сложилось впечатление, что слова и действия сторон, конфликтующих на протяжении десятилетий по обе стороны 38-й параллели, ассоциируются с бесполезным и бессмысленным «вращением белки в колесе»: создавая время от времени имитацию продвижения вперед, хотя по сути оппоненты топтались на месте. Для всех здравомыслящих наблюдателей очевидно одно: вражда и напряженность между Севером и Югом исчезнут, и подлинный мир воцарится лишь тогда, когда **обе части Кореи объединятся**.

Идея эта в свое время дискутировалась на межкорейском уровне, и ее реализация фигурировала в повестке двустороннего диалога Севера и Юга как цель, достижение которой обеспечит мир и согласие не только внутри Кореи, но и во всей Северо-Восточной Азии. Однако по целому ряду причин переход к практическому осуществлению этой идеи был приостановлен.

Главным аргументом современных противников объединения выступает то, что **воссоединение Кореи невыгодно никому**: США оно лишает возможности беспрепятственного военного присутствия на Корейском полуострове в качестве «контролера» над действиями Пекина, а КНР — «буферной зоны» как некоего гаранта обеспечения интересов страны в регионе. Для Южной Кореи объединение по существу чревато астрономическими финансовыми издержками,

а для северокорейского режима — его исчезновением с политической карты мира.

В российской экспертной среде есть те, кто словесной «мишурой» условий, оговорок и заверений в «психологическом, а не военном» характере ядерного потенциала КНДР стремятся фундаментализировать свой призыв к сохранению так называемой конфронтационной стабильности, то есть консервации на полуострове ситуации, грозящей глобальным ядерным конфликтом.

Есть также те, кто склонен к определенным действиям, но представляет их как не во всем последовательную цепь неких шагов, зависящих один от другого, но не всегда реальных или реалистичных. По их разумению, процесс нормализации корейской ситуации может занять десятилетия.

Наиболее взвешенным, оптимальным и эффективным представляется подход тех специалистов, кто видит основную ошибку в том, что сформировавшиеся на Корейском полуострове разграничительные линии априори создают некую «презумпцию раскола», не позволяя **воспринимать корейцев как единую нацию**. Только в опоре на такую позицию решение корейской проблемы можно достаточно быстро сдвинуть с мертвой точки. Последним и наиболее убедительным подтверждением безальтернативности национального воссоединения стало участие единой команды корейских спортсменов в церемонии открытия зимней Олимпиады в Пхенчхане.

Это событие по существу дало толчок наблюдавшейся недавно миром серии взаимных двусторонних шагов Вашингтона и Пхеньяна навстречу друг другу, результатом которых стала беспрецедентная встреча в Сингапуре 12 июня 2018 г. лидеров США и КНДР. Породив большие надежды, она, однако, выдвинула целый ряд вопросов, ответы на которые пока четко не просматриваются.

«На поверхности» лишь то, что за гарантию сохранения своего режима Ким готов заплатить любую цену вплоть до ядерного разоружения. Трамп же, со своей стороны, никогда не скрывал, что денуклеаризация Северной Кореи — это пусть существенная, но все же лишь часть плана его администрации по ликвидации очага напряженности на Корейском полуострове, и частичное смягчение противоречий между США и КНДР еще не приближает кардинального решения главной его проблемы — объединения разделенной

нации. Отсюда возникает вопрос: что представлял собой американо-северокорейский саммит — шаг к замирению или передышку на поле битвы?

В сегодняшней обстановке очевидно, что проблема объединения Кореи нисколько не утратила актуальности, а, напротив, ее решение становится все более востребованным. Однако достижение реального объединения должно осуществляться не только и не столько усилиями лишь двух корейских государств, но при активном участии ООН и международного сообщества в целом.

США, КНР, Россия и Япония в силу своей ответственности за ситуацию, сложившуюся вокруг Кореи около 70 лет назад, должны быть официально провозглашены Советом Безопасности и Генеральной Ассамблеей ООН уполномоченными по ее урегулированию. Действовать они обязаны согласованно, с единой позиции и в едином ключе, отставив в сторону разногласия, распри и противоречия.

Очередность шагов предположительно может быть следующей:

1. Поскольку защитники Ким Чен Ына считают, что единственной целью его ракетно-ядерных угроз является привлечение к себе внимания, то от лица мирового сообщества ему следует предложить вступить в переговоры с «группой четырех» с целью выяснения его требований, поставив условием со стороны «четверки» запрет новых ракетных пусков и инициации любой иной военной деятельности.

2. В случае достижения конкретных договоренностей с Ким Чен Ыном Северной Корее будет предложено включиться в процесс объединения, рассчитанный на 5—7 лет, а в качестве предварительного согласия санкционировать проведение на ее территории всеобщего референдума по данному вопросу под строгим и независимым международным контролем. Одновременно аналогичный референдум следует провести и в Южной Корее. Официальным будет считаться результат, полученный в ходе общенационального опроса на территории обоих корейских государств.

3. Отказ от переговоров или срыв их северокорейской стороной влечет введение против нее не очередных ограничительных санкций, а режима международной изоляции, утвержденного ООН. В то же время, в случае согласия КНДР на объединение ее нынешним руководителям должно быть гарантировано избавление от любых форм преследования, на которых сегодня настаивает Юг.

Объединение может быть осуществлено первоначально в форме широкой свободной конфедерации с максимально возможным сохранением государственных структур, действующих по обе стороны 38-й параллели. Следующими шагами станут проведение на полуострове свободных демократических выборов и конституционной реформы в единой и независимой Корее.

Что касается проблемы взаимной адаптации двух частей новой Кореи, то она будет, естественно, непростой и болезненной, но, как показывают примеры Германии и Вьетнама, постепенно все станет налаживаться. Во всяком случае, любая самая мучительная адаптация намного лучше ядерной войны.

Возникает вопрос: каковыми окажутся последствия объединения для самих корейцев, «четверки» его стран-кураторов и региона СВА в целом? Не нарушится ли в его результате баланс их сил и интересов?

Главным безоговорочно позитивным итогом межкорейского объединения станет устранение очага напряженности на полуострове, что благоприятно отразится не только на политико-экономических реалиях воссоединенного корейского государства, но и на ситуации в СВА и АТР в целом. Возникнут ощутимые предпосылки для создания давно необходимой в нем системы коллективной безопасности — цели, которая ранее выглядела недостижимой.

Объединенная Корея не просто укрупнится, а существенно увеличит государственную экономическую и ресурсную мощь, повысит политический и военный потенциал. Обретя нейтральный статус, она расширит свою открытость не только по отношению к традиционным союзникам — США и Японии, но, благодаря снятию «барьеров напряженности», получит возможность еще большего углубления разнообразных связей с крупнейшими государствами региона — Китаем и Россией.

Япония как островное государство выиграет от ликвидации реальной угрозы ее безопасности, усиливающейся сегодня в результате интенсивных ракетно-ядерных испытаний Северной Кореи. Отсутствие такой угрозы, безусловно, поспособствует дальнейшему углублению и расширению политических, торгово-экономических и культурных отношений Японии с соседями по региону.

Свою долю выгод от воссоединения Кореи получит и Россия. Прежде всего, с исчезновением постоянного дестабилизирующего источника региональной напряженности будет устранена некая «геополитическая двусмысленность». Унаследовав от СССР «квази-союзнический статус» Северной Кореи, Россия была вынуждена постоянно проявлять в отношении нее сдержанность и действовать «с оглядкой», в то время как КНДР, не считаясь с нами, вела свою игру, создав ядерную опасность вблизи наших границ.

Помимо поставщика дешевой рабочей силы, которая никуда не исчезнет, большого экономического интереса как инвестор, торговый партнер или источник природных ресурсов Северная Корея для нас не представляет, а отдача от помощи ей со стороны России практически равна нулю. Пестуя ее, мы не способствовали ускорению процесса объединения, а, наоборот, тормозили его.

Добиваясь объединения Кореи, мы одновременно вносим выгодные для себя корректировки в наши отношения с КНР. Так, поддержка северокорейского режима не только автоматически «привязывала» нас к Пекину как главному партнеру КНДР, но и ставила в некое подчиненное по отношению к нему положение. Воссоединение корейской нации избавит Россию от такой подчиненности, «развяжет» ей руки и, усилив одновременно американский прессинг на Китай, позволит укрепить свои позиции в регионе.

Нацеливаясь на **мирное** объединение Кореи, можно пойти на сотрудничество с США в решении северокорейской ядерной проблемы, которое может оказаться полезным для нас. Во-первых, оно даст шанс рассчитывать на некоторое улучшение отношений с Соединенными Штатами. Во-вторых, оно не только повысит степень координации с Китаем, но, четче представляя нюансы его подходов к северокорейской проблеме, позволит оказывать определенное влияние на взаимоотношения КНР и КНДР. В-третьих, активизирует роль России в азиатских делах, включая формирование в будущем структур безопасности в СВА и АТР.

Некоторые эксперты твердо стоят на том, что воссоединение Кореи неприемлемо как для США, так и для Китая. Что касается КНР, возможно, раньше такая точка зрения могла считаться обоснованной, ибо Китай рассматривал КНДР как некоего гаранта обеспечения его интересов в регионе. Но тогда он еще не обладал мощью

одной из первых экономик мира и сегодняшним силовым потенциалом. При этом новом качестве Китая северокорейский «рычаг» утратил для Пекина свою актуальность.

Учитывая неуклонное стремление материкового Китая к воссоединению с Тайванем, логично предположить, что если дело дойдет до «торга» с Америкой по соответствующей проблеме, то от такого союзника, как Северная Корея, Пекин может предпочесть избавиться. Таким образом, идеальным и приемлемым станет комплексный подход к решению рассматриваемого вопроса: объединение Кореи и ликвидация очага напряженности на Корейском полуострове осуществляются параллельно с возвращением Тайваня в «лоно родины».

«Отпустив» Тайвань к Китаю по схеме Гонконга и Макао и распространив взамен свое влияние на север Корейского полуострова, США фактически ничего не теряют, получая относительный мир и спокойствие в СВА. Все это должно безоговорочно осуществляться на условиях полной демилитаризации Кореи и вывода с ее территории американских противоракетных систем.

Прогнозы, как известно, вещь неблагодарная, но иногда они могут влиять на текущий ход событий. Один из них содержится в докладе Американского национального совета по разведке «Глобальные тенденции 2030: альтернативные миры»³, относящегося к будущему Северо-Восточной Азии. По мнению американских разведчиков, к 2030 г. мир будет кардинально отличаться от сегодняшнего, и ни одна страна, включая США и Китай, «не будет мировым гегемоном». Что касается региона СВА, то в грядущее десятилетие ему предстоит пережить глубокие и серьезные изменения. Важнейшей тенденцией здесь прогнозируется усиление Китая и ослабление США на фоне общего сужения диапазона американского доминирования.

Воссоединение Тайваня с КНР и объединение Кореи позиционируются как «неизбежные» к середине 2020-х гг. Объединенная Корея станет государством «среднего звена» и будет играть важную роль в регионе. Четыре возможных варианта ее поведения в области безопасности включают: 1) сохранение союза с США; 2) нейтралитет по образцу Швейцарии; 3) стратегическую независимость; 4) китайско-корейское соглашение.

Эксперты считают, что в любом случае объединенная Корея обречена проводить политику балансирования, стараясь соблюсти стратегический нейтралитет и одновременно сохранить хорошие отношения с США и соседними странами.

Примечания

¹ *Ткаченко В.П.* Конфедерация или сообщество в Корее: возможен ли компромисс // Политические, экономические и культурные аспекты объединения Кореи. М.: ИДВ РАН, 1997. Ч. 2. С. 5—20.

² *Воронцов А., Агальцов П.* Возможна ли многосторонняя структура безопасности в Восточной Азии // Проблемы Дальнего Востока. 2010. № 4. С. 8.

³ *Давыдов А.С.* Позиции США и Китая: прогноз развития военно-политической обстановки в Северо-Восточной Азии до 2030 г. // Северо-Восточная Азия: региональные измерения безопасности и российско-китайское сотрудничество. М., 2014. С. 256—266.

DOI: 10.24411/2618-6888-2018-10012

Е.И. Сафронова

ХІХ СЪЕЗД КПК, ПРОЕКТ ОПОП И ОТНОШЕНИЯ КИТАЯ С РАЗВИВАЮЩИМСЯ МИРОМ

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о значении прошедшего в октябре 2017 г. ХІХ съезда КПК для диалога «Китай—развивающийся мир» и о роли проекта ОПОП в отношениях КНР и развивающихся стран в свете решений китайского партийного форума.

Ключевые слова: Китай, ХІХ съезд КПК, развивающиеся страны, инициатива «Один пояс, один путь» (ОПОП), «сообщество единой судьбы».

В докладе ХІХ съезду КПК генерального секретаря ЦК КПК Си Цзиньпина вопросам китайской внешней политики был посвящен достаточно объемный ХІІ раздел документа — «Неизменно идти по пути мирного развития, стимулировать создание сообщества единой судьбы человечества». В нем были подтверждены приверженность КНР пяти принципам мирного сосуществования, решимость защищать мир и развитие и стимулировать формирование нового типа международных отношений (МО), основанных на взаимном уважении, равенстве, справедливости, сотрудничестве и всеобщем выигрыше¹.

Далее была дана общая характеристика явлений и тенденций современной мировой жизни (многополярность, экономическая гло-

бализация, преобразования в системе глобального управления и международного порядка, рост взаимозависимости субъектов МО, наличие множества общих для человечества вызовов, таких, как нестабильность мирового развития, недостаток движителей мирохозяйственного роста, увеличение разрыва между богатыми и бедными странами, терроризм, серьезные инфекционные заболевания, климатические изменения и др.)².

Что касается восприятия Китаем политической карты мира и дипломатического «ранжирования» стран-партнеров, то здесь Си Цзиньпин выделил следующие три категории государств: крупные (*даго*), сопредельные (*чжоубянь гоцзя*) и развивающиеся (*фачжаньчжун гоцзя*)³. Само по себе примечательно, что развивающиеся государства получили на XIX съезде столь весомое упоминание в отличие от целого ряда развитых стран Старого и Нового Света.

В Докладе было подтверждено особо ценное для развивающегося мира (РМ) обязательство Китая уважать право народов всех стран на самостоятельный выбор пути развития, защищать равенство и справедливость в МО, выступать против навязывания своей воли и вмешательства во внутренние дела других стран, против притеснения слабых сильными. Китай обещал не жертвовать интересами других ради собственного развития, подчеркнув, что его развитие не представляет угрозы ни для одного государства мира.

Далее прозвучало заявление о том, что какого бы уровня развития ни достиг Китай, он никогда не будет претендовать на положение гегемона и проводить политику экспансии⁴. По логике вещей это заявление адресовано в первую очередь развивающимся странам. Так получила новое дыхание позиция КНР времен Чжоу Эньлая, когда в интервью латиноамериканским СМИ китайский премьер назвал «пять принципов мирного сосуществования» концептуальной базой взаимоотношений КНР со странами РМ. Тогда же китайская сторона признала за развивающимися странами право самим решать свои проблемы, открыто отказавшись от идеи «экспорта революции». А главное, Чжоу Эньлай подчеркнул, что сам Китай «никогда не станет сверхдержавой», то есть страной, следующей политике с позиций силы и навязывающей свою волю другим. Данное обещание КНР в различных формулировках не раз повторялось и после⁵. Приверженность названным принципам в отношениях

именно с развивающимися странами служит ярким примером последовательности и преемственности внешней политики КНР на протяжении многих десятилетий.

Китайский лидер пополнил свод принципов диалога КНР с РМ, указав, что Китай укрепляет сплоченность и сотрудничество с развивающимися странами на основе «правдивости, деловитости, душевной близости и искренности» и правильного понимания справедливости и выгоды⁶.

Доклад, характеризующий взгляд Китая на реформирование глобального управления, содержит целый ряд моментов, тоже весьма значимых для РМ. Так, Си Цзиньпин, говоря о совершенствовании глобального управления в сторону соблюдения принципов «совместного консультирования, совместного строительства и совместного использования», отметил необходимость демократизации МО, равноправия всех стран как больших, сильных и богатых, так и малых, слабых и бедных, «выявления позитивной роли ООН» при расширении представительства и усилении права голоса развивающихся стран в международных делах⁷.

Представляется чрезвычайно важным, что на съезде «международный статус Китая в качестве крупнейшего в мире развивающегося государства» был подтвержден вновь. Китайскими СМИ это подтверждалось, в частности, тем, что в 2016 г. по показателю ВВП на душу населения КНР занимала лишь 93-е место в мире и что в Китае по-прежнему существует большой разрыв как в уровнях дохода городского и сельского населения, так и в развитии центральнозападных и приморских районов (соотношение ВВП коих составляет 1:2). Кроме того, КНР по индексу человеческого развития занимает 90-ю позицию среди 188 государств и территорий мира. Производительность труда в КНР все еще значительно ниже, чем в США. При этом КНР стоит перед лицом ряда новых вызовов — в том числе старением населения, снижением рождаемости и ограничением энергообеспеченности⁸.

По мнению ведущих китайских экспертов, высказанному по итогам XIX съезда КПК, именно потому, что КНР по-прежнему является развивающейся страной, ей необходимо углублять сплоченность и сотрудничество с другими развивающимися государствами, активно продвигать справедливое и сбалансированное развитие в

глобальных масштабах (видимо, здесь имеется в виду сокращение разрыва в экономическом развитии стран мировых «Юга» и «Севера». — *Е.С.*), способствовать тому, чтобы развивающиеся страны пошли по пути модернизации. «Китай сможет достичь большего прогресса только тогда, когда развитие получат развивающиеся и неразвитые страны мира. Китай будет процветать только тогда, когда процветания достигнут другие развивающиеся страны. Китай станет более богатым только тогда, когда другие развивающиеся государства будут состоятельнее», — подчеркивают они⁹.

Это мнение логично вытекает из данного на съезде обещания «наращивать динамику помощи развивающимся странам и особенно наименее развитым странам в целях сокращения разницы в развитии Юга и Севера»¹⁰.

Во исполнение этого обещания КНР учредила в апреле 2018 г. Китайское агентство сотрудничества по международному развитию. Создание Агентства было названо Пекином важнейшей мерой поддержания глобального мира, продвижения совместного развития и активизации международной кооперации, в том числе в контексте инициативы ОПОП. Практически Агентство возьмет на себя функции, связанные с предоставлением помощи зарубежным странам, ранее исполнявшиеся МИД и Министерством коммерции КНР.

Министр иностранных дел КНР Ван И охарактеризовал цели и обязанности новой структуры, первым назвав соблюдение принципа руководящей роли партии в деле предоставления помощи. Акцентирование роли КПК в процессах сотрудничества КНР с зарубежными странами — это новый, точнее, возрожденный момент во внешнеполитической риторике Пекина, за время реформ предпочитавшего не подчеркивать партийный характер руководства международной деятельностью КНР.

По словам Ван И, Агентство должно усовершенствовать методологию предоставления помощи и осуществлять международный обмен и сотрудничество, а также проявить научный подход к выполнению миссий по оказанию помощи, тем самым повысив их эффективность¹¹. Следует отметить, что официальный Пекин на протяжении десятилетий акцентирует внимание на том, что предоставление китайского финансового содействия *другим* развивающимся

странам не обуславливается политическими требованиями (что, на наш взгляд, не всегда так).

Симптоматично, что в Докладе Китай был назван не только развивающейся страной, но и «великой», «ответственной державой». Так, указывалось, что КНР всесторонне развивала обладающую китайской спецификой дипломатию *великой державы*. «Великодержавность» дипломатии КНР, видимо, выражается в том, что страна выступила с глобально значимой инициативой «создания сообщества единой судьбы человечества», содействовала «преобразованию системы глобального управления» и внесла «новый весомый вклад в дело мира и развития планеты». «Ответственный» же характер КНР, похоже, сопряжен с тем, что Китай будет и впредь «активно участвовать в преобразовании и формировании системы глобального управления, постоянно приносить в эту работу китайскую мудрость и китайскую силу»¹².

Дуализм статуса Китая и как развивающейся страны, и как великой и ответственной державы являет собой весьма любопытный политологический казус и предоставляет КНР простор для широкого дипломатического маневра. Генеральный тренд в развитии китайской дипломатии заключается в том, что она демонстрирует переход от дэнсяопиновского принципа «*таогуан янхуэй*» (*скрывать свои возможности и держаться в тени*) к модели «инициативной и предприимчивой»; от дипломатии «с оглядкой» на великие державы к дипломатии именно великой державы¹³.

Статус же развивающейся страны, помимо ряда экономических выгод, полезен тем, что дает КНР выбор модели поведения. Там, где Китай силен, он действует в стиле влиятельной развитой страны, а там, где он еще не добрал международного «веса» или все же не настроен брать на себя широкую ответственность, он предпочитает именоваться развивающимся государством. Самопозиционирование в качестве члена развивающегося мира имеет для КНР немалую ценность: РМ являет для Китая круг поддержки, источник ресурсов, объект влияния, аргумент в диалоге с Западом и «отправной пункт» для достижения мирового лидерства. А в случае проекта «Один пояс, один путь» успех китайского начинания в далеких Африке и Латинской Америке придаст этой международной политико-экономиче-

ской инициативе Китая уже не межрегиональный и/или трансконтинентальный, а именно глобальный масштаб¹⁴.

В целом, бурный подъем Китая, конечно же, не мог не повлиять на его самооценку: на XIX съезде была поставлена задача в течение ближайших десятилетий превратить КНР в самую влиятельную державу мира¹⁵.

Си Цзиньпин озвучил и задачу «осознаннее защищать государственный суверенитет, безопасность и интересы развития Китая», бороться с любыми действиями, направленными на нанесение вреда социальной гармонии и стабильности¹⁶. Понятно, что кардинально нарушить общественный порядок и суверенитет мощного Китая сейчас под силу не многим мировым акторам и подавляющее большинство развивающихся государств никак не входит в их число. Это создает новый фактор взаимного доверия и соответственно — облегчает политический диалог Китая с РМ.

В Докладе было охарактеризовано значение «великого скачка» КНР для развивающегося мира: «непрерывное развитие теории, строя и культуры социализма с китайской спецификой открыло развивающимся странам новые пути к модернизации, предоставило совершенно новые альтернативы странам и нациям», стремящимся ускорить свое развитие и сохранить независимость. «Таким образом, Китай привнес китайскую мудрость и китайский вариант для решения проблем человечества»¹⁷. Этим недвусмысленно иллюстрируется значение РМ как «полигона» обкатки китайского внешнеполитического и социально-экономического опыта и даже как приемника и продолжателя китайской модели.

При всем при том, постсъездовские перспективы отношений КНР с РМ могут быть омрачены рядом обстоятельств. Это и повышенная напористость и даже бесцеремонность Китая в реализации его практических планов в РМ, и несбываемость ожиданий некоторых субъектов «глобального Юга» по поводу получения обещанных инвестиций и экономического содействия, и поведение ряда китайских работодателей и инвесторов в развивающихся странах-реципиентах, и даже процессы, происходящие во внутренней жизни самой КНР.

Так, после XIX съезда КПК и согласно его решениям будет нарастать «авторитаризация» власти в Китае, которая может вызвать

непонимание не только на Западе, но и даже и в некоторых сегментах развивающегося мира, имевших аналогичный опыт и преодолевших его. Это ряд государств Латинской Америки, переживших период диктатур и/или более восприимчивых к западным общественным образцам, и даже Африки, в которых не находит отклик высокая «зарегламентированность» внутривосточной жизни. Однако в целом в развивающемся мире преобладают позитивные оценки решений съезда КПК по поводу партийно-государственного строительства и подъема авторитета лидера на новую высоту. Значимость фигуры Си Цзиньпина для отношений «Китай — РМ» обосновывается тем, что длительность его пребывания у власти создаст предпосылки для закрепления на долгосрочную перспективу и положительных, и негативных трендов в этом диалоге.

Южно-Африканский Институт международных отношений (*South African Institute of International Affairs — SAIIA*) в марте 2018 г. опубликовал политологическое исследование *China in the Era of 'Xi Jinping Thought': Five Key Trends for Africa*¹⁸, в котором характеризовались пять немаловажных аспектов, связанных с решениями XIX съезда КПК и способных повлиять на ситуацию в Африке.

Как отмечается в работе, съезд институционализировал ряд ключевых инициатив Си Цзиньпина, которые будут определять политику КНР в обозримой перспективе. Автор полагает, что взгляды Си Цзиньпина на развитие Китая окажут существенное влияние и на политику КНР в отношении африканского континента. Думается, что пять ключевых тенденций в активности КНР, названных в работе, важны для развивающихся государств не только Африки, но и других частей Света. Это: усиление руководства КПК как во внутренней, так и внешней политике, «институционализация» инициативы ОПОП, поддержка Китаем реформирования ООН, расширение военной роли Китая на глобальной арене и устроение управления Интернетом.

Стержневая роль КПК как руководящей силы. В работе отмечается, что правительствам африканских стран следует исходить из отсутствия четкого различия между государственной властью в Китае и партийной. Ключевые идеи Си Цзиньпина основаны на том положении, что руководящая роль КПК составляет главную характеристику социализма с китайской спецификой. Принцип роли партии как руководящей силы способен экстраполироваться на государст-

венное строительство в Африке через умы африканских студентов, получающих образование в КНР. Ныне в КНР обучается больше англоговорящих африканских студентов, чем в Великобритании и США вместе взятых. Общее число африканских студентов в Китае выросло к 2015 г. в 26 раз по сравнению с 2003 г. и достигло 50 тыс. Африканским правительствам следует осознать, что образовательный процесс в КНР мировоззренчески ориентирован, особенно ввиду партийного призыва исключить из него «западные» идеи (например, о конституционной демократии, неолиберализме, развитии гражданского общества). Это не означает, что африканские студенты целенаправленно подвергаются «промывке мозгов», утверждает автор, однако африканским правительствам следует учитывать особенности китайской академической среды.

Инициатива «Один пояс, один путь». В работе подчеркивается, что долгосрочность проекта ОПОП обуславливает и длительный характер возможного участия в нем стран Африки, могущего принести региону немалую экономическую пользу. По мнению автора, съезд дал четкий сигнал о том, что ОПОП останется центральным вопросом в отношениях Китая с Африкой. Правительства африканских стран заинтересованы в партнерстве с Китаем по линии проекта еще и потому, что кооперация с КНР является «альтернативой зависимости от Запада»¹⁹. Однако необходимо учитывать и возможные негативные последствия участия региона в ОПОП, включая вероятность роста задолженности Китаю по инфраструктурным кредитам.

Реформа ООН, отвечающая интересам Африки. В принципе съезды КПК не являются трибуной для обсуждения конкретных внешнеполитических вопросов. И удивительно, что на XIX съезде КПК был затронут специфический вопрос о таком направлении реформирования ООН, как «расширение представительства и усиление права голоса развивающихся стран в международных делах»²⁰.

Пекин говорит о правах РМ в ООН уже немало лет. В свое время КНР выступила против включения Японии и Германии в состав СБ ООН, вместо этого призвав увеличить в нем число развивающихся государств. В КНР помнят, что «африканские друзья привели Китай в ООН» в 1971 г.²¹ Исходя из этого, в работе утверждается, что африканские страны могут и впредь рассчитывать на поддержку Китая в вопросах расширения их прав в ООН.

Глобальная военная роль Китая. Хотя военные расходы Китая все еще уступают аналогичному показателю США (144 млрд долл. в 2016 г. против 600 млрд), однако темпы прироста оборонного бюджета КНР весьма высоки — 8,1 % в 2018 г. По всей видимости, военное строительство направлено на усиление контролируемых позиций Си Цзиньпина, который призвал концентрировать большее внимание «на подготовке к реальной войне, придавать более серьезное значение стимулирующей роли инноваций»²². Стремление Китая расширить свой военный потенциал и военное присутствие в мире прямо влияет на Африку. Первая китайская военная база была построена в Джибути — на стратегически важном восточноафриканском побережье континента. Китайские военные участвуют в многосторонних операциях по поддержанию мира в Либерии, Мали и в Южном Судане, а также в операциях по борьбе с пиратством в Сомали. Хотя Африка, безусловно, выигрывает от этих инициатив, однако расширяющаяся военная активность Китая ставит перед африканцами вопрос о последствиях растущего присутствия «милитаризирующей сверхдержавы» на континенте. Китай при этом заявляет о своей приверженности принципу невмешательства во внутренние дела стран-партнеров, но это не снимает общий вопрос об учете интересов африканского суверенитета²³.

Управление Интернетом. Со стороны западных политиков и СМИ в адрес Китая звучат обвинения в «экспорте авторитарного правления», в том числе в контексте Интернет. Однако очевидных доказательств давления КНР на правительства африканских стран с целью следовать китайскому примеру интернет-цензуры нет. В 2016 г. Бурунди, Габон, Демократическая Республика Конго, Зимбабве, Камерун, Мали, Уганда, Чад и Эфиопия полностью закрыли доступ к интернет-ресурсам или заблокировали отдельные мессенджеры или социальные сети. Однако это не значит, что это было сделано по рекомендации из Пекина, а не из собственных соображений африканских лидеров. Тем не менее, в работе обращается внимание на важность того, чтобы африканское гражданское общество анализировало влияние контактов между африканскими и китайскими «элитами» на управление Интернетом в Африке и чтобы африканская общественность следила за процессом принятия официальных решений, касающихся доступа к Сети. Автор подчеркивает, что от-

ношения Африки с Китаем будут определяться доминирующими настроениями и дискурсами в Пекине, поэтому для Африки крайне важно создать возможности как на правительственном, так и на гражданском уровне по отслеживанию соответствующих тенденций. Знания о деятельности КПК будут необходимы при разработке африканскими странами продуктивного курса на максимальное расширение их связей с «восходящей сверхдержавой»²⁴.

Мотивы XIX съезда КПК звучали и в латиноамериканских СМИ. В панамской *La Estrella de Panamá* было опубликовано статья поверенного в делах посольства КНР в Панаме Лю Бо, в которой дипломат подчеркнул, что Латинская Америка — важный развивающийся регион, занимающий привилегированное место среди направлений китайской дипломатии. Он заявил, что XIX съезд КПК ознаменовал начало «новой эры» отношений «Китай — Латинская Америка», cementирующей значительные успехи последних лет²⁵.

По всей видимости, формирование «сообщества единой судьбы человечества», упоминавшееся на съезде, включает три стадии и/или уровня: национальный, региональный (или межрегиональный) и глобальный. Национальное строительство внутри самого Китая подразумевает создание подобного сообщества для всех народностей, регионов и экономических зон КНР. То же самое можно сказать и об уровне региональном: в китайской прессе уже проходила мысль, что, например, БРИКС способна представить собой сообщество единой судьбы регионально-организационного уровня²⁶. Лю Бо в своей статье отметил, что сообщество единой судьбы Китая и Латинской Америки являет собой составную часть концепции сообщества единой судьбы человечества. (В июле 2014 г. Си Цзиньпин впервые упомянул о создании сообщества единой судьбы «Китай — Латинская Америка». Позже, во время своего визита в регион в ноябре 2016 г., китайский лидер повторил эту мысль, подчеркнув, что Китай и Латинская Америка должны стремиться к обновлению «модели сотрудничества» и делиться его плодами в совместных усилиях по созданию сообщества единой судьбы.) Благодаря большей координации и совместной работе со странами Латинской Америки Китай получает новые возможности по достижению соответствующей цели²⁷. Кроме того, Лю Бо охарактеризовал значение инициативы «Один пояс, один путь» для сотрудничества «Китай—Латинская Америка», заявив, что про-

ект вдохнул новые силы в диалог сторон и что регион исторически является «естественной ветвью Морского Шелкового пути», ибо еще более 400 лет назад между Китаем и Латинской Америкой существовал «знаменитый Тихоокеанский Шелковый путь». Китай приветствует участие региона в возрожденной инициативе²⁸.

А замдиректора Департамента Латинской Америки и Карибского бассейна МИД КНР Чжан Жунь во время встречи с латиноамериканскими журналистами на полях XIX съезда КПК отметил, что одна из главных задач Китая на ближайшие 5 лет состоит в укреплении торговых отношений со странами Латинской Америки с целью «усиления» китайской экономики и придания ей «большей открытости». Также Чжан Жунь подчеркнул, что Китай и государства Латинской Америки являются развивающимися странами, находятся на одной стадии развития и сталкиваются с аналогичными проблемами, при этом — предоставляя друг другу благоприятные возможности кооперации и со-развития. «Развитие Китая нельзя отделить от развития Латинской Америки и Карибского бассейна. Активизация развития способствует поддержанию стабильности и процветанию (всего) мира», — заявил дипломат²⁹.

Что касается реализации замыслов ОПОП, то ныне она происходит на региональном уровне: глобального масштаба проект если и достигнет, то весьма не скоро. Инвестирование в инфраструктуру — дело необходимое, но недостаточное для обеспечения сбалансированного устойчивого развития. Поскольку зависимость Китая от импорта энергоресурсов не уменьшается, а растет, то рано или поздно, но ему придется задуматься о вопросе мобилизации и перераспределения финансовых средств: при массивных инвестициях в непроизводительные сектора (инфраструктуру, услуги и т. п.) очень сложно мобилизовать капитал, направляя его в непроизводительные отрасли³⁰. Данное обстоятельство может отразиться на полноте финансирования проектов КНР в развивающемся мире.

Поскольку именно РМ во многом является «колыбелью» и носителем целого ряда глобальных проблем (бедность, недоедание, беженцы, международный терроризм, болезни, высокая внешняя задолженность, острое неравенство в доходах, гендерное неравенство, нехватка воды, неграмотность и проч.), то это диктует необходимость его сотрудничества с финансово и экономически состоятель-

ными государствами. Китай представляет инициативу ОПОП как механизм решения многих проблем развития. (Проблема международного терроризма остра для Китая в силу его соседства с «неспокойными» в этом отношении развивающимися странами.)

Но проект сам не свободен от неразрешенных трудностей. Так, замедление темпов экономического роста КНР тоже может создать проблемы финансирования. Тогда еще более остро встанет вопрос о мобилизации ресурсов стран-партнеров. Однако многие из них рассчитывают именно на китайские инвестиции. Возможность получения капиталовложений из КНР — главный стимул участия в ОПОП для большинства государств. Тем не менее, действенных финансовых механизмов со-финансирования до сих пор нет. И его создание весьма проблематично, ибо страны — потенциальные участники проекта — находятся на разных уровнях социально-экономического развития, разнятся и их управленческие, юридические структуры, опыт и практики. До сих пор остается загадкой, как и кем будет управляться проект, даже на его постранных участках³¹. А ведь обеспечение эффективной управляемости — жизненно важная задача в реализации планов ОПОП.

Кроме того, в свете активности террористических групп в Большой Центральной Азии³² особо значимой становится проблема защиты объектов ОПОП, которая еще не получила на международном уровне даже первого рассмотрения. Пока же XIX съезд КПК, поставив целый ряд задач по оборонному строительству КНР, призвал народы мира выступать против терроризма во всех его формах³³.

Проблема управляемости проектом в развивающемся «сегменте» обостряется еще и тем, что РМ тоже далеко не однороден. В нем есть страны, обладающие устойчивой системой управления и соответственно — более стабильной экономикой, с лучшим «иммунитетом» против попыток внешнего администрирования. Так, Индию, Индонезию и Вьетнам Китаю будет трудно побудить следовать его условиям по участию в ОПОП. Эти государства не пойдут на внешний мониторинг своих участков проекта, не допустят ввоза многочисленной китайской рабочей силы и не станут увеличивать свою задолженность по кредитам на создание инфраструктуры ОПОП. А вот другие страны, не обладающие опытом эффективного управления и менее экономически успешные, скорее будут подвержены

влиянию Пекина³⁴. Не является ли это одним из объяснений того, что на данный момент к проекту ОПОП присоединяются именно более «сговорчивые», управленчески слабые государства?

* * *

Итак, XIX съезд стал новым свидетельством согласия Китая со статусом развивающегося государства, несмотря на масштабность совершенного страной «великого скачка». Тема развивающегося мира практически всегда находит свое место в китайских внешнеполитических установках (что само по себе говорит о значимости РМ для КНР). Данное обстоятельство нашло еще одно подтверждение в документах XIX съезда КПК.

Все это дает новое основание утверждать, что сотрудничество КНР с РМ являет собой самостоятельное и обращенное в будущее направление ее внешней политики, отличающееся гибкостью в расстановке приоритетов (от идеологических в 1950—1960-е гг., мирохозяйственных с 1980-х годов и до геополитических и геоэкономических с 10-х гг. XXI в.)³⁵.

В целом, диалог «КНР — развивающийся мир» можно назвать постоянно эволюционирующим «организмом», меняющимся в зависимости и, можно сказать, в гармонии с корректировками модели социально-экономического развития КНР. И сама МСЭР Китая, и его отношения с РМ успешно доказывают свою жизнестойкость, обусловленную высокой адаптивностью и пригодностью для «ввода» новых и «отладки» старых параметров. Так, на съезде впервые на столь высоком уровне прозвучала готовность КНР ввести такой новый «параметр» в МО, как мудрость Китая и предлагаемые им «новые альтернативы» для стран и наций, стремящихся ускорить свое развитие и сохранить собственную независимость³⁶.

Китай намерен поднять экономическое партнерство с развивающимися странами на новую высоту — на этап инфраструктурной и торгово-экономической «связаемости», и проект ОПОП — ключевой механизм достижения этой цели. Официально объявленная задача этого этапа — расширение ареала взаимодополняемости и помощь развивающимся странам в создании «собственного потенциала саморазвития»³⁷.

На протяжении десятилетий КНР приучала своих партнеров из РМ (составляющих большинство в ООН) к мысли о том, что Китай и развивающиеся государства связывают особые узы — узы сродства текущих задач по ускорению и оптимизации экономического развития. Тем самым Пекином подтверждается не только статус КНР как развивающейся страны, но и тезис об «общности исторических судеб», «аналогичности исторического опыта» и совпадения задач народов Китая и РМ в борьбе за мир, развитие и новый международный порядок. Эти тезисы стали предвестниками появившихся в начале второго десятилетия XXI в. идей об общности «китайской мечты» с «мечтами» других развивающихся стран и о «сообществе единой судьбы человечества», о котором немало говорилось на съезде. В сопровождении идеи о взаимодополняемости экономик Китая и РМ данные положения составляют протоидеологическую базу диалога «КНР — развивающийся мир»³⁸.

В свете XIX съезда идея об общности судьбы Китая и развивающихся регионов (КНР и Латинской Америки) получила новую грань как составной части концепции «сообщества единой судьбы человечества».

Похоже, что в развивающемся мире укоренится идея о том, что китайская модель может представлять альтернативу для тех субъектов МО, которые не приветствуют подражание западным лекалам. И это — явный успех международной работы Пекина.

На мировой арене Китай предлагает новое видение гармоничного общества в планетарном масштабе, особенно ценное в обстановке глобальных неурядиц. Но для продвижения своих внешних планов и проектов Пекину необходима устойчивость внутренних реформ. В связи с этим продление легислатуры председателя КНР видится развивающимся странам путем обеспечения непрерывности международной линии Китая на сверхдолгосрочную перспективу. Длительное сохранение полномочий действующего китайского руководства расценивается в РМ и как залог стабильности отношений КНР с «глобальным Югом» на основе излюбленных китайских лозунгов о взаимовыгодности кооперации «братьев по развивающемуся миру». Пекин щедр на посулы в адрес развивающихся стран, и многие в мировом «Юге» надеются, что у Пекина теперь хватит времени их выполнить.

Примечания

¹ Полный текст доклада, с которым выступил Си Цзиньпин на XIX съезде КПК // Синьхуа. URL: http://russian.news.cn/2017-11/03/c_136726299.htm

² Там же.

³ Изложено по: *Салицкий А.И., Виноградов А.О.* XIX съезд КПК // Запад—Восток—Россия 2017. Ежегодник / отв. ред.: Д.Б. Малышева, В.Г. Хорос. М.: ИМЭМО РАН, 2018. С. 53—58.

⁴ Полный текст доклада, с которым выступил Си Цзиньпин...

⁵ См.: *Сафронова Е.И.* Отношения КНР с развивающимися странами и формирование нового экономического мирового порядка // Китай в мировой политике / отв. ред. А.Д. Воскресенский. М.: МГИМО, РОССПЭН, 2001. С. 425.

⁶ Полный текст доклада... URL: http://russian.news.cn/2017-11/03/c_136726299.htm

⁷ Там же.

⁸ Приводится по: Жэньминь жибао On-line. URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2017/1025/c95181-9284790.html>

⁹ *Ху Аньган, Ван Хунчуань.* Научное определение, подходящее для современного Китая // Россия и Китай. URL: <http://www.ruchina.org/china-article/china/1450.html>

¹⁰ Полный текст доклада... URL: http://russian.news.cn/2017-11/03/c_136726299.htm

¹¹ *Zhou Jin and Zhang Yunbi.* New agency's goal to promote development, peace overseas // China daily. 19.04.2018. URL: <https://www.chinadailyhk.com/articles/48/152/109/1524101985708.html> ,

¹² Полный текст доклада... URL: http://russian.news.cn/2017-11/03/c_136726299.htm

¹³ *Xue Li and Xu Yanzhuo.* Why China Shouldn't Get Too Invested in Latin America // The Diplomat. 31.03.2015. URL: <http://thediplomat.com/2015/03/whychinashouldntgettooinvestedinlatinamerica>

¹⁴ *Сафронова Е.И.* Китай и развивающийся мир: концепции и актуальная практика отношений на примере Африки и Латинской Америки. М., 2018. С. 144, 303, 301, 304; см. также: *Габуев А. Денисов И., Епихина Р.* Китай после XIX съезда Компартии: что дальше? URL: <http://carnegie.ru/2017/10/31/rueve nt5732>

¹⁵ Приводится по: *Ломанов А.* Эра товарища Си. URL: https://lenta.ru/articles/2017/10/27/chinese_party_congress

- ¹⁶ Синьхуа. URL: http://russian.news.cn/2017-11/03/c_13672_6299.htm
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ *Staden, Cobus van*. China in the Era of 'Xi Jinping Thought': Five Key Trends for Africa. Policy Briefing 171. SAIIA. 2018, March. 4 p. URL.: <http://www.saiia.org.za/policy-briefings/1299-china-in-the-era-of-xi-jinping-thought-five-key-trends-for-1299-c/file>
- ¹⁹ Ibidem. P. 3.
- ²⁰ Полный текст доклада... URL: http://russian.news.cn/2017-11/03/c_13672_6299.htm
- ²¹ Высказывание Мао Цзэдуна. Приводится по: Contemporary International Relations (Beijing). 2000. № 11. P. 2; см. также *Wu Hongying, Dao Shulin*. China vs. the Third World // Contemporary International Relations. 2001. № 9. P. 7–8.
- ²² Полный текст доклада... URL: http://russian.news.cn/2017-11/03/c_13672_6299.htm
- ²³ *Staden, Cobus van*. Op. cit. P. 3.
- ²⁴ Ibidem. P. 4.
- ²⁵ *Liu Bo*. Por una Nueva Era de las relaciones entre China y America Latina// La Estrella de Panamá. 23.11.2017. URL: <http://laestrella.com.pa/opinion/columnistas/nueva-relaciones-entre-china-america-latina/24034897>
- ²⁶ Xi pide a BRICS forjar comunidad de destino común. URL: <http://spanish.peopledaily.com.cn/n/2015/0710/c31621-8918284.html>
- ²⁷ *Liu Bo*. Op. cit.
- ²⁸ Congreso del Partido Comunista Chino abre una “Nueva Era” de relaciones entre China y Latinoamérica. URL: <https://es.larouchepac.com/es/20171127-1>
- ²⁹ China profundizará relaciones comerciales con América Latina. URL: <https://telesurtv.net/news/China-profundizara-relaciones-comerciales-con-America-Latina-20171023-0045.html>
- ³⁰ См.: *Şensoy, Süleyman*. The 19th National Congress of Chinese Communist Party. URL: http://www.tasam.org/en/Icerik/48130/the_19th_chinese_communist_party_congress
- ³¹ См.: URL: http://www.tasam.org/en/Icerik/48130/the_19th_chinese_communist_party_congress
- ³² Подробнее см.: *Васильев Л.Е.* Борьба с терроризмом на пространстве ШОС. М.:ИДВ РАН, 2017.
- ³³ Полный текст доклада... URL: http://russian.news.cn/2017-11/03/c_13672_6299.htm

³⁴ См.: *Dollar, David*. The AIIB and the 'One Belt, One Road'. URL: <https://www.brookings.edu/opinions/the-aiib-and-the-one-belt-one-road>

³⁵ Подробнее см.: *Сафронова Е.И.* Китай и развивающийся мир... С. 308—309.

³⁶ Полный текст доклада... URL: http://russian.news.cn/2017-11/03/c_136726299.htm

³⁷ См.: *Wang Yi*: Cooperation Between China and Developing Countries Enters into a New Stage of Improvement and Upgrade. URL: http://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/zxxx_662805/t1447668.shtml

³⁸ *Сафронова Е.И.* Китай и развивающийся мир... С. 302.

DOI: 10.24411/2618-6888-2018-10013

В.Е. Петровский, Л.В. Филиппова

СТРАТЕГИЯ КИТАЯ ПО ОСВОЕНИЮ АРКТИКИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РОССИЙСКО-КИТАЙСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В РЕГИОНЕ

Аннотация. Рассмотрены основные положения политики Китая в Арктическом регионе в ее динамике — от разрозненных официальных заявлений и научно-экспертных обсуждений до содержания Белой книги КНР по арктической политике, опубликованной в январе 2018 г. Авторы сравнивают обозначенные в этом документе интересы КНР и российские приоритеты в Арктике, детально оценивают состояние и перспективы российско-китайского взаимодействия в регионе. Ряд положений Белой книги имеют принципиальное значение в контексте развития Арктической зоны Российской Федерации, и на основе их анализа авторы приходят к выводу о том, что, поскольку подход КНР к освоению Арктики отличается особым прагматизмом, то российской стороне в целях качественного углубления российско-китайского регионального взаимодействия необходимо обратить пристальное внимание на повышение конкурентных преимуществ предлагаемых ею кооперационных проектов, особенно в экономической сфере.

Ключевые слова: Арктика; Северный морской путь (СМП); Китай; Белая книга КНР по арктической политике; российско-китайское сотрудничество в Арктике.

В начале 2018 г. произошло событие, немаловажное и долгожданное для значительной части арктического, да и мирового сообщества в целом. Китай, который начал проявлять активный интерес к Арктике еще в середине 1980-х гг., наконец, опубликовал 26 января 2018 г. Белую книгу по своей арктической политике (далее — Белая книга)¹. Однако содержание Белой книги не стало сенсацией, поскольку документ собрал воедино во многом уже понятные и ранее озвученные намерения и приоритеты КНР в регионе. Но что действительно важно — его публикация дала возможность основывать анализ арктической политики Китая не на индивидуальных, порой противоречивых мнениях китайских экспертов, пусть и самых авторитетных, но на официально провозглашенной линии страны в отношении названного региона.

В первую очередь стоит отметить, что принципы, изложенные в Белой книге, полностью укладываются в рамки современной геополитической и геоэкономической стратегии КНР. В частности, они четко коррелируют с основными постулатами концепции «мирного возвышения» Китая и курса на превращение страны в великую морскую державу. Во многом именно интерес к Арктике способствовал «апгрейду» военно-морской доктрины КНР с регионального уровня на глобальный. Кроме того, в основу Белой книги были положены результаты широкого спектра китайских аналитических исследований по геополитическим и геоэкономическим аспектам освоения Арктики².

В последние годы арктическая тема традиционно рассматривается китайскими учеными в рамках так называемой «концепции географической близости Китая к Арктической зоне». Несколько лет назад в одном из китайских академических журналов применительно к КНР был впервые использован термин «околоарктическое государство» (или «приарктическое государство» в зависимости от перевода). Позднее он стал встречаться в докладах на общенациональных конференциях. Наконец, термин начал широко тиражироваться в СМИ и вошел в экспертно-научный оборот и на международных

форумах. Теперь концепция «географической близости КНР к Арктике» нашла продолжение и в Белой книге, которая отмечает, что Китай является важным «игроком» в Арктике, «околоарктическим государством», то есть одним из континентальных государств, наименее удаленных от Полярного круга. Арктический климат, состояние арктической экосистемы и хозяйственная деятельность в регионе оказывают прямое влияние на экологию, климат и экономические интересы КНР, и потому географическая близость к нему Китая в сравнении с другими неарктическими странами интерпретируется Пекином как основание для особых (то есть отличных от устремлений остальных неарктических стран) прав и национальных интересов в данном регионе.

Другое положение, лежащее в основе Белой книги, — концепция «Северного, или Полярного, Шелкового пути», которая также сначала была апробирована в китайских научных дискуссиях, а затем стала регулярно упоминаться и экспертами, и официальными лицами (в том числе из России, но в «усеченном» виде). Эта концепция, как и большинство проектов, предложенных Китаем в последние годы, тесно увязана с инициативой «Пояса и пути»; она объявляет базовыми установками деятельности КНР в Арктике хорошо знакомые принципы взаимного уважения интересов, сотрудничества, общего выигрыша, а также устойчивого развития. Преследуя те же цели, что были заявлены инициативой «Пояса и пути», Китай в Белой книге подчеркивает, что Полярный Шелковый путь позволит усилить взаимосвязанность регионов и это в свою очередь будет способствовать устойчивому экономическому и социальному развитию Арктики.

В Белой книге поддерживается идея активного участия КНР в строительстве инфраструктуры, необходимой для развития Арктики. Однако не стоит автоматически расценивать это положение как план КНР по приоритетному сотрудничеству с Россией в области модернизации и развития Северного морского пути или предполагать, что при рассмотрении российских инвестиционных запросов Китай будет менее жестким и скрупулезным переговорщиком, чем обычно. КНР планирует сотрудничать со всеми сторонами, заинтересованными в развитии всех трех арктических маршрутов: Северо-Восточного прохода (с Россией), Северо-Западного прохода

(с Канадой) и Трансарктического морского пути (со всеми арктическими странами и, возможно, также неарктическими, учитывая, что значительная часть морских пространств этого пути расположена за пределами территориальных вод арктических государств).

В выстраивании своих международных связей Китай традиционно придерживается сугубо прагматичного подхода. После того, как в мае 2015 г. на фоне повторяющихся заявлений о выходе российско-китайских отношений на беспрецедентно высокий уровень и начала политики «поворота России на Восток» президент России В.В. Путин и председатель КНР Си Цзиньпин выступили с совместным заявлением о сопряжении Евразийского экономического союза и «Экономического пояса Шелкового пути», многие ожидали колоссального роста китайских инвестиций в российские экономические проекты. Китайский бизнес же продемонстрировал готовность инвестировать (несмотря на четкую политическую поддержку увеличения масштабов российско-китайского экономического сотрудничества) главным образом в хорошо проработанные экономические проекты, с реально или высоковероятно значимыми экономическими показателями, по большей части обеспеченные государственными гарантиями. Так, в СМИ неоднократно проходила информация о сложностях переговоров по конкретным условиям реализации проекта высокоскоростной магистрали «Москва—Казань»³. В случае с арктическим вектором российско-китайских отношений, несмотря на их принцип всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия, по-прежнему остаются нереализованными амбициозные планы по строительству Белкомура с китайским участием⁴. Что касается конкретно потенциала Северного морского пути как транспортной артерии для доставки китайских грузов, Китай не устраивает тарифная политика России по использованию СМП и фрахта ледоколов. По его мнению, высокая стоимость транспортировочных услуг может значительно снизить коммерческую рентабельность и соответственно — конкурентное преимущество этого маршрута.

При этом следует отметить, что в Белой книге подчеркивается приверженность Китая международным договорам в области морского права, включая Конвенцию ООН по морскому праву 1982 г. и Полярный кодекс 2014 г. В документе говорится о намерении КНР

соблюдать суверенные права и национальную юрисдикцию арктических государств на тех территориях и морских пространствах, на которые они распространяются. Таким образом Пекин частично дистанцируется от концепции интернационализации Арктики, ранее широко растиражированной китайскими исследователями и даже официальными лицами.

Так, весной 2010 г. контр-адмирал ВМС КНР Инь Чжо сделал нашумевшее заявление о том, что «Арктика принадлежит всему миру, так что ни у одного народа нет над ней единоличной власти»⁵. Позже сотрудник Китайского института международных проблем Юань Цзунцзэ подчеркнул, что «Северный морской путь является глобальным общим достоянием и не может управляться отдельными государствами»⁶.

В дальнейшем, чтобы не вызывать дипломатических конфликтов, китайские официальные лица смягчили свою политическую риторику, но сохранили ее общий смысл. Во внешнеполитических инициативах Китая активно продвигалась идея о необходимости распространения статуса общего наследия человечества на регион Арктики, подобно Антарктике, а также конкретно в отношении Северного морского пути и Северо-Западного прохода⁷. Эта позиция неоднократно озвучивалась и в ходе дискуссий на экспертно-научных мероприятиях, проводимых с участием китайской стороны, причем порой даже не в качестве предложения или оценки, но как констатация «фактического» состояния дел⁸.

При этом, учитывая упоминание в Белой книге таких документов, как Устав ООН 1945 г. или той же Конвенция ООН по морскому праву 1982 г., или тезиса, что «у Китая есть общие интересы с арктическими государствами и общее будущее с остальной частью мира в Арктике», нельзя исключить того, что в будущем Китай в своей арктической политике вернется к акцентированию именно общемировых интересов. Несомненно, такой подход Китая будет противоречить национальным интересам стран «арктической пятерки», в том числе России. Пекин надеется, что при определении границ своего континентального шельфа прибрежные страны Северного Ледовитого океана будут принимать решения с учетом интересов международного сообщества и согласно основам международного морского права — без учета особых, исторически сложившихся прав

арктических государств, связанных с экстремальными климатическими условиями и повышенной сложностью освоения приполярных территорий.

Активизация присутствия Китая в Арктике обусловлена следующими ключевыми обстоятельствами: богатые залежи полезных ископаемых, возможность прокладки и использования новых, рентабельных морских путей, чреватое глобальными последствиями изменение климатических условий и общая необходимость научных исследований. Очевидными приоритетами являются первые две составляющие, в то время как последние две обеспечивают легитимацию растущего китайского присутствия в Арктическом регионе.

Пекин вкладывает большие средства в поисковые и разведывательные работы и активно участвует в освоении зарубежных нефтяных месторождений, привлекая китайские технологии и капитал. Эта универсальная тактика применяется и в отношении Арктики. Наиболее ярким примером успешного российско-китайского сотрудничества в регионе является проект «Ямал СПГ», 50,1 % акций которого принадлежат российской «НОВАТЭК», 20 % — французской Total, 20 % — китайской CNPC и 9,9 % — китайскому инвестиционному Фонду Шелкового пути. Китайские компании получили почти 30 % в проекте, что позволило им привлечь долгосрочные заемные средства для развития проекта на льготных условиях, а также поставить для его нужд модули по производству сжиженного природного газа. В обмен, помимо непосредственного дохода от инвестиций, китайская сторона получила доступ к природным ресурсам, возможность импортировать сырье, добытое ею самостоятельно. В то же время сложившаяся модель сотрудничества, которую можно описать как «китайские инвестиции и технологии в обмен на доступ к российским ресурсам», периодически вызывает критические замечания⁹, ибо она не способствует повышению доли российской продукции с высокой добавленной стоимостью во внешнеэкономических связях (ВЭС) с Китаем.

Будучи быстро развивающейся экономикой, но не являясь непосредственно прибрежным арктическим государством, Китай стремится получить доступ к арктическим морским путям — Северному морскому пути и Северо-Западному проходу, которые не только су-

ущественно сокращают сроки и средства, затрачиваемые на перевозку грузов, но и являются маршрутами, относительно безопасными для судоходства (не с точки зрения качества навигации, но в связи с отсутствием угроз пиратства и политической нестабильности). Транзит китайских экспортных грузов по СМП из таких крупных портов, как Далянь, Циндао, а также грузов из портов южного Приморья и КНДР позволит существенно сократить сроки доставки грузовых контейнеров в Европу. За последние годы ледовое покрытие по маршруту протяженностью 7 тыс. км стало на треть меньше, чем было 10 лет назад, что привело к увеличению продолжительности навигации. Китайские эксперты считают, что уже к 2020 г. по СМП будет проходить до 15 % мирового грузопотока (40—50 млн т грузов, включая сжиженный газ и нефть)¹⁰.

В то же время Китай как потенциальный участник транзита грузов через Арктику выступает за свободу судоходства за Полярным кругом и оспаривает особые правила судоходства в 200-мильной исключительной экономической зоне, установленные Россией и Канадой (как прибрежные государства, они, согласно ст. 234 Конвенции по морскому праву 1982 г., имеют право принимать законы в области судоходства и защиты экологии в покрытых льдом районах)¹¹. Китай обеспокоен расширением суверенных прав арктических государств и увеличением исключительной экономической зоны, в первую очередь российской, так как в этом случае зона открытого моря в Арктике значительно сужается. В связи с этим заместитель директора Китайского Центра по изучению полярных территорий Управления исследований океана Ли Юаньшэн заявлял о необходимости предоставления Китаю прямого доступа к Северному морскому пути: «Для нас вопрос освоения Арктики ключевой. И мы бы хотели, чтобы Россия не только пошла навстречу в исследовательском плане, но и предоставила благоприятные условия для прохода наших судов через свои воды»¹².

Некоторые эксперты отмечают вероятность того, что в будущем Китай может потребовать распространения на Северной морской путь статуса открытого моря.

Но в целом Россия все же заинтересована в использовании «фактора Китая» в развитии Арктики, и в частности — СМП¹³. Экономический интерес РФ связан, во-первых, с тем, что Китай пред-

ставляет собой емкий рынок сбыта российских углеводородов, которые планируется добывать в районе СМП. Во-вторых, и Китай, и Россия нацелены на развитие транзита по СМП, который предоставляет дополнительные экономические преимущества, прежде всего странам Европы и Восточной Азии. Однако на данный момент давно обсуждаемые планы по участию Китая в модернизации инфраструктуры Северного морского пути (также по модели «китайские инвестиции и технологии в обмен на доступ к российским (морским) ресурсам»), в том числе в строительстве глубоководного порта в Архангельске, по-прежнему находятся на стадии первичных переговоров.

Широко признано, что подвижки в хрупкой экосистеме Арктики могут иметь глобальные климатические и экологические последствия. Тезис о непосредственном влиянии климатических изменений в Арктике на климат, экологию и национальные экономические интересы Китая акцентирует и Белая книга. Этим и объясняется серьезная научно-исследовательская деятельность Китая в Арктике (со столь же серьезным уровнем финансирования, порой превышающим размер финансовой поддержки соответствующих научных изысканий арктических государств).

По всей видимости, Китай ведет сложную дипломатическую игру в Арктике, в которой он, с одной стороны, пытается провести среди неарктических стран идею интернационализации региона, а с другой — стремится заручиться поддержкой своего присутствия в нем со стороны малых арктических стран, направляя в их проекты огромные инвестиции¹⁴.

Растущий интерес Китая к Арктике несет для России и новые возможности, и новые вызовы, которые следует тщательно просчитывать при разработке и реализации российской стратегии в Арктике. Принятая в феврале 2013 г. «Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 г.» предусматривает «содействие в организации и эффективном использовании транзитных и кросс-полярных воздушных маршрутов в Арктике, использовании Северного морского пути для международного судоходства в рамках юрисдикции Российской Федерации и в соответствии с международными догово-

рами Российской Федерации»¹⁵. Официальное закрепление этого намерения благоприятствует расширению круга партнеров России в Арктике за счет стран-наблюдателей в Арктическом совете, включая Китай. Однако приоритетом российской политики в Арктике остается сотрудничество с государствами, расположенными в Арктическом регионе.

По заявлению бывшего вице-премьера РФ Д.О. Рогозина, возглавлявшего Государственную комиссию по вопросам развития Арктики, «Арктика — одно из немногих направлений, где международное сотрудничество с Россией не только не прекращалось, но и активно продолжается», несмотря на осложнение отношений РФ с рядом западных стран¹⁶. Так, по информации МИД России, в разгар украинского кризиса и санкционного противостояния не был свернут ни один из почти 80 совместных проектов, реализуемых в рамках деятельности Арктического совета. В то же время нельзя отрицать, что санкционная политика позволила открыть России новые возможности для сотрудничества в Арктике с внерегиональными, особенно азиатскими, игроками.

Россия убеждена, что все основные «правила игры» в Арктике должны устанавливаться восемью приарктическими государствами, входящими в Арктический совет, при полном соблюдении норм международного права. Что касается отношений с неарктическими государствами со статусом наблюдателей Арктического совета, включая Китай, то они строятся на основе принципов, отраженных в «Критериях наблюдателей Арктического совета», принятых Советом в 2011 г. В их числе уважение неарктическими государствами суверенитета, суверенных прав и юрисдикции стран Арктического совета; содействие реализации целей Арктического совета (укрепление сотрудничества, взаимодействия и координации между государствами-членами Совета); уважение культуры, традиций и специфики жизненного уклада коренных народов Севера и пр.¹⁷

Оптимальным представляется сбалансированный и компромиссный подход к сотрудничеству с КНР в Арктике, учитывающий все аргументы «за» и «против». Выгодные контракты по совместной добыче полезных ископаемых при гарантии Китаю наиболее благо-

приятных условий использования Северного морского пути помогут России заручиться в комиссии ООН весомой поддержкой со стороны Пекина в отстаивании своей позиции по вопросу расширения границ ее континентального шельфа.

* * *

Итак, взаимодействие России и КНР по вопросам развития Арктического региона является одним из важных направлений российско-китайских отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия. Однако следует трезво подходить к действиям КНР в Арктике в контексте российско-китайского диалога. Основная причина постепенного усиления китайского интереса к Арктике — экономическая, однако при этом КНР интересуется не только вопросами выгодного вложения инвестиций и развития торговых отношений, но и стремится обеспечить новые геополитические возможности для своей экономической «экспансии». Учитывая, что подход Китая к освоению Арктики отличается традиционным для него прагматизмом, в целях качественного углубления российско-китайского регионального взаимодействия необходимо обратить особое внимание на повышение конкурентных преимуществ предлагаемых Россией кооперационных проектов, особенно в экономической сфере.

Диалог России и Китая по Арктике способен стать примером действительно взаимовыгодного сотрудничества. РФ не только сможет переложить на партнера часть финансовой нагрузки по освоению Арктики, но и получит средства для модернизации существующих и строительства новых международных морских портов на всем протяжении СМП. КНР же обретет новые возможности по оптимизации межконтинентальной транспортировки китайской продукции, общему расширению ее ВЭС и созданию новых объектов своей ресурсной базы за рубежом. В перспективе следует ожидать более активной вовлеченности Китая в арктические дела по всем направлениям. Однако Пекин все же не склонен менять сложившиеся в регионе «правила игры» и будет, скорее всего, действовать осторожно, учитывая порядки, установленные восемью арктическими государствами.

Примечания

¹ China's Arctic Policy (White Paper). Full Text // The State Council of the People's Republic of China, 26 Jan 2018. URL: http://english.gov.cn/archive/white_paper/2018/01/26/content_281476026660336.htm

² См.: *Ван Цзюньтао*. Геополитическая стратегия Китая в Арктике // Научно-технические ведомости СПбГПУ, гуманитарные и общественные науки. 2015. № 1 (215). С. 54—56.

³ *Скорлыгина Н.* Россия ждет от Китая большего // Коммерсантъ. 19.05.2017. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3299931>; *Скорлыгина Н., Ренин А.* «Ласточки» и «Стрижи» столкнулись с ВСМ // Коммерсантъ. 01.03.2018. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3560652>

⁴ Дорога к Белому морю // Официальный сайт ОАО «МК «Белкомур». 05.03.2018. URL: http://www.belkomur.com/news/index.php?ELEMENT_ID=2969; *Стоцкий А.* Арктика сегодня: день инфраструктуры // Экспертный центр «Проектный офис развития Арктики». 24.05.2018. URL: <http://porarctic.ru/arktika-sego-dnya-den-infrastruktury/>; *Гойхман М.* Перспективы скорейшей реализации «Белкомура» неоднозначны // ИА «РЖД-Партнер.ру». 22.02.2018. URL: <http://www.rzd-partner.ru/zhd-transport/opinions/perspektivy-skoreyshey-realizatsii-belkomura-neodnoznachny/>

⁵ Северо-Восточная Азия на подступах к Северному морскому пути // Официальный сайт Государственной комиссии по вопросам развития Арктики. 25.04.2016. URL: <https://arctic.gov.ru/News/da10fe51-670b-e611-80cc-e672fe4e8e4e?nodeId=cff7c859-8f58-e511-8259-e82aea5c46bb&page=1&pageSize=10>

⁶ Цит. по: Кто хозяин в Арктике? // Парламентская газета. 26.03.2013. URL: <https://www.pnp.ru/comment/detail/15665>

⁷ *Ван Цзюньтао*. Указ. соч. С. 54—56.

⁸ О преодолении стереотипов в научных работах по Арктике см. подробнее: *Махмутов Т.* Почему Арктика немаргинальный регион мира? // Мировая экономика и международные отношения. 2017. № 10. С. 117—122.

⁹ Сырье в обмен на инвестиции: зачем Дмитрий Медведев едет в Китай // РБК. 13.12.2015. URL: <https://www.rbc.ru/economics/13/12/2015/566c9ecd9a794766670ed534>

¹⁰ Россия и Китай в Арктике: проблемы и перспективы. URL: <http://www.sluzhuotechestvu.info/index.php/gazeta-sluzhu-otechestvu/2014/maj-2014/item/1251-россия-и-китай-в-арктике-проблемы-и-перспективы.html>

¹¹ *Капустин А.* Арктический дебют Пекина. URL: <http://politicaexterna.ru/post/118187550461/arctic>

¹² Цит. по: Кто хозяин в Арктике? // Парламентская газета. 26.03.2013. URL: <https://www.pnp.ru/comment/detail/15665>

¹³ «Китайский фактор» Севморпути // Морской флот. 2013. № 3. URL: <http://www.morvesti.ru/tems/detail.php?ID=23735>

¹⁴ Ван Цзюньтао. Указ.соч. С. 54—56.

¹⁵ Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 г. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_142561

¹⁶ Рогозин Д.О. Пленарные сессии конференции «Международное сотрудничество в Арктике: новые вызовы и векторы развития» // Российский совет по международным делам. 13.10.2016. URL: <http://russiancouncil.ru/news/plenarnye-sessii-konferentsii-mezhdunarodnoe-sotrudnichestvo/>

¹⁷ См.: «Китайский фактор» Севморпути...

DOI: 10.24411/2618-6888-2018-10014

А.К. Криворотов

ПОЛЯРНАЯ ПОЛИТИКА КИТАЯ: НАБИРАЯ ОБОРОТЫ, ОБРЕТАЯ РАМКИ, УМНОЖАЯ ВЕКТОРЫ

Аннотация. Рассмотрены важнейшие события 2017 — начала 2018 гг. в деятельности КНР в полярных регионах: формальное включение Арктики в инициативу «Пояс и путь», реализация знаковых инфраструктурных проектов, расширение присутствия в Антарктиде и др. Эти процессы создают новые возможности для России, но их практическая реализация потребует целенаправленных усилий.

Ключевые слова: Арктика, Антарктика, «Пояс и путь», Северный морской путь, Северо-Западный проход, инвестиции, исследования.

Период 2017 — начало 2018 гг. был отмечен резкой активизацией деятельности Китая в Арктике и в Антарктике и углублением ее идейной проработки. Настоящая статья характеризует лишь наиболее значимые события этого времени и этого контекста, но в совокупности их уже сейчас можно рассматривать как свидетельство перехода полярной политики КНР в некое новое качество.

Концептуализация арктической политики Китая

Важнейшим доктринальным итогом 2017 — начала 2018 гг. стало, очевидно, официальное оформление и окончательное закрепление концепции «Один пояс, один путь» (она же инициатива «Пояс и путь») как на международном уровне, прежде всего в декларации Пекинского саммита от 16 мая 2017 г.,¹ так и внутри Китая, через включение положений о ней в Устав КПК и Конституцию КНР. «Пояс и путь» предстает как открытая, инклюзивная альтернатива глобализации, построенная на принципах неисключительности, взаимной выгоды (*win-win*) и, хотя это прямо не подчеркивается, при самой активной роли Китая, обеспечиваемой прежде всего благодаря его финансовым инструментам.

Вскоре после саммита «Один пояс, один путь» в Пекине (май 2017 г.), 20 июня того же года власти Китая опубликовали документ «Видение сотрудничества на море в рамках инициативы «Пояс и путь», где были определены три «синих экономических маршрута»: «Китай—Индийский океан—Африка—Средиземное море» (главная современная торговая трасса КНР), «Китай—Океания—Юг Тихого океана» и маршрут «в Европу через Ледовитый океан»². В конце 2017 г. о Северном морском пути (СМП) в контексте «Пояса и пути» высказались главы России и КНР: Си Цзиньпин — на встрече с председателем правительства России Д.А. Медведевым 1 ноября, В.В. Путин — на своей пресс-конференции 14 декабря.

Наконец, 26 января 2018 г. Управление информации Госсовета КНР впервые в истории страны опубликовало Арктическую политику Китая³. Несмотря на ряд конкретных положений, например, о проведении ежегодных арктических экспедиций, в целом она сформулирована весьма широко и, видимо, более в расчете на внешнюю аудиторию. Так, на пресс-конференции, устроенной Управлением информации, зам. министра иностранных дел КНР Кун Сюанью, представляя этот документ, попытался, как и китайские ученые, развеять сомнения международного сообщества в миролюбивом и экологически ответственном подходе страны к ее деятельности в Арктике.

В Стратегии, помимо прочего, повторен известный тезис о КНР как «приарктическом государстве» (или «околоарктическом» государстве в зависимости от перевода), определены главные политиче-

ские цели страны в регионе — понимать, оберегать, развивать Арктику и участвовать в ее управлении в интересах всего мирового сообщества. Китай «как ответственная крупная держава» призвал все заинтересованные стороны к совместной работе по достижению этих целей и сотрудничеству по вопросам Арктики в рамках инициативы «Пояс и путь».

«Ямал СПГ» — первый китайский мегапроект в Арктике

Концептуальное оформление китайских арктических планов шло параллельно с их практической реализацией. Так, в ямальском порту Сабетта 8 декабря 2017 г. был пущен завод сжиженного природного газа — «Ямал СПГ», совместное предприятие российского «НОВАТЭКа», китайских инвесторов и французской «Тоталь». В полуофициальном русскоязычном журнале «Китай» этот завод был назван первым сверхкрупным зарубежным проектом КНР, реализуемым после выдвигания инициативы «Экономический пояс Шелкового пути».

С российской точки зрения, «Ямал СПГ» примечателен прежде всего как зримое свидетельство присутствия РФ в Арктике и на перспективном мировом рынке сжиженного газа, а также как будущий главный источник формирования грузовой базы для судоходства по Севморпути. Каждая из трех линий завода в Сабетте должна будет производить по 5,5 млн т СПГ в год, что превышает весь объем перевозок по СМП до начала строительства завода (5,4 млн т в рекордном 2015 г.).

Интерес Китая также представляется многоплановым. Российские СМИ обычно упоминают лишь то, что 20 % «Ямал СПГ» принадлежат Китайской национальной нефтегазовой компании и еще 9,9 % — Фонду Шелкового пути. Но участие китайской стороны значительно шире: она обеспечила 63 % финансирования проекта (включая кредиты Экспортно-импортного банка и Банка развития Китая на общую сумму свыше 12 млрд долл.), а 45 промышленных компаний страны поставили 85 % модулей теплообменников для сжижения газа, более 20 % транспортных судов, 14 из 15 танкеров для перевозки СПГ⁴. Причем, по признанию производителя модулей — компании *Chinese Offshore Oil Engineering Co., Ltd. (COOEC)*, они были изготовлены в Китае впервые. «Иными словами, «Ямал

СПГ» профинансировал формирование новых технологических компетенций у китайских подрядчиков и помог им выйти на международный рынок. При этом возможность кооперации с российскими компаниями ни одной из сторон не рассматривалась», — отмечали сибирские ученые В.А. и Я.В. Крюковы⁵.

Отметим также символический момент: «Ямал СПГ» — трехсторонний (российско-китайско-французский) проект. Войдя в число его акционеров, Фонд Шелкового пути не только укрепил в нужный момент его финансовую базу на 301 млн долл., улучшив соотношение собственных и заемных средств, но и довел соотношение капиталов трех сторон (50,1:29,9:20) до близкого к идеальному, построенному на золотом сечении (50:31:19), что важно именно для китайской бизнес-философии.

Китайская сторона с выгодой использует момент, когда российский ТЭК из-за санкций лишился доступа к западным технологиям и финансовым ресурсам. В этом же контексте следует упомянуть и другие новости 2017 г.: покупку китайцами 10 % акций компании нефтехимической компании «Сибур», меморандум «НОВАТЭКа» с Эксимбанком КНР о кредитовании его нового проекта Arctic LNG 2⁶, работу на арктическом шельфе России буровой платформы «Нанхай-8», а также сорвавшуюся в последний момент сделку по приобретению за 7,7 млрд евро 14,6 % акций крупнейшего нефтяного оператора в российской Арктике — «Роснефти» — частной *CEFC China Energy*⁷.

Один китайский профессор в беседе с автором заявил в связи с этим: «Россия сейчас скачет на китайской лошади, но, как только ее отношения с Западом улучшатся, она снова пересядет на западную. Поэтому наша задача — максимально укорениться в России, пока она не поменяла коней». С этой точки зрения, инвесторы из КНР через «Ямал СПГ» прочно закрепились в сердце российской Арктики и получили рычаг долгосрочного влияния на судоходство по Севморпути (включая планируемое перевооружение ледокольного флота)⁸.

Активизация в североамериканской Арктике

Впрочем, интерес китайской стороны к газовым ресурсам Арктики явно не исчерпывается Ямалом. В ходе дебютного визита в Пе-

кин президента США Д. Трампа китайские *Sinopec*, *CIC Capital Corp.* и *Bank of China* подписали 8 ноября 2017 г. с компанией *Alaska Gasline Development Corp.* и правительством штата Аляска соглашение о сотрудничестве в маркетинге, финансировании, инвестировании и поставках китайского оборудования по проекту *Alaska LNG*⁹. Этот проект ориентировочной стоимостью 43,4 млрд долл. предусматривает освоение арктического месторождения газа (за что активно выступает Д. Трамп), строительство 1300-километрового трубопровода с арктического на южное побережье штата и завода СПГ (3 линии мощностью по 6,7 млн т СПГ в год) в порту Никиски близ Анкориджа. Хотя соглашение с китайцами носит предварительный характер, жители Аляски рассказывали автору, какое воодушевление вызвала у них эта новость, особенно учитывая, что в 2016 г. из проекта вышел оператор и главный акционер, крупнейшая нефтегазовая компания мира *ExxonMobil*. По новой бизнес-модели, 75 % производимого СПГ будет направляться в КНР по контракту с китайской госкомпанией¹⁰.

Аналогичным образом упомянутый «синий экономический маршрут в Европу через Ледовитый океан» вовсе необязательно означает (как иногда трактуют в России) именно Северный морской путь (хотя китайские компании в 2017 г. и увеличили число транзитных плаваний по нему до 12 против 5 годом ранее). Этим маршрутом потенциально могут быть и высокоширотная трансполярная трасса, и Северо-Западный проход (СЗП) через воды Канадского Арктического архипелага.

Как известно, Оттава весьма настороженно относится к появлению иностранных судов в СЗП из-за многолетнего «вялотекущего» спора с США: по мнению Канады, это ее исторические воды, плавание в которых возможно лишь с ее разрешения. Американцы же, напротив, считают их международными проливами, открытыми для судоходства других стран. Однако, несмотря на свои принципиальные разногласия, обе страны избегают обострений для поддержания добрососедских союзнических отношений¹¹.

В связи с этим у канадцев вызвало серьезную озабоченность то обстоятельство, что Управление безопасности мореплавания КНР выпустило в апреле 2016 г. на китайском языке подробную, 365-страничную лоцию по СЗП в расчете на его коммерческое освоение по

мере таяния арктических льдов¹². Представитель МИД КНР Хуа Чуньин признала тогда, что Китаю известны политико-правовые сложности этой акватории, но воздержалась, однако, от формулирования какой-либо официальной позиции на сей счет¹³.

Практическое изучение вопроса состоялось в ходе 8-й китайской арктической экспедиции, проведенной единственным в Китае ледоколом «Сюэлун» («Снежный дракон») 20 июля — 6 сентября 2017 г. До этого лишь 5-я экспедиция 2012 г. выходила за пределы Чукотского и Берингова морей: «Сюэлун» впервые прошел тогда по трассе Севморпути до Исландии, провел исследования в международных водах Северной Атлантики (за пределами 200-мильных экономических зон прибрежных государств) и вернулся в Китай по приполярному маршруту, покрыв 18,5 тыс. морских миль. На сей раз ледокол, преодолев более 20,5 тыс. миль, проследовал из Шанхая в тот же район Северной Атлантики через приполярные области, а обратно, обогнув с юга Гренландию, впервые в китайской истории прошел Северо-Западным проходом по извилистому южному фарватеру, сталкиваясь с туманами, плавучими льдами и айсбергами.

Таким образом, отмечали китайские комментаторы, теперь «Сюэлун» приобрел опыт плавания по всем трем потенциальным трансарктическим маршрутам¹⁴. Причем это обстоятельство имеет откровенно прикладной характер: по оценке агентства Синьхуа, ледокол «приобрел богатейший опыт, полезный для китайских судов, которые будут следовать по СЗП в будущем»¹⁵.

О том, насколько замысловато китайцы действуют в североамериканской Арктике, свидетельствует разницей в оценках крупнейших канадских специалистов по арктической проблематике. Профессор Роб Хюберт из Центра военно-стратегических исследований Университета Калгари заявил, что КНР явно намерена наладить регулярное плавание по СЗП своих контейнеровозов, увидел в этом потенциальную угрозу эрозии канадского суверенитета и призвал срочно строить патрульные корабли для контроля над таким судоходством. В то же время профессор Университета Британской Колумбии Майкл Байерс (автор широко известной монографии «Кто владеет Арктикой?») подчеркнул, что китайцы заранее запросили у канадских властей разрешение на экспедицию в СЗП и целую неделю дожидались его, не заходя в спорные воды. «Каждый раз, когда

другое государство работает с нами, оно косвенно признает, что наше государство управляет Северо-Западным проходом, что у нас есть на него права», — отметил он, добавив, что своим поведением китайская сторона подкрепляет и собственные аналогичные, так же не признаваемые США, претензии на Хайнаньский пролив¹⁶.

Так же — энергично, но осторожно — строится и политика КНР в Гренландии. Премьер-министр острова Ким Кильсен нанес визит в Пекин в конце 2017 г. Китайские госкомпании, действуя через Сянган/Гонконг или австралийских партнеров, строят в поселке Кванефельд шахту по добыче руд редкоземельных металлов, урана и цинка, проектируют рудники в Цитронен-фьорде (цинк) и Исуа (железо).

Датские специалисты отмечают стремление китайцев заручиться поддержкой своих гренландских проектов в Копенгагене¹⁷. Однако в 2016 г. правительство Дании под нажимом США отказалось продать сянганской горнорудной компании *General Nice Group* бывшую военно-морскую базу Грэннедал (Кангилиннгуит)¹⁸. Опасения Копенгагена вызывают и планы КНР открыть на острове научную станцию, и приглашение китайских строительных фирм к реконструкции всех трех аэропортов Гренландии (Нуук, Какортук и Илу-лиссат). МИД КНР и островные власти, со своей стороны, заявляли, что эти страхи беспочвенны¹⁹.

Европейский Север: проекты в сфере транспорта и связи

В описываемый период резко активизировалась также проработка совместных инфраструктурных проектов, позволяющих соединить КНР с Северо-Западом России, Скандинавией и Финляндией. Они хорошо вписываются в логику инициативы «Пояс и путь», ключевым словом которой является «связность», «связуемость» (англ. *connectivity*). Политическим обеспечением этой работы послужили поездка вице-премьера Госсовета КНР Вань Яна на конференцию «Арктика — территория диалога» в Архангельске, первый с 1995 г. визит председателя КНР в Финляндию и визит премьер-министра Норвегии в Пекин, нормализовавший двусторонние отношения (март-май 2017 г.)²⁰. Рассматриваются транспортные коридоры как

по суше, так и по Северному Ледовитому океану; они закольцовываются, стыкуясь в арктических портах России и Скандинавии.

В частности, в рассматриваемый период китайская *China Poly Group* активно прорабатывала варианты финансирования (даже в полном объеме на условиях концессии) строительства железной дороги Белкомур («Соликамск—Сыктывкар—Архангельск») и модернизации Архангельского морского порта²¹. Компания *Cosco Shipping Lines (Russia)* готовила детальный доклад о строительстве в Архангельске глубоководного порта²².

Параллельно с этим в ноябре 2017 г. Сиань (КНР) и южнофинский г. Коуволла связало регулярное железнодорожное сообщение через Россию и Казахстан (в обход Транссиба, но по уже имеющимся железнодорожным путям). Западные наблюдатели отмечают, что это первый реализованный на Севере Европы проект в рамках «Пояса и пути». Расстояние в 8 тыс. км грузовые составы преодолевают за 10 дней, что существенно быстрее традиционных морских маршрутов и (с учетом китайских субсидируемых тарифов) вполне конкурентоспособно по цене²³. Казахстан же полагает, что маршрут Коуволла (Финляндия)—Бусловская (Россия)—Алтынколь (Казахстан)—Сиань (Китай) стал 5-м трансграничным коридором, который налажен страной в рамках инициативы президента РК Н. Назарбаева — новой экономической политики «Нурлы жол» («Светлый путь») и ее сопряжения с китайской инициативой «Пояс и путь»²⁴.

Одновременно китайская сторона проявила большой практический интерес к проекту строительства 520-километровой железной дороги «Рованиеми (север Финляндии) — Киркенес (Норвегия)». Она позиционируется финнами как способ для ЕС «обеспечить собственный логистический доступ к Северному Ледовитому океану», позволяя вывозить грузы из стран Северной, Центральной и Восточной Европы по трассе Севморпути. Характерно, что финны первоначально склонялись строить ветку в Мурманск (тем более, что совпадает ширина колеи), но отказались от этой идеи из-за бездействия российской стороны²⁵.

В декабре 2017 г. появились сообщения, что «профильное китайское министерство» и корпорация *China Telecom* предметно обсуждают с финской госкомпанией *Cinia Group Oy* еще один масштабный (стоимостью 700 млн евро) проект в том же коридоре «Финлян-

дия—Киркенес—трасса Севморпути—Китай и Япония». Речь идет о прокладке подводной волоконно-оптической линии связи (ВОЛС) длиной 10,5 тыс. км, которая призвана стать самым высокоскоростным кабелем компьютерной связи между Европой и Азией. Проект может быть реализован уже в 2020 г.; анализ, проведенный под руководством бывшего премьера Финляндии П. Липпонена, показал, что он «политически и технически реализуем» и поддерживается всеми затронутыми странами, включая РФ²⁶. Последнее особенно интересно в свете планов России проложить вдоль той же трассы СМП (с ответвлениями к арктическим островам) засекреченную военную ВОЛС²⁷.

Усиление политики Китая в Антарктике

Говоря о полярной политике КНР, необходимо упомянуть и ее деятельность в Антарктике, которая уже рассматривалась на страницах настоящего издания²⁸.

История и масштабы китайского присутствия в южных полярных районах, несмотря на их значительную удаленность от КНР —кратно больше, чем в северных: 34 ежегодных антарктических экспедиций и 4 научных станций (в 2018 г. была заложена 5-я) против 8 нерегулярных арктических экспедиций и 1 станции. По меньшей мере одна из причин связана с различиями правового статуса двух полюсов. Арктика — океан, по большей части подпадающий под зоны юрисдикции прибрежных государств, куда КНР приходится проникать на основе особых договоренностей. Антарктика, напротив, — материк, открытый для деятельности любого заинтересованного государства в рамках соответствующего договора 1959 г. Китай является его участником с 1983 г., и, как показывают исследования, его интересы на ледяном континенте вполне совместимы с интересами других крупных держав²⁹.

В мае-начале июня 2017 г. Пекин впервые принял у себя 40-е консультативное совещание стран-участниц Договора об Антарктике. На мероприятии выступил вице-премьер Госсовета КНР Чжан Гаоли, особо подчеркнувший следующие принципы: мирное использование континента и укрепление взаимного доверия в духе

формирования сообщества общей судьбы человечества; укрепление системы Договора об Антарктике; развитие взаимовыгодного сотрудничества; активизация научных исследований; отыскание разумного баланса между защитой природной среды и использованием Антарктики³⁰. Налицо почти текстуальное сходство с рядом базовых положений Арктической политики.

Первостепенное внимание в обеих полярных областях Китай уделяет НИОКР (тем более, что на разработку природных ресурсов Антарктики действует мораторий до 2048 г.). Перед совещанием Государственное океанологическое управление КНР опубликовало доклад о деятельности страны в Антарктике, где заявило о планах строительства новой научной станции и современных ледоколов, модернизации авиапарка на континенте и др. Кроме того, 26 мая 2017 г. Управление заключило соглашения о сотрудничестве в полярных исследованиях с шестью заграничными учреждениями, включая Санкт-Петербургский Арктический и Антарктический НИИ³¹.

Как и в Арктике, растущая активность КНР в районе Южного полюса порой воспринимается с недоверием. Так, в 2017 г. внимание привлек опубликованный в Австралии доклад новозеландской исследовательницы Энн-Мэри Брейди, по сути обвинившей китайскую сторону в проведении в Антарктиде тайных военных операций и разведке полезных ископаемых, прямо запрещенных Договором 1959 г. и Мадридским протоколом 1991 г. к нему. Брейди отметила, что почти все китайские научные станции размещены в секторе Антарктиды, на который претендует Австралия, и своей деятельностью подрывают австралийские интересы³².

Многогранный полярный туризм

Две полярные области роднит еще одна тенденция — взрывной рост китайского туризма.

В сезон 2017 г. на КНР пришлось 12 % всего потока туристов в Антарктику (5 тыс. человек), 18 % — в национальный парк «Русская Арктика»³³. О наплыве туристов из Китая автору рассказывали жители Мурманской области, финской Лапландии, Северной Норвегии. В марте 2018 г. компания *China Merchants Industry Holdings* при-

ступила к строительству первого в стране круизного лайнера длиной 104 м для туристических вояжей в полярные области. Судно должно быть готово к спуску на воду уже в 2019 г.³⁴

С позиций международной политики развитие туризма привлекательно в нескольких аспектах.

Во-первых, это не просто «низкобюджетный», а прибыльный (для государства и инвесторов) способ обеспечения национального присутствия в Арктике — причем воочию видимого, с учетом нетипичной для региона внешности китайских туристов.

Во-вторых, «пропуская» через полярные области большое число своих граждан, государство радикально повышает степень осведомленности о них населения. В совокупности два этих обстоятельства мощно работают на формирование имиджа КНР как «приарктического государства» вне и внутри страны.

В-третьих, массовое присутствие китайских туристов создает основания для регулятивной деятельности государства (пусть и ограниченной лишь природоохранными вопросами и относящейся только к собственным гражданам и юридическим лицам). В новой редакции правил поведения китайских граждан за рубежом, недавно выпущенной Государственным управлением по делам туризма КНР, появились специальные нормы в отношении Арктики и Антарктики. В начале 2018 г. Государственное океанологическое управление обнародовало проект специального регламента по туризму в Антарктике, который предусматривал и санкции за его нарушение³⁵.

С учетом этих обстоятельств можно прогнозировать как дальнейший рост китайского туристического потока в полярные области, так и совершенствование его регулирования, позволяющего государству заявлять о своем участии в управлении процессами в данных регионах.

Заключение

Анализ вышеописанных событий позволяет сделать следующие основные выводы.

Период первичного накопления Китаем знаний и опыта в полярных областях можно считать завершенным. Страна публично

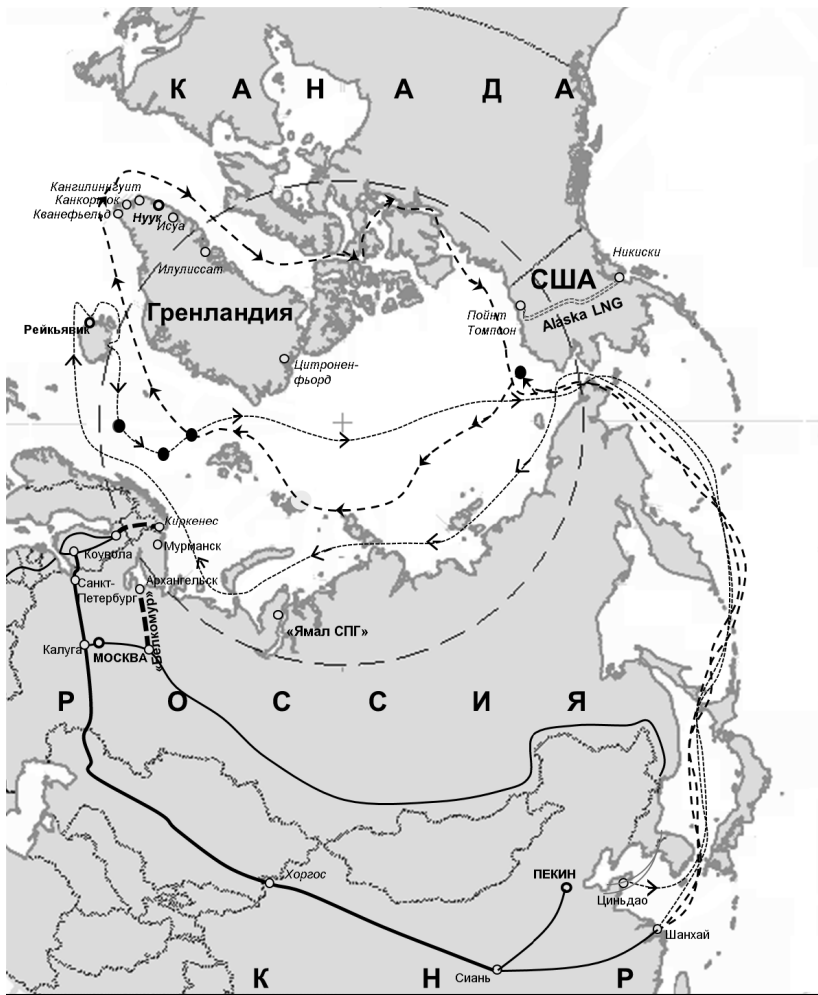
заявила о намерении играть важную роль в изучении и управлении как Антарктикой, отнесенной к общему наследию человечества, так и Арктикой, пространства которой по большей части разделены между прибрежными государствами.

В то же время свои интересы в Арктике Китай сформулировал весьма (и, видимо, намеренно) широко, оставляя за собой богатую возможность выбора содержательных, географических и отраслевых приоритетов. В этом смысле самый факт появления документально закреплённой Арктической политики оказался, пожалуй, важнее ее конкретного содержания.

Но еще важнее, вероятно, международная реакция на это событие: если 10 лет назад появление такого документа было бы воспринято с удивлением, то сейчас оно стало, можно сказать, долгожданным. Специалисты других стран сами призывали китайскую сторону назвать, наконец, свои цели и задачи в регионе³⁶. Это лучше всего подтверждает, что Китай стал признанным и очень значимым игроком в полярных районах.

Подчеркивая миролюбивый характер своих устремлений, китайская сторона делает упор на научные, а в Арктике — и на хозяйственные проекты. В то же время в действиях китайских инвесторов, приходящих в мировое Заполярье, наблюдается подлинно государственно-политический подход. Своим появлением они нередко «спасают» проекты, причем стратегически значимые для принимающих стран. Инвестиционные соглашения подписываются в присутствии первых лиц государств, обеспечивая им надежную политическую поддержку. При этом китайские компании с успехом максимизируют эффект от каждой инвестиции и для себя, и для своей страны, обеспечивая поставки в КНР сырья, загрузку производственных мощностей и обретение новых технологических навыков, а также «демонстрацию флага» в Арктике. Одновременно идет практическое продвижение концепции «Пояс и путь», представляемой как гуманная (и близкая по духу самим северянам) альтернатива жесткой глобализации по американским лекалам.

Хороший промежуточный итог «полярным» усилиям Пекина подвела упомянутая Э.-М. Брейди в своей книге «Китай как великая полярная держава», вышедшей в 2017 г. в Кембриджском университете: «Быстрое восхождение Китая в полярных регионах шло парал-

1 а) — б) в) — 2 а) — б) — в) ●

Рис. Китайские научные и инвестиционные проекты в Арктике. 1 — железные дороги: а) Коувола — Сиань; б) основные магистрали; в) проектируемые; 2 — маршруты китайских арктических экспедиций: а) 5-й, 2012 г., б) 8-й, 2017 г.; в) места основных стоянок для проведения исследований.

тельно с развитием китайской экономики, усилением политической и военной мощи Китая. Если Китаю удастся добиться в Заполярье своих основных целей, то он несомненно состоится как новая глобальная великая держава. Складывается новый миропорядок, и Китай намерен находиться в самом его сердце»³⁷.

В связи с этим нельзя не отметить, что кратчайшие пути из КНР в Арктику пролегают через Сибирь и Дальний Восток России. Навигация по Северному морскому пути, природные ресурсы российского Заполярья, наш мощный технологический задел и вековой опыт освоения Арктики представляют несомненные конкурентные преимущества нашей страны.

Тем не менее, России, несмотря на успешное развитие двустороннего сотрудничества на Севере, нельзя считать его чем-то неизбежным и предопределенным. Китай и концептуально, и на практике сопоставляет различные варианты реализации своих интересов, выбирая оптимальные. В частности, число проектов в Арктике, которые сейчас прорабатываются потенциальными китайскими инвесторами, представляется несколько избыточным. Вероятно, что в конечном итоге для реализации будут выбраны лишь некоторые из них, и необязательно российские (в качестве примеров можно назвать срыв попыток завести китайский транзит на тот же Транссиб или планов строительства высокоскоростной магистрали «Москва—Казань»).

Реализация открывающихся возможностей потребует, таким образом, от России реальных, целенаправленных усилий. При этом опыт полярной политики Китая заслуживает серьезного прикладного анализа благодаря таким его аспектам, как высокая эффективность, долгосрочное планирование, экономичность и согласованность действий всех звеньев.

Примечания

¹ Joint Communiqué of the Leaders Roundtable of the Belt and Road Forum for International Cooperation. URL: <http://www.beltandroadforum.org/english/n100/2017/0516/c22-423.html>

² Vision for Maritime Cooperation under the Belt and Road Initiative. URL: http://www.xinhuanet.com/english/2017-06/20/c_136380414.htm

³ China's Arctic Policy. The State Council Information Office of the People's Republic of China. January 2018. URL: http://www.xinhuanet.com/english/2018-01/26/c_136926498.htm

⁴ Цзун Хэ. Проект в рамках «Ледового Шелкового пути» // Китай. 2018. № 1. С. 46—47.

⁵ Крюков В.А., Крюков Я.В. Как раздвинуть рамки арктических проектов // ЭКО. 2017. № 8. С. 16.

⁶ Novatek inks Arctic LNG 2 deals with Chinese partners. URL: <https://www.lngworldnews.com/novatek-inks-arctic-lng-2-deals-with-chinese-partners>

⁷ Петлевой В. Раскрыта точная сумма покупки китайцами доли в «Роснефти» // Ведомости. 16.10.2017; Trickett N. Russia's Unhappy Energy Marriage with China. URL: <https://thediplomat.com/2018/03/russias-unhappy-energy-marriage-with-china>

⁸ Российско-китайские отношения на современном этапе. К 15-летию подписания Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между РФ и КНР // Проблемы Дальнего Востока. 2016. № 4. С. 32.

⁹ Snow N. Chinese, Alaskan officials sign LNG project development agreement // Oil & Gas Journal. 20.11.2017. P. 19—20.

¹⁰ Meyer K., Richards F., Wilcox L. Alaska LNG. Joint Senate Resources and Finance Committee. URL: <http://alaska-lng.com/wp-content/uploads/2018/03/Senate-Resources-Committee-2.28.2018.pdf>

¹¹ Максимова Д.Д., Соколов В.И. Север и Арктика в политике и хозяйстве Канады. М.: ИСКРАН, 2015. С. 58—72.

¹² Peng Yining. China charting a new course. URL: http://www.chinadaily.com.cn/china/2016-04/20/content_24679000.htm; Vanderklippe N. China reveals plans to ship cargo across Canada's Northwest Passage // The Globe and Mail. 2016. April 20.

¹³ Foreign Ministry Spokesperson Hua Chunying's Regular Press Conference on April 20, 2016. URL: http://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/xwfw_665399/s2510_665401/t1357177.shtml

¹⁴ Tang Shihua. Chinese Scientific Research Ship Xuelong Completes First Test Run Through Arctic Northwest Passage. URL: <https://www.yicaiglobal.com/news/chinese-scientific-research-ship-xuelong-completes-first-test-run-through-arctic-northwest>

¹⁵ Fife R., Chase S. China used research mission to test trade route through Canada's Northwest Passage // The Globe and Mail. 2017. September 10.

¹⁶ *Fife R., Chase S.* Chinese ship making first voyage through Canada's Northwest Passage // *The Globe and Mail*. 2017. August 31; *Dives J., Byers M.* Northern voyage opens a new channel in diplomacy with China // *The Globe and Mail*. 2017. November 15.

¹⁷ *Sorensen, C.* Promises and risks of Chinese investments in Greenland seen from Nuuk, Copenhagen and Beijing // *Greenland and International Security in a Changing Arctic*. Oxford: Routledge, 2017. P. 90—97.

¹⁸ *Matzen E.* Denmark spurned Chinese offer for Greenland base over security: sources. URL: <https://www.reuters.com/article/us-denmark-china-greenland-base/denmark-spurned-chinese-offer-for-greenland-base-over-security-sources-idUSKBN1782EE>

¹⁹ *Mingming Shi, Lanteigne, Marc.* The (Many) Roles of Greenland in China's Developing Arctic Policy. URL: <https://thediplomat.com/2018/03/the-many-roles-of-greenland-in-chinas-developing-arctic-policy/>; *Matzen E., Daly T.* Greenland's courting of China for airport projects worries Denmark. URL: <https://www.reuters.com/article/us-china-arctic-greenland/greenlands-courting-of-china-for-airport-projects-worries-denmark-idUSKBN1GY25Y>

²⁰ *Криворотов А.К., Виноградов А.О.* К итогам нормализации китайско-норвежских отношений // *Китай в мировой и региональной политике. История и современность*. Вып. XXII. М.: ИДВ РАН, 2017. С. 197.

²¹ *Плетнев С.* Дорога к Белому морю. «Белкомур» ищет инвесторов. URL: http://www.gudok.ru/first_person/?ID=1406324

²² *Башкатова А.* Китай ищет альтернативу Северному морскому пути. В Москве притязания Пекина считают нереалистичными // *Независимая газета*. 02.10.2017.

²³ *Suokas J.* New Silk Road train link connects Finland, Nordic countries with China. URL: <https://gbtimes.com/new-silk-road-train-link-connects-finland-nordic-countries-with-china>

²⁴ URL: https://bnews.kz/ru/news/tovari_iz_evropi_v_kitai_cherez_kazahstan_o_tpravilis_po_novomu_zhd_marshrutu

²⁵ *Нильсен Т.* Липпонен просит ЕС создать «недостающее звено» — железную дорогу до Киркенеса. URL: <https://thebarentsobserver.com/ru/industry-and-energy-kirkenes/2016/10/lipponen-prosit-es-sozdat-nedostayushchee-zveno-zheleznuyu/>; *Шимберг А.* «Минус Мурманск»: как железная дорога из Финляндии ушла в Норвегию. URL: <https://regnum.ru/news/2349590.html>; *Karijord C.* Kina har tegnet inn Kirkenes-Rovaniemi-banen pa kart. URL: <http://www.highnorthnews.com/kina-har-tegnet-inn-kirkenes-rovaniemi-banen-pa-kart>

²⁶ *Suokas J.* China, Finland in talks about Arctic telecom cable. URL: <https://gbtimes.com/china-finland-in-talks-about-arctic-telecom-cable>

²⁷ *Шимберг А.* Трансарктическая линия связи: от врагов и для друзей. URL: <https://regnum.ru/news/economy/2409026.html>

²⁸ *Балакин В.И.* Стратегия Китая в Арктике и Антарктике // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Вып. XVII. М.: ИДВ РАН, 2012. С. 236—240.

²⁹ *Комиссина И.Н.* КНР усиливает стратегическое влияние в Антарктике. URL: <https://riss.ru/analitics/37121>; *Harrington J.* China, Global Ecopolitics and Antarctic Governance: Converging Paths? // Journal of Chinese Political Science. 2017. Vol. 22. Issue 1. P. 37—56.

³⁰ Чжан Гаоли: цзяньчи наньци тяоюэ яньцзе цзиншэнь гэнхао жэньши баохуо лиюэ наньци (Чжан Гаоли: твердо придерживаться принципов и духа Договора об Антарктиде; еще лучше понимать, защищать и использовать Антарктику). URL: http://www.chinare.gov.cn/caa/gb_news.php?id=1984.

³¹ *Раткогло А.* Китай и Россия подписали международные соглашения по исследованию Арктики. URL: <https://ria.ru/science/20170526/1495134430.html>; China signs six polar research agreements. URL: http://www.chinare.gov.cn/english/gb_news.php?id=1991&modid=13001.

³² *Brady A.-M.* China's expanding Antarctic interests: Implications for Australia // Special Report. Barton: the Australian Strategic Policy Institute, 2017. 25 p.

³³ Туристов из Китая все больше привлекают туры в Арктику и Антарктику. URL: <http://www.visit-russia.ru/news/turistov-iz-kitaya-vse-bolshe-privlekayut-tury-v-arktiku-i-antarktiku>; *Штоль А.* Китай наращивает присутствие в Арктике и Антарктике. URL: ???

³⁴ Китай начал строительство первого круизного судна для полярных экспедиций. URL: <https://ria.ru/world/20180317/1516585702.html>

³⁵ China mulls regulation on Antarctic activities. URL: <http://english.china.com/news/china/54/20180201/1195858.html>

³⁶ *Goh Sui Noi.* China's polar ambitions cause anxiety // The Straits Times. 2018. February 20.

³⁷ *Brady A.-M.* China As a Polar Great Power. Cambridge: Woodrow Wilson Center Press and Cambridge University Press, 2017. P. 377.

DOI: 10.24411/2618-6888-2018-10015

А.О. Виноградов, Е.К. Борумбей

ОТНОШЕНИЯ КИТАЯ СО СТРАНАМИ ВЫШЕГРАДСКОЙ ГРУППЫ

Аннотация. Рассмотрены отношения Китая со странами так называемой Вышеградской группы (Польша, Чехия, Словакия, Венгрия). Данные отношения рассматриваются Китаем как часть формата «16+1» и одновременно — как часть общего подхода Китая к странам Европейского союза. Отдельно внимание уделено двусторонним торгово-экономическим отношениям Китая со странами Вышеградской группы.

Ключевые слова: Китай, Европейский союз, экономические отношения, внешняя политика Китая, Вышеградская группа, Польша, Чехия, Словакия, Венгрия, «16+1».

Справка. Вышеградская (Вишеградская) группа была образована 15 февраля 1991 г. в венгерском г. Вишеград, где лидеры трех постсоциалистических стран — Лех Валенса (Польша), Вацлав Гавел (Чехословакия) и Йозеф Антала (Венгрия) подписали совместную декларацию о стремлении к интеграции в европейские структуры. Первоначально объединение называли Вышеградской тройкой, но после того, как в 1993 г. Чехословакия разделилась на две части — Чехию и Словакию, Вышеградская группа из тройки превратилась в «четверку», или V-4 (в европейском наименовании). Все страны Вышеградской группы 1 мая 2004 г. стали членами Европейского союза.

Отношения Китая со странами Европейского союза представляют собой достаточно сложную «конструкцию», в которой Пекин использует самые разные форматы, начиная от связей по линии «Пекин — Брюссель» и заканчивая двусторонними отношениями с каждым из государств-членов¹. Важное место в этих отношениях занимает формат «16+1», созданный Китаем в начале второго десятилетия XXI в. как отдельный механизм взаимодействия между ним и 16 странами Центральной и Восточной Европы (Албания, Болгария, Босния и Герцеговина, Венгрия, Латвия, Литва, Македония, Польша, Румыния, Сербия, Словакия, Словения, Хорватия, Черногория, Чехия и Эстония. Отметим, что среди данных государств только пять не являются членами Евросоюза). Этот форум сначала позиционировался как чисто экономический, однако за прошедшие годы получил очевидное политическое наполнение. В его рамках в Пекине созданы Секретариат организации и представительства всех 16 стран, проводятся ежегодные саммиты (Китай на них представляет премьер Госсовета, страны ЦВЕ представлены не только премьерами, но и президентами стран). В состав Секретариата входят генеральный секретарь (эту должность занимает помощник министра иностранных дел КНР), исполнительный секретарь (директор Департамента стран Европы МИД КНР) и заместитель генерального секретаря (советник-посланник Департамента Европы МИД КНР). Таким образом, формат «16+1», по сути, является организацией, независимой от руководства Европейского союза (хотя в него входят 11 стран ЕС) и контролируемой Пекином.

Однако и в рамках этого формата не все страны ЦВЕ одинаково важны для Китая. Особый интерес представляют страны Вышеградской четверки, которые являются, пожалуй, и самыми влиятельными в ЦВЕ. Эти страны занимают первые места среди стран-участниц формата «16+1» по объему торгово-экономических отношений с Китаем: на них приходится 76,7 % от общей торговли Китая с 16 странами² и 56,7 % китайских ПИИ (по данным на 2016 г.)³. В связи с этим возникает вопрос, на каких принципах Китай строит отношения с данными странами и как он относится к существованию в рамках формата «16+1» объединения, которое носит автономный характер?

Заметим, что на словах (особенно в рамках деклараций) китайская сторона всячески подчеркивает необходимость всестороннего сотрудничества в самых различных форматах и отмечает важность для Европы координации действий стран Вышеградской группы в области политики, экономики, культуры, образования, науки и т. д. Как полагают китайские эксперты⁴, связи внутри Вышеградской группы позволяют укрепить «индивидуальность Центральной Европы» и более успешно защищать ее общие интересы.

Однако вместе с тем, как пишет в своем обзоре (опубликованном, кстати, в польском журнале по международным отношениям) Лю Цзокуй, директор Департамента Центральной и Восточной Европы Института европейских исследований Академии общественных наук Китая, в КНР среди ученых существуют различные мнения относительно деятельности Вышеградской четверки, и отнюдь не все они положительные. Китайские эксперты отмечают, что при всей схожести географического положения данных стран их интересы далеко не во всем совпадают, что объясняется различными размерами внутреннего рынка, различными культурными традициями и т. д.⁵ В результате при наличии права голоса в Парламенте и Совете ЕС этим странам трудно добиться скоординированной позиции и выступать единым фронтом. В частности подчеркивается, что в рамках V-4 Польша выступает за сохранение и ужесточение санкций против России, Чехия и Словакия призывают облегчить их, а Венгрия, напротив, старается укреплять отношения с Москвой⁶. Отнюдь не способствуют принятию общих решений и все более возрастающие амбиции Польши, не склонной учитывать интересы трех других членов V-4.

Отмечаются также недостатки в механизме функционирования «четверки». В частности, встречи проходят в виде политических консультаций представителей четырех стран, что позволяет делать различные совместные заявления, но не ведет к созданию полноценного политического блока со сложившимся механизмом принятия решений и управления. Не могут не влиять на отношения данных стран и некоторые исторические события, например, поддержка польским руководством ввода советских войск в Чехословакию в 1968 г. Напряжение в словацко-венгерских отношениях сохраняется в силу проблемы положения венгерского национального меньшин-

ства в Словакии. Заметим, что все эти факты не проходят мимо внимания китайских экспертов и старательно ими анализируются и подчеркиваются.

Тем не менее, именно Польша является (и должна являться, по мнению китайских экспертов⁷) основным партнером Китая среди стран Вышеградской группы (несмотря на ее крайне враждебное отношение к РФ). Это объясняется и географическим положением Польши (в силу наличия морских портов и всей важности транзита китайских товаров Польше отводится основная роль среди «опорных точек» вдоль Северного коридора), и возрастающей ролью Польши в рамках различных структур ЕС. Так, Польша участвует в «Веймарском треугольнике» (сотрудничество между Францией, Германией и Польшей), инициировала создание Восточного партнерства⁸, а бывший премьер-министр Польши Дональд Туск в настоящий момент находится на посту председателя Европейского совета. Кроме того, в 2018—2019 гг. Польша будет являться непостоянным членом Совбеза ООН.

Китайские эксперты также подчеркивают, что страны Вышеградской четверки в экономических отношениях с КНР конкурируют между собой и за китайские инвестиции, и за рынки в Китае, поскольку производят схожую продукцию. Однако при этом именно Польша имеет самый высокий балл (88 из 100) в составленном китайскими исследователями инвестиционном рейтинге среди 16 стран ЦВЕ. Вслед за ней следуют Венгрия (79), Чехия (78), Словакия (77), Сербия (76), Эстония (70), Латвия (70), Литва (70), Хорватия (68), Болгария (67), Словения (66), Черногория (65), Македония (65), Албания (64), Босния и Герцеговина (62)⁹. Понятно, что этот рейтинг отражает не столько благоприятность инвестиционного климата внутри данных стран-реципиентов, сколько их важность для самого Китая.

Разумеется, не обходится и без комплиментов. Так, китайская сторона надеется и на быстрое экономическое развитие стран V-4, и на рост их политического влияния в ЦВЕ и ЕС, так как, по мнению Пекина, Вышеградская четверка обладает большой ценностью при реализации формата «16+1» и успешные отношения с этими странами будут способствовать стимулированию контактов со всеми остальными участниками диалога. Более того, рынки этих четырех

стран, как подчеркивают китайцы, более доступны, чем рынки стран Западной Европы, и поэтому могут служить воротами для более активного проникновения китайской продукции на единый европейский рынок. Кроме того, в этих странах китайские инвесторы могут получить важный опыт для дальнейшего расширения своей экспансии на Запад¹⁰.

По мнению китайских экспертов, Вышеградская группа важна и для продвижения инициативы «Один пояс, один путь». В частности, Польша является первой и к настоящему моменту единственной страной ЦВЕ, которая стала участницей Азиатского банка инфраструктурных инвестиций (АБИИ), основанного в 2014 г., а Венгрия — первая европейская страна, которая подписала меморандум о взаимопонимании в рамках инициативы «Один пояс, один путь» (в июне 2015 г.)¹¹.

Тем не менее, Китай, судя по всему, в своих отношениях со странами региона не намерен рассматривать Вышеградскую четверку как единого партнера. Интересно, как китайские эксперты объясняют такую позицию. Тот же Лю Цзокуй пишет, что в структуре Министерства иностранных дел КНР за отношения со странами Вышеградской четверки отвечают различные подразделения Департамента стран Центральной и Восточной Европы, ввиду чего практические отношения строятся с каждой страной по отдельности — на двусторонней основе. Заметим, что в случае необходимости Китай вполне может создать отдельный департамент или объединить эти страны в один специализированный подотдел в рамках департамента. Ведь создал же он не только департамент, но и отдельный секретариат для обеспечения отношений в рамках формата «16+1». Кстати, Лю Цзокуй также упоминает об этом формате: по его мнению, отношения со странами V-4 уже регулируются Секретариатом «16+1», поэтому создание каких-либо других субрегиональных кооперационных форматов не нужно, в противном случае это может нанести ущерб отношениям Китая с остальными 12 странами. По мнению китайской стороны, на данный момент более чем достаточно использовать уже созданные механизмы «отраслевого» сотрудничества со странами «четверки»: в Польше — это совет предпринимателей и секретариат Агентства по поощрению инвестиций между Китаем и ЦВЕ, в Венгрии — агентство по поощрению туризма между Китаем

и ЦВЕ и соответствующий координационный центр, а в Чехии — совет сотрудничества местного уровня (Совет провинциальных губернаторов)¹².

В статье Лю Цзокуя приводится предложение, сделанное в феврале 2015 г. министром иностранных дел Словакии Мирославом Лайчаком, который призвал Китай больше ориентироваться на четырехстороннюю систему двусторонних отношений, то есть сотрудничество с ЕС, ЦВЕ, Вышеградской четверкой и уже потом отдельно со Словакией, что позволило бы наладить комплексное сотрудничество между двумя странами. Одновременно Лайчак предложил Китаю использовать такую же модель и для углубления связей с другими государствами «четверки». Как пишет Лю Цзокуй, «это предложение очень конструктивно, но его трудно будет включить в число насущных задач для Китая (*to get it onto the Chinese decision-makers' agenda*) по причине «ограниченности дипломатических ресурсов» и «уже глубоко сложившихся отношений с четырьмя странами по отдельности»¹³. К тому же, по мнению Лю Цзокуя, у Китая нет сколь-нибудь существенной мотивации развивать механизм сотрудничества по линии «Китай — V-4», поскольку страны «четверки» играют незначительную роль в решении в рамках ЕС тех вопросов, которые важны для Китая (букв. — «слабо представлены в тех областях, которые имеют для Китая ключевое значение»¹⁴). Например, в продвижении китайских товаров и инвестиций на общеевропейский рынок. «Четверка» в этом отношении слишком плотно интегрирована в общие структуры и подчиняется общим нормам и правилам ЕС (которые не ею диктуются). Более того, как подчеркивает Лю Цзокуй, «у Вышеградской группы нет последовательной и уникальной стратегии экономической политики для привлечения инвестиций из Китая и улучшения экономических отношений между двумя сторонами. Фактически, члены V-4 находятся в постоянном конфликте за доступ к иностранным инвестициям»¹⁵.

Вместе с тем китайская сторона признает, что для продолжения эффективного сотрудничества необходимо принимать меры, чтобы как-то сбалансировать торговый баланс Китая со странами Вышеградской четверки и уменьшить сальдо в пользу КНР. При этом заметим, что чем больше объем двусторонней торговли, тем явственнее соответствующий дисбаланс товарооборота. Наибольший дефи-

цит в торговле с Китаем наблюдается у Польши (14,3 млрд евро), затем следуют Чехия (8,4 млрд), Венгрия (4 млрд) и Словакия (1,9 млрд)¹⁶. По мнению Пекина, в условиях санкций на экспорт сельхозпродукции в Россию Китай мог бы увеличить свои закупки сельскохозяйственной продукции в странах региона. Кстати, Лю Цзокуй одновременно подчеркивает большую роль китайской диаспоры в «развитии сотрудничества со странами региона» и предлагает развивать и стимулировать сотрудничество на местном уровне (имеется в виду уровень кооперации местных властей стран «четверки» с отдельными китайскими провинциями), вплоть до того, чтобы местные китайские правительства могли иметь представительства при V-4. Это «будет способствовать получению бизнес-информации для китайских предпринимателей и инвесторов и тем самым повысит эффективность сотрудничества в рамках 16+1»¹⁷.

Китайско-польские отношения

После распада Советского Союза и советского блока Китай, начиная с 1989 г., не являлся приоритетом польской политики и вообще отошел на второй план. После присоединения Польши к НАТО (1999 г.) и к ЕС (2004.) двусторонние отношения также не были интенсивными. Поворотным моментом стал 2011 г., когда между Польшей и Китаем было заключено соглашение о стратегическом партнерстве¹⁸ после мирового финансового кризиса, который затронул Европу едва ли не в наибольшей степени, но практически не затронул Китай. Малые европейские страны, в том числе Польша, бросились искать помощи у богатого Китая. И хотя в 2011 г. у Польши еще не было внятной внешнеполитической стратегии и каких-либо документов, ее определяющих, экономическое сотрудничество с КНР было выделено как одна из приоритетных задач внешней политики страны на 2012—2016 гг.¹⁹ В 2016 г. министр иностранных дел Польши Витольд Вашиковский подчеркнул, что Китай является «естественным партнером» для Польши в рамках стимулирования экономического развития страны²⁰.

Как уже говорилось, Польша — главный транзитер в регионе и крупнейший торговый партнер КНР (правда, в основном за счет им-

порта товаров из Китая: в 2016 г. продажа китайских товаров в Польшу составила 23,5 % от всей торговли КНР со странами ЦВЕ, в то время как продажа польских товаров в Китай — 3,95 %, это второе место после Чехии — 3,98 %) ²¹. Возможно, именно по этой причине Польше отводится основная роль среди «опорных точек» «Одного пояса, одного пути» вдоль Северного коридора (судя по всему, значительную часть купленных китайских товаров Польша перепродает как «свои»).

Польша является первой страной ЦВЕ, которая стала участницей Азиатского банка инфраструктурных инвестиций. При помощи Польши был учрежден Фонд инвестиционного сотрудничества (также и благодаря Венгрии, которая до какого-то времени была основным партнером Китая среди стран ЦВЕ). Польша — первая страна региона, которая присоединилась к третьему этапу китайско-европейской инициативы «Рациональные и безопасные торговые пути» (Чехия, Венгрия, Литва, Румыния и Словакия стали наблюдателями) ²². Не случаен и выбор Варшавы как места проведения первого саммита в формате «16+1».

Именно Польша была выбрана в 2016 г. для визита председателя КНР Си Цзиньпина. Во время этой поездки было подписано соглашение о стратегическом партнерстве и множество других документов о сотрудничестве в самых разных областях, таких, как политика, торговля, финансы, логистика, транспорт, инфраструктура, сельское хозяйство, охрана окружающей среды и культура. Стороны подчеркнули, что они усиливают взаимосвязь не только на экономическом, но и на политическом уровне ²³.

На наш взгляд, выбор Китаем Польши в качестве основного партнера среди стран ЦВЕ, входящих в формат «16+1», вполне обоснован. Во-первых, Польша является крупнейшей экономикой среди других стран ЦВЕ. За последние 10 лет ВВП Польши вырос на 48,7 %, а вхождение страны в ЕС позволило ей увеличить свой экспорт в государства Евросоюза почти в 3 раза ²⁴.

Во-вторых, Польша получает довольно значительную помощь из фондов ЕС по структурным инвестициям. По программе на 2014—2020 гг. Польша должна получить от европейских фондов достаточно солидную сумму в 86 млрд евро ²⁵.

В-третьих, амбиции Польши в рамках ЕС по мере роста ее экономического веса все более выходят за рамки устремлений региональной державы: Варшава считает, что история страны и ее сегодняшнее место позволяют ей претендовать на одну из ключевых ролей в ЕС (наряду с Германией и Францией).

В-четвертых, географическое положение страны и развитая транспортно-логистическая система вполне вписываются в замысел инициативы «Один пояс, один путь».

Поэтому именно Польша является наиболее подходящей страной для очередного прорыва Китая на европейский рынок (наряду с Грецией, уже немало поспособствовавшей этому процессу²⁶). Более активное сотрудничество с Польшей позволяет Китаю подробнее изучить европейский рынок, его инвестиционные условия и возможности и таким образом накопить знания и опыт для дальнейшего продвижения инициативы «Один пояс, один путь».

Нужно отметить, что устремления Китая встречают ответную позитивную реакцию со стороны польских властей. Поскольку около 80 % торговли Польши в настоящее время приходится на европейский рынок, ей необходима диверсификация коммерции и поворот на Восток²⁷. Особенно в условиях санкций на торговлю с РФ, которые Польша активно поддерживает. При этом Брюссель постоянно говорит о необходимости сокращения финансовой помощи странам ЕС, в то время как программа по структурным инвестициям для Польши рассчитана лишь до 2020 г. Поэтому Польше необходимо экспортировать свои товары в Китай, а также привлекать китайские инвестиции для продолжения строительства инфраструктуры. Однако вновь заметим, что рост торгового оборота Польши с Китаем носит сугубо односторонний характер: за 5 лет (с 2011 по 2017 г.) импорт из Китая вырос более чем в 2 раза (до 16,323 млрд евро), в то время как экспорт увеличился менее чем в 1,5 раза — с 1,3 млрд евро в 2011 г. до 2,062 млрд в 2017 г.²⁸. Это, естественно, приводит к усугублению торгового дисбаланса. Польша стремится компенсировать его, развивая политические контакты в надежде, что именно они помогут укрепить экономическое взаимодействие между двумя странами.

Дефицит торгового баланса Польши в торговле с Китаем — самый большой среди стран ЦВЕ: 1 : 8 (экспорт товаров из Польши

в Китай составил 0,96 % от общего польского экспорта в 2016 г., в то время как доля импорта из Китая — 8,2 %) ²⁹. Естественно, что Польша пытается сократить его путем стимулирования экспорта своих товаров, прежде всего сельскохозяйственной продукции, продуктов питания, а также предметов роскоши, таких, как драгоценности, янтарь, алкогольные напитки и т. д. При этом цель уменьшить импорт из Китая для Польши не стоит, так как более чем половина импортируемой продукции — это высокотехнологичные наименования и продукция с высокой степенью обработки, предназначенная для китайских, корейский и японских заводов, расположенных в Польше ³⁰.

Кроме проблемы торгового дисбаланса, нельзя не отметить крайне неблагоприятную для Польши структуру экспорта: 40 % экспортируемых товаров составляет сырье (неблагородные металлы, пластик, химикаты), которое подвержено перепадам цен на мировом рынке. Например, уменьшение объема китайских закупок польской меди резко усугубило ситуацию в двусторонней торговле. Однако Польша ожидает отмены Китаем запретов на ввоз свинины и получения сертификатов от китайской стороны на ввоз сельскохозяйственной продукции из Польши (той сферы польской экономики, которая понесла большие денежные потери из-за ухудшения экономических отношений ЕС с РФ) ³¹. Здесь заметим, что, как и в случае с РФ, китайская сторона не спешит с выполнением своих обещаний в этой области.

Нельзя не отметить и еще одно сходство ситуации с российской. Польша крайне недовольна объемом китайских инвестиций, которые, несмотря на ожидания, в 2016 г. составили лишь 321,3 млн долл. ³² (2,8 % от всех ПИИ в Польше) ³³. Общий поток инвестиций из Китая за 2007—2016 гг. составил всего лишь 936 млн евро ³⁴.

Китайско-чешские отношения

В отличие от Польши, Чехия продолжала уделять внимание сотрудничеству с Китаем и после начала своей посткоммунистической трансформации. Правда, во внешней политике основной целью Чехии также было вхождение в ЕС и НАТО, однако экономические

связи страны были более дифференцированы. Чехия всегда рассматривала Китай как альтернативный вектор экспорта своих товаров и получения инвестиций³⁵.

Стоит отметить, что Чехия является самым популярным туристическим направлением для китайских туристов среди 4 стран.

Экспорт товаров из Чехии в Китай составил в 2016 г. лишь 1,09 % от общего экспорта стран V-4, несмотря на его рост с 1,2 млрд евро в 2011 г. до 1,73 млрд в 2017 г. Росту экспорта из Чехии способствует в основном востребованность продукции ее инженерных и автомобильных компаний, а также наличие в Пекине, Шанхае, Чэнду и Гуанчжоу чешских торговых представительств. Доля импорта из Китая составила 6,7 % от общего импорта стран ЦВЕ в 2016 г. Торговый дефицит в торговле с Китаем составляет 7,8 млрд евро³⁶. Общий объем китайских инвестиций в Чехию за 2007—2016 гг. — 568 млн евро³⁷.

Китайско-венгерские отношения

В отличие от других стран «четверки», Венгрия поддерживает Китай в таких важных политических вопросах, как снятие эмбарго ЕС на поставки вооружения в Китай и предоставление Китаю статуса страны с рыночной экономикой³⁸.

Во время визита премьера Госсовета КНР Вэнь Цзябао в Будапешт в 2011 г. было объявлено о выделении специального китайского кредита в 1 млрд евро на цели поддержки совместных проектов и стимулирования инвестиций³⁹. После этого визита ожидания венгерской стороны от сотрудничества с Китаем стали расти, а местные СМИ заговорили о важности Венгрии как посредника в развитии отношений ЕС с Китаем⁴⁰. Однако решение об установлении всестороннего стратегического партнерства было принято лишь в 2017 г.⁴¹

Экспорт товаров из Венгрии в Китай составил в 2016 г. 1,5 % от общего экспорта стран ЦВЕ, показав рост в 1,15 раза с 2011 по 2016 г. Доля импорта в общем импорте стран ЦВЕ из Китая — 6,5 %, дефицит торгового баланса — 3,96 млрд евро. При этом наивысший объем импорта из Китая был зафиксирован в 2010 г., составив 6,6 млрд евро⁴².

В настоящий момент Венгрия является единственной страной в регионе, предоставляющей льготы иностранным инвесторам из стран, не входящих в ЕС. Например, Венгрия дает возможность получить вид на жительство и гражданство при покупке ее государственных облигаций на сумму от 250 тыс. евро⁴³. Потоки китайских инвестиций в регион стали резко увеличиваться со времени вхождения страны в ЕС в 2004 г. В 2010 г. 89 % китайских инвестиций в ЦВЕ получала именно Венгрия. Согласно венгерской статистике, в 2014 г. сумма накопленных китайских капиталовложений достигла 3 млрд долл. (при общих вложениях в ЦВЕ в 5 млрд долл.)⁴⁴, а в 2016 г. — 3,68 млрд долл. (из общих 10,86 млрд долл. за 2007—2016 гг.⁴⁵), в 2017 г. — 4,1 млрд долл.⁴⁶

Большую роль в экономических и политических отношениях между Китаем и Венгрией играет китайская диаспора, которая стала резко расти после отмены виз для китайских граждан в 1988 г. и ввиду указанных выше условий приобретения венгерского гражданства, которое после вступления страны в Евросоюз фактически предоставляет возможность для получения гражданства ЕС. В связи с этим Венгрия является сегодня страной с самым многочисленным китайским населением в Центральной и Восточной Европе. Отсюда и наибольшая доля китайских инвестиций, направляемая в Венгрию, по сравнению с другими странами ЦВЕ.

Китайско-словацкие отношения

Экспорт товаров из Словакии в Китай в 2016 г. составил 1,6 % от общего экспорта стран ЦВЕ, самый высокий показатель в торговле был достигнут в 2013 г., когда экспорт составил 1,59 млрд евро (в 2017 г. — 1,2 млрд евро). Доля импорта из Китая составила 4,6 % (2016 г.). Торговый дефицит — 2 млрд евро. Однако структура словацкого экспорта серьезно отличается от остальных стран региона в лучшую сторону — экспорт в основном составляет автомобильная индустрия (Volkswagen) — 70 %, далее (11 %) идет оборудование для промышленности, 3,5 % приходится на обувь. Почти половина товаров из Китая — телекоммуникационное оборудование, телевизоры,

компьютеры, офисная техника, а около 15 % — одежда, обувь, игрушки, мебель и изделия из кожи⁴⁷.

До 2007 г. китайские инвестиции в регион практически не поступали. После 2007 г. среди крупнейших инвестиционных потоков можно назвать 110 млн евро, которые принесли инвестиции *China South Locomotive Group* и *China Aerospace Science Industry Haying Group* в автомобильную индустрию и покупка 10 % акций крупнейшей инвестиционной компании Словакии *J&T* китайской компанией *Huaxin Energy Group*, а также инвестирование компаний *Flame* 10 млн евро в обувную фабрику⁴⁸. Заметим, что основу словацкого экспорта в Китай составляет продукция именно тех предприятий, которые получили китайские капиталовложения.

В целом можно отметить, что отношения КНР с V-4 являются красноречивой иллюстрацией стремления Китай политически и экономически закрепиться в сердцевине Европейского континента.

Примечания

¹ Подробнее см.: *Виноградов А.О.* КНР — европейские страны: структура многостороннего сотрудничества // Проблемы Дальнего Востока. 2016. № 1. С. 20—28, а также *Виноградов А.О.* Европейское наступление Пекина // Проблемы Дальнего Востока. 2017. № 1. С. 20—26.

² European Commission. Trade. Market Access database. Statistics. URL: http://madb.europa.eu/madb/statistical_form.htm

³ Ministry of Commerce of People's Republic of China. URL: <https://www.ceicid.com/en/china/foreign-direct-investment-capital-utilized-by-country>

⁴ См., напр.: *Liu Zuokui*. How the Chinese Perceive the Visegrad Group. URL: <http://16plus1-thinktank.com/1/20161002/1207.html>

⁵ Ibid.

⁶ Visegrad Plus. Russia drives a wedge between Visegrad Group countries. URL: <http://visegradplus.org/opinion/russia-drives-a-wedge-between-visegrad-group-countries/>

⁷ *Liu Zuokui*. Op. cit.

⁸ Восточное партнёрство — проект Европейского союза, имеющий основной заявленной целью развитие интеграционных связей Евросоюза с шестью странами бывшего СССР: Украиной, Молдавией, Азербайджаном, Арменией, Грузией и Белоруссией.

- ⁹ *Liu Zuokui*. Op. cit.
- ¹⁰ Ibid.
- ¹¹ Bringing China Closer. Will others join Hungary on China's new Silk Road? URL: <https://gbtimes.com/will-others-join-hungary-chinas-new-silk-road>
- ¹² *Liu Zuokui*. Op. cit.
- ¹³ Ibid.
- ¹⁴ Ibid.
- ¹⁵ Ibid.
- ¹⁶ European Commission. Trade. Market Access database. Statistics...
- ¹⁷ *Liu Zuokui*. Op. cit.
- ¹⁸ China, Poland pledge to boost strategic partnership. URL: http://www.china.org.cn/world/2015-11/26/content_37163837.htm
- ¹⁹ Polish foreign policy priorities 2012—2016. URL: <http://www.msz.gov.pl/resource/d31571cf-d24f-4479-af09-c9a46cc85cf6:JCR>
- ²⁰ Minister Witold Waszczykowski in Beijing: President Xi Jinping to visit Poland, Prime Minister Szydło invited to China. URL: http://www.mfa.gov.pl/en/news/minister_witold_waszczykowski_in_beijing__president_xi_jinping_to_visit_poland__prime_minister_szydlo_invited_to_china
- ²¹ European Commission. Trade. Market Access database. Statistics...
- ²² European Commission. Smart and Secure Trade Lanes Pilot (SSTL). URL: https://ec.europa.eu/taxation_customs/general-information-customs/customs-security/smart-secure-trade-lanes-pilot-sstl_en
- ²³ Польша и Китай подписали соглашение о стратегическом партнерстве. URL: <https://ria.ru/world/20160620/1449331491.html>
- ²⁴ *Yao Le P.* China and Poland: Economic Cooperation Under the 16+1 Formula. URL: <http://www.nouvelle-europe.eu/node/1960>
- ²⁵ European Commission. European Structural & Investment Funds Data. Poland. URL: <https://cohesiondata.ec.europa.eu/countries/PL>
- ²⁶ См. *Виноградов А.О.* Асимметричный ответ или стратегия Китая в глобальном мире // *Философские науки*. 2015. № 1. С. 116—134.
- ²⁷ *Yao Le P.* Op. cit.
- ²⁸ European Commission. Trade. Market Access database. Statistics...
- ²⁹ Ibid.

³⁰ V4 Goes global: Exploring opportunities and obstacles in the Visegrad countries' cooperation with Brazil, India, China and South Africa / ed. By Patryk Kugiel. Warsaw: The Polish Institute of Foreign Affairs, 2016. P. 48.

³¹ Ibid.

³² Ministry of Commerce of People's Republic of China...

³³ UNCTADstat. General profile: Poland. URL: <http://unctadstat.unctad.org/CountryProfile/GeneralProfile/en-GB/616/index.html>

³⁴ Chinese Investment in Europe. A Country-Level Approach: A Report by the European Think-tank Network on China (ETNC), December 2017 / ed. by John Seaman, Mikko Huotari, Miguel Otero-Iglesias. URL: https://www.pism.pl/files/?id_plik=23889

³⁵ V4 Goes global... P. 40.

³⁶ European Commission. Trade. Market Access database. Statistics...

³⁷ Chinese Investment in Europe. A Country-Level Approach...

³⁸ V4 Goes global... P. 40.

³⁹ Premier Wen Jiabao Holds Talks with Hungarian Counterpart Orban. URL: http://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/topics_665678/wenjiabaofangwenouzhou_665752/t833965.shtml

⁴⁰ V4 Goes global... P. 43.

⁴¹ China, Hungary build comprehensive strategic partnership. URL: http://europe.chinadaily.com.cn/china/2017-05/13/content_29333254.htm

⁴² European Commission. Trade. Market Access database. Statistics...

⁴³ *Jacoby W.* Different cases, different faces: Chinese investment in Central and Eastern Europe // *Asia Europe Journal*. 2014. Vol. 12. No 1—2. P. 212.

⁴⁴ V4 Goes global... P. 48.

⁴⁵ Ministry of Commerce of People's Republic of China...

⁴⁶ China, Hungary deepen cooperation to achieve fruitful results — ambassador. URL: http://www.chinadaily.com.cn/world/cn_eu/2017-11/26/content_35009905.htm

⁴⁷ V4 Goes global... P. 50.

⁴⁸ Ibid. P. 51.

DOI: 10.24411/2618-6888-2018-10016

В.Я. Портяков

КИТАЙ В СОВРЕМЕННОЙ МИРОВОЙ ПОЛИТИКЕ (по материалам общественно-политической и научной периодики КНР)

Аннотация. Рассмотрены особенности показа и анализа в 2017 г. международных отношений и внешней политики Китая в газете «Жэньминь жибао» и в журнале-дайджесте «Чжунго вайцзяо» («Китайская дипломатия»).

Ключевые слова: Китай, внешняя политика, газета «Жэньминь жибао», журнал «Чжунго вайцзяо».

Изучение в сегодняшней России проблем современного Китая, включая его внешнюю политику, существенно затруднено в связи с отсутствием практически во всех китаеведных центрах страны регулярного доступа к китайской периодике. С 2017 г. из-за финансовых трудностей перестал получать китайские журналы и газеты и Институт Дальнего Востока РАН, ранее бывший в этом плане одним из немногих счастливых исключений благодаря обмену периодическими изданиями с Институтом России, Восточной Европы и Центральной Азии Академии общественных наук Китая.

В данной ситуации восполнить вышеописанный информационный пробел отчасти помогает сборник избранных комментариев га-

зеты «Жэньминь жибао» по международным проблемам за 2017 г.¹, приобретенный автором в одном из книжных магазинов Пекина в конце марта 2018 г.

Сборник объемом 582 страницы составлен международным отделом редакции газеты «Жэньминь жибао». Оговоримся, что в нем отсутствуют информационные сообщения агентства Синьхуа об обменах визитами между китайскими и иностранными государственными деятелями, комментарии к международным событиям представителей МИД КНР и т. п., то есть материалы, где газета выступает не источником, а лишь ретранслятором информации о событиях и их официальных оценках. И, напротив, в сборник вошли практически все материалы, так или иначе отмеченные «печатью» собственного творчества или как минимум организационных усилий журналистского и редакционного коллектива газеты.

Собранные в сборнике 256 материалов разбиты на 11 различных по объему рубрик.

Первая рубрика — «Гоцзиньпин»² включает четыре комментария к наиболее крупным международно-политическим событиям 2017 г., прямо связанным с деятельностью лидера страны Си Цзиньпина. В данном случае внимания удостоились речь Си на Всемирном экономическом форуме в Давосе (январь), конференция высокого уровня представителей стран ареала реализации инициативы «Пояс и путь» (Пекин, май), выступление Си Цзиньпина на Форуме торгово-промышленных кругов стран БРИКС в Сямэни (сентябрь) и итоги первого после завершения XIX съезда КПК зарубежного визита главы государства (поездка в Дананг на 25-ю встречу глав государств и правительств Организации азиатско-тихоокеанского экономического сотрудничества, визиты во Вьетнам и Лаос).

В популярной рубрике «Чжун шэн» (буквально — «звон колокола», по созвучию первого иероглифа «чжун»; рубрика нередко интерпретируется как «Голос Китая») собрано 57 материалов, среди которых есть серийные. Так, серия из трех материалов посвящена значению развития сотрудничества государств формата БРИКС, а серия из 11 материалов — различным граням выдвинутой Си Цзиньпином концепции «человечества как сообщества единой судьбы» (перспективы длительного международного мира, надежды на всеобщую безопасность, совместное процветание и т. д.).

Часть материалов рубрики посвящена укреплению позиций Китая на международной арене. Если констатация «каждодневного приближения Китая к центру мировой арены» звучала уже в 2016 г., то положение о «китайском часе глобализации» (или о «китайской повестке глобализации») было сформулировано в 2017 г. Мир видит, что в настоящее время Китай превращается в наиболее активный фактор трансформации международной системы и совершенствования «глобального управления»³.

Материалы рубрики по региональной проблематике не носят концентрированного характера за исключением публикаций по Японии, приуроченных к двум 80-летиям — инцидента 1937 г. у моста Лугоуцяо и Нанкинской резни в декабре того же года — и призывающих Токио к признанию ответственности и искреннему покаянию за преступления времен войны.

Удостоились специальных комментариев предложения Си Цзиньпина о решении палестинской проблемы, обнародованные на встрече с главой Палестинского государства М. Аббасом 18 июля; заход индийских войск на плато Доклам; всплеск теории «китайской угрозы» в Австралии; признание КНР Панамой; размещение системы ТНААД в Республике Корея; ход реализации инициативы «Пояс и путь»; завершение строительства железной дороги «Момбаса— Найроби» в Кении.

В комментарии к визиту Д. Трампа в Китай отмечается, что «сотрудничество — это единственно правильный выбор. Только общий выигрыш ведет к лучшему будущему. Это общее понимание руководителей и народов двух стран»⁴.

Раздел «Записки послов» включает 28 заметок послов КНР в различных странах — от Вануату (в связи с 35-летием установления дипломатических отношений с КНР) до Великобритании и России.

Раздел «Международный форум» представлен 55 комментариями целого ряда экспертов — как китайских, так и зарубежных — к различным китайским делам. Среди первых можно назвать Ху Аньгана (Университет Цинхуа), Су Гэ (до недавнего времени — директор Китайского института международных проблем), Чэнь Фэнъяна (научный сотрудник Китайской академии современных международных отношений). В числе иностранных комментаторов фигурируют такие настоящие «любимцы Пекина», как журналист

Мартин Жак (Великобритания), Чжэн Юннэнь (Сингапур), Доминик де Вильпэн (экс-премьер Франции).

Темы комментариев — самые разнообразные, от «наибольшего вклада Китая в глобальное управление» до поддержки проводимой в КНР так называемой туалетной революции. Один из повторяющихся мотивов — нарастание трудностей в мире капитализма и актуальность в связи с этим идеи «Капитала» К. Маркса, имеющих «чрезвычайно мощное практическое значение» (14 сентября 2017 г. исполнилось 150 лет со дня публикации 1-го тома «Капитала») ⁵.

Констатация неустойчивости развития Запада и общего ухудшения его позиций стала в 2017 г. одним из ведущих тезисов китайской пропаганды, призванной, видимо, создать необходимый фон для более выигрышной демонстрации достижений самой КНР. Показательна в этом отношении статья с говорящим названием «Сравнительный анализ порядка в Китае и беспорядка на Западе», опубликованная в англоязычной версии журнала «Цюши» ⁶.

Небольшая (10 материалов) рубрика «Записки корреспондентов» включает заметки журналистов «Жэньминь жибао» о странах, которые посещал с визитом Си Цзиньпин (Лаос, Вьетнам, Германия, Финляндия, штат Флорида в США).

Еще одна рубрика отдана 16 материалам зарубежных корреспондентов газеты. В их поле зрения такие сюжеты, как любовь к чтению книг в Польше, ужесточение мер по обеспечению безопасности в городах Испании после теракта в Барселоне, перенос экзаменов в Республике Корея из-за землетрясения, популярность китайских ресторанов в Минске, перемены в Мьянме, частая жара в Нью-Дели, симпатии пакистанцев к китайцам, неспешная жизнь в степях Монголии.

Несколько больший политический компонент содержат материалы рубрики «Вокруг планеты». В ней преобладают заметки о развитых странах, в том числе обострившиеся проблемы по борьбе с терроризмом и с незаконным контентом в Интернете.

Рубрика «Проникновение в экономику» (21 материал) включает публикации не только китайских, но и зарубежных авторов на актуальные для КНР темы. В их числе: торговый протекционизм, характеризующийся как «близорукие действия» ⁷, опасность долгового кризиса в США, причины достаточно высокой надежности американского

доллара, популярность цифровых валют, в том числе биткойна, названного «цифровым золотом»⁸, и т. п.

Рубрика «В фокусе — наука и техника» показательна прежде всего в плане демонстрации диапазона интересов газеты «Жэньминь жибао». В ней, например, помещены материалы о трудностях поиска «нового дома» для человечества после того, как спустя 5 млрд лет погаснет Солнце, о возможном наличии конечных сроков существования человеческого рода, о связи ледников с судьбами человечества и т. п.

В рубрике «Чайная пяти континентов» помещены публикации на культурологическую проблематику — например, о представлении классической китайской оперы в Лондоне, об изменении восприятия Китая и всего китайского в Москве.

Завершает сборник подборка из 19 специальных комментариев, написанных как китайскими, так и зарубежными авторами.

Отмечается, что «Китай продолжает стимулировать мировой экономический рост»⁹, вносит новый вклад в строительство «сообщества единой судьбы человечества». В целом же соотношение международных сил характеризуется «подъемом Востока и понижением Запада»¹⁰. Эта формула изменилась на противоположную по сравнению с деклариовавшейся в 2010—2012 гг., то есть в последние годы правления Ху Цзиньтао.

Еще одним подспорьем для заполнения информационной брешки служит журнал «Чжунго вайцзяо», комплект которого за 2017 г. и первые три номера за 2018 г. автору удалось приобрести в начале апреля 2018 г. во время научной командировки в КНР. Журнал «Чжунго вайцзяо» — «Китайская дипломатия» — представляет собой ежемесячный дайджест научных публикаций Китайской Народной Республики по проблемам внешней политики страны. Готовится и издается Информационным центром по общественным наукам Народного университета Китая, г. Пекин.

Публикации в проанализированных номерах журнала хронологически охватывают прежде всего период правления Си Цзиньпина с акцентом на «досъездовские» месяцы 2017 г. (материалы, связанные с XIX съездом КПК, в представленных выпусках журнала отражения еще не нашли).

Из 116 публикаций (в номере — от 7 до 10 статей) 39 помещены в рубрику «Теория и политика». Эти материалы практически всецело посвящены меняющейся роли Китая в международных отношениях, в том числе особенностям его «дипломатии великой державы», реализации принципа ответственности во внешней политике страны, стратегии Китая на международной арене в новую эпоху и т. д.

Одним из немногих исключений из этого ряда стала статья известного политолога Ся Липина о проблемах консульской защиты граждан КНР за рубежом. С ростом числа их поездок в зарубежные страны эта задача становится все более масштабной. В 2014 г., помимо территорий Тайваня, Гонконга и Макао, выезд из КНР в шесть стран (Республика Корея, Таиланд, Япония, США, Вьетнам и Сингапур) превысил 1 млн человеко-раз. КНР неоднократно сталкивалась с задачей экстренной эвакуации своих граждан из-за возникших в странах их пребывания беспорядков. Всего в 2006—2015 гг. имело место 17 таких случаев с общим числом эвакуированных свыше 60 тыс. человек. Наряду с хорошо известным «ливийским эпизодом» 2011 г., когда число вывезенных составило 35,86 тыс. человек, фигурируют и менее известные случаи отправки граждан КНР на родину из Киргизии (2010 г., 1299 человек), Японии (2016 г., 9300 человек), Вьетнама (2014 г., 3860 человек), Ирака (2014 г., 1258 человек)¹¹.

Наибольшее число статей (43) вошло в рубрику «Внешние связи». 20 материалов посвящено китайско-американским отношениям и политике Д. Трампа, 5 материалов — отношениям Китая с Японией, по 3 — с ЕС и Россией. География связей Китая в представленных материалах включает также Индию, Латинскую Америку, Центральную Азию. В контексте освещения споров о Южно-Китайском море и расположенных там островах рассмотрены некоторые аспекты отношений КНР с Вьетнамом и АСЕАН.

10 материалов помещено в рубрику «Глобальное управление». Большинство их отражает растущую роль Пекина в соответствующих процессах и институтах.

9 материалов рубрики «История дипломатии» затрагивают в основном вопросы, в той или иной мере актуальные для сегодняшнего дня. В их числе — китайско-индийская пограничная война, поставки администрацией Д. Картера оружия Китаю, история китай-

ско-израильских контактов в период до официального установления дипотношений.

Наименьшими по объему являются рубрики «Безопасность в соседском окружении» и «Региональная безопасность», где в общей сложности помещено 6 материалов региональной тематики — Северо-Восточная Азия, Южно-Китайское море, Морской шелковый путь XXI в. и т. п.

В одном из номеров в качестве самостоятельного раздела выделена рубрика «Экономическая дипломатия», которая представлена материалами о различиях в подходах Японии и Китая к интеграционным процессам в Азии и о патронируемом Индией формате сотрудничества «Бутан—Бангладеш—Непал—Индия».

Самостоятельный интерес представляет рубрика «Строительство научной дисциплины» (5 материалов), где освещаются в основном проблемы создания и развития собственной китайской теории международных отношений.

Обратило на себя внимание отсутствие в проанализированных выпусках журнала «Чжунго вайцзяо» каких-либо материалов о ШОС и БРИКС. Видимо, составители журнала отдают предпочтение теоретико-концептуальным аспектам внешней политики Китая, несколько абстрагируясь от реальных, так сказать, «полевых» международных отношений страны. В то же время прилагаемый к журналу общий перечень свежих публикаций в китайской научной периодике по проблемам внешней политики страны позволяет отчасти выправить этот перекос, поскольку, например, в разделе «Отношения Китая с различными странами» география китайских внешних связей представлена намного шире, чем в собственной версии «Чжунго вайцзяо». В частности, значительное число публикаций в 2017 г. было посвящено проблемам Корейского полуострова.

Ознакомление с материалами газеты «Жэньминь жибао» по международным проблемам и со статьями, отобранными для публикации в журнале «Чжунго вайцзяо», показало, что они дают достаточно адекватное представление о приоритетах современной внешней политики КНР и об особенностях ее изучения и пропаганды. Вместе с тем, по нашему мнению, эти издания отнюдь «не заполняют» собой всё информационное поле, знакомство с которым необходимо для сколько-нибудь качественного изучения позиционирования Ки-

тая в мире. В качестве дополнительных минимально необходимых для такой работы периодических научных изданий назовем журналы «Шицзе чжиши», «Сяньдай гоцзи гуаньси», «Гоцзи вэньти яньцзю», «Элосы, Дун Оу, Чжун Я яньцзю».

Примечания

¹ Жэньминь жибао гоцзи пинлунь сюаньбянь. 2017 : [Избранные комментарии газеты «Жэньминь жибао» по международным проблемам. 2017]. Пекин, 2018 (на кит. яз.).

² Китайские политологи отрицают, что выражение «гоцзипин» имеет какое-либо определенное значение. Тем не менее, на наш взгляд, его китайское произношение созвучно понятиям «комментарий к событиям государственного уровня» или «комментарий к государственным событиям».

³ Жэньминь жибао гоцзи пинлунь сюаньбянь... С. 41—42.

⁴ Там же. С. 57.

⁵ Там же. С. 264—265.

⁶ Zhang Weiwei. A Comparative Analysis of Order in China and Disorder in the West. October—December 2017. Beijing: Qiushi, 2017. P. 97—103.

⁷ Жэньминь жибао гоцзи пинлунь сюаньбянь... С. 501—502.

⁸ Там же. С. 479—480.

⁹ Там же. С. 557—558.

¹⁰ Жэньминь жибао гоцзи пинлунь сюаньбянь... С. 582.

¹¹ Ся Линин. Чжунго линши баоху сюйцю юй вайцзю тоужу дэ маодунь цзи цзецзюэ фанши : [Противоречие в Китае между спросом на консульскую защиту и выделяемыми на нее мининдел страны средствами и методы его разрешения] // Чжунго вайцзю. 2017. № 1. С. 21.

DOI: 10.24411/2618-6888-2018-10017

А.С. Исаев

РОССИЙСКО-КИТАЙСКОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ПО ВОПРОСАМ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Аннотация. Рассмотрены текущее состояние и перспективы взаимодействия России и Китая по вопросам обеспечения кибербезопасности. Проблема защиты цифрового пространства сегодня стала одной из самых обсуждаемых в мире. С начала столетия она превратилась в один из факторов, влияющих на международные отношения. Сфера информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) стала наиболее динамично развивающейся отраслью, вбирающей многомиллиардные затраты на разработку, внедрение, функционирование и энергетическое обеспечение новых технологий. Проблематика ИКТ отличается крайней актуальностью для современной Азии, к которой относятся Россия и Китай.

Ключевые слова: кибербезопасность, Россия, Китай, российско-китайское сотрудничество, ШОС, БРИКС, правовые аспекты кибербезопасности, информационная война, киберугрозы, ИКТ, интернет-безопасность, международное сотрудничество в киберпространстве, контроль и управление киберпространством, взаимодействие в области киберобороны.

Положение России и Китая в современном киберпространстве

Азия — самый крупный по территории и по численности населения континент мира. Здесь находится пять из семи мировых центров высоких технологий. В «Топ-10» стран по количеству пользователей Интернета входит 6 азиатских государств (табл. 1). К этому региону относятся и Россия, и Китай, которые в последние годы ускорили формирование новой интернет-стратегии на евразийском континенте. Китай по количеству интернет-пользователей сегодня стал безусловным лидером — 772 млн человек, что больше всего населения Европы. С учетом населения «Большого Китая» (материковый Китай плюс Тайвань, Сянган и Макао), количественное лидерство Китая в киберпространстве становится еще более очевидным — 799 795 610 пользователей (20 821 364, 6 461 894 и 512 352 человек соответственно). Из этой же таблицы следует, что Китай и Россия входят в десятку ведущих стран мира по числу пользователей Интернета и использованию киберпространства в различных целях.

Азия лидирует в мире и по количеству персональных компьютеров (ПК), и по числу смартфонов, используемых населением. Также страны континента являются лидерами по количеству участников социальной сети *Facebook*, а с учетом национальных соцсетей это лидерство становится бесспорным.

С появлением мобильных систем связи возросло число пользователей так называемых мессенджеров, расширились возможности социальных сетей по обмену мультимедийной информацией, резко ускорилась практическая реализация финансовых, торговых и иных услуг. По данным на декабрь 2017 г., количество активных пользователей социальной сети *WeChat (Weixin)* превысило 1 млрд человек. По информации разработчика мессенджера интернет-корпорации *Tencent*, более 600 млн граждан КНР ежедневно используют *WeChatpay* для оплаты товаров и услуг.

Почти во всех странах Азии, вошедших в «Топ-10», развиваются информационные технологии (ИТ) военного назначения. В Китае, Индии, Южной Корее, Вьетнаме, Японии и России при военных ведомствах созданы структуры, деятельность которых определяется сугубо оборонными задачами. В странах АТР, прежде всего в США, разработаны методы ведения сетевых войн и создано значительное

Таблица 1. 10 ведущих стран мира по количеству интернет-пользователей (на 01.01.2018 г.)

№	Страна	Население на начало 2018 г.	Количество пользователей на 01.01. 2018 г.	Количество интернет-пользователей на 31.12.2000 г.	Рост (*) 2000—2018 гг., %
1	Китай	1 415 045 928	772 000 000	22 500 000	3331
2	Индия	1 354 051 854	462 124 989	5 000 000	9142
3	США	326 766 748	31 232 225	95 354 000	227
4	Бразилия	210 867 954	149 057 635	5 000 000	2,881
5	Индонезия	266 794 980	143 260 000	2 000 000	7063
6	Япония	127 185 332	118 626 672	47 080 000	152
7	Россия	143 964 709	109 552 842	3 100 000	3434
8	Нигерия	195 875 237	98 391 456	200 000	49 095
9	Мексика	130 759 074	85 000 000	2 712 400	3033
10	Бангладеш	166 368 149	80 483 000	100 000	80 383
Страны, вошедшие в ТОП-10		4 171 478 174	2 049 728 819	183 046 400	1119,8
Остальные страны мира		3 463 280 254	2 107 203 321	177 939 092	1184,2
Общее количество пользователей в мире		7 634 758,428	4 156 932 140	360 985 492	1051

Примечание: (*) Графа «Рост» отражает процентный прирост числа интернет-пользователей за период с 2000 г. и по 1 января 2018 г. В таблице отражены также данные социальной сети Facebook, Всемирного телекоммуникационного союза, официальные показатели развития телекоммуникационных систем соответствующих стран. Информация опубликована на англоязычном портале «Статистические данные сети Интернет».

количество боевых вирусных программ, применение которых нацелено на вторжение в цифровое пространство других стран и нанесение серьезного ущерба их отраслевым, телекоммуникационным, финансово-банковским, энергетическим сетям.

Тенденции развития ИКТ в мире, в том числе в странах Азии и АТР, свидетельствуют о том, что влияние цифровых технологий на

все сферы человеческой жизни будет только возрастать. А это означает, что обеспечение безопасности в информационной сфере, в области современных телекоммуникаций, «классического» и мобильного Интернета становится ключевой задачей в развитии и внедрении цифровых технологий.

Проблема информационной безопасности — проблема многослойная. Она охватывает безопасность не только в киберпространстве, но и экономическую, энергетическую, финансовую, коммуникационную, социально-политическую, военную и социальную безопасность. Следует принимать во внимание и то, что киберпространство изначально развивается именно как трансграничная информационная среда. Поэтому крайне важно, чтобы понимание процессов и факторов, происходящих в нем, было общим для всех.

При выработке практических шагов по защите киберпространства приходится учитывать и фактор его многоуровневости, и фактор его специфичности и сегментированности по страновому признаку, а главное — отсутствие согласованных правил поведения в Интернете. Когда эти правила навязываются только одной страной либо замкнутой группой стран, то возникают риски и угрозы нанесения огромного ущерба глобальному и/или национальному информационному пространству.

Следует отметить, что тенденции упорядочивания активности в киберпространстве, выработки общего кодекса поведения прокладывают себе путь через все тернии крайне непростой современной международной обстановки. Автономные нормы поведения в киберпространстве вырабатывают европейские страны НАТО и Соединенные Штаты, привлекая к этому процессу Южную Корею и Японию. Вопросы же сотрудничества в обеспечении кибербезопасности находятся в поле зрения членов ШОС, БРИКС, ОДКБ.

Политика России и Китая в сфере кибербезопасности

В России кибербезопасность рассматривается как обязательная часть системы общенациональной безопасности. Именно так трактует эти вопросы, то есть в контексте национальной безопасности, и

подавляющее большинство стран мира. Российский сектор Интернета сталкивается с большим числом внешних киберугроз. По инициативе РФ проблематика цифровой безопасности рассматривалась в ОБСЕ, ШОС, ОДКБ, Международном союзе электросвязи, в ходе Всемирной встречи на высшем уровне по вопросам информационного общества. Мысль о необходимости обеспечения кибербезопасности красной нитью проходит в таких важных политических документах страны, как **«Стратегия развития информационного общества Российской Федерации»**, **«Концепция внешней политики Российской Федерации»**. Опираясь на эти документы, российская дипломатия решает задачу защиты национальных интересов в глобальном информационном обществе. Базовыми документами для решения вопросов защиты цифрового пространства стали **«Доктрина информационной безопасности Российской Федерации»** (утверждена Указом Президента РФ от 5 декабря 2016 г. № 646), **«Основы государственной политики Российской Федерации в области международной информационной безопасности на период до 2020 г.»** (утверждены Президентом РФ 24 июля 2013 г. № Пр-1753), Федеральный закон **«Об информации, информационных технологиях и о защите информации»** 149-ФЗ (принят 8 июля 2006 г.) и др.

Согласно «Основам государственной политики в области международной информационной безопасности на период до 2020 г.», задачей России является установление международного правового режима, направленного на создание условий для формирования системы глобальной информационной безопасности. «Основы» также определяют направления и цели этой политики, создание международного механизма ее реализации и базируются на принципе недопущения вмешательства во внутренние дела, проведения мероприятий против суверенитета, территориальной целостности и независимости государств. Примерно в том же направлении движется Китай, считающий необходимым разработать кодекс поведения в Интернете, общий для всех участников развития киберпространства. В этом смысле «Основы» близки по своему содержанию к китайской «Международной стратегии сотрудничества в киберпространстве», которая появилась на три года позже российского документа.

Рассмотрим, как Китай выстраивает систему национальной кибербезопасности.

Интернет в Китае был запущен 20 сентября 1987 г. в Пекине. Публичный доступ к нему был открыт ко второй половине 1990-х гг. С серьезными проблемами в информационной сети Китая столкнулся 26 апреля 1999 г., когда активизировался созданный на Тайване вирус «Чернобыль». Вирус повредил 0,5 млн компьютеров по всему миру, уничтожив данные на жестких дисках и разрушив содержимое микросхем, отвечающих за работу системного программного обеспечения (ПО). Более трети поврежденных ПК находились на территории КНР. Вторая значимая атака на компьютерные сети Китая произошла в начале 2000-х гг., когда вредоносному нападению подверглись правительственные сайты страны.

В 1991 г. в КНР был принят первый сетевой нормативный документ — «Общегосударственный регламент организации труда по информационным компьютерным системам и противодействию интернет-вирусам» (опубликован 11 января 1991 г. Министерством труда КНР). После него последовали «Правила безопасности компьютерно-информационных систем КНР» (1994), «Временные положения администрирования компьютерно-информационных систем и международной сети Интернет» (1996), «Методы управления и обеспечения безопасности компьютерно-информационных систем и международной сети Интернет» (1997) и т. п.

К марту 2016 г. в стране было принято 41 закон, 46 административно-правовых актов Госсовета КНР, 37 разъяснений по вопросам судебной практики, 274 регламента аппарата правительства, 133 местных нормативных акта, 138 регламентов местного значения. Всего 669 документов, которые регулируют поведение в информационном поле страны.

По мнению специалистов, КНР продолжит совершенствование правовых основ регулирования киберпространства. Генеральный секретарь Ассоциации информационной безопасности Китая Ли Юйсяо полагает, что Китай сделал только первые шаги на пути к целостной системе защиты от нападений, совершаемых в сети. За последние 18 лет КНР перевела систему управления киберсферой в действующую на разных уровнях структуру, обладающую мощным кадровым ресурсом и техническими возможностями. В 2001—2013 гг. Госсовет КНР провел реформу аппарата управления цифровой средой, реформировав Министерство промышленности и информа-

тизации и сосредоточив в этом ведомстве все функциональные обязанности, связанные с информатизацией. Также была сформирована Администрация (Канцелярия) по делам киберпространства страны. По мере развития Интернета и сферы ИКТ проявилась проблема нехватки юридических инструментов и методик, работающих на долгосрочную перспективу. В феврале 2014 г. ЦК КПК создал руководящую группу по информатизации и сетевой безопасности, которая сразу же приняла меры по наведению порядка.

Управление киберпространством и контроль над сетевыми ресурсами регулируются базовыми документами, среди которых следует выделить:

- **Закон о государственной безопасности** (утвержден 1 июля 2015 г. на 15-м заседании ПК ВСНП). В нем впервые появилось понятие «государственного сетевого суверенитета». Впоследствии оно вошло в Закон о кибербезопасности и в «Международную стратегию сотрудничества в киберпространстве». В ст. 25 *Закона о государственной безопасности* подчеркивается, что государство создает систему информационной безопасности, развивает защитные возможности в этой сфере, усиливает инновационные исследования и ведет разработки информационных технологий, реализует ключевые информационные проекты, регулирует ключевую инфраструктуру и важные области информационных систем, обеспечивает безопасность данных;
- **Закон о кибербезопасности** (принят в октябре 2016 г., вступил в силу 1 июня 2017 г.);
- **«Национальная стратегия по безопасности в киберпространстве»** (разработана Администрацией по делам киберпространства КНР). Согласно документу, целью КНР является достижение «мира, безопасности, открытости, сотрудничества и порядка в киберпространстве». Поставлены задачи по гарантированию суверенитета и национальной безопасности страны в киберпространстве, по защите критически важных инфраструктурных объектов, борьбе с кибертерроризмом и преступлениями в Интернете;
- **«Международная стратегия сотрудничества в киберпространстве»** (опубликована 1 марта 2017 г.).

Обратимся к базовому **Закону о кибербезопасности**. В нем 7 глав, более 70 статей, в которых регулируется деятельность сетевых ресурсов, определяются права и обязанности, а также ответственность участников интернет-ресурсов КНР. Главные особенности Закона таковы:

- впервые в законодательную базу вводятся термины и понятия «обеспечение суверенитета в киберпространстве», сетевой национальной безопасности, сетевых общественных интересов, легальных прав и интересов граждан, корпораций и других организаций; ставится задача обеспечения «здорового развития информационных технологий в экономической и социальной областях» (гл. 1, ст. 1);
- впервые сформулированы базовые принципы кибербезопасности, даны определения понятиям, относящимся к системе сетевой безопасности (в Преамбуле);
- излагается расширенное определение суверенитета кибернетического пространства, который трактуется как фундаментальный принцип «защиты национального суверенитета в киберпространстве», декларируется право каждой страны выбирать путь развития суверенного киберпространства и заявляется о недопущении кибергегемонии отдельно взятой страны (гл. 2, ст. 1—2);
- вводится понятие «совместного управления международным киберпространством на основе равенства и взаимной выгоды» (гл. 2, ст. 3).

В документе «**Международная стратегия сотрудничестве в киберпространстве**» 4 главы, Введение и Заключение, 19 статей. В этом документе тоже подчеркивается право каждой страны выбирать путь развития суверенного киберпространства и заявляется о недопущении кибергегемонии отдельных стран. Отчасти этот документ перекликается с российской стратегией, изложенной в «**Основах государственной политики Российской Федерации в области международной информационной безопасности на период до 2020 года**». Во второй половине 1990-х гг., когда в Китае обратили внимание на разработку правовых аспектов регулирования сетевой деятельности, практические ведомства тщательным образом изучали российские документы.

Обратимся к оборонной стороне киберполитики Китая. По мнению зарубежных экспертов, в КНР разработана и применяется военная стратегия, включающая возможность ведения информационной войны (ИВ).

В китайской стратегии ИВ обычно выделяют четыре аспекта. Во-первых, ИВ является продуктом эпохи информатизации, и цифровые технологии используются в качестве оружия. Происходит «сетевизация» (*ванлохуа*) поля боя, и в центре противостояния оказывается борьба за контроль над информационным пространством с целью оказания воздействия на противника и его нейтрализации. Во-вторых, ИВ — высокотехнологичное поле боя, на котором противники применяют информационно-технологические средства и системы в борьбе за преобладающие позиции в киберпространстве. В-третьих, главная цель ИВ заключается в нападении на киберсистемы противника и защите собственной киберинфраструктуры. По утверждению западных аналитиков, «целью ИВ, согласно китайским источникам, является информационное господство (*чжисиньсицюан*), что соответствует американскому понятию “информационного превосходства”». Достижение этой цели реализуется через воздействие на способность противника получать, обрабатывать, передавать и использовать информацию. Конечный же результат сводится к параличу системы информации противника и его технических способностей вырабатывать решения, а также к подавлению воли соперника к сопротивлению¹.

Еще одним важным аспектом китайской стратегии информационной безопасности стала защита внутреннего информационного пространства от вмешательства извне, идеологический контроль над ИП.

Как уже отмечалось, одной из форм обеспечения безопасности в социально-политической сфере стало блокирование доступа к тем сетевым ресурсам и сервисам, контент которых противоречит политико-идеологическим установкам руководства и затрагивают систему государственной власти. Согласно ст. 15 китайских Правил администрирования информационных служб Интернета, пользователи не должны создавать и распространять информацию, угрожающую интересам национальной безопасности².

Одним из важнейших условий обеспечения национальной кибербезопасности сегодня является развитость производственной базы IT-отраслей: изготовление микрочипов, процессоров, цифровой памяти и т. д. Зависимость Китая (в меньшей степени) и России (в большей) от импорта этой продукции по-прежнему велика. По данным корпорации *TrendForce*, с 2012 по 2016 г. Пекин ежегодно тратил на импорт микрочипов до 211 млрд долл. Сегодня задача по замещению импортной продукции отечественной стала главным требованием правительства КНР к китайским IT-компаниям. Пекин инвестирует в IT-отрасль огромные средства. К началу 2018 г. в стране работало 40 заводов по обработке 300-мм и 200-мм пластин, в стадии строительства находилось еще 13 заводов.

Международная кибербезопасность и возможности российско-китайского сотрудничества в этой области

Модернизация оборонного потенциала мировых держав, повышение практического интереса к применению цифровых технологий в военной области, разработка стратегий ведения кибервойн, накопление боевых вирусных программ и утечка в сеть их исходных кодов резко обострили информационные риски и киберугрозы. Опасность милитаризации информационной среды признает сегодня все мировое сообщество. Это нашло отражение в серии ежегодных резолюций Генеральной Ассамблеи ООН «Достижения в сфере информатизации и коммуникаций в контексте международной безопасности» (1999—2010) и серии резолюций по вопросам создания глобальной культуры кибербезопасности (2007—н.в.).

Китай более 20 лет ведет международные дискуссии по проблемам кибербезопасности. Определяющими для него в этой области являются отношения с США. Именно из Вашингтона исходит давление на КНР по данной проблематике. США обвиняют Пекин в организации вторжений в сетевые ресурсы американского Министерства обороны, спецслужб, крупнейших компаний ВПК. Способность Китая к ведению ИВ против Соединенных Штатов, счита-

ют американские эксперты, даже в мирное время может создать серьезные проблемы перед теми в США, кто занимается военным планированием.

С конца 2016 г. внешние признаки напряженности в китайско-американском диалоге по информационной безопасности, а также накал публичных взаимных обвинений в кибератаках заметно уменьшились. США перенесли свое внимание на «вмешательство» России в американские президентские выборы 2016 г. и деятельность «пропагандистских СМИ Москвы».

Сегодня США и КНР ведут дискуссии по двум дорожкам: официальные переговоры в рамках Рабочей группы китайско-американского стратегического диалога, а также на уровне экспертов двух стран. В первом случае переговоры носят закрытый характер, и их содержательная часть, кроме демонстрации взаимных обвинений, не является объектом публичного доступа. Ныне представляется весьма проблематичной возможность прийти к компромиссам в условиях интенсивной разработки обеими странами средств ведения ИВ.

Что касается российско-китайских отношений, то мы можем констатировать их «продвинутость» во взаимодействии на двусторонней и многосторонней основе. Между Россией и Китаем формируется работающий механизм сотрудничества в области информационных технологий и кибербезопасности. Его важнейшими рабочими треками являются:

- деятельность Российско-китайской подкомиссии по связи и информационным технологиям. Здесь рассматриваются вопросы диверсификации поставок высокотехнологичного оборудования, включая системы хранения данных и телекоммуникационное оборудование, проблемы укрепления сетевой безопасности, повышения эффективности управления и развития глобального информационного пространства;
- взаимодействие в рамках ООН, ШОС, БРИКС;
- сотрудничество оборонных ведомств РФ и КНР;
- диалог и взаимодействие на экспертном уровне.

Важным элементом этого механизма стало российско-китайское **«Соглашение о сотрудничестве в области обеспечения международной информационной безопасности»**, подписанное в мае 2015 г. и определившее сферы взаимодействия в информационно-цифровой сфере.

Согласно документу, страны будут совместно реагировать на наиболее острые угрозы международной информационной безопасности и выступать против использования ИКТ в террористических целях или/и с целью вмешательства во внутренние дела, подрыва суверенитета, политической стабильности, разжигания межнациональной и межконфессиональной вражды и т. п. Для двусторонних связей это соглашение имело принципиальное значение, несмотря на то, что оно носило рамочный характер.

Другим важным шагом в этом же направлении стало подписание в 2009 г. (июнь, Екатеринбург) **«Соглашения между правительствами государств-членов ШОС о сотрудничестве в области международной информационной безопасности»**. Соглашение вступило в силу 5 января 2015 г. Его участники сумели согласовать систему определения понятий, относящихся к IT-сфере. Была заложена общая платформа для продвижения в ООН и других международных организациях и диалоговых структурах согласованных идей в области международной информационной безопасности.

Взаимодействие осуществляется также в рамках Международного союза электросвязи, в ходе Всемирных встреч на высшем уровне по вопросам информационного общества, в БРИКС, в рамках АТЭС и в других структурах.

Между тем процесс решения практических вопросов кибербезопасности даже в рамках ШОС достаточно сложен и запутан, несмотря на постоянные контакты и наличие соглашения о сотрудничестве. «Киберинциденты» случаются даже между полноправными членами Организации. Так, в октябре 2016 г. группировка хакеров Pakistan Naxos Crew из Пакистана заявила, что за последнее время ее участниками было взломано более 7 тыс. индийских сайтов. В мае 2016 г. компания *Symantec* отследила взлом ряда индийских ресурсов, осуществленный китайской кибергруппой *Suckfly*. В число пострадавших ресурсов попали системы центрального правительства и крупных финансовых структур. Неделю спустя российская компания *Kaspersky Lab* заявила, что отследила вторжение «китайскоговорящей» кибергруппы Danti в системы центрального правительства Индии. Хакеры воспользовались уязвимостью незарегистрированного программного обеспечения. Оба случая не получили широкого освещения, атакованные организации не дали комментариев.

Проблемы возникают и в результате регулярных атак на российские ресурсы с китайских IP-адресов. Так, в III—IV кварталах 2017 г. *Kaspersky Lab* зафиксировала активизацию «китаеязычных» хакеров, основными целями которых стали российские госпроекты с азиатскими странами. В июле 2017 г. была выявлена атака IronHusky на компании авиационного сектора России и Монголии. Были атакованы и энергетические предприятия России и Индии после подписания в 2017 г. соглашения между странами о сотрудничестве в атомном секторе. Нападения на промышленные, энергетические и исследовательские сети стали характерной чертой современного киберпротивостояния. В качестве примера можно привести массовые атаки со стороны США, Китая, Индии, Вьетнама, других стран на внутренние сети крупнейших японских корпораций сразу после аварии на АЭС Фукусима. В этом проявляется одна из главных особенностей современного положения в глобальной киберсфере: кибервторжения — это уже реальность международной жизни.

Безусловно, существующее положение дел в рамках ШОС, РИК, в целом в той зоне, где пересекаются интересы евразийских стран, пытающихся выстроить отношения нового типа, диктует необходимость распространения мер доверия и на киберпространство. Однако проблема достижения взаимного доверия в киберпространстве стала одной из самых сложных для реализации, ибо зачастую доказательства и параметры рукотворных киберугроз, источники кибернападений, применяемые для атак средства, равно как и само кибероружие, скрыты от традиционных средств объективного наблюдения, контроля и верификации, имеющих в распоряжении военных специалистов и дипломатов-переговорщиков. В силу этого очевидно, что полностью предотвратить деструктивную кибердеятельность будет чрезвычайно трудно. Тем не менее работы в этом направлении ведутся. Напомним, что в рамках НАТО существуют специальные программы консолидации усилий членов Альянса по расширению возможностей ведения сетевых войн и защите его цифрового пространства. Условия для формирования подобной структуры существуют и в рамках ШОС, однако для их реализации потребуются не только политическая воля стран-участниц, но и конкретные действия.

Определенные подвижки в этом направлении уже есть. Так, практические мероприятия проходят по линии оборонных ведомств

РФ и КНР. В их число входят, например, штабные сетевые учения. В декабре 2017 г. Россия и Китай провели вторые совместные компьютерные командно-штабные учения по противоракетной обороне «Воздушно-космическая безопасность-2017». Первые такие учения прошли в мае 2016 г. на базе Центрального НИИ Войск воздушно-космической обороны Минобороны России. А летом 2017 г. в печати появилась информация об изучении технических возможностей по созданию совместной российско-китайской технологической платформы в области отражения киберугроз и снижения рисков в информационном пространстве.

Таким образом, идет поиск взаимоприемлемых подходов к решению проблем, возникающих в развивающемся кибернетическом пространстве, выявление взаимоприемлемых критериев и возможностей формирования безопасной сетевой среды.

Наведение порядка в киберпространстве стало составной частью общемирового тренда, и здесь накапливаются опыт и результаты. Но остаются и серьезные проблемы, нуждающиеся в решении, возникают факторы, в том числе технологического характера, которые препятствуют достижению взаимодоверия и решению актуальнейших вопросов защиты цифрового пространства.

Серьезным «прорывом» в российско-китайских отношениях в рассматриваемой сфере, безусловно, стало то, что сегодня между партнерами созданы благоприятные условия для дальнейшего тематического диалога по дипломатическим, военным и иным каналам, а также для обменов продуктами ИКТ. Все это способствует формированию в перспективе специальной платформы по предотвращению угроз и рисков в киберпространстве. Постепенно расширяется сфера информационного и цифрового взаимодействия сторон, в том числе по вопросам участия в глобальном управлении информационной средой, но при неременном соблюдении собственных интересов и понимании аналогичных устремлений партнера. Формируются и условия для сотрудничества в технологической сфере, а также в области разработки и создания современных технических средств по противодействию и отражению киберугроз. Таким образом, даже при крайней сложности и противоречивости международной ситуации России и Китаю удастся формировать в цифровой сфере позитивные кооперационные тенденции и накапливать конструктивный опыт.

Примечания

¹ Эти выводы были сделаны в рамках проекта «АБИРУС» американским экспертом Тоши Ешихара еще в ноябре 2001 г. в Институте стратегических исследований Военного колледжа армии США (*Toshi Yoshihara. Chinese Information Warfare: A Phantom Menace Or Emerging Threat? // Strategic Studies Institute, U.S. Army War College*). Первоисточник в Интернете, где была размещена статья ученого, после событий 11 августа 2001 г. в США перестал быть доступным. До сих пор статья широко используется российскими исследователями ИВ.

² Следует обратить внимание на список тем, которые оказались под запретом в китайском сегменте Интернета: 1) оппозиция конституционным принципам КНР; 2) нарушение национальной безопасности, раскрытие государственной тайны, подрыв государственной власти; 3) нанесение ущерба государственной чести и национальным интересам; 4) разжигание национальной ненависти, этническая дискриминация, подрыв народного единства; 5) подвержение сомнению государственных принципов по вопросам религии и культов; 6) распространение порочащих слухов и нарушение основ общественного строя; 7) распространение порнографии, опубликование сцен насилия и террора; 8) оскорбление и унижение граждан; 9) нарушение законов и правил ([URL: http://www.cac.gov.cn/2017-08/25/c_1121541921.htm](http://www.cac.gov.cn/2017-08/25/c_1121541921.htm)).

DOI: 10.24411/2618-6888-2018-10018

В.Е. Петровский

ПЕРЕКРЕСТНЫЕ ГОДЫ РЕГИОНОВ — НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ДЛЯ РОССИЙСКО-КИТАЙСКОГО ПРИГРАНИЧНОГО И МЕЖРЕГИОНАЛЬНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

Аннотация. Рассмотрены актуальные аспекты российско-китайского приграничного и межрегионального сотрудничества. По мнению автора, именно оно является главным резервом поступательного развития двусторонних отношений в целом. Исходя из необходимости стратегического планирования российско-китайских отношений, рассмотрены проблемы и перспективы приграничного и межрегионального сотрудничества России и Китая, которое обретает новую динамику в связи с началом перекрестных Годов регионов.

Ключевые слова: российско-китайские отношения, приграничное и межрегиональное сотрудничество, стратегическое планирование, перекрестные Годы регионов.

Развитие приграничного и межрегионального сотрудничества — неотъемлемая составляющая межгосударственных отношений и интеграционных процессов. Межрегиональное и приграничное сотрудничество традиционно является важным элементом комплекса

торгово-экономических отношений РФ и Китая, что предопределяется географической близостью двух стран, наличием общей границы протяженностью 4300 км и тесными культурно-историческими связями их народов.

КНР занимает первое место в рейтинге стран, которые, по мнению жителей России, являются самыми важными и ценными партнерами для РФ. Именно с Китаем у России складываются наиболее дружественные отношения — считают 62 % респондентов по итогам опроса, проведенного фондом «Общественное мнение» в середине 2017 г. среди 1500 опрошенных в 104 населенных пунктах РФ¹.

На фоне экономической глобализации и региональной интеграции важными аспектами в развитии двусторонних отношений России и Китая становятся использование сравнительных преимуществ приграничных регионов (Дальнего Востока РФ и Северо-Востока Китая), стимулирование стратегического сотрудничества в этой области, повышение ее конкурентоспособности. Как подчеркивает в связи с этим китайская газета «Цанькао Сяоси», данные регионы находятся в непосредственной географической близости, и необходимо прилагать усилия для усиления обмена между народами обеих стран, укреплять взаимное доверие и поддерживать дружественные отношения. Общие интересы в таком случае станут движущей силой для содействия экономическому развитию на местном уровне. Это принесет пользу приграничным регионам и создаст внутри них благоприятный социальный климат. Исходя из этого, российское и китайское правительства должны оказывать большое внимание гармоничному развитию регионального сотрудничества. За последнее десятилетие китайское правительство подготовило ряд стратегических планов государственного значения по возрождению и ускорению развития Северо-Восточного региона КНР. Ключевой упор здесь делается на открытость внешнему миру, стабильное развитие, оптимизацию и модернизацию промышленной структуры, а также введение институциональных инноваций². Как полагает автор вышеуказанной статьи, за последние 5 лет в области сотрудничества, основанного на общности интересов двух стран, были достигнуты следующие результаты:

- наблюдается постоянный рост объема торговли. В настоящее время КНР является крупнейшим торговым партнером рос-

сийского Дальнего Востока, крупнейшим источником его импорта и третьим по величине экспортером. С расширением масштабов торговли обмен становится все более разнообразным, а его структура — оптимизируется. В дополнение к непрерывному расширению традиционного торгового ассортимента доля высокотехнологичной продукции и продукции с высокой добавленной стоимостью также растет;

- создан механизм консультаций для достижения гармоничного развития соседних регионов. Правительства двух стран и соответствующие ведомства постепенно сформировали ряд двусторонних форматов для усовершенствования модели и способов ведения торгово-экономического сотрудничества, содействия росту торговли и понижению торговых барьеров, укреплению пограничного строительства и координации норм соответствующего законодательства;
- кооперация, привлечение капиталов, совместная разработка региональных ресурсов стали важной частью приграничного взаимодействия. Из общего объема иностранных инвестиций на российский Дальний Восток (98 млрд долл.), 80 % — вклад китайской стороны. В последние годы представители приграничных районов РФ и Китая открывают новые совместные торгово-промышленные предприятия, прилагают усилия для развития инфраструктурного строительства в регионе и способствуют дальнейшему укреплению научно-технического сотрудничества двух стран. Россия и КНР вместе повышают технологический уровень сельскохозяйственной деятельности;
- трансграничная электронная коммерция, имеющая огромный потенциал развития, стала новой областью и новой платформой для российско-китайского трансграничного сотрудничества. Это содействовало открытию большего количества складов, совершенствованию логистики в регионе и развитию китайского интернет-бизнеса в целом;
- выполняются планы по совместному российско-китайскому строительству крупной инфраструктуры. После некоторой задержки с российской стороны началось сооружение второй половины трансграничного железнодорожного моста Тунцзян-Нижнеленинское. Также после 20 лет ведения перегово-

ров было начато строительство автодорожного моста «Благовещенск-Хэйхэ». Китай и Россия обсуждают сотрудничество в сфере строительства автомагистрали «Приморье-1» и «Приморье-2», а также в области реконструкции базовой инфраструктуры, необходимой для сопряжения проекта «Один пояс, один путь» и проекта развития Дальнего Востока³.

В сфере развития приграничного и межрегионального сотрудничества восточных регионов России с Китаем сторонами уже подписано несколько документов и ныне готовится целый ряд соглашений⁴. Успешным примером российско-китайского межрегионального взаимодействия может служить действующий с 2012 г. двусторонний механизм сотрудничества между Приволжским федеральным округом и регионами верхнего, среднего течения реки Янцзы, который в 2016 г. получил статус Совета по сотрудничеству регионов Приволжского федерального округа Российской Федерации и верхнего, среднего течения реки Янцзы (Совет по межрегиональному сотрудничеству «Волга—Янцзы»).

Сначала механизм межрегионального взаимодействия «Волга-Янцзы», охватывающий 14 субъектов Приволжского федерального округа и 6 регионов верхнего, среднего течения реки Янцзы (провинции Аньхой, Сычуань, Хубэй, Хунань, Цзянси и город центрального подчинения Чунцин), был запущен в формате «круглого стола» руководителей регионов под председательством полномочного представителя президента Российской Федерации в Приволжском федеральном округе М.В. Бабича и члена Госсовета КНР Ян Цзечи. Ныне в рамках Совета реализуются соглашения в сфере сельского хозяйства, производства оборудования, строительных материалов и продуктов питания, сооружения коммерческой и жилой недвижимости, химической промышленности, туризма.

Результатом работы Совета стало подписание 27 межрегиональных соглашений. В проработке находятся 68 инвестиционных проектов, 21 из них — в высокой стадии подготовки и 47 прорабатываются для последующей реализации в регионах. Подготовлены также 77 проектов в гуманитарной сфере, из которых около 40 уже реализованы по образовательным программам и обменов, а также в области культуры⁵.

В 2015 г. был создан Совет сотрудничества между регионами Дальнего Востока России и Северо-Востока Китая. Миссия Совета заключается в расширении кооперации в сфере инвестиций, логистики, освоении ресурсов, в переработке сельхозпродукции и модернизации транспортной инфраструктуры.

20 октября 2016 г. в Пекине под руководством заместителя председателя правительства РФ — полномочного представителя президента РФ в Дальневосточном федеральном округе Ю.П. Трутнева и заместителя премьера Госсовета КНР Ван Яна состоялось второе заседание Совета сотрудничества регионов Дальнего Востока России и Северо-Востока Китая. Во встрече участвовали также министр Российской Федерации по развитию Дальнего Востока А.С. Галушка и главы семи субъектов Дальневосточного федерального округа.

Стороны договорились о преобразовании механизма в межправительственную Российско-китайскую комиссию по сотрудничеству и развитию Дальнего Востока и Байкальского региона РФ и Северо-Востока КНР. Комиссия была учреждена по итогам 21-й регулярной встречи глав правительств России и Китая 7 ноября 2016 г. в Санкт-Петербурге.

Дополнительным стимулом для взаимовыгодного взаимодействия может послужить работа Совета по межрегиональному сотрудничеству в рамках обновленной структуры Российско-китайского комитета дружбы, мира и развития.

В июле 2017 г. в ходе визита председателя КНР Си Цзиньпина в Москву лидеры России и Китая договорились, используя опыт сотрудничества в рамках вышеуказанных межправительственных механизмов, «расширять охват и сферы межрегионального взаимодействия; содействовать реализации значимых проектов двустороннего сотрудничества, в том числе с использованием механизма Российско-китайского инвестиционного фонда по развитию регионального сотрудничества; создать механизм сотрудничества по развитию острова Большой Уссурийский (Хэйсяцзыдао), включая природоохранные мероприятия»⁶.

Накануне нового, 2018 г. председатель КНР Си Цзиньпин и президент РФ Владимир Путин, премьер КНР Ли Кэцян и его российский коллега Дмитрий Медведев соответственно направили друг

другу поздравительные письма, в которых объявили 2018—2019 гг. «годами сотрудничества между регионами двух стран».

В рамках официальной церемонии открытия перекрестных годов 7 февраля 2018 г. в Харбине состоялась рабочая встреча сопредседателей межправительственной Российско-китайской комиссии по сотрудничеству и развитию Дальнего Востока и Байкальского региона РФ и Северо-Востока КНР, которую провели заместитель председателя правительства РФ, полномочный представитель президента РФ в ДФО Юрий Трутнев и заместитель премьера Государственного совета КНР Ван Ян. Они обсудили итоги торгово-экономического и инвестиционного сотрудничества регионов, механизмы привлечения на Дальний Восток китайских инвестиций, реализацию действующих российско-китайских инвестиционных проектов, в частности международного транспортного коридора «Приморье-1». «Китай сегодня является главным внешнеэкономическим партнером по развитию Дальнего Востока России, объем инвестиций в территории опережающего развития, Свободный порт Владивосток по уже действующим проектам — 3,5 млрд долл., в портфеле еще находится около 30 млрд долл.», — отметил Ю. Трутнев⁷.

Правительство пров. Хэйлунцзян к июню 2018 г. планирует создать инвестиционный фонд с первоначальным капиталом в 5 млрд юаней для финансирования проектов на территории Северо-Восточного Китая и российских регионов. Фонд создается при содействии межрегионального совета Российско-китайского комитета дружбы, мира и развития и Государственной инвестиционной компании пров. Хэйлунцзян. Получить поддержку фонда смогут предприятия всех регионов России, не только Дальнего Востока. Главное внимание будет уделяться энергетическим и инновационным наукоемким проектам⁸.

Как заявил председатель Общества российско-китайской дружбы, председатель комитета Совета Федерации по экономической политике Дм. Мезенцев, в 2018 г. будет удвоено число региональных отделений Общества. Российская сторона рассматривает в перспективе вариант сотрудничества, при котором каждый регион будет иметь взаимные связи с той или иной китайской провинцией. Учитывая практику работы российских коллег, Общество китайско-рос-

сийской дружбы также предполагает создание своих региональных отделений в ряде провинций КНР⁹.

К сегодняшнему дню уже сложились 234 партнерские пары между регионами России и Китая. Субъекты Российской Федерации заключили договоры о сотрудничестве со всеми городами центрально-подчинения Китая, с 18 провинциями и 4 автономными районами. В число субъектов РФ — основных экономических партнеров Китая — входят Москва, Санкт-Петербург, Костромская и Сахалинская области, Приморский и Хабаровский края и др.

Важный резерв развития двустороннего приграничного и межрегионального сотрудничества — совместная работа по упрощению визового режима между Россией и Китаем. В начале сентября 2016 г. спикер Совета Федерации В. Матвиенко заявила в ходе рабочего визита в КНР, что на высшем политическом уровне принято решение открыть генконсульство РФ в Ухане и генконсульство КНР в Казани¹⁰. Предполагается, что эта работа может быть завершена в 2018 г. Консульский округ генконсульства РФ в Ухане будет включать в себя провинции Хубэй, Хунань, Гуйчжоу, Сычуань и г. Чунцин, а границы консульского округа генконсульств КНР в Казани — охватывать территорию Приволжского федерального округа.

В августе 2017 г. в свободном порту Владивосток стал действовать упрощенный визовый режим. Граждане 18 стран, включая КНР, могут подать заявку на получение электронной визы на специализированном сайте за 4 дня до предполагаемого въезда и бесплатно получить электронную визу. С 1 января 2018 г. с помощью электронной визы можно будет приехать на Камчатку и Сахалинскую область. Для этого будут работать 11 пунктов пропуска. С 2018 г. планируется открытие железнодорожных пунктов пропуска «Пограничный», «Хасан», «Махалино», автомобильных пунктов пропуска «Полтавка», «Турий Рог», морских пунктов пропуска «Зарубино», «Петропавловск-Камчатский», «Корсаков» и «Посыет»¹¹.

Для того, чтобы придать двусторонним отношениям предсказуемый и поступательный характер, необходимо «конвертировать» высокий уровень взаимного политического доверия, как не раз подчеркивалось в совместных документах, «не только в результаты практического сотрудничества», но и в связанную с этой задачей

устойчивую и стабильную работу институтов межгосударственного взаимодействия.

В связи с этим представляется целесообразным сосредоточиться на выработке алгоритмов и механизмов стратегического планирования российско-китайского сотрудничества, которые помогли бы сторонам обеспечить взаимную предсказуемость, а также окончательно определить взаимоприемлемые рамки и границы стратегического партнерства, не перерастающего в военно-политический союз.

В современных российско-китайских отношениях преобладает «ситуативный» подход (реагирование на возникающие вызовы и возможности): существующие элементы планирования представляют собой не более чем список мероприятий в разных секторах сотрудничества, а не взаимосогласованное представление о векторе движения, имея в виду его начальную точку, желаемый конечный результат и способы (маршруты) его достижения. С учетом этого обстоятельства необходимо именно развернутое и детальное стратегическое планирование двустороннего сотрудничества в его ключевых областях (военно-техническое взаимодействие, атомная энергетика, космос и пр.). При этом необходимость стратегического планирования в сфере приграничного и межрегионального сотрудничества РФ и КНР (в контексте сопряжения «Экономического пояса Шелкового пути» и евразийской интеграции в рамках ЕАЭС) представляется наиболее очевидной.

Важно учитывать, что существующая в РФ законодательная база, в частности Федеральный закон «О стратегическом планировании в Российской Федерации» (№ 172-ФЗ) и Проект Федерального закона «О приграничном сотрудничестве в Российской Федерации» (№ 75537-4), предлагает алгоритм стратегического планирования, который в корне отличается от практиковавшегося ранее. В частности, от того алгоритма, который использовался при подготовке ныне действующей «Программы сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири Российской Федерации и Северо-Востока Китайской Народной Республики (2009—2018 гг.)».

Эта программа, носящая преимущественно декларативный характер и не дополненная «дорожной картой» по ее практической реализации, скорее всего, останется в основном не выполненной.

В целом, в стратегическом планировании российско-китайского сотрудничества нужно действовать на основе следующих ключевых подходов:

- «индуктивное» (снизу вверх) стратегическое планирование на базе учета нужд и потребностей экономики приграничных регионов и местного бизнес-сообщества, разработка планов приграничного и межрегионального сотрудничества с опорой на первичные эмпирические и статистические данные, получаемые от региональных экономических акторов;
- «интерактивное» (с вовлечением партнеров) стратегическое планирование, координируемое с администрацией и экономическими акторами приграничных провинций КНР.

Опыт развития приграничного сотрудничества с Китаем и другими странами АТР показывает важность совершенствования и унификации программно-концептуальной и законодательной базы приграничного сотрудничества.

В частности, следует привести эту базу в соответствие с Федеральным законом РФ от 29.12.2014 № 473-ФЗ «О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации». Так, реализация Федеральной целевой программы (ФЦП) «Экономическое и социальное развитие Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2018 г.» требует корректировки с учетом создания территорий опережающего развития. Кроме того, в обновленную редакцию ФЦП необходимо заложить кластерный подход на принципах государственно-частного партнерства для реализации комплексных инвестиционных проектов.

В целях ускоренного и сбалансированного развития приграничного и межрегионального сотрудничества необходимо предпринять дополнительные меры по формированию механизмов координации деятельности участников приграничного сотрудничества, требующей согласования в контексте обеспечения интересов национальной безопасности РФ.

В частности, ст. 9 Проекта Федерального закона «О приграничном сотрудничестве в Российской Федерации» (№ 75537-4) можно дополнить положением о том, что одной из форм взаимодействия участников приграничного сотрудничества могут стать постоянные (временные) межведомственные комиссии по приграничному со-

трудничеству для координации интересов национальной безопасности и социально-экономического развития приграничных территорий.

Также представляется целесообразным, в соответствии со ст. 26—29 «Положения о Совете Безопасности Российской Федерации» (утвержденного Указом Президента РФ от 6 мая 2017 г. № 590), предложить Секретариату Совета Безопасности РФ создать межведомственную комиссию по вопросам приграничного сотрудничества для координации деятельности его участников, необходимой для более полного обеспечения интересов национальной безопасности РФ.

Примечания

- ¹ Синьхуа. URL: http://russian.news.cn/2018-01/16/c_136899674.htm
- ² Цзян И. Сможет ли Дальний Восток стать «русским Шэньчжэнем»? 02.10.2017. URL: <https://inosmi.ru/politic/20171002/240401229.html>
- ³ Там же.
- ⁴ См., в частности: Проблемы Дальнего Востока. 2016. № 4. С. 41, 42.
- ⁵ URL: <http://tass.ru/ekonomika/4341445>
- ⁶ Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о дальнейшем углублении отношений всеобъемлющего партнёрства и стратегического взаимодействия. 04.07.2017 г. URL: <http://kremlin.ru/supplement/5218>
- ⁷ Века Екатерина. Перспективы межрегионального сотрудничества обсудили вице-премьеры России и Китая. URL: http://www.otvprim.ru/society/primorskij-kraj_07.02.2018_60926_perspektivy-mezhregionalnogo-sotrudnichestva-obsudili-vitse-premjery-rossii-i-kitaja.html
- ⁸ Китайские власти к июню 2018 г. создадут фонд для инвестиций в регионы РФ. URL: <http://russian-chinese.com/2018/02/08/kitajskie-vlasti-k-iyuny-2018-goda-sozdadut-fond-dlya-investicij-v-regiony-rf/>
- ⁹ URL: https://news.rambler.ru/other/38749001/?utm_content=rnews&utm_medium=read_more&utm_source=copylink
- ¹⁰ URL: <https://realnoevremya.ru/articles/78338-konsulstvo-krn-otkroetsya-v-kazani-ne-ranshe-2018-goda>
- ¹¹ URL: <https://www.newsvl.ru/society/2017/09/29/163463/#ixzz58OAnvVGT>

DOI: 10.24411/2618-6888-2018-10019

О.И. Казаков

КИТАЙСКИЙ ТУРИЗМ В ЯПОНИЮ: ПРИМИРЕНИЕ «МЯГКОЙ СИЛОЙ»?

Аннотация. В 2017 г. количество китайских туристов в Японии превысило 7 млн человек, что составляет более 25 % от числа всех иностранных туристов, посетивших страну. Китайцы охотно едут в Японию по туристическим визам, и это является крупным «мягко-силовым» успехом Японии и результатом эффективных действий правительства страны по привлечению иностранных туристов. Тем не менее, опросы общественного мнения в Японии показывают высокий уровень антипатий японцев к Китаю.

Ключевые слова: Китай, Япония, японо-китайские отношения, опросы общественного мнения, дружеские чувства, антипатия, «мягкая сила».

1. О некоторых особенностях въездного туризма Японии

Доминирование китайцев во въездном туризме Японии прежде всего обусловлено позицией страны в отношении иностранных туристов: по экономическим и имиджевым соображениям Япония заинтересована в росте въездного туризма и предпринимает для этого все возможные шаги организационного и экономического харак-

тера¹. Можно выделить два существенных фактора, которые послужили причиной активного развития въездного туризма Японии в последние годы.

Во-первых, как ни парадоксально это может показаться, — это мощное землетрясение, произошедшее 11 марта 2011 г. — так называемое Великое бедствие на Востоке Японии. Оно привело к возникновению разрушительного цунами, человеческим жертвам и техногенной катастрофе на АЭС «Фукусима-1». Катастрофа шокировала не только японцев, но и весь мир. Возникла угроза радиоактивного заражения, из зон риска были эвакуированы проживавшие там японцы, многие иностранцы покинули Японию. Эта угроза, в частности, привела к падению числа иностранных туристов в 2011 г. на 27,8 % по сравнению с 2010 г. Правительством Японии была поставлена задача восстановления пострадавшей от природно-техногенного бедствия национальной экономики, частью которой является и туристический сектор. И уже начиная с 2012 г. в Японии фиксируется стабильный рост въездного туризма, демонстрирующего целую череду рекордов по количеству посетителей страны интуристами.

К настоящему времени результатом усилий японского правительства стало почти полное восстановление экономики страны после катастрофы 2011 г., хотя актуальной осталась проблема запуска остановленных АЭС. Во многом, хотя и не полностью, Япония улучшила свой имидж, подорванный радиационным загрязнением части японской территории. И несмотря на землетрясения, тайфуны и цунами, которые являются неотъемлемой частью природных особенностей Японии, для туристов она продолжает оставаться одной из самых безопасных стран мира.

Во-вторых, 7 сентября 2013 г. в Буэнос-Айресе (Аргентина) на 125-й сессии Международного олимпийского комитета Токио был объявлен столицей Олимпиады 2020 г. В Японии началась активная подготовка к Олимпийским и Паралимпийским играм-2020. При этом японское правительство поставило цель удвоения числа иностранных гостей с 20 млн человек в 2015 г. до 40 млн к 2020 г.

Динамика роста числа иностранных туристов в Японии показывает, что эта цель с высокой степенью вероятности будет достигнута, но при условии, что не произойдет каких-либо чрезвычайных собы-

тей, связанных с природными катаклизмами или военными действиями.

В настоящее время японское правительство проводит активную работу по развитию иностранного туризма, причем эта работа носит системный и всеобъемлющий характер. Япония создает свой привлекательный образ, подчеркивая, с одной стороны, свою традиционность (связанную с такими явлениями, как самураи, гейши, ниндзя, каратэ, чайная церемония, икэбана, бонсай, синтоистские и буддистские храмы, театры Но и Кабуки, традиционная японская кухня и т. д., и т. п.), а с другой, — современность (музыка, мода, архитектура, театр, анимэ, спорт и др.) и технологическое лидерство (робототехника, искусственный интеллект, чистая энергетика, самоуправляемый транспорт, высокотехнологичные дроны и др.). Все это побуждает иностранцев увидеть Японию — Cool Japan* — своими глазами. Однако серьезным сдерживающим фактором для туристов из стран с невысоким уровнем душевного дохода остается относительная дороговизна жизни в Японии.

Правительство упрощает процедуры выдачи визы иностранцам, но при этом усиливает контроль над въезжающими в страну иностранцами с целью обеспечения безопасности, создает условия для увеличения количества авиа- и морских рейсов, поддерживает создание новых и развитие уже ставших популярными туристических маршрутов. При этом работа ведется не только в правительстве, но и «на местах» — в префектурах и в муниципалитетах, включая разные секторы экономики (развиваются туристический бизнес и услуги, система питания и развлечений, традиционный шопинг и др.). Особая роль отводится улучшению условий пребывания интуристов в Японии (в плане повышения качества услуг переводчиков; развития справочных систем, включая мобильные сервисы; систем дорожных знаков, разметок и оповещения; дублирования названий и объявления на английском и других языках; оперативной поддержки при возникновении нестандартных ситуаций) и вопросам безопасности

* Cool Japan (в России переводится как «Крутая Япония» или «Замечательная Япония») — японская правительственная инициатива по укреплению связей между Японией и другими странами в таких областях, как экономика, культура и дипломатия. URL: http://www.cao.jp/cool_japan/english/index-e.html (на англ.).

(взаимодействие с полицией; выработка алгоритма действий сторон в случае стихийных бедствий). Усилия правительства имеют солидную опору в лице традиционных гостеприимства и вежливости японцев — *омотэнаси*², которые создают для гостей исключительно благоприятный климат пребывания, а также — особые отношения японцев к иностранцам, воспринимаемого последними как толерантность. Все это находит отклик в Китае, граждане которого все более охотно посещают Японию. В итоге статистика показывает, что в вопросах привлечения иностранных туристов Япония добивается значительных успехов.

2. Китайское туристическое доминирование в Японии

По данным Японской национальной туристической организации (Japan National Tourism Organization), в 2012 г. прирост числа иностранных туристов составил 34,4 % (более 1,4 млн человек); а в 2017 г. количество иностранных гостей превысило 28 млн (табл. 1). Из них более 7 млн человек — китайцы. На их долю приходится более 25 % от всего иностранного туристического потока в Японию; граждане Китая — самая многочисленная группа интуристов в Японии. Однако в 2017 г. произошел резкий рост (на 40 %) и количества туристов из Республики Корея, которое тоже преодолело планку в 7 млн человек и почти достигло четверти от общего числа интуристов.

Примечательно, что в Японии подводят итоги и по результатам финансового года (фин.г. — начинается 1 апреля, заканчивается 31 марта следующего года). По данным правительства³, в 2017 фин.г. количество иностранных посетителей Японии по сравнению с предыдущим годом выросло на 19,9 % — до 29,77 млн человек, что обусловлено увеличением числа недорогих авиарейсов, связывающих Японию с Республикой Корея и другими странами. По данным Японского агентства по туризму (Japan Tourism Agency), показатель за 2018 календарный год, по всей видимости, преодолеет планку в 30 млн человек.

Согласно другому пакету данных, тогда же опубликованному Агентством, расходы иностранных туристов в Японии в период с ян-

Таблица 1. Количество иностранных туристов в Японии (человек)*

Страна**	Год					
	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Китай	1 425 100 (36,6 %)	1 314 437 (-7,8 %)	2 409 158 (83,3 %)	4 993 689 (107,3 %)	6 372 948 (27,6 %)	7 355 818 (15,4 %)
Республика Корея	2 042 775 (23,2 %)	2 456 165 (20,2 %)	2 755 313 (12,2 %)	4 002 095 (45,3 %)	5 090 302 (27,2 %)	7 140 165 (40,3 %)
Тайвань	1 465 753 (47,5 %)	2 210 821 (50,8 %)	2 829 821 (28,0 %)	3 677 075 (29,9 %)	4 167 504 (13,3 %)	4 564 053 (9,5 %)
Гонконг	481 665 (32,0 %)	745 881 (54,9 %)	925 975 (24,1 %)	1 524 292 (64,6 %)	1 839 189 (20,7 %)	2 231 568 (21,3 %)
США	716 709 (26,7 %)	799 280 (11,5 %)	891 668 (11,6 %)	1 033 258 (17,8 %)	1 242 702 (20,3 %)	1 374 964 (10,6 %)
Всего:	8 358 105 (34,4 %)	10 363 904 (24,0 %)	13 413 467 (29,4 %)	19 737 409 (47,1 %)	24 039 053 (21,8 %)	28 691 073 (19,3 %)

* В скобках указан прирост/сокращение по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года.

** В табл. указаны страны, численность туристических потоков из которых в Японию превышает 1 млн человек. Количество туристов из этих стран составляет 79 % от всех интуристов.

Источник: Японская национальная туристическая организация. URL: <http://www.jnto.go.jp/> (на яп.).

варя по март 2018 г. выросли на 17,2 % по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года и составили 1,13 трлн иен (10,5 млрд долл.). Основные покупатели японских сувениров и других товаров — китайские и южнокорейские гости. Между тем в среднем расходы на одного иностранного гостя увеличились лишь на 0,6 % — до 148 891 иены, что обусловлено ростом числа южнокорейцев, которые, как считается, жестко контролируют свои расходы; при этом каждый из них в среднем потратил 69 262 иены.

В целом за первый квартал 2018 г. гости из материкового Китая потратили больше всех — 439,1 млрд иен, за ними следуют жители заморской провинции КНР — Тайваня — 149,5 млрд иен, южнокорейские гости — 149,5 млрд иен, южнокорейские гости — 149,5 млрд иен, южнокорейские гости — 149,5 млрд иен.

рейцы — 147,6 млрд иен, гости из Особого административного района КНР Сянган — 81,9 млрд иен.

С ростом количества иностранных туристов устанавливаются и новые рекорды. Так, в марте 2018 г. количество иностранных гостей в Японии оценивалось в 2 607 900 человек, что на 18,2 % больше, чем на соответствующую дату годом ранее. Это — очередной рекордный мартовский показатель.

Китайцы доминируют во въездном туризме Японии, но и среди постоянно проживающих в Японии иностранцев китайская диаспора тоже самая многочисленная. Так, по данным Министерства юстиции Японии, к концу 2017 г. китайцев в стране насчитывалось более 730 тыс. (это рекордный показатель), или 28,5 % от всех проживающих в стране иностранцев, на втором месте — южнокорейцы — более 450 тыс., или 17,6 % (табл. 2).

Таблица 2. Количество проживающих в Японии иностранцев. 2012—2017 гг.

Страна*	Год					
	2012	2013	2014	2015	2016	2017 (доля, %)
Китай	652 595	649 078	654 777	665 847	695 522	730 890 (28,5)
Республика Корея	489 431	481 249	465 477	457 772	453 096	450 663 (17,6)
Вьетнам	52 367	72 256	99 865	146 956	199 990	262 405 (10,2)
Филиппины	202 985	209 183	217 585	229 595	243 662	260 553 (10,2)
Бразилия	190 609	181 317	175 410	173 437	180 923	191 362 (7,5)
Всего:	2 033 656	2 066 445	2 121 831	2 232 189	2 382 822	2 561 848 (100)

* В табл. указаны страны, число граждан которых, проживавших в Японии по состоянию на 2017 г., превышало 100 тыс. человек; в целом они представляют 74 % всех иностранцев.

Источник: Министерство юстиции Японии. URL: <http://www.moj.go.jp/content/001256897.pdf> (на яп.) (дата обращения: 07.05.2018).

Демографические тенденции в Японии таковы, что, с одной стороны, седьмой год подряд в стране идет сокращение населения (на 1 октября 2017 г. зафиксировано 126,7 млн человек, что на 227 тыс. человек меньше показателя 2016 г.⁴), а с другой — растет количество иностранных туристов и зарегистрированных иностранцев, постоянно проживающих в Японии. Таким образом, доля иностранцев, перманентно находящихся в Японии, неуклонно растет. Японцы со своим «островным менталитетом» и традиционно настроенным, хоть и вежливым, отношением к иностранцам вынуждены пусть с трудом, но адаптироваться к данной ситуации.

Настроения японцев в отношении Китая

При том, что наибольшее число иностранных туристов в Японии составляют китайцы и южнокорейцы (порядка 50 % от всех интуристов) и соответствующие диаспоры в Японии самые многочисленные (около 46 % от всех иностранцев), отношение японцев к Китаю и Республике Корея характеризуется высоким уровнем антипатии, особенно к КНР. Эти антипатии обусловлены, в частности, обострившимися в последнее время историческими спорами об оценках действий японцев во время оккупации Китая и Кореи и территориальными разногласиями по островам: с Китаем по Сэнкаку (кит. Дяоюйдао) и с Республикой Корея по Такэсима (кор. Токто).

С 1978 г. Отделом по связям с общественностью кабинета министров и премьер-министра Японии и Центральной исследовательской службой (Central Research Services) проводится всеяпонский опрос общественного мнения, касающийся отношения японцев к другим странам и регионам⁵. В этом опросе японцы отвечают в том числе на вопрос о своих страновых симпатиях или антипатиях. Некоторые результаты опроса за последние 6 лет представлены в табл. 3.

Результаты опроса демонстрируют высокий уровень антипатий японцев к Китаю — порядка 80 % и Республике Корея — порядка 60 %. Для примера указано отношение респондентов к США, которое, наоборот, характеризуется высоким уровнем симпатий к военно-политическому союзнику Японии — порядка 80 %. Однако аме-

Таблица 3. Отношение японцев к Китаю, Республике Корея и США в 2012—2017 гг., %

Страна	Ответы	Год					
		2012	2013	2014	2015	2016	2017
Китай	Симпатия	18	18,1	14,8	14,8	16,8	18,7
	Антипатия	80,6	80,7	83,1	83,2	80,5	78,5
	Не знаю	1,4	1,2	2,2	2,1	2,7	2,8
Республика Корея	Симпатия	39,2	40,7	31,5	33	38,1	37,5
	Антипатия	59	58	66,4	64,7	59,1	59,7
	Не знаю	1,8	1,3	2,2	2,3	2,8	2,8
США	Симпатия	84,5	83,1	82,6	84,4	84,1	78,4
	Антипатия	13,7	15,8	15,3	13,5	13,2	19,1
	Не знаю	1,8	1,1	2,1	2,1	2,6	2,4

Источник: Отдел по связям с общественностью кабинета министров и премьер-министра Японии. URL: <http://survey.gov-online.go.jp/index-gai.html> (на яп.).

риканцев-туристов в Японии значительно меньше — примерно 10 % от всех интуристов (см. табл. 1).

На первый взгляд парадоксальным кажется то, что, несмотря на антипатии японцев к Китаю, исследование, проведенное Японской организацией по развитию внешней торговли (Japan External Trade Organization, JETRO) в 2017 г., показало, что Япония занимает первое место в списке стран и территорий, которые хотят посетить граждане Китая: в пользу Японии высказалось 40,2 % всех респондентов; на втором месте — США (39,9 %) и на третьем — Италия (37,4 %) (табл. 4). На дополнительный вопрос респондентам, сначала выбравшим другую страну, хотят ли они посетить Японию, 88,9 % китайцев ответили «да» и 11,1 % — «нет».

Каждый год JETRO проводит подобные опросы среди жителей шести крупных китайских городов, имеющих относительно высокий уровень дохода. В 2017 г. Япония впервые вышла на первое место после начала проведения таких опросов в 2013 г.

Таблица 4. Ответы граждан Китая на вопрос «Укажите три страны, которые хотите посетить в будущем» (допустимо три ответа), %

Страна	Год (месяц)						
	2013	2014	2015.01	2015.07	2016.01	2016.10	2017.08
Китай*	18,3	23,6	26,2	19,3	17,4	17,6	15,9
Япония	22,3	24,2	25,7	33,4	34,2	35,4	40,2
США	43,6	37,6	40,9	33,6	37,2	38,8	39,9
Великобритания	30,9	25,9	25,0	24,2	25,5	26,9	24,1
Италия	37,3	35,8	31,1	37,1	38,9	36,4	37,4
Франция	44,8	46,6	41,4	35,8	36,0	33,3	34,9
Германия	22,6	22,3	17,9	18,8	19,6	21,2	23,9
Республика Корея	20,8	23,3	25,3	19,9	20,8	18,8	18,3
Таиланд	14,3	14,2	14,4	9,3	9,7	11,0	11,4
Другие	0,8	0,8	1,3	0,3	0,3	0,3	0,2

* Внутрикитайский туризм. *Источник:* Японская организация по развитию внешней торговли JETRO. URL: http://www.jetro.go.jp/ext_images/_News/releas/es/2017/9c767c469d4a6467/1.pdf (на яп.) (дата обращения: 07.05.2018).

В этом же опросе китайцы поставили Японию на первое место среди других стран по таким показателям, как (1) экологическая чистота, (2) уровень обслуживания и (3) вежливость. Вероятно, в Японии китайские гости не ощущают антипатии к своей стране, что дает им возможность в комфортных условиях получать от туризма в Японии все, на что они готовы тратить деньги.

Примечательно, что за последние 3 года уровень антипатий к Китаю у японцев уменьшился с 83,2 % в 2015 г. до 78,5 % в 2017 г., а уровень симпатий увеличился с 14,8 % в 2015 г. до 18,7 % в 2017 г. Однако учитывая существующие де-факто глубокие исторические и культурные связи между Китаем и Японией, а также обширные торгово-экономические контакты между ними, демонстрируемое в опросе негативное отношение японцев к Китаю нельзя назвать нормальным.

При этом уровень симпатий к США упал с 84,1 % в 2016 г. до 78,4 % в 2017 г., а уровень антипатий повысился с 13,2 % в 2016 г. до 19,1 % в 2017 г. Считается, что причиной такого изменения является рост негативного отношения японцев к новому лидеру США президенту Д. Трампу. Отношение японцев к лидерам стран, похоже, является существенным фактором, проецирующим это отношение на всю страну. В данном контексте выстраивание более доверительных связей между председателем КНР Си Цзиньпином и премьер-министром Японии С. Абэ может стать важным механизмом позитивизации восприятия Китая со стороны японцев.

«Мягкосиловая» активность как фактор сближения

Послевоенная Япония с ростом своей экономики уделяла все большее внимание пропаганде за рубежом ее традиций и достижений с целью создания благоприятного климата для ведения бизнеса и выстраивания комфортных для сотрудничества отношений. В последнее время многоплановую международную деятельность страны, направленную на улучшение восприятия страны за рубежом, стали называть «мягкой силой». Из-за отсутствия в Японии полноценных вооруженных сил, обусловленного итогами Второй мировой войны (Силы самообороны не нацелены на ведение боевых действий за пределами страны), приращение «мягкой силы» Японии стало доминирующим направлением работы японских дипломатов и соответствующих правительственных и иных организаций при достижении тех или иных внешнеполитических целей⁶. И до настоящего времени у Японии нет силовой альтернативы «мягкой силе». Болезненно реагируя на угрозы со стороны КНДР и усиление оборонной мощи КНР, которая предъявляет Японии территориальные претензии, используя для этого, в частности, и военные средства, Япония, хотя и усилила взаимодействие со своим стратегическим партнером — США в военно-политической сфере, включая закупки у него современного вооружения, однако дипломатическая работа продолжает оставаться основным инструментом в решении ее внешнеполитических задач. Демонстрация военной силы и «игра муску-

лами», которые традиционно практикуют, например, США и Россия, для Японии пока категорически неприемлемы.

Так, ведущаяся уже несколько лет дискуссия об изменении «мирной статьи» Конституции Японии (ст. 9) пока не принесла премьер-министру С. Абэ и правящей Либерально-демократической партии существенного успеха. По данным опроса общественного мнения⁷, проведенного в Японии в преддверии 71-й годовщины вступления 3 мая 1947 г. в силу Конституции страны, 61 % респондентов — против внесения поправок в Конституцию; 38 % — за него. Опрос также показал, что 58 % японцев полагают внесение в будущем поправок в Верховный закон «необходимым» или «скорее необходимым»; 39 % не видят такой необходимости. Результаты опроса говорят о том, что, с одной стороны, многие японцы осознают необходимость пересмотра Конституции в соответствии с веяниями времени, а с другой — они не видят необходимости спешить. Последнее может отражать недоверие японцев к администрации С. Абэ на фоне ряда политических скандалов с его участием. В исследовании также подчеркивается, что японская общественность высоко оценивает отказ страны от военного пути разрешения конфликтов, при этом 69 % считают это причиной, по которой после окончания Второй мировой войны Япония никогда не использовала за рубежом военную силу. Однако общественное мнение в Японии по пересмотру «мирной статьи» Конституции страны в настоящее время расколото⁸, а данная тема является своеобразной «лакмусовой бумажкой» настроений японцев относительно желательности или нежелательности перехода от «мягкой силы» к «жесткой силе».

Нельзя не признать, что «мягкая сила» Японии как инструмент дипломатии весьма эффективна. Она способствует более успешному решению разных задач страны: от привлечения иностранных туристов до облегчения бизнес-деятельности японских компаний за рубежом. В последнее время активно развивающиеся Китай и Республика Корея также уделяют много внимания механизмам «мягкой силы», что создает своеобразную «конкурентную среду» в Восточной Азии в вопросе овладения настроениями и умами людей. В этих условиях Япония вынуждена постоянно совершенствовать свой «мягкосиловой» инструментарий. В конечном счете, если в Восточной Азии начнут доминировать исключительно «мягкие силы», в частно-

сти, поддерживаться мощные туристические потоки между странами, то это, несомненно, будет способствовать улучшению отношений между народами региона на уровне «корней травы»⁹ и снижению рисков применения «жесткой силы», что можно только приветствовать.

* * *

Итак, иностранный туризм Японии четырех последних лет отличается уверенным ростом числа китайских гостей (даже на фоне в целом негативного отношения японцев к Китаю), и это дает некоторое основание с определенной долей оптимизма смотреть на перспективы несомненно сложных японо-китайских отношений. Роль иностранного туризма имеет не только сугубо экономическое значение, заключающееся в извлечении немалых финансовых доходов: иностранный туризм в качестве одного из аспектов «мягкой силы» служит механизмом выстраивания добрососедских отношений между странами, развивающими турбизнес и снимающими разного рода ограничения на пересечение государственных границ. Он, в частности, способствует снижению уровня недопонимания в человеческом общении, а также рисков возникновения вооруженных конфликтов. Думается, опыт Японии в этом контексте показателен и поучителен.

Примечания

¹ Казаков О.И. Рекордный туризм в Японию в 2015 г. на фоне отношения японцев к другим странам // Японские исследования. 2016. № 3. С. 13—24.

² Японский термин *омотэнаси* означает высокий уровень гостеприимства, вежливости, обслуживания и т. д.

³ No. of foreign visitors to Japan in fiscal 2017 reaches almost 30 mil // Japan Today. 19.04.2018. 04:50 pm JST.

⁴ NHK World. 13.04.2018.

⁵ Официальное название — «Опрос общественного мнения по внешним отношениям», результаты которого размещаются на сайте Отдела по связям с общественностью кабинета министров и премьер-министра. URL: <http://www.cao>.

go.jp (на яп.). Техническую работу выполняет организация Central Research Services (Центральная исследовательская служба). URL: <http://www.crs.or.jp> (на яп.).

⁶ Казаков О.И. «Мягкая сила» Японии и информационные войны // Япония наших дней. 2014. № 2 (20). М.: ИДВ РАН, 2014. С. 20—35.

⁷ 60 % opposed to amendment of Japan's Constitution under Abe // Japan Today. 26.04.2018 06:30 am JST.

⁸ Abe seeks support for constitutional revision // Japan Today. 02.05.2018 06:50am JST.

⁹ Используемый в Японии термин «*куса-но нэ*» имеет дословный перевод «корни травы» и в данном случае близок по смыслу к американскому термину *grassroots* (так в США называют спонтанные движения «снизу»); он означает контакты и взаимодействие между обычными людьми, а не официальными лицами, во многом — «народную дипломатию».

ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА КНР

DOI: 10.24411/2618-6888-2018-10020

В.А. Матвеев

НОВЕЙШИЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКО-КИТАЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В БОЛЬШОЙ ЕВРАЗИИ

Аннотация. Рассмотрены особенности и тенденции развития евразийской интеграции в условиях нарастания международной нестабильности, с одной стороны, и расширения практики заключения торговых соглашений регионального уровня — с другой.

Дан анализ новых нормативных документов по расширению торгово-экономического сотрудничества между ЕАЭС и КНР как шага на пути к сопряжению Евразийского экономического союза и китайской стратегической инициативы «Один пояс, один путь».

Рассмотрены причины интереса стран ЕАЭС и Китая к возможности формирования общего экономического пространства, а также целесообразность создания зоны свободной торговли в формате Большой Евразии.

Ключевые слова: Россия, Китай, Евразийский экономический союз (ЕАЭС), ШОС, инициатива «Один пояс, один путь», региональные торговые соглашения, зоны свободной торговли, Большое евразийское партнерство (БЕП).

В конце второго десятилетия XXI в. мир семимильными шагами приближается к новому витку нестабильности. На смену рискам и противоречиям биполярного мира уже пришли вызовы новой международной ситуации. И как результат — проявляются совершенно новые угрозы безопасности.

Согласно данным исследовательского центра *Eurasia Group*, занимающегося консультированием в области политических рисков, в текущей международной политике складывается особая ситуация, чреватая спонтанным кризисом геополитического характера, по масштабам сопоставимым с финансовым кризисом 2008 г. Такой риск «геополитической депрессии» создает базу и фон для ряда серьезных вызовов, некоторые из которых могут оказать влияние на развитие стран евразийского пространства.

Среди них:

1. Технологическая «холодная война». США и Китай будут конкурировать за первенство в области создания искусственного интеллекта и суперкомпьютерной техники, а также бороться за доминирующее положение на глобальном рынке ИТ. Мировые потребители соответствующей продукции встанут перед непростым вопросом: кому доверять, какого поставщика выбрать и чьи стандарты принимать. Возможная фрагментация рынка технологий породит не только коммерческие риски, но и сложности, связанные с нарушением информационной безопасности, глобальной вирусной активностью и т. п.

2. Неопротекционизм. Глобальная экономическая конкуренция вынуждает использовать нерыночные методы воздействия на торговых контрагентов, в том числе изоляцию и «отчуждение». Такой подход создает барьеры на пути выхода на внешний рынок не только для продукции обрабатывающей промышленности и сельского хозяйства, но и ИТ, и инновационных отраслей. Новые барьеры менее заметны: вместо торговых пошлин и квот, сегодня активизируются такие инструменты, как «внутристрановые» ограничитель-

ные меры — программы финансовой помощи, дотации, субсидии внутренним производителям и требования «покупать продукцию местного производства».

3. Масштабный рост влияния Китая, который побудил правительство КНР установить новые правила поведения страны на международной арене как крупной, влиятельной державы. Китай проводит самую эффективную в мире глобальную, весьма «напористую» торгово-инвестиционную линию и использует китайские технологические компании для продвижения государственных интересов¹.

Да и США, «подняв на щит» протекционистские настроения в отношении импорта из КНР и стран ЕС, пытаются припугнуть коммерческих партнеров дополнительными торговыми пошлинами. В силу этого риск «торговой войны» между двумя лидерами мировой торговли — США и Китаем — становится весьма ощутимым.

Все это вынуждает многие страны, в том числе и страны евразийского пространства, срочно приспосабливаться к изменившимся правилам, стандартам и методам.

Несмотря на рост протекционистских и торгово-изоляционистских тенденций, взаимозависимость стран резко возросла, и это обстоятельство становится ключевой особенностью современного миропорядка². Взаимозависимость несет не только выгоды: она чревата немалыми угрозами для безопасности особенно тех государств, которые отличаются высокой зависимостью от экспортно-импортных, финансовых, сырьевых и прочих внешнеэкономических связей. Серьезные проблемы у внешнеэкономических партнеров тут же сказываются на экономическом положении и общей хозяйственной безопасности высокочувствительных стран.

Ярким негативным примером такой взаимозависимости стал экономический кризис на постсоветском пространстве 2014—2016 гг. Сначала он поразил Россию в силу примененных Западом экономических санкций против нее, а также из-за резкого снижения мировых цен на энергоносители. Последовавшая в 2015 г. «обвальная» девальвация рубля оказала сильнейшее негативное воздействие на экономику постсоветских стран, которое прежде всего выразилось в «цепной» девальвации национальных валют этих государств, ударив по уровню жизни их населения.

В связи с этим страны постсоветского пространства и донныне вынуждены искать новые источники и стимулы экономического роста. И здесь немалым «подспорьем» для них служит продолжающийся процесс евразийской интеграции.

В настоящее время на постсоветском пространстве пять стран* (три из которых — Россия, Казахстан и Киргизия являются членами ШОС) достаточно успешно участвуют в интеграционных процессах в рамках ЕАЭС. При этом для России как ведущей страны постсоветского мира появляется новая возможность провести выгодную «реорганизацию» постсоветского пространства в плане создания вокруг себя «пояса добрососедства». Фактор добрососедства немаловажен и для Китая.

Китай превратился в истинно глобальную торговую державу, однако более сориентированную на коммерческое партнерство с Евразией. Коммерческой активности КНР в мире препятствует «повышение градуса» напряженности китайско-американских отношений, противодействие Запада в получении Китаем современных технологий и инноваций, рост угроз энергетической безопасности КНР.

Китай столкнулся и с новейшим вызовом геополитического характера — это формирование блока стран Индо-Тихоокеанского региона как оппонента КНР.

В связи с этим для Китая обостряется проблема организации безопасного и беспрепятственного сухопутного и морского транзита его товаров на мировой рынок. Поэтому-то первоочередной задачей КНР в последние годы стало совершенствование инфраструктуры и модернизация транспортных путей, выходящих на основные мировые рынки.

Этой задаче служит выдвинутая в 2013 г. стратегическая концепция «Экономического пояса Шелкового пути» (ЭПШП), чуть позже дополненная планами «Морского Шелкового пути XXI в.», что в итоге явило миру генеральную краеугольную инициативу «Один пояс, один путь» (ОПОП).

На наш взгляд, главным мотивом реализации концепции/проекта ЭПШП становится не столько инфраструктурные интересы

* Армения, Белоруссия, Казахстан, Киргизия и Россия.

Китая, сколько нацеленность КНР на региональную интеграцию, прежде всего с соседями. То есть фокус китайских устремлений смещается на формирование многостороннего механизма по углублению экономического сотрудничества с теми странами, которые расположены по маршруту ЭПШП.

Дополнительным вызовом для Китая являются энергичные усилия РФ по углублению интеграции в рамках ЕАЭС в плане либерализации условий передвижения товаров и услуг. При этом реализация задачи по формированию единых рынков таких значимых товаров, как нефть и нефтепродукты, газ, электроэнергия, автомобили, медикаменты и т. д., передвинута на более поздний срок.

Естественно, что на динамично развивающемся постсоветском пространстве свои интересы имеет и Китай.

Поскольку три страны-участницы ЕАЭС одновременно являются членами ШОС, то можно сказать, что интеграционный процесс на постсоветском пространстве «накладывается» на кооперационную среду «Шанхайского форума». Поэтому принципиально важной для успешного взаимочета интересов стран — лидеров евразийского пространства — Китая и России является попытка «состыковки» трех смежных проектов — ЕАЭС, ШОС и ЭПШП.

Однако до сих пор перспективы со-развития или даже слияния интеграционных инициатив на евразийском пространстве в форме ШОС, ЕАЭС и проекта ЭПШП (как сухопутной части инициативы «Один пояс, один путь») не ясны. Современной особенностью экономического сотрудничества Китая с другими странами-участницами ШОС и участниками проекта ЭПШП является приоритетность двустороннего формата взаимодействия (причем основой сотрудничества выступают совместные проекты с преобладанием китайского капитала). Например, в двустороннем формате Казахстан «сопрягает» с ЭПШП собственную программу масштабного инфраструктурного строительства «Нурлы жол» («Светлый путь»).

Между тем сложившийся порядок мировой торговли в рамках ВТО подвергается существенным рискам. Ширится практика применения нетарифных ограничений, особенно так называемых целевых протекционистских мер, спектр которых постоянно растет. Они дополняются санкциями, которые можно рассматривать как новый (по крайней мере, для крупных держав) значимый барьер на пути

международного обмена. Примечательно и то, что протекционизм стал отличительной особенностью внешнеторговой практики ведущей экономической державы мира — США, раньше считавшейся апологетом свободы торговли. Расширяющаяся протекционистская практика и все более интенсивное использование санкций в качестве внешнеполитического инструмента составляют основные деструктивные тенденции в мировой торговле наших дней.

Еще одной характерной чертой мировой торговли становится распространение практики заключения региональных торговых соглашений (РТС).

РТС определяются как взаимные соглашения между двумя или более участниками, территориально близкими, в которых стороны договариваются о снижении тарифов, квот и прочих торговых ограничений во взаимной торговле, но при этом каждая сторона по-прежнему определяет уровень пошлин, применяемый в отношении товаров из любой третьей страны (пример такого соглашения — Североамериканское соглашение о свободной торговле, НАФТА; англ. *North American Free Trade Agreement, NAFTA*). Такие соглашения заключаются в сфере торговли как товарами, так и услугами, а также практикуются и в области защиты прав интеллектуальной собственности. Они применимы и для сфер международного инвестирования, экологического сотрудничества, регулирования нетарифных торговых ограничений, миграции и конкуренции. И они регулируют соответствующие вопросы существенно глубже, чем это возможно в рамках «отраслевых» соглашений ВТО³.

РТС могут быть разделены на две категории: соглашения о зонах свободной торговли (ЗСТ) и соглашения об экономической интеграции (*Economic Integration Agreements — EIA*)⁴. Подавляющее большинство (около 90 %) РТС являются соглашениями о ЗСТ, в которых устраняются таможенные тарифы на торговлю между странами, являющимися членами зоны; но при этом государства-участники соглашения вправе самостоятельно устанавливать тарифы в торговле с третьими сторонами.

Итак, заключение РТС между странами или торговыми блоками сегодня становится одним из базовых направлений внешнеторговой политики многих субъектов МО и ключевым инструментом продви-

жения интересов национальных производителей на внешних рынках⁵.

Ныне процесс развития региональных торговых соглашений выходит на совершенно новый виток, который подразумевает заключение масштабных соглашений, охватывающих страны уже из разных регионов мира. Это мегарегиональные торговые соглашения (МРТС).

Сам этот термин может трактоваться достаточно широко, однако есть ряд ведущих признаков, которые должны быть присущи МРТС. Так, согласно мировой практике, МРТС заключается между как минимум тремя странами и/или региональными группировками. При этом МРТС имеют развитую нормативную базу, как правило, выходящую за рамки действующих норм ВТО.

На сегодняшний день к МРТС относят несколько международных партнерств, среди которых уже оформившимся можно назвать только Всеобъемлющее торгово-экономическое соглашение между ЕС и Канадой (англ. *Comprehensive Economic and Trade Agreement, CETA*), согласованное сторонами, но не ратифицированное парламентами входящих в него стран. Два других известных МРТС — это Транстихоокеанское партнерство (ТТП), которое сейчас осталось без главного участника — США, и Всеобъемлющее региональное экономическое партнерство (ВРЭП) с участием Китая и других стран АТР, организационная работа над которым далеко не завершена.

Предполагается, что ТТП после всех пережитых им пертурбаций все-таки начнет работу. ВРЭП же до настоящего времени остается на уровне концепции нового мегарегионального торгового партнерства типа АСЕАН. Это партнерство можно рассматривать как логическое развитие Восточноазиатского соглашения о свободной торговле, известного как АСЕАН+3, и Всеобъемлющего экономическо-го партнерства в Восточной Азии — АСЕАН+6.

В целом, возникновение МРТС — закономерный процесс, вытекающий из растущей взаимозависимости между странами в условиях глобализации, а также обусловленный кризисом в нормоприменительной практике ВТО⁶.

Аналитиками отмечается и тот факт, что существенная часть новых РТС приходится на соглашения с участием региональных объединений в качестве одной из договаривающихся сторон. И если

раньше это были только ЕС и Европейская ассоциация свободной торговли (ЕАСТ), то в последнее время в качестве полноправных участников РТС выступают известные объединения развивающихся государств — АСЕАН, МЕРКОСУР, Южноафриканский таможенный союз, Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива⁷.

РТС последних 2—3 лет — это преимущественно соглашения именно интеграционного типа, не ограничивающиеся созданием зоны свободной торговли товарами, но охватывающие вопросы торговли услугами, обмена инвестициями и рабочей силой, охраны интеллектуальной собственности, таможенного, технического, санитарного и фитосанитарного регулирования, конкурентной политики, доступа к рынку госзакупок, кооперации, урегулирования споров и др.

В условиях активного формирования новых мирохозяйственных явлений и тенденций и происходит становление ЕАЭС. С дальнейшим его развитием все более явственной становится такая его слабая сторона, как недостаточность масштабов евразийского рынка, которая влияет на эффективность развития всего Союза. На эту проблему уже обратили внимание лидеры двух евразийских стран — России и Казахстана. В частности, для преодоления узости евразийского рынка В.В. Путиным была выдвинута идея формирования «Большой Евразии». Термин «Большая Евразия» введен в политический лексикон российским президентом относительно недавно — летом 2016 г. на Санкт-Петербургском экономическом форуме. В.В. Путин предложил создать Большое евразийское партнерство (БЕП) на базе Евразийского экономического союза и китайской инициативы «Один пояс, один путь»⁸.

Следует отметить, что и до этого во многих программных документах России говорилось о целесообразности многовекторной модели интеграции в мировой рынок. В связи с этим был даже заявлен переход России к новой парадигме внешней политики, которая предполагает формулирование основных национальных интересов; выяснение, какие из них соответствуют интересам других мировых игроков; на основе углубленного сотрудничества в сферах совпадения интересов побуждение основных партнеров к уступкам в тех пунктах, где их интересы не совпадают с российскими⁹.

Как известно, в действующей Концепции внешней политики России в качестве приоритета международной активности РФ определены страны СНГ и Евразийского союза как форпоста Содружества, однако признается важность развития экономического сотрудничества, а также равного партнерства и в рамках таких объединений, как АСЕАН и ШОС. Особо отмечается значимость отношений с отдельными странами Восточной Азии, например, с Вьетнамом. При наращивании всеобъемлющего, равноправного, доверительного партнерства и стратегического взаимодействия с Китаем Россия настроена на формирование общего, открытого и недискриминационного экономического партнерства — пространства совместного развития государств — членов АСЕАН, ШОС и ЕАЭС в целях обеспечения взаимодополняемости интеграционных процессов в Азиатско-Тихоокеанском и Евразийском регионах¹⁰.

В целом можно констатировать, что пока концепция Большого евразийского партнерства остается на стадии всестороннего обсуждения. Поэтому еще рано говорить о прикладном характере этой идеи. Однако в политических и экспертных кругах уже сформировалось понимание того, что реализация замысла «Большой Евразии» позволит странам региона выйти на качественно новый уровень международной кооперации и приведет к улучшению экономических показателей всех ее участников.

Естественно, наиболее крупным потенциальным партнером ЕАЭС в «Большой Евразии» является Китай. Выдвинутая им стратегическая концепция ЭПШП (как сухопутного вектора инициативы ОПОП) будет определять внешнеэкономическую деятельность КНР, по крайней мере, на ближайшее десятилетие. Государствам-членам ЕАЭС, а, точнее, странам Центрально-Азиатского региона и России, Китай с самого начала отвел особую роль в планах ЭПШП.

В 2015 г. по инициативе КНР было подписано соглашение по сопряжению двух проектов — ЕАЭС и ЭПШП. Сопряжение подразумевает реализацию общих начинаний в четырех основных инфраструктурно-коммуникационных сферах. Это транспорт, энергетика, телекоммуникации и финансы. По заявлению президента Делового совета ЕАЭС В.Христенко, данные «четыре инфраструктуры определяют облик всего — область хозяйства, экономики, и на них, как

на каркас, нанизывается суть, и вокруг них строится весь бизнес. Без этих инфраструктур никакой бизнес не может существовать»¹¹.

Тогда же стороны договорились о начале работы над Соглашением о торгово-экономическом сотрудничестве между ЕАЭС и Китаем как важном шаге в направлении сопряжения Евразийского союза и стратегической инициативы ОПОП. А в мае текущего года это Соглашение было подписано.

Основная цель Соглашения — снизить неторговые барьеры, которые сейчас ограничивают доступ на рынки, а также повысить прозрачность регулирования. В нем содержатся положения по мерам защиты внутреннего рынка, техническим барьерам в торговле, санитарным и фитосанитарным мерам, таможенному сотрудничеству, защите интеллектуальной собственности, конкуренции, сотрудничеству в сфере госзакупок и электронной торговле. Также стороны закрепили гарантии и право требования соблюдения торгового режима на уровне ВТО во взаимной торговле товарами. Кроме того, представители российского бизнеса через Евразийскую экономическую комиссию смогут решать спорные вопросы с китайской стороной¹².

Главной особенностью документа является то, что предусмотренное облегчение таможенных процедур не содержит исключений из стандартных правил, так как соглашение является непререференциальным с точки зрения норм ВТО. Однако стороны договорились об обеспечении ускоренной таможенной очистки скоропортящейся продукции, развитии электронного декларирования и возможности взаимного признания применяемых сторонами систем уполномоченных экономических операторов. Также страны ЕАЭС и Китай планируют применять в торговле унифицированную товарную номенклатуру, что, как предполагается, облегчит классификацию товаров на таможне.

По словам министра торговли Евразийской экономической комиссии (ЕЭК) В. Никишиной, при разработке соглашения «ЕАЭС—КНР» переговорщики исходили из концепции максимально объемного «базового» торгового договора, чтобы, с одной стороны, обеспечить широкое покрытие гарантий соблюдения прав стран пятерки во взаимной торговле, с другой — соблюсти ограничения непререференциального статуса договора¹³.

В целом позиция стран-членов ЕАЭС в отношении соглашения с Китаем и его наполнения может быть обозначена как стремление к непреференциальному режиму ВЭС с элементами регуляторного сближения в сферах транспорта, промышленной кооперации и инвестиций. «Речь идет о создании благоприятных условий взаимодействия в инфраструктурном строительстве, промышленности, транспорте, инвестиционной деятельности, а также расширении доступа субъектов на отдельные рынки. И главное, на текущем этапе сотрудничества либерализации торговли, то есть изменения собственно импортных пошлин, не планируется»¹⁴.

Итак, наиболее чувствительные вопросы, такие, как снижение пошлин и вообще режим свободной торговли, Соглашением не затрагиваются. Это связано с исключительной сложностью темы свободной торговли для стран ЕАЭС. Как отметил директор Центра интеграционных исследований Евразийского банка развития Е. Винокуров, принципиальных сложностей здесь две. Во-первых, страны ЕАЭС пока не готовы к полномасштабному открытию своих рынков для китайского импорта: слишком многие отрасли, особенно производство потребительских товаров, стали бы жертвой такого решения. Во-вторых, по его словам, интересы стран ЕАЭС в отношении сотрудничества с КНР сильно разнятся¹⁵.

Заключение соглашения именно о свободной торговле в настоящее время увеличило бы риски потери конкурентоспособности товаров стран ЕАЭС, поскольку «структура товарного экспорта ЕАЭС включает в себя в основном товары с низким уровнем добавленной стоимости, для которых характерны нулевые или крайне невысокие ставки таможенных пошлин в Китае, основными же импортными товарами являются товары с высокой степенью передела, к которым применяются достаточно высокие ставки таможенных пошлин»¹⁶.

По данным Евразийской экономической комиссии, экспорт стран Союза в Китай составил в прошлом году 45,3 млрд долл. (из них 21 млрд — нефть), импорт из КНР — 57,4 млрд¹⁷.

Значение подписанного соглашения между ЕАЭС и КНР заключается в том, что оно стало первым из планируемой многозвенной цепи договоров, которые в ближайшее десятилетие будут подписаны между Китаем и Евразийским союзом. Намечается создание дискуссионной площадки по постановке вопроса об общем экономическом

пространстве между ЕАЭС и КНР, также предполагается начать диалоги, связанные с развитием транспорта, логистики, инфраструктуры, с использованием национальных валют в международных расчетах, макроэкономической стабильностью, надежностью официальной торговой статистики.

Кроме того, идут переговоры и об обмене таможенной информацией, что должно упростить процедуры пересечения границ.

* * *

Итак, в заключение следует отметить, что по концепции развития Большого евразийского партнерства ведется сложная аналитическая работа, направленная на выявление перспектив, преимуществ и выгод БЕП для экономик стран Евразийского союза. Много в развитии идеи «Большой Евразии» зависит от позиции России.

В перспективе странам-членам ЕАЭС и ШОС ввиду усиливающейся турбулентности в мировой экономике необходимо изыскивать и развивать новые формы сотрудничества. Существует запрос на согласование внешнеполитических и внешнеэкономических решений в той части, где они затрагивают общие интересы партнеров по интеграционной группировке. Аналитики допускают расширение списка стран и блоков, с которыми могут быть заключены преференциальные и непреференциальные торговые соглашения. Также ожидается увеличение объемов внешней торговли ЕАЭС с ЕС и Китаем¹⁸.

Важно расширять финансовое сотрудничество, стимулировать практику расчетов в национальных валютах, согласованнее и полнее использовать потенциал друг друга для обеспечения экономической, товарной, ресурсной и энергетической безопасности странового и регионального уровня.

Что касается ШОС как участника евразийского интеграционно-го поля, то здесь примечательно то, что в текущую повестку дня Организации вновь возвращается идея формирования зоны свободной торговли.

Идею открытия российских и центральноазиатских границ для облегчения своего экспорта Китай без успеха «пробивал» почти с момента создания ШОС. Тогда она была категорически отвергнута

почти всеми странами-членами. Теперь же эту идею китайских партнеров в порядке экспертного обсуждения поддержали Казахстан и Россия¹⁹.

В связи с возрождением этой идеи целесообразно провести оценку конкурентоспособности товарного производства в несырьевых отраслях стран ШОС, да и ЕАЭС тоже. Странам «Шанхайского форума» придется решать, на каких условиях они могли бы согласиться на создание ЗСТ. В ходе переговоров по ЗСТ нужно достичь такого соглашения, которое учитывало бы интересы каждой страны-члена. В конечном итоге необходимо просчитать все плюсы и минусы от участия всех стран в ЗСТ ШОС по каждой товарной позиции.

Примечания

¹ URL: <http://inosmi.ru/social/20180104/241135004.html>

² *Хасанов У.А.* Национальные интересы Республики Узбекистан и проблемы безопасности в Центрально-Азиатском регионе: Автореф. дисс. ... канд. полит. наук. 23.00.04 // Ин-т мировой экономики и международных отношений РАН. М., 2003.

³ URL: <http://docplayer.ru/50793335-Regionalnye-torgovyе-soglasheniya.html>

⁴ URL: <https://oecdcentre.hse.ru/nletter8.1>

⁵ URL: <http://docplayer.ru/50793335-Regionalnye-torgovyе-soglasheniya.html>

⁶ URL: http://gendocs.ru/v42430/спартак_a._современный_регионализм

⁷ Там же.

⁸ Приводится по: *Кузьмина Е.М.* «Большая Евразия»: интересы и возможности России при взаимодействии с Китаем // Проблемы постсоветского пространства. 2017; 4(3):229–239.

⁹ См.: *Лаумулин М.* Стратегические интересы России в государствах Центральной Азии на современном этапе. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/strategicheskie-interesy-rossii-v-gosudarstvah-tsentralnoy-azii-na-sovremennom-etape>

¹⁰ *Кузьмина Е.М.* Указ. соч.

¹¹ URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/18-05-2017-1.aspx>

¹² URL: <https://ria.ru/economy/20180517/1520769684.html>

¹³ URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3630987>

¹⁴ URL: <https://ru.sputniknews.kz/economy/20180517/5654270/eaeu-soglasheni-e-iran-china.html>

¹⁵ Там же.

¹⁶ URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3630984>

¹⁷ Там же.

¹⁸ Перспективы развития проекта ЕАЭС к 2025 г. Рабочая тетрадь. Спецвыпуск. 2017 [Е.С. Алексеенкова, И.С. Глотова, А.В. Девятков и др.]; [гл. ред. И.С. Иванов]; Российский совет по международным делам (РСМД). М.: НП РСМД, 2017.

¹⁹ URL: <https://topwar.ru/91797-eaes-i-shos-slagaemye-buduschego.html>

DOI: 10.24411/2618-6888-2018-10021

М.В. Александрова

ТАРИФНОЕ И НЕТАРИФНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ИМПОРТА В КНР И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА ВВОЗ ТОВАРОВ ИЗ РОССИИ

Аннотация. Рассмотрено, как КНР — член ВТО — успешно применяет разнообразные методы защиты внутреннего рынка от нежелательного импорта. Проанализированы имеющиеся барьеры на пути входа на китайский рынок зарубежных товаров, последние принятые законодательные акты. Сделаны выводы о том, каковы перспективы расширения российского экспорта в КНР.

Ключевые слова: режим наибольшего благоприятствования, импортные тарифы, соглашение о свободной торговле, квотирование, зерновые, пшеница, технические барьеры, ВТО, сертификация, высокотехнологичная продукция, контроль качества, продовольственная безопасность, фитосанитарные требования, антидемпинговые расследования, продукция органической химии.

В условиях глобализации многие страны пытаются защитить внутренний рынок как от прямой конкуренции, так и от некачественной продукции зарубежных стран. В силу этого регулирование в

КНР импортных потоков не является уникальным явлением. Если рассматривать 40-летний путь «политики внешнеэкономической открытости», то можно утверждать, что зачастую именно запретительные меры или жесткие ограничения импорта помогли создать целые кластеры современной китайской промышленности. Рассмотрим основные виды регулирования, которые применяются в КНР в настоящее время.

Тарифное регулирование импорта

Общий внешнеторговый режим действует в КНР в отношении стран, не входящих в ВТО, и предусматривает максимальные ставки импортных пошлин.

Режим наибольшего благоприятствования (РНБ) применяется в отношении стран-членов ВТО и государств, заключивших с Китаем соглашения о соблюдении РНБ. Он предусматривает льготные ставки импортных пошлин и охватывает более 99 % всех товарных позиций (8549)¹.

Система льготных импортных тарифов, то есть более льготных, чем ставки РНБ, применяется как в отношении импортной продукции из отдельных стран, так и в отношении некоторых видов товаров независимо от страны-поставщика:

<p>Ставки, применяемые в рамках региональных договоров и двусторонних соглашений о свободной торговле, оговорены в ВЭС со следующими странами и территориями</p>	<p>— АСЕАН (Бруней, Камбоджа, Индонезия, Малайзия, Лаос, Мьянма, Сингапур, Таиланд, Вьетнам, Филиппины). — Азиатско-Тихоокеанское соглашение (Республика Корея, Шри-Ланка, Бангладеш, Индия, Лаос). — Гонконг и Макао (введены на основе принятых в 2003 г. планов развития более тесных торгово-экономических связей с данными территориями и означают введение «нулевой ставки» по ряду товаров). — Чили (согласно Соглашению о свободной торговле от 2006 г.).</p>
--	--

Продолжение табл.

	<p>— Пакистан (Соглашение о свободной торговле от 2008 г.).</p> <p>— Новая Зеландия (Соглашение о свободной торговле от 2008 г.).</p> <p>— Сингапур (Соглашение о свободной торговле от 2008 г.).</p> <p>— Перу (Соглашение о свободной торговле от 2009 г.).</p> <p>— Коста-Рика (Соглашение о свободной торговле от 2010 г.).</p> <p>— Тайвань (Рамочное соглашение о сотрудничестве по торговле товарами от 2010 г.).</p> <p>— Швейцария (Соглашение о свободной торговле от 2013 г.).</p> <p>— Исландия (Соглашение о свободной торговле от 2013 г.).</p> <p>— Австралия (Соглашение о свободной торговле от 2015 г.).</p> <p>— Республика Корея (Соглашение о свободной торговле от 2015 г.)</p>
Особые преференциальные ставки (ОПС)	<p>— Камбоджа, Мьянма, Лаос, Бангладеш (для ряда товаров и в рамках соглашения между Китаем и странами АСЕАН о зоне свободной торговли).</p> <p>— 35 африканских стран, а также Афганистан и Йемен (в соответствии с двусторонними межправительственными соглашениями). Всего 37 стран, признанных Китаем наименее экономически развитыми.</p> <p>Примечание. С 01.01.2005 в целях расширения импорта из стран Африки, стимулирования китайско-африканской двусторонней торговли в Китае введены «нулевые ставки» импортного таможенно-го тарифа в торговле с государствами континента.</p>
Временные преференциальные ставки (ВПС) (публикуются ежегодно в дополнение к Таможенному тарифу)	<p>— В отношении тех видов товаров, импорт которых имеет временные ограничения.</p> <p>Примечание. Применяются только в отношении государств, для которых установлен РНБ. В среднем они более чем в 2 раза ниже ставки РНБ, срок действия, как правило, — 1 год</p>

Окончание табл.

Ставки на продукцию информационных технологий (ПИТ)	Применяются в соответствии с соглашением ВТО в отношении ИТ-продукции. <i>Примечание.</i> Если товары ввозятся для производства продукции высоких технологий (ее перечень определяется на основе Уведомления Главного таможенного управления КНР № 39 от 2002 г.), то могут применяться льготные пошлины и нулевые ставки
---	--

Источник: URL: http://www.russchinatrade.ru/ru/about-china_-new/Lgoty_preferencence

Согласно «Программе регулирования таможенных сборов на 2017 г.» (2017 年关税调整方案) средние ставки импортных тарифов в рамках региональных и двусторонних соглашений составили:

Страна, объединение	Средняя ставка, %	Доля товарных позиций с «0» тарифной ставкой, %
АСЕАН	0,7	94,8
Гонконг	7,0	31,4
Макао	7,4	25,5
Тайвань	8,8	17,2
Пакистан	5,9	35,6
Чили	0,5	97,1
Новая Зеландия	0,4	96,8
Сингапур	4,6	43,3
Перу	2,5	72,8
Коста-Рика	0,7	93,7
Исландия	0,7	95,5
Швейцария	6,8	23,6

Источник: URL: <http://gss.mof.gov.cn/>

Временные преференциальные импортные ставки в первом полугодии 2018 г. применялись в отношении 948 товарных позиций², а во втором полугодии 2017 г. их число было лишь 805³.

После присоединения к ВТО КНР формально выполнила принятые на себя обязательства по либерализации тарифного режима, снизив среднюю ставку импортного тарифа с 15,3 % в 2001 г. до

9,8 % в 2017 г. Однако результат был достигнут в основном за счет подписанных КНР двусторонних соглашений о свободной торговле⁴. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что наименьшие ставки импортных тарифов распространяются на ряд стран, из которых КНР ввозит товары сырьевой группы (Чили, Новая Зеландия, Коста-Рика и Исландия), что создает неравные конкурентные условия для российских экспортеров сырьевой продукции, в отношении которых действуют более высокие ставки РНБ.

Скорректированные ставки импортного тарифа на отдельные виды товаров народного потребления

№ п/п	Наименование	Ранее действовавшая ставка, %	Новая ставка, %
1	Средства для макияжа	6,5	2
2	Одежда меховая	23	10
3	Свитеры, пуловеры, джемперы из кашемира, шерсти	14	7
4	Пальто мужское из шерсти и аналогичные изделия	16	8
5	Пальто женское из шерсти и аналогичные изделия	16	8
6	Мужские костюмы из шерсти	17,5	10
7	Женские костюмы из шерсти	17,5	10
8	Обувь резиновая или на полимерной основе, закрывающая щиколотку	24	12
9	Обувь резиновая прочая	24	12
10	Обувь спортивная с верхом из материи	24	12
11	Обувь спортивная с верхом из кожи или кожзаменителя	24	12
12	Обувь прочая с верхом из кожи, кожзаменителя и прочих материалов	24	12
13	Обувь прочая с верхом из материи	22	12

Источник: URL:<http://m.mof.gov.cn/zcfb/201711/P020171123340555922022.pdf>

Резкое падение объемов внешней торговли в 2015 г. потребовало от китайских властей принятия экстренных мер тарифного регулирования для наращивания импорта. Так, решением Госсовета КНР с 1 июня 2015 г. были введены и применяются до сих пор пониженные ставки импортного тарифа на отдельные виды товаров народного потребления.

Принятые меры положительно сказались на экспорте в Китай продукции российской легкой промышленности. Согласно данным российской таможни, в 2017 г. наблюдался рост экспорта в КНР «предметов одежды» и «готовых текстильных изделий», средний прирост по которому составил порядка 70 %.

В ноябре 2017 г. Министерство финансов КНР опубликовало циркуляр о снижении с 1 декабря 2017 г. импортных пошлин в отношении ряда товаров народного потребления и продуктов питания (187 позиций). Это решение затронуло различные виды рыбной, молочной и фармацевтической продукции, фруктов, готовой продукции из мяса, зерна, алкогольных и безалкогольных напитков, эфирных масел, изделий из кожи, одежды, обуви, котлов, электрических машин и оборудования, игрушек и спортивного инвентаря.

В результате вышеперечисленных мер средний импортный тариф на товары, вошедшие в список, уменьшился с 17,3 до 7,7 %. По большинству товарных позиций произведено двукратное снижение ставки РНБ. Ввозные пошлины на некоторые виды детского питания уменьшены до нуля. Наиболее существенным стало уменьшение тарифа на импорт вермута и подобные виды алкоголя — с 65 до 14 %. Стоит отметить, что в официальном документе новые пошлины названы «временно установленными таможенными тарифами» (暂定税率)⁵. Данные шаги направлены на удовлетворение растущих потребностей китайских потребителей в импортной продукции. Правительство стремится стимулировать внутреннее потребление, призывая население тратить деньги на ввозные товары в пределах страны. Из-за высоких тарифов на многие импортные наименования богатые китайцы и представители среднего класса предпочитают выезжать за границу, чтобы совместить отдых с шоппингом. У жителей южной пров. Гуандун огромным спросом пользуются шоппинг-туры в Сянган/Гонконг, где импортные товары значительно дешевле. Также высокие тарифы способствовали развитию серого

рынка. Перекупщики, так называемые *дайгоу* (代购, *покупатели* по поручению), отправляются за границу, например, в тот же Сянган, чтобы приобрести иностранные товары и привезти их в Китай без уплаты импортной пошлины⁶. Статистика в этой сфере впечатляет: например, только в 2016 г. доход *дайгоу* от закупок австралийских товаров превысил 600 млн долл.⁷ Видимо, снижая импортные пошлины, правительство КНР намерено бороться с «покупками по поручению».

Снижение импортных тарифов также может стать серьезным стимулом для выхода на китайский рынок компаний-производителей высококачественной потребительской продукции известных брендов, поскольку значительный сегмент корректируемых товарных позиций представлен брендовыми инновационными изделиями, а также товарами для здоровья и относящимися к категории «люкс».

Начиная с 2015 г. упомянутые изменения стали уже четвертыми по счету в серии подобных мер (предыдущие решения были приняты в июне 2015 г., а также в январе 2016 и 2017 гг.). При этом годовой объем импорта по корректируемому ассортименту составляет 13,9 млрд долл. Ранее пошлины уже были снижены по 152 товарным позициям в среднем на 50 %. Таким образом, суммарно внесенные *изменения соответствуют годовому объему импорта*, близкому к 25 млрд долл.⁸

Как представляется, снижение ввозных пошлин может стать новым стимулом для наращивания российского несырьевого экспорта в КНР.

Нетарифное регулирование импорта

Количественные методы

Импортное квотирование в КНР применяется к 8 товарным группам: пшенице, кукурузе, рису, сахару, шерсти, шерстяной одежде, хлопку и химическим удобрениям⁹.

На 2017 г. Государственный комитет КНР по развитию и реформе КНР (далее — ГКРР) установил импортные квоты в следующих объемах, млн т: пшеница — 9,64 (90 % квот выделяется государственным структурам, в частности корпорации *COFCO*), кукуруза —

7,2 (государственному сектору выделяется 60 % квот), рис — 5,32, включая длиннозерный рис — 2,66, средне- и короткозерный рис — суммарно 2,66 (доля квот для государственного сектора определена в размере 50 %). При распределении и выдаче квот государство предъявляет жесткие требования к заявителям¹⁰.

Импорт некоторых видов сельскохозяйственной продукции, подпадающей под режим тарифного квотирования, может осуществляться и сверх установленных квот, однако в этом случае действуют повышенные ставки импортного тарифа.

Перечни предприятий, подавших заявки на импортные квоты, публикуются на официальном сайте ГКРР.

20 октября 2017 г. ГКРР опубликовал уведомление «О порядке формирования заявок на получение импортных квот на зерновую продукцию на 2018 г.» (2018 年粮食进口关税配额申请). Заявки от импортеров на получение квот на 2018 г. принимались в период с 15 по 30 октября 2017 г. После завершения мероприятий, связанных с рассмотрением заявок и их утверждением, будут сформированы списки

Ставки ввозных таможенных пошлин на сельскохозяйственную продукцию, 2017 г.

Наименование продукции по коду ТН ВЭД	Ввозная пошлина, %
100510 семена кукурузы	1 (по квоте) 20 (сверх квоты)
100590 кукуруза	1 (по квоте) 65 (сверх квоты)
100111 семена пшеницы	1 (по квоте) 65 (сверх квоты)
100119 пшеница и прочее	1 (по квоте) 65 (сверх квоты)
100610 рис	1 (по квоте) 65 (сверх квоты)

Источник: URL:<http://www.chinatax.gov.cn/n810341/n810755/c2740783/content.html>

компаний, получивших квоты, а также сведения по формам торговли (обычная и толлинговая), которые в последующем будут подтверждены соответствующими уведомлениями и выдачей свидетельств установленной формы¹¹.

Лицензирование импорта в 2017 г. распространялось на 13 групп товаров, главным образом на ключевое электротехническое оборудование старого образца и химические товары, разрушающие озоновый слой.

Техническое регулирование импорта

КНР не только приняла на себя обязательства, предусмотренные Соглашением ВТО по техническим барьерам в торговле (*Agreement on technical barriers to trade*)¹², но и активно использует положения данного документа, последовательно проводя протекционистскую политику, направленную на защиту интересов национальных производителей.

С момента присоединения к ВТО КНР направила в Комитет организации по техническим барьерам в торговле более 1200 нотификаций о введении дополнительных технических требований к действующим национальным стандартам качества на различные виды продукции, а также о принятии новых технических регламентов. В среднем за указанный период направлялось 88 нотификаций в год¹³.

Технические барьеры разнообразны как по своей природе, так и по формам. Они могут существовать в виде стандартов, технических норм, требований к безопасности товаров, упаковке, маркировке и иным характеристикам продукции. С юридической точки зрения, в рамках действующего таможенного законодательства технические барьеры существуют в виде регламентирующих документов, принятых во исполнение соответствующих нормативных актов общего характера.

В связи с этим направленные КНР в Комитет ВТО по техническим барьерам в торговле нотификации о введении дополнительных технических требований или регламентов в отношении того или иного вида продукции могут рассматриваться в качестве *установления* технических барьеров только в том случае, если в «Таможенном

тарифе КНР» в отношении данного вида продукции предусмотрены особые требования, касающиеся оформления сертификата соответствия в уполномоченных органах Китая¹⁴.

Анализ действующих в КНР технических барьеров свидетельствует о том, что они не затрагивают такие основные статьи российского экспорта, как минеральное топливо, нефть, нефтепродукты, цветные металлы, рудное сырье, то есть продукцию сырьевой направленности, которая по итогам 2017 г. составила более 80 % российского экспорта в КНР. Вместе с тем наличие в стране системы обязательной сертификации продукции на соответствие действующим внутренним техническим регламентам создает определенные трудности для российских экспортеров.

Система обязательной сертификации действует в КНР с 2002 г. и в настоящее время регламентируется «Положением о порядке обязательной сертификации продукции» (*Provisions on the Administration of Compulsory Product Certification*) в редакции 2009 г. (强制性产品认证管理规定(2009))¹⁵.

Перечень товаров, подлежащих обязательной сертификации, представлен в «Каталоге продукции для обязательной сертификации» (强制性产品认证的目录, CCC Catalogue), который ежегодно утверждается совместным решением Главного государственного управления КНР по контролю качества, инспекции и карантину (国家质量监督检验检疫总局, AQSIQ) и Администрации КНР по сертификации и аккредитации (中国国家认证认可监督管理委员会, CNCA). С введением сертификации CCC в 2002 г. сертификационные бюро AQSIQ и CNCA опубликовали «Первый каталог продукции, подлежащей китайской обязательной сертификации (CCC)» (*First Catalogue of Products Subject to China Compulsory Certification (CCC)*). Этот каталог товаров, требующих сертификации, с его первого издания постоянно менялся и расширялся¹⁶.

В настоящее время действует Каталог в редакции 2017 г., который насчитывает 158 видов продукции, классифицированных по 493 тарифным линиям с 10-значным товарным кодом согласно международной гармонизированной системе кодировки товаров (HS)¹⁷. Более 80 % видов продукции, в отношении которой предусмотрена процедура сертификации, относится к таким товарным группам, как «машины и машино-техническое оборудование» (HS 85), «электри-

ческие машины и оборудование» (HS 84), «средства наземного транспорта» (HS 87). Импорт таких товаров возможен только при условии прохождения процедуры сертификации и наличия на упаковке соответствующей маркировки.

Процедура оценки соответствия достаточно сложна с организационной стороны, связана со значительными финансовыми издержками (возлагаемыми на экспортера), а главное — предусматривает осуществление китайскими уполномоченными органами инспекции российских предприятий-экспортеров. В большинстве случаев эти процессы и технологии представляют собой техническую и коммерческую тайну, и поэтому многие российские компании из высокотехнологичного сегмента отказываются от сертификации своей продукции для ее поставки в Китай. Этими факторами в определенной мере объясняется малая доля высокотехнологичных и машинно-технических изделий в совокупном российском экспорте в КНР. По данным российской таможи, в 2017 г. доля российского высокотехнологичного экспорта составляла порядка 5 %¹⁸.

Санитарное и фитосанитарное регулирование импорта

В КНР на государственном уровне сформирована единая система институционального контроля качества пищевой продукции, основными структурными элементами которой являются Министерство сельского хозяйства КНР, Главное управление КНР по контролю качества, инспекции и карантину и Государственное управление КНР по контролю над продуктами питания и медикаментами (中国国家食品药品监督管理总局, CFDA).

В июне 2015 г. Китай принял новый Закон о продовольственной безопасности, в соответствии с которым значительно повысились требования к качеству продовольственной продукции, в том числе импортной¹⁹.

На фоне имеющего место в последнее время роста объемов российского экспорта продуктов питания в КНР (+5,8 % по итогам 2017 г.) законодательное ужесточение КНР нормативных условий, применяемых к данной категории товаров, и обусловленное им рас-

ширение числа фиксируемых в санитарных и фитосанитарных регламентах требований для экспортеров создают определенные трудности для российских поставщиков.

В настоящее время основные действующие ограничения в отношении России касаются импорта продукции растительного и животного происхождения и продуктов их переработки (зерновая продукция, мясо, молоко), которые не относятся к техническим барьерам, классифицируются как санитарные и фитосанитарные требования и регламентируются Соглашением ВТО о санитарных барьерах (*WTO Agreement on the Application of Sanitary and Phytosanitary Measures, SPS Agreement*)²⁰.

Так, с 15 мая 2000 г. КНР введен запрет на ввоз из России наименований из товарных групп «мясо парнокопытных и продукции из него» (по причине эпидемии ящура), «мясо овец и коз, а также продукции из них» (эпидемия оспы овец и коз), «мясо птицы и продукция из птицы» (птичий грипп), «мясо свиней и продукции из них» (африканская чума свиней). Запрет первоначально был введен с 15 мая 2000 г. Министерством сельского хозяйства КНР совместно с Главным государственным управлением по контролю качества, инспекции и карантину (AQSIQ) (с 4 августа 2005 г. он распространился на «мясо птицы и продукция из птицы»)²¹.

В 2015—2017 гг. в вопросе обеспечения доступа на рынок КНР российской продукции растениеводства были достигнуты определенные результаты (подписаны протоколы о фитосанитарных требованиях при поставках в КНР 9 видов продукции: пшеницы, кукурузы, риса, рапса, сои, гречихи, овса, семян льна и подсолнечника). Вместе с тем ограничения на поставки мясной и молочной продукции по-прежнему сохраняются. В настоящее время Россельхознадзор и AQSIQ работают над вопросом открытия китайского рынка для российского мяса парнокопытных. Так, в 2017 г. КНР снял ограничения по ящуру на ввоз из 49 регионов России парнокопытных животных и продукции из них. Это один из этапов снятия ограничений на поставки мясной продукции из РФ²².

Хотя министр сельского хозяйства РФ обещал, что уже в 2017 г. наша страна станет экспортировать в КНР мясо птицы, однако до сих пор все остается на стадии переговоров. Китайская процедура допуска продукции на пищевой рынок страны состоит из 7 этапов.

На данный момент процедура допуска российского мяса птицы находится лишь на 2-м этапе, то есть отмены ограничения по гриппу птицы²³. Поэтому говорить о том, что наша страна в ближайшее время будет активно экспортировать мясо в КНР, несколько преждевременно.

*Антидемпинговые меры
или антидемпинговые расследования (АДР)*

Еще одной формой торговых ограничений (барьеров) для доступа иностранных товаров на китайский рынок являются антидемпинговые пошлины.

Применяемые КНР меры протекционистского характера в отношении ряда видов химической продукции и товаров черной металлургии многие годы серьезно ограничивали присутствие российских экспортеров на китайском рынке.

Наиболее жесткие меры были введены в начале 2000-х гг. Так, основная доля применяемых Китаем в отношении России антидемпинговых пошлин приходится на «продукцию органической химии» (товарная группа 29), в связи с чем объемы экспорта товаров указанной группы в КНР заметно сократились. Так, по данным китайской таможенной статистики, в 2010 г. физические объемы экспорта товаров данной товарной группы в целом упали на 4,9 %, а по отдельным позициям сокращение объемов экспорта достигло следующих показателей: эпихлоргидрина — минус 7,49 %, (в начале 2009 г. — минус 19,7 %), трихлорэтилена — минус 100 % (в начале 2009 г. — минус 71,4 %)²⁴.

Еще одной важной статьёй российского экспорта в КНР, в отношении которой были введены антидемпинговые пошлины, была трансформаторная сталь. Объемы поставок данной продукции резко сократились (в 2008 г. было поставлено 76,42 тыс. т, в 2009 г. — 40,0 тыс. т, 2010 г. — 23 тыс.т). Доля данных видов продукции в общем объеме экспорта в КНР черных металлов резко сократилась — с 30 % в 2008 г. до 12,34 % в 2009 г. и до 5,45 % 2010 г.²⁵

В последние годы в отношении российской продукции было закрыты многие АДР. В 2014—2016 гг. Минкоммерции КНР отменило антидемпинговые пошлины в отношении российских производителей

лей бутадиен-стирольного каучука²⁶, трансформаторной стали²⁷, трихлорэтилена²⁸. 28 июня 2017 г. китайской стороной принято решение о прекращении действия требования о взимании антидемпинговой пошлины в отношении поставляемого из России эпихлоргидрина²⁹.

Отмена пошлин позволила нарастить объемы российского экспорта указанных видов продукции. Так, согласно китайским данным, лишь за 2017 г. объемы российского экспорта бутадиен-стирольного каучука в КНР выросли на 23,10 %, в то время как у некоторых стран-экспортеров этого продукта на китайский рынок было отмечено значительное падение: США (–17,96 %), Тайвань (–12,92 %), Япония (–11,67 %)³⁰.

В настоящее время в отношении России ведется лишь одно АДР, а именно по полиамидам первичной формы³¹. Впервые оно было начато в июне 2006 г. В период с 22 апреля 2010 г. по 21 апреля 2015 г. по итогам антидемпингового расследования с российских компаний взимались следующие пошлины: в отношении продукции ОАО «Куйбышевазот» — 5,9 %, в отношении остальных российских компаний — 23,9 %. Решением Минкоммерции КНР на основании обращения китайских производителей полиамидов с 22 апреля 2015 г. в течение года проводилось дополнительное антидемпинговое расследование. По его результатам Минкоммерции КНР опубликовало Уведомление № 4 от 21 апреля 2016 г. о решении возобновить начиная с 22 апреля 2016 г. взимание антидемпинговых пошлин в прежнем размере в течение пяти ближайших лет. Таким образом, по полиамидам первичной формы антидемпинговые пошлины будут действовать до 21 апреля 2021 г.³²

* * *

Исходя из вышеизложенного, можно прийти к следующим заключениям:

1. В связи с ростом численности среднего класса в КНР и его стремлением приобретать качественную импортную продукцию Госсовет КНР постоянно понижает ставки импортных пошлин на многие востребованные товары народного потребления. Данная по-

литика дает определенный шанс российским товарам войти на китайский рынок.

2. Несмотря на оптимистичные прогнозы по увеличению объема российского продовольственного экспорта в КНР, все оказалось не так уж и просто. Хотя продовольственный рынок КНР формально открыт для российского экспорта, но для того, чтобы попасть на него, надо преодолеть целый ряд барьеров. Так, по зерну действует режим тарифного квотирования. Если даже российскую пшеницу из ряда регионов разрешили бы экспортировать на китайский рынок, то это не значит, что экспорт вообще состоится и будет велик объемом. Во-первых, кто станет импортировать российскую пшеницу? Если рассчитывать на минимальную импортную пошлину, то импортером должна быть продовольственная корпорация Китая *COFCO*, а этой крупной китайской компании интересен российский партнер такого же уровня. Единственной возможной фирмой может выступить ООО «Забайкальский зерновой терминал». Во-вторых, КНР сняла карантинный запрет на ввоз пшеницы из шести российских регионов (Челябинской, Новосибирской, Омской и Амурской областей, а также из Красноярского и Алтайского краев), но при этом поставила условия, которые крайне неудобны и невыгодны российским аграриям, а именно: экспорт пшеницы в КНР необходимо осуществлять в мешках, а не насыпью, что поставило его за грань рентабельности. Для других поставщиков Пекин такие условия не выдвигал³³.

3. Что касается ограничения экспорта российской химической продукции на китайский рынок, то следует отметить, что за последние годы почти все громкие АДР были закрыты. Применяемые КНР в отношении России антидемпинговые пошлины распространяются только на товарную группу 39 — «пластмассы и изделия из них», причем они не оказывают существенного негативного влияния на динамику российского экспорта данной категории продукции. В частности, в 2017 г. экспорт по группе 39 отмечен резким ростом в отличие от падения в 2016 г., и в стоимостном выражении он составил +136 %³⁴.

Итак, очевидно, что в КНР за период реформ и открытости сложилась сложная и во многом эффективная система защиты внутреннего рынка от продукции зарубежного производства.

Примечания

¹ URL: http://gss.mof.gov.cn/zhengwuxinxi/zhengcefabu/201712/t20171215_2777552.html

² URL: <http://gss.mof.gov.cn/zhengwuxinxi/zhengcefabu/201712/P020171215531849656684.pdf>

³ URL: <http://gss.mof.gov.cn/zhengwuxinxi/zhengcefabu/201612/P020161223553420940646.pdf>

⁴ URL: <http://gss.mof.gov.cn>

⁵ URL: <http://ekd.me/2017/12/187-kategorij-tovarov-na-kotorye-kitaj-sokratil-i-mportnye-poshliny>

⁶ URL: <https://scsg.ru/ru/blog/kitay-snizhaet-importnye-tarifny-na-potrebitelskie-tovary>

⁷ URL: <http://ekd.me/2017/05/daigou-uchashhiesya-za-granicej-kitajskie-studenty-stroyat-biznes-na-zakupkax>

⁸ URL: <http://www.chinanews.com/cj/2017/11-24/8385085.shtml>

⁹ URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/prom_i_agroprom/dep_agroprom/monitoring/Documents/%D0%91%D0%B0%D1%80%D1%8C%D0%B5%D1%80%D1%8B%20%D0%B2%20%D0%9A%D0%B8%D1%82%D0%B0%D0%B5.pdf

¹⁰ URL: <http://www.mofcom.gov.cn/article/bh/201612/20161202177131.shtml>

¹¹ URL: <http://www.ndrc.gov.cn/zcfb/zcfbgg/201710/W020171026582885468655.pdf>

¹² Под техническими барьерами в торговле понимаются все государственные меры контроля и ограничений, связанные с техническими требованиями к продукции, в том случае, если они используются как средство ограничения доступа продукции иностранного производства на внутренний рынок страны.

¹³ URL: <http://www.mofcom.gov.cn>

¹⁴ Такие требования зафиксированы в разделе «особые условия» Таможенного тарифа КНР и обозначаются литерой «А», т.е. при импорте конкретного вида продукции (указывается код по HS) требуется оформление сертификата соответствия на основании Закона КНР о контроле качества продукции при импорте и экспорте.

¹⁵ URL: <http://www.cnca.gov.cn/cnca/rdht/qzxcprz/flfg/193003.shtml>

¹⁶ URL: <https://www.china-certification.com/ru/list-of-ccc-mandatory-products>

¹⁷ URL: http://www.cnca.gov.cn/xxgk/ggxx/2017/201707/t20170728_54862.shtml

¹⁸ По данным ФТС России

¹⁹ URL: <https://www.fsvps.ru/fsvps-docs/ru/importExport/china/files/zakon1.pdf>

- ²⁰ URL: https://www.wto.org/english/tratop_e/sps_e/spsagr_e.htm
- ²¹ URL: <http://russchinatrade.ru/assets/files/ru-useful-info/selhoz...9.doc>
- ²² URL: <http://tass.ru/ekonomika/4544060>
- ²³ URL: <http://www.fsvps.ru>
- ²⁴ URL: <http://economy.gov.ru>
- ²⁵ URL: <http://aprcenter.ru/asia.html?pid=2&sid=70:%D0%9A%D0%B8%D1%82%D0%B0%D0%B9>
- ²⁶ URL: http://tcj.ru/wp-content/uploads/2014/11/2014_10_53-63_PLASTnews.pdf
- ²⁷ URL: <http://rostov-61region.ru/kitaj-proverit-na-demping-importerov-stali>
- ²⁸ URL: <http://www.chemmarket.info/ru/news/view/31405/>
- ²⁹ Эпихлоргидрин (код ТН ВЭД — 2910300). В июне 2017 г. истек пятилетний срок взимания антидемпинговых пошлин по эпихлоргидрину. 28 июня 2006 г. Министерство коммерции КНР по итогам проведенного расследования опубликовало Уведомление № 44, в котором информировало о принятии решения о взимании антидемпинговых пошлин в отношении эпихлоргидрина, производимого в США, Республике Корея, Японии и России сроком на 5 лет, начиная с 28 июня 2006 г. Антидемпинговая пошлина установлена в отношении продукции ЗАО «Каустик» в размере 17,9 %, ОАО «Усольехимпром» — 5,4 %, для остальных российских компаний — 71,5 %. Срок действия пошлины — с 22 июня 2006 г. по 27 июня 2011 г. В связи с истечением 27 июня 2011 г. срока действия пошлин Минкоммерции КНР опубликовало Уведомление № 34, в котором информировало о принятии решения о дополнительном промежуточном антидемпинговом расследовании в отношении эпихлоргидрина, происходящего из указанных стран. В период разбирательств пошлины сохранялись в прежнем размере, а по их результатам Минкоммерции опубликовало Уведомление № 32 от 28 июня 2012 г. о решении продолжить, начиная с 28 июня 2012 г., в течение 5 лет взимание антидемпинговых пошлин в прежнем размере (*Виктюк В.В., Федоренко К.П.* Антидемпинговые меры и практика их применения в торгово-экономических отношениях Российской Федерации со странами-членами БРИКС // *Таможенная политика России на Дальнем Востоке.* 2017. № 4(81). С. 5—22).
- ³⁰ URL: http://www.sohu.com/a/220320417_806483
- ³¹ URL: <http://russchinatrade.ru/assets/files/ru-useful-info/2017.pdf>
- ³² URL: http://www.russchinatrade.ru/ru/ru-cn-cooperation/torg_ogran
- ³³ URL: <https://vz.ru/economy/2018/2/26/909989.html>
- ³⁴ URL: <http://www.customs.ru>

DOI: 10.24411/2618-6888-2018-10022

С.Л. Сазонов, Чэнь Сяо

СОТРУДНИЧЕСТВО КИТАЯ И СТРАН ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ ПО СОЗДАНИЮ ЕВРАЗИЙСКОГО ТРАНСКОНТИНЕНТАЛЬНОГО МАРШРУТА

Аннотация. Китай является крупнейшим внешнеторговым партнером стран АСЕАН и основным «донором» развития региональной инфраструктуры. На субрегиональном уровне основные магистрали в странах Юго-Восточной Азии (ЮВА) будут построены с помощью именно китайских инвестиций. Эти пути получат доступ к основным региональным портам. Авторы полагают, что это позволит увеличить поток экспортных грузов из КНР и стран АСЕАН, Европы, Ближнего Востока и Африки, а строящаяся при финансовой поддержке Китая объединенная инфраструктурная сеть КНР и стран ЮВА и широтная паназиатская высокоскоростная железная дорога (Китай—Лаос—Вьетнам—Камбоджа—Таиланд—Малайзия—Сингапур) в будущем станут отправным пунктом Евроазиатского трансконтинентального маршрута протяженностью более 14 тыс. км, который пройдет через территорию 18 стран.

Ключевые слова: Китай, АСЕАН, железные и автомобильные дороги, порты, транзит, Юго-Восточная Азия, инвестиции, Евроазиатская транспортная магистраль.

Сегодня центром экономического роста стал Азиатско-Тихоокеанский регион, причем на долю 21 страны форума Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС), приходится более 60 % объема мирового ВВП, более 45 % всех прямых иностранных инвестиций (ПИИ), 52 % объема мировой торговли, здесь проживает около 40 % мирового населения. Понятно, что здесь зарождаются и формируются основные грузопотоки транзитных грузов, в первую очередь в страны Европы¹.

Одной из самых крупных региональных экономических организаций в АТР является Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), объединяющая 10 стран². Региональное сотрудничество стран АСЕАН опирается на соглашения, заключенные на двусторонней или многосторонней основе. В 2010 г. Китай заключил со странами АСЕАН Соглашение о создании зоны свободной торговли «КНР—АСЕАН» и Соглашение об экономической интеграции, важным предметом которых стало взаимодействие в области интеграции национальных автомобильных сетей и планы создания паназийской сети автомобильных дорог³.

С 2013 г. КНР превратилась в крупнейшего торгового партнера стран ЮВА, а АСЕАН стала 3-м важнейшим внешнеторговым партнером Китая: объем взаимной внешней торговли КНР—страны АСЕАН увеличился с 7,9 млрд долл. в 1991 г. почти в 60 раз — до уровня в 514,8 млрд долл. в 2017 г., причем председатель КНР Си Цзиньпин определил дальнейший ориентир в этом направлении — увеличить к 2020 г. объемы взаимной торговли до 1 трлн долл.⁴ Динамика товарооборота показана на рис. 1.

Международные аналитики сходятся во мнении, что в ближайшее десятилетие ежегодные темпы роста инвестиций в создание и расширение сети транспортной инфраструктуры будут составлять около 9 %, а странам Азии для поддержания этого показателя и, как следствие, для создания мультипликативного эффекта в национальных экономиках, обеспеченного расширением инфраструктурного строительства, а также для сохранения нынешнего, достаточно высокого уровня экономического развития будет необходимо до 2025 г. инвестировать в развитие национальных транспортных сетей около 10 трлн долл., а в период до 2030 г. — еще 15 трлн долл. Причем до 70 % этих инвестиций будет направлено на строительство объектов

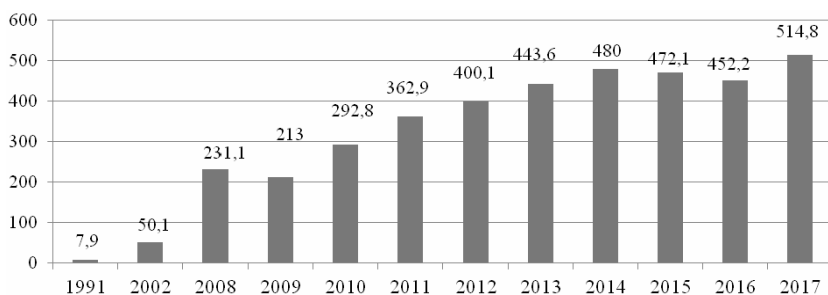

Рис. 1. Увеличение объемов взаимной торговли между КНР и государствами-членами АСЕАН, млрд долл. *Источник:* China-ASEAN trade volume hits record high in 2017. URL: http://www.china.org.cn/business/2018-01/29/content_50340005.htm

инфраструктуры, а около 30 % — вложено в модернизацию и обслуживание уже имеющихся дорог⁵. Аналитики Всемирного банка (ВБ) и Азиатского банка развития (АБР) считают, что для ликвидации лимитирующих участков своих инфраструктурных сетей государства Центральной Азии в течение ближайших 20 лет должны ежегодно инвестировать до 300 млрд долл. в развитие их транспортной инфраструктуры, а страны Юго-Восточной Азии — около 700 млрд долл. При этом два ведущих мировых банка, уделяя основное внимание борьбе с бедностью в азиатских странах, ежегодно выделяют лишь около 30 млрд долл. на расширение азиатской транспортной инфраструктуры, чего оказывается совершенно недостаточно⁶.

К 2025 г. общий объем инвестиций, необходимых для выполнения требований планов экономического развития азиатских стран, достигнет примерно 5,3 трлн долл., составив более 60 % объема мировых инвестиций, направляемых в развитие мирового рынка инфраструктурного развития. Около 50 % ПИИ в развитие мирового рынка, или 2,5 трлн долл., будут инвестировано КНР или же контролируемые ею финансовыми институтами и различными фондами. Общий объем накопленных взаимных инвестиций за последние 15 лет вырос с 30,1 млрд долл. в 2002 г. до почти 183,4 млрд в 2016 г., и председатель КНР Си Цзиньпин поставил цель к 2020 г. обеспечить ежегодные объемы взаимных инвестиций в размере 150 млрд долл.⁷ Динамика роста китайских накопленных ПИИ в странах АСЕАН показана на рис. 2.

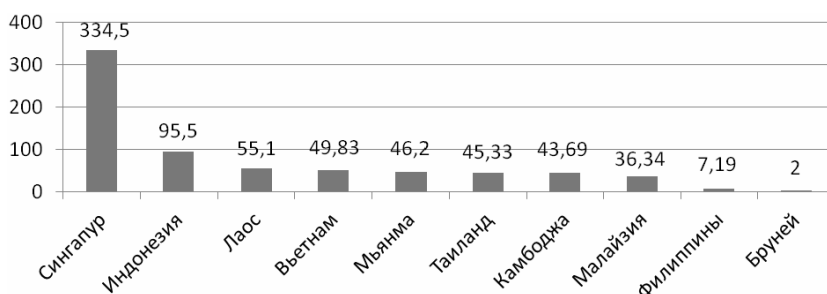

Рис. 2. Общий объем накопленных китайских прямых иностранных инвестиций (ПИИ) в странах АСЕАН по состоянию на 2016 г. (в сотнях млн долл.). *Источник:* Trade relations between China and ASEAN. URL: <http://english.gov.cn/statecouncil/>

На 22-м саммите руководителей стран-членов АСЕАН (Мьянма, 2014 г.) была поддержана идея создания новой зоны свободной торговли АТР, выдвинутая председателем КНР Си Цзиньпином, которая получила дальнейшее развитие на саммите АТЭС (Лима, 2017 г.). Китайское предложение главным образом направлено на развитие региональной экономической интеграции и создание объединенной сети автотранспортной инфраструктуры с целью обеспечения комплексной взаимосвязанности всех автомагистралей в АТЭС⁸. На встрече министров финансов стран АТЭС (Пекин, 2016 г.) была утверждена программа финансирования совместных автодорожных проектов, призванных «стимулировать региональный спрос и экономический рост стран АТЭС». В период 2015—2017 гг. Китай выделил на развитие автодорожной инфраструктуры нескольким странам АТЭС ряд преференциальных кредитов в общем объеме 35 млрд долл.⁹

В рамках зоны свободной торговли «КНР—страны АСЕАН» активно развивается сотрудничество в области автомобильного транспорта на субрегиональном уровне: «два китайско-вьетнамских коридора и одно кольцо» (экономический коридор «Куньмин—Лаоцзе—Ханой—Хайфон—Гуаньнин», экономический коридор «Наньнин—Ляошань—Ханой—Хайфон—Гуаньнин», экономическая зона залива Бэйбу), а также экономический коридор «Наньнин—Сингапур». По инициативе АБР с начала XXI в. стала создаваться субрегиональная экономическая зона «Большой Меконг» (GMSEZ — *The Greater*

Mekong Subregional Economic Zone), которая под названием «Шести-сторонняя зона экономического сотрудничества (ЗЭС) субрегиона «Ланьцанцзян—Меконг» была оформлена в 2004 г. и охватывает шесть стран, примыкающих к бассейну реки Меконг: Таиланд, Вьетнам, Лаос, Мьянму, Камбоджу и КНР (точнее, ее пров. Юньнань). В итоге, население экономической зоны превысило 330 млн человек.

На состоявшихся 20-м и 22-м совещаниях министров иностранных дел стран субрегиона «Ланьцанцзян—Меконг» («Большой Меконг»), которые были проведены в г. Цзинхун (пров. Юньнань, КНР, 2015 г.) и в Пекине в 2017 г., а также на 2-й встрече руководителей стран в рамках механизма сотрудничества в субрегионе «Ланьцанцзян—Меконг» были предприняты конкретные шаги по формированию Паназиатской автомобильной сети, которая к 2020 г. объединит автомобильные магистрали государств Юго-Восточной Азии¹⁰. Паназиатская автомобильная сеть будет состоять из трех коридоров, которые разойдутся в восточном, центральном и западном направлениях: 1. Западный маршрут — Сингапур—Куала-Лумпур—Бангкок—Пномпень—Хошимин—Ханой—Куньмин (около 3 тыс. км); 2. Центральный маршрут — Сингапур—Куала-Лумпур—Бангкок—Вьентьян—Шанюнь—Куньмин (около 2,2 тыс. км); 3. Восточный маршрут — Сингапур—Куала-Лумпур—Бангкок—Янонь—Жуйли—Куньмин (около 2,5 тыс. км). Паназиатская автомобильная сеть интегрирует в единое целое автомобильные магистрали Китая, Вьетнама, Лаоса, Мьянмы, Таиланда, Камбоджи, Малайзии и Сингапура, а ее общая протяженность составит более 7 тыс. км и предоставит центральным провинциям КНР через территорию пров. Юньнань, превращающуюся в логистический транзитный центр, прямой выход к Индийскому океану, а с введением Паназиатской автомобильной сети на полную мощность к 2025 г. она сможет ежегодно обеспечивать автомобильную транспортировку 20—25 млн т грузов¹¹. Паназиатская сеть, соединяющая важнейшие морские порты ЮВА, имеет непосредственное отношение к реализации плана создания «Морского Шелкового пути-21 в.» (МШП-21 в.). Отправной точкой МШП-21 станет экономическая зона залива Бэйбу. Экономическое сотрудничество в субрегионе объединяет такие страны, как Китай, Вьетнам, Малайзия, Сингапур, Индонезия, Филиппины

и Бруней, а более 80 % торговли между странами экономической зоны залива Бэйбу осуществляется морским транспортом. В августе 2016 г. в Наньнине состоялся 8-й Форум по экономическому сотрудничеству в районе залива Бэйбу. Участники Форума отметили «исключительную важность укрепления транспортных связей стран ЮВА путем строительства и соединения автомобильных, железнодорожных и морских путей в регионе»¹².

С 2018 г. Китай и страны ЮВА приступили к активному строительству центральной трансазиатской магистрали высокоскоростной железной дороги (ВСЖД) протяженностью 3 тыс. км по маршруту: провинция Юньнань (Куньмин)—Лаос—Вьетнам—Камбоджа—Таиланд—Малайзия—Сингапур, которая сформирует скоростной маршрут «Китай—ЮВА»¹³. От центральной магистрали планируется построить ответвления «Юньнань—Мьянма» и «Мьянма—Таиланд». В рамках заключенного трехстороннего соглашения о сотрудничестве в сфере строительства ВСЖД ведущая китайская корпорация по строительству железных дорог *China Railway Engineering Corporation* приступила к прокладке линий ВСЖД в Малайзии, Таиланде, Мьянме и Лаосе, которые свяжут 4 страны и впоследствии достигнут и Сингапура. Хотя стоимость проекта составляет 75 млрд долл., китайские экономисты утверждают, что Паназиатская высокоскоростная железная дорога позволит через 7 лет обеспечить увеличение ВВП Китая и стран ЮВА на 400 млрд долл.¹⁴

С целью создания единой региональной сети сухопутного сообщения, соединяющей КНР с Сингапуром, расширяется инфраструктура автотранспорта Китая и стран ЮВА. В 2015 г. была сдана в эксплуатацию скоростная автомагистраль «Синьань—Гуйлинь (Гуанси-Чжуанский автономный район — ГЧАР)» протяженностью 153 км, которая позволила открыть движения на всем протяжении скоростной автострады, соединяющей Наньнин (ГЧАР) с Пекином. Автомагистраль Синьань—Гуйлинь в качестве составной части скоростных автодорог Цюаньчжоу (пров. Фуцзянь)—Наньнин (ГЧАР) и Сямэнь (пров. Фуцзянь)—Чэнду (пров. Сычуань) снизила нагрузку на автодороги, ведущие из южных районов КНР на север, и позволила сократить расстояние транспортировки грузов между районами Центрального и Юго-Западного Китая и странами ЮВА.

В 2016 г. была сдана в эксплуатацию скоростная автомагистраль «Малювань—Чжаотун», способствовавшая формированию скоростного автомобильного коридора протяженностью 1032 км, пересекающего пров. Юньнань с севера на юг. До 2015 г. было сооружено 732,7 км магистрали, а в 2016 г. — достроены оставшиеся 299,3 км скоростной автодороги. Этот коридор начинается на севере в районе порта Шуйфу на р. Янцзы (граница провинций Юньнань и Сычуань) и заканчивается на юге в районе порта Фунин на р. Чжуцзян (граница пров. Юньнань и ГЧАР). Магистраль проходит через города Чжаотун, Цюйцзин, Куньмин, Хунхэ и Вэньшань. Данный проект будет способствовать развитию юго-западных районов Китая, укрепит интеграционные связи пров. Юньнань с экономической зоной залива Бэйбу и активизирует транспортное сообщение со странами АСЕАН.

В 2017 г. было закончено строительство автомобильного коридора, связывающего г. Чунцин и провинции Центрального Китая со странами ЮВА. Коридор состоит из трех маршрутов. Первый был запущен в эксплуатацию в апреле 2016 г. и соединяет Чунцин через ГЧАР с Ханоем (Вьетнам). Грузовые автомобили преодолевают расстояние в 1,4 тыс. км между Чунцином и Ханоем за 40 ч. Второй и третий маршруты были открыты в сентябре 2017 г. и связали г. Чунцин через приграничный г. Мохань (пров. Юньнань) с Вьентьяном (Лаос) и г. Янгун (Мьянма). К 2020 г. общая стоимость перевозимых по трем маршрутам грузов составит 20 млрд юаней (около 3 млрд долл.). В будущем страны ЮВА могут использовать этот коридор для подключения к перевозкам железнодорожной сети Чунцина с целью выхода на европейские рынки и увеличения объемов своего внешне-торгового оборота.

В 2016 г. завершилось строительство четвертого моста через р. Меконг, который позволил открыть прямое сквозное сообщение по автомагистрали «Куньмин—Бангкок (пров. Юньнань—Лаос—Таиланд)», увеличить грузопоток и снизить себестоимость перевозок¹⁵.

В конце 2016 г. была сдана в эксплуатацию секция скоростной дороги, соединяющая Таиланд, Мьянму и Индию, протяженностью 25,6 км и являющаяся частью азиатского автомобильного транспортного коридора «Восток—Запад». В августе 2017 г. на западе Камбоджи при помощи китайских инженеров началось строитель-

во скоростной национальной автострады № 44 протяженностью 140 км, осуществляемое за счет кредитов центральных банков КНР, а в декабре 2017 г. китайская строительная компания *Changda Highway Engineering* (пров. Гуандун) получила контракт стоимостью 20 млн долл. на реконструкцию участка национальной автострады № 7 протяженностью в 107 км¹⁶.

В январе 2018 г. началось строительство скоростной автомобильной дороги в Лаосе по маршруту «Вьентьян—Ванг-Вьенг» (город расположен на р. Нам в 110 км от Вьентьяна). Скоростная автострада будет проходить параллельно национальной автомобильной дороге № 13 и в будущем, продлившись до границы с Китаем, станет важнейшим звеном проекта создания паназиатского международно-го скоростного автомобильного коридора. Общий объем инвестиций в прокладку нового четырехполосного шоссе составит 1,3 млрд долл. Китайская строительная компания из пров. Юньнань *Yunnan Construction Engineering Group*, применяя специфическую форму государственно-частного партнерства в форме BOT (Build, Operate, Transfer — «строительство, эксплуатация, передача»), обязуется построить дорогу за 2 года. Общая протяженность скоростной автомобильной дороги составит 113,5 км, а автомобили будут развивать скорость до 110 км/ч¹⁷. Сооружаемый на территории стран ЮВА в рамках развития субрегиональной экономической зоны «Большой Меконг» азиатский автомобильный транспортный коридор «Восток—Запад» протяженностью 1560 км свяжет КНР, Вьетнам, Лаос, Таиланд, Камбоджу и Мьянму¹⁸.

В рамках зоны свободной торговли «Китай—АСЕАН», субрегиональных экономических зон, планов создания ЭПШП и МШП-21 Китай реализует проект Евразийского трансконтинентального маршрута (ЕТМ). Согласно плану, ЕТМ начнется в портовых городах дельты р. Чжуцзян и пойдет на запад до провинций Юньнань и ГЧАР. Затем маршрут, состоящий из автомобильных и железнодорожных магистралей, стоимость строительства которого оценивается в 41 млрд долл., соединит основные города и порты Лаоса, Вьетнама, Камбоджи, Таиланда, Малайзии и Сингапура (южная часть маршрута, идея которого была разработана еще в 1960-х гг.). Далее магистраль проляжет через Бангладеш, Индию, Пакистан, Иран, Турцию и дойдет до Роттердама (Нидерланды). Общая протяжен-

ность маршрута составит более 14 тыс. км, и он будет пересекать территорию 18 стран. Ответвление от основной трассы начнется в Турции, оно протянется по территории стран Ближнего Востока и закончится в Египте, активизируя транспортные потоки из Китая в Африку. Протяженность ЕТМ станет на 6 тыс. км короче альтернативного морского маршрута¹⁹.

Примечания

¹ Форум Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС) является экономическим объединением государств АТР и формально не имеет надгосударственных институтов. Экономическое сотрудничество и постепенная интеграция экономик происходит на разных уровнях, начиная с двусторонних экономических взаимоотношений, на уровне различных региональных объединений, например, Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) и на площадке форума Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества.

² Организация была образована 8 августа 1967 г. в Бангкоке после подписания «Декларации АСЕАН», или «Бангкокской декларации», и в 2017 г. отпраздновала свое 50-летие (однако формальное оформление АСЕАН в правовом статусе произошло только в 1976 г., когда на о. Бали были подписаны, а затем ратифицированы «Договор о дружбе и сотрудничестве в Юго-Восточной Азии» и «Декларация согласия стран АСЕАН» (From Bali to Da Nang, Xi expands China's footprints in Asia-Pacific development. URL: http://www.chinadaily.com.cn/world/2017-11/17/content_34635768_4.htm). Региональная организация стран ЮВА состоит из следующих стран (в скобках год присоединения): Индонезия, Малайзия, Сингапур, Таиланд, Филиппины, Бруней (все — 1984 г.), Вьетнам (1995 г.), Лаос (1997 г.), Мьянма (1997 г.), Камбоджа (1999 г.).

³ Concentrating on peace, development key to East Asia's future. URL: http://www.china.org.cn/world/Off_the_Wire/2016-11/14/content_34043515.htm; China and Asia seen to remain engines of world economy. URL: <http://www.ecns.cn/business/2017/01-18/196182.shtml>

⁴ *Zheng Yiran (Chinadaily)*. China-ASEAN trade to hit \$1t by 2020. URL: http://www.chinadaily.com.cn/business/2017-05/16/content_29364521.htm; President Xi's Belt and Road speech in numbers. URL: http://www.chinadaily.com.cn/beltandroadinitiative/2017-05/14/content_29341723.htm

⁵ Asia infrastructure boom boon for China. URL: http://en.ce.cn/main/latest/201611/17/t20161117_3918646.shtml

⁶ *Zhao Xiaomin (China Daily)*. China vigorously propels free trade across Asia-Pacific. URL: http://www.chinadaily.com.cn/business/2017-11/06/content_34192302.htm

⁷ *Yang Jiechi*. Building the Belt and Road for win-win development. URL: http://www.china.org.cn/opinion/2017-02/03/content_40213586.htm; Belt and Road, a promising initiative aimed at common prosperity. URL: http://www.chinadaily.com.cn/business/2017-10/08/content_26989566.htm

⁸ President Xi Jinping delivers keynote speech at opening ceremony of APEC CEO Summit. URL: <http://english.people.com.cn/n/2017/1109/c98389-8806479.html>

⁹ *Jiang Xueqing (China Daily)*. China boss calls for Belt and Road funding conduit. URL: http://www.chinadaily.com.cn/cndy/2017-07/26/content_28058107.htm; Risks on Belt & Road loans controllable. URL: http://www.china.org.cn/business/2017-09/11/content_40792340.htm

¹⁰ Lancang-Mekong protection makes gains. URL: http://www.chinadaily.com.cn/china/2017-11/16/content_34592019.htm; Брифинг в МИД КНР в связи с участием Ли Кэцяна во 2-й встрече руководителей стран механизма сотрудничества в бассейне реки Ланьцанцзян-Меконг и его визитом в Камбоджу. URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2018/0105/c31521-9311815.html>

¹¹ Trade, investment cooperation robust along Belt and Road. URL: <http://www.globaltimes.cn/content/1044492.shtml> (Source: Xinhua: 2017/12/27).

¹² Maritime Silk Road to Strengthen China-ASEAN Ties. URL: <http://english.cri.cn/6826/2016/05/16/191s826690.htm>

¹³ В декабре 2017 г. власти Таиланда с помощью китайских компаний приступили к строительству высокоскоростной железной дороги Бангкок—Накхонратчасима протяженностью 256 км и скоростью движения до 250 км/час (объем инвестиций составляет 179 млрд бат (5,4 млрд долл.). Строительство ВСЖД началось с прокладки участка между станциями Кланг Дон—Пан Асок протяженностью 3,5 км, а сооружение остальной части магистрали в будущем будет разбито на три участка протяженностью соответственно 11, 119,5 и 119 км. Позднее скоростная железнодорожная магистраль Бангкок—Накхонратчасима соединится со станцией Нонгкхай (на границе с Лаосом), продлится до Куала-Лумпура, а затем — до Сингапура. Железные дороги станут первыми в Таиланде дорогами с шириной колеи 1435 мм, скорость движения пассажирских составов в горных районах составит 160 км/час, на равнине — 200 км/ч, грузовых составов — 120 км/ч, а общий объем инвестиций в строительство не превысит 180 млрд тайских бат. Тайская национальная железнодорожная компания будет закупать подвижной состав в КНР, использовать китайские технологии при установке систем блокировки и централизации (Construction of Thailand-China railway to start. URL: <http://www.globaltimes.cn/content/1081305.shtml> (Source: Xinhua Published: 2017/

12/20); High-speed rail project finally gets on track. URL: http://en.ce.cn/main/latest/201712/22/t20171222_27382626.shtml).

¹⁴ *Cai Xiao, Zhao Yanan (China Daily)*. More talks 'needed on high-speed rail link' between Xinjiang, Europe. URL: <http://english.people.com.cn/n/2016/0705/c90882-8751312.html>; China champions economic globalization, braves challenges. URL: http://www.chinadaily.com.cn/business/2017-12/26/content_28680115.htm

¹⁵ Thai cabinet approves draft MoU on Sino-Thai rail co-op. URL: http://www.chinadaily.com.cn/business/2016-11/26/content_18979522.htm

¹⁶ Chinese firm wins bid to upgrade, maintain national road in Cambodia. URL: <http://www.chinadaily.com.cn/a/201712/29/WS5a45ac6aa31008cf16da4351.html>

¹⁷ Lao expressway to stretch to China: Official media. URL: <http://www.china-daily.com.cn/a/201801/04/WS5a4dbe20a31008cf16da50dd.html>

¹⁸ Сооружаемый на территории Китая и стран ЮВА в рамках развития субрегиональной экономической зоны «Большой Меконг» азиатский автомобильный транспортный коридор Восток—Запад протяженностью 1560 км свяжет сети автомобильных магистралей КНР, Вьетнама, Лаоса, Таиланда, Камбоджи и Мьянмы. Объединенная транспортная сеть Китая и стран ЮВА соединит Тихий океан с Индийским и по двум маршрутам, а именно: по *первому маршруту* — Шэньян — Пекин — Шицзячжуан — Чжэнчжоу — Синьян — Ухань — Чаньша — Сянтань — Гуанчжоу — Шэньчжэнь — Наньнин — Юйгуань — Хунги — Донганг — Ханой — Винь — Донгха — Хюэ — Дананг — Хойан — Нятранг — Бьенхоа — Вунгтау — Хошимин — Мокбай — Бавет — Пномпень — Пойпет — Араньяпратет — Кабинбури — Хинконг — Бангпаин — Бангкок — Накхонсаван — Так — Мэсот — Мьявади — Паяджи — Янгон — Мейктила — Мандалай — Таму — Морех — Импхал — Кохима — Димапур — Нагаон — Джорабад — Гувахати — Шиллонг — Дауки — Тамабил — Силхет — Качпур — Дакка — Джессур — Бенапол — Бангаон — Колката — Бархи — Канпур — Агра — Дели — Аттари — Уага — Лахор — Равалпинди — Исламабад — Хассан-Абдал — Пешавар — Торхам — Кабул — Кандагар — Диларам — Герат — Исламкаала — Докхарун — Месхед — Сабзевар — Дамган — Семнан — Тегеран — Казвин — Табриз — Эйвогли — Базарган — Гурбулак — Догубаязит — Аскале — Рефахие — Сивас — Анкара — Гереде — Стамбул — Капикуле — граница Болгарии страны Европы и по *второму маршруту* — Денпасар — Сурабая — Суракарта — Семаранг — Чикампек — Бандунг — Джакарта — Мерак — паромная переправа — Сингапур — Синай-Угара — Серембан — Куала-Лумпур — Баттеруэрт — Букит Кайю Хитам — Садао — Хатъяй — Бангкок — Бангпаин — Накхонсаван Так — Чианграй — Месай — Тачилек — Кьяингтонг — Мейктила — Мандалай — Таму — Морех — Импхал — Кохима — Димапур — Нагаон — Джорабад — Гувахати — Шиллонг — Даоки — Тамабил — Силхет — Качпур — Дакка — Хатикамрул — Банглабандха — Силигури — Какарбхитта — Патхлайя — Нараянгхат — Кохалпур — Махендрана-

гар — Брамхадев Манди — Банбаса — Рампур — Дели — Агтари — Уага — Лахор — Мултан — Рори — Кетта — Тафтан — Мирджавех — Захедан — Керман — Анар — Язд — Салафчеган — Тегеран — Савех — Хамадан — Хосреви—страны Европы, который обеспечит поставку китайских экспортных товаров в страны Европейского союза, сократит время транспортировки транзитных грузов, уменьшит себестоимость автомобильных грузоперевозок и будет стимулировать развитие территорий, прилегающих к маршруту экспорта товаров из КНР в страны Юго-Восточной, Центральной, Южной Азии и Европы по сети азиатских автомобильных дорог.

¹⁹ *Guo Anfei, Hu Yongqi (China Daily)*. Railway line heralds new Trading dawn. URL: <http://english.peopledaily.com.cn/90778/8171562.html>

DOI: 10.24411/2618-6888-2018-10023

Н.А. Замараева

КИТАЙСКО-ПАКИСТАНСКИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КОРИДОР: ИТОГИ И ВЫЗОВЫ 2017—2018 гг.

Аннотация. Проанализированы первый этап реализации Китайско-пакистанского экономического коридора (КПЭК) и цели Долгосрочного плана КПЭК на 2017—2030 гг., определившего приоритетные направления проекта: транспорт, энергетика, промышленные парки, модернизация сельскохозяйственной инфраструктуры, туризм. Рассмотрены специальные экономические зоны, законодательство по которым предусматривает льготы для китайских компаний.

Ключевые слова: Китайско-пакистанский экономический коридор.

Диалог Пакистана и Китая, заявляющих об их «единой судьбе», строится на базе провозглашенного двумя странами принципа «всепогодных отношений и многомерного стратегического партнерства»¹.

Официальный протокол внешнеполитических ведомств КНР и Пакистана (ИРП) подчеркивает, что двусторонние связи основаны на началах взаимного доверия, равенства, невмешательства, гармо-

ничного сосуществования и взаимовыгодного сотрудничества на основе общей повестки дня социально-экономического развития и одинакового восприятия региональных и глобальных вызовов. К последним относятся: нестабильность и неопределенность мирового развития, отсутствие драйверов роста мировой экономики, увеличивающийся разрыв между богатыми и бедными, терроризм, киберопасность, инфекционные заболевания, беженцы, продовольственная безопасность, нехватка воды, климатические изменения.

Заявления глав государств Китая и Пекина о «единой судьбе» их народов вызывало много вопросов как в самих этих странах, так и у мировой общественности. Официальные документы, принятые столицами, и меры по имплементации проекта КПЭК в 2017—2018 гг. дали ответы на некоторые из них.

Сотрудничество двух стран в последние годы охватывает многие сферы: как таковая деятельность по сооружению Китайско-пакистанского экономического коридора, оборонное сотрудничество и выступление объединенным дипломатическим «фронтом» на международной арене. Пакистан признателен Китаю за неизменную поддержку в вопросе расширения состава Группы ядерных поставщиков, в урегулировании Кашмирского кризиса согласно резолюциям СБ ООН, за решительное содействие в обретении Пакистаном полноправного членства в Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) и т. д. В рамках четырехсторонней координационной группы. Пекин способствует усилиям Исламабада по урегулированию ситуации в соседнем Афганистане. На постоянной основе проводятся двусторонние консультации по контролю над вооружениями и их нераспространению.

«Разнонаправленные» внутривнутриполитические события в 2017—2018 гг. в Исламабаде и Пекине не внесли коррективы в их отношения. Хотя Пакистан и пережил политический кризис, начавшийся с отстранения Верховным судом от власти премьер-министра ИРП Миан Мухаммада Наваз Шарифа, однако «обезглавливание» правящей партии не нарушило конструкцию государственно-демократических институтов страны.

В Китае, наоборот, XIX съезд Коммунистической партии Китая (КПК), прошедший в октябре 2017 г., взял курс на концентрацию партийной и государственной власти в руках председателя КНР. Это

подтвердило рост авторитарных тенденций в стране, свидетельствуя о размывании практики коллективного руководства и сведении на нет его системы сдержек и противовесов.

На международной арене Пекин четко следует намеченным планам расширения экономического пространства Китая через создание современной сети торговых и иных коммуникационных связей под эгидой инициативы «Один пояс, один путь» (ОПОП). На территории Пакистана ныне реализуется ее составной пилотный проект — Китайско-пакистанский экономический коридор².

Пекин и Исламабад рассматривают ОПОП как новую форму глобализации и упреждающий ответ на вызовы современности. Мегапроект «взрывает» созданную в XX в. постколониальную систему транспортировки товаров и услуг на мировые рынки и между странами-контрагентами. Особенностью концепции ОПОП, как подчеркивают обе столицы, является ее опора на азиатские ценности. И Исламабад горд тем, что стоит «на пороге геэкономической революции, цель которой — восстановить и реформировать глобальное экономическое управление»³.

Приоритетной областью сотрудничества КНР и Пакистана, несомненно, является КПЭК. Исламабад осознает, что для Китая этот проект — «золотые ворота» в Пакистан. Ибо, во-первых, он предоставляет КНР кратчайший путь для выхода на мировые рынки благодаря своему уникальному геостратегическому местоположению, соединяя четыре важных региона — Западный Китай, Южную, Центральную, Западную Азию; а, во-вторых, стимулирует экономическую активность Южного Синьцзяна, который в настоящее время располагает слабой производственной базой. Китайская цель пакистанского коридора, озвученная председателем КНР, генеральным секретарем ЦК КПК Си Цзиньпином на XIX съезде КПК, — «оптимизировать архитектуру региональной открытости, увеличивать динамику расширения открытости западной части страны»⁴.

Проект КПЭК ставит целью уменьшение разрыва в экономическом и социальном развитии четырех провинций Пакистана, а в стратегическом плане — задачу дальнейшей интеграции национальных экономик стран, расположенных вдоль ОПОП. Например, уже заявлены к разработке экономические коридоры «Индия—Китай—Бутан», а также «Китай—Пакистан—Тегеран». Имплементация пла-

нов КПЭК потребует преобразования торговых коридоров во многовекторные экономические. Это в свою очередь возможно при синхронизации устойчивого роста промышленного сектора в экономике с процессами модернизации инфраструктуры, что необходимо для качественного увеличения объемов бизнеса и расширения транспортных потоков.

Опорной координационной платформой реализации КПЭК является Совместный комитет сотрудничества (СКС). СКС на 7-й ежегодной сессии (ноябрь 2017 г.) анонсировал Долгосрочный план КПЭК на 2017—2030 гг. (ДП), в основу которого положены Программа правительства Пакистана «Видение 2015» и планы социально-экономического развития Китая, одобренные XIX съездом КПК. Интересы ДП требуют от сторон создания результативного механизма межправительственных связей, действующего на основе ранее подписанных документов: Двустороннего соглашения о защите инвестиций, Соглашения о свободной торговле, Соглашения о торговле услугами в зонах свободной торговли, Соглашения по расширению и углублению двустороннего торгово-экономического сотрудничества, Рамочного соглашения по энергетическому сотрудничеству и Пятилетнего плана развития китайско-пакистанского торгово-экономического сотрудничества.

Еще в 2015 г. стороны одобрили проект КПЭК по формуле «1+4» (Западный Китай + 4 провинции Пакистана). ДП — это дальнейшее и детальное развитие данной формулы. При подписании в 2015 г. инвестиционного пакета документов по проекту КПЭК на сумму 46 млрд долл. (в 2018 г. сумма инвестиций достигла 62 млрд долл.) сторонами были запланированы три этапа его имплементации:

Первый этап (2015—2022/23 гг.) — это сооружение энергетических и инфраструктурных (дорожных) объектов, строительство и расширение возможностей порта Гвадар (аэропорт, причалы, промышленная площадка), социальных объектов (госпитали на 100 коек), реализация различных программ тренинга для местного персонала.

Второй этап (2020/22—2025 гг.) — этап промышленного сотрудничества (строительство промышленных объектов, ремонт и укладка железнодорожного полотна, например, 160 км трассы «Карачи—Пешавар»). Одним из ключевых пунктов второго этапа является соз-

дание индустриальных парков и специальных экономических зон (СЭЗ) и зон свободной торговли (ЗСТ).

Третий этап (2025—2030 гг.) — ввод в эксплуатацию всех промышленных и социальных объектов КПЭК. Это позволит Пакистану, по оценкам экспертов, войти в число стран со средним уровнем дохода.

Укрепление стратегических отношений между КНР и Пакистаном в последние годы дало новый толчок их торгово-экономическим связям. Объем товарооборота вырос в среднем на 18,8 %, также отмечен рост двусторонних инвестиций. Китай еще в 2015 г. стал крупнейшим источником иностранного капитала для Пакистана. Макроэкономические показатели ИРП значительно улучшились. Стороны настроены на изыскание и других ресурсов кооперации.

Долгосрочный план КПЭК поставил цель к 2020 г. достичь следующих «промежуточных результатов»:

- во-первых, построить основные транспортные магистрали и инфраструктурные объекты с тем, чтобы КПЭК принял «зримые очертания»;
- во-вторых, устранить к 2025 г. все «узкие места», тормозящие экономическое и социальное развитие объектов КПЭК. Убежденность сторон в достижимости поставленных целей основывается, как записано в официальных документах, на факторе «всепогодного стратегического партнерского сотрудничества, концепции гармонии, инклюзивности, взаимной выгоде и устойчивости». Локомотивом, конечно, выступает КНР.

Китайская сторона взяла ответственность за планирование, финансирование, строительство и эксплуатацию проектов на своей территории; а на территории Пакистана стороны совместно разрабатывают технико-экономические обоснования, несут бремя финансовых обязательств, совместно возводят проекты, управляют ими и получают выгоду с учетом стоимости рисков. Стороны также подтвердили, что строительство будет осуществляться с учетом новейших технических достижений, опыта сооружения других международных объектов.

Ключевыми областями сотрудничества в рамках ДП являются: транспорт, энергетика, инфраструктура, порт Гавадар и промыш-

ленные/особые экономические зоны. Достижение поставленных целей возможно, как считает Исламабад, при условии создания благоприятных условий для иностранных, в первую очередь китайских, инвестиций. Это диктует необходимость совершенствования действующего законодательства и нормативных актов.

I. Транспорт. Основным условием реализации КПЭК является строительство интегрированной транспортной системы по маршрутам коридора (автомобильные дороги, железные дороги, порты, авиационная и иная инфраструктура). Это необходимо для стимулирования экономического и социального развития регионов (включая обеспечение бесперебойного доступа к источникам воды и электроэнергии, формирование социальной инфраструктуры и подготовку квалифицированных рабочих кадров). В 2017—2018 гг. заложен первый камень в строительство и/или модернизацию автодорог «Кашгар—Исламабад», «Пешавар—Исламабад—Карачи», «Суккур—порт Гвадар» и дороги «Дера—Исмаил Хан—Кветта—Сохраб—Гвадар».

Стороны подтвердили важность увеличения пропускной способности существующих железнодорожных магистралей (например, ML-1, через модернизацию и строительство новых путей). Развитие города и порта Гвадар продиктовало строительство скоростной автодороги Ист-Бэй и нового международного аэропорта для эффективного использования преимуществ ЗСТ на побережье Ормузского пролива.

Одновременно с развитием дорожной и железнодорожной инфраструктуры стороны запланировали расширение информационных коммуникаций: строительство и эксплуатацию локальных сетей связи и сетей радиовещания и телевидения, прокладку трансграничных опτικο-волоконных кабелей между Китаем и Пакистаном и создание магистральных волоконно-оптических сетей и линий связи вдоль КПЭК.

II. Запланированные энергетические проекты продиктовали необходимость укреплять сотрудничество в нефтегазовой отрасли (включая разведку и освоение полезных ископаемых), строительства электрических сетей, реализации крупных проектов теплоэнергетики, гидроэнергетики, газификации угля и возобновляемой энергетики.

III. *Индустриальные парки* рассматриваются как новая форма расширения индустриального сотрудничества в области химической, фармацевтической, машиностроительной, металлургической, легкой промышленности, производстве бытовой техники и строительных материалов. Стороны согласились развивать торговую логистику, улучшать инвестиционную среду, повысить уровень либерализации и оптимизировать структуру двусторонней торговли. Важно использовать преимущества портов для интенсификации перевозок, учредить специальные таможенно-надзорные зоны вдоль маршрутов КПЭК, способствовать расширению инвестиционных возможностей предприятий и улучшать работу транснациональных промышленных объектов.

IV. *Модернизация аграрной инфраструктуры* требует строительства современной сельскохозяйственной промышленности. Китай и Пакистан поставили цель обеспечить переход от традиционного к современному сельскому хозяйству. Планы включают строительство инфраструктуры вдоль маршрутов КПЭК, подготовку кадров, обмен техническими данными и сотрудничество в ключевых отраслях: растениеводстве, животноводстве, лесном хозяйстве; производстве, переработке, хранении и транспортировке сельскохозяйственной продукции, освоении новых земель и ирригации заболоченных площадей.

V. *Туризм*. Использовать потенциал и преимущества туристических ресурсов в регионах вдоль КПЭК и вблизи пограничных районов; особенно вдоль железных дорог и автомагистралей; совместно проводить разработку и строительство трансграничных туристических маршрутов. Особой привлекательностью для китайской стороны отличается прибрежная полоса Индийского океана. Беспрецедентным и весьма важным является решение правительства Пакистана о безвизовом въезде китайских граждан в Пакистан.

Для решения задач, поставленных ДП на 2017—2030 гг., Китай использует инвестиционные и финансовые возможности, заложенные сторонами в пакете документов КПЭК. Партнеры, например, взяли обязательство выработать модели инвестирования и финансирования, учитывающие специфику проектов.

Создание Китаем поддерживающих финансовых институтов — ключевое обстоятельство для реализации инициативы ОПОП. На

протяжении нескольких лет уже функционируют инвестиционные структуры, например, Фонд Шелкового пути и Азиатский Банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ). Важным результатом 7-й конференции СКС стало решение о дополнительном финансировании Банком развития Китая (БРК) проекта КПЭК.

При разработке ДП Пекин настаивал, чтобы Исламабад выделял больше средств из национального и провинциальных бюджетов на проект КПЭК. В свою очередь федеральное и провинциальные правительства ИРП взяли обязательства направлять капиталовложения и финансировать объекты коридора из целевых бюджетных средств, а также путем кредитования и выпуска облигаций на внутреннем и внешнем рынках капитала. Кроме того, для снижения общих затрат они обязались уделить пристальное внимание оптимизации процессов финансирования и т. д. Финансовая же стратегия Поднебесной предусматривала и расширение роли юаня в экономике ИРП. Но уже на этапе переговоров пакистанская сторона заявила, что не готова к широкому обращению китайской валюты.

Создание промышленных парков и специальных экономических зон (СЭЗ) является одним из приоритетных направлений проекта КПЭК. Основная цель СЭЗ — дать оперативный ответ властей ИРП на просьбу Китая сформировать льготные условия для ведения малого и среднего бизнеса. Это позволит Пакистану стимулировать рост экономики и производственные процессы в стране, обеспечить эффективную реализацию экспортной продукции, создать новые рабочие места.

Инвестиционная политика Китая в отношении ИРП имеет свою специфику. В Долгосрочном плане определены отрасли, которые планируется перевести с территории КНР в Пакистан. В первую очередь это сталелитейная, фармацевтическая, химическая промышленность. Одновременно предусматривается работа по подготовке к созданию в Пакистане индустриальных парков и специальных экономических зон по примеру Шанхайской экспериментальной зоны. Особое внимание уделено развитию ЗСТ в Гвадаре.

Китай планирует перевести в Пакистан частные неконкурентные предприятия или те, которые отличаются высокими производственными затратами на рабочую силу, или же обладающие технологически устаревшей производственной базой.

Пекин в принципе настаивает на дальнейшем проникновении государственного и частного китайского капитала в экономику Пакистана, но в первую очередь КНР заинтересована в расширении для себя тех сегментов пакистанского рынка, где компании из Поднебесной уже имеют прочные позиции. Например, *Haier* в бытовой технике, *China Mobile* и *Huawei* в области телекоммуникаций и *China Metallurgical Group Corp.* в горнодобывающей промышленности. В то же время китайские компании не планируют вкладываться в уже действующие крупные промышленные объекты ИРП.

Установки долгосрочного китайско-пакистанского экономического сотрудничества требуют реализации взаимовыгодных инвестиционных начинаний. Ставя эту цель, Пекин выдвинул идею создания в ИРП особых, «исключительных» зон (специальных экономических зон). В настоящее время ведение бизнеса в СЭЗ осуществляется в соответствии с Законом ИРП о СЭЗ от 2012 г. Федеральное и провинциальные правительства вправе самостоятельно создавать экономические зоны или в сотрудничестве с частными предприятиями различных форм собственности (включая государственно-частное партнерство), или с частными лицами.

Запланировано учредить 33 экономические зоны в рамках КПЭЖ во всех 4 провинциях его пролегания, на территории столичного округа Исламабад, в Гилгит-Балтистане, в агентствах Территории племен федерального управления и Азад Кашмире, в порту Касим близ Карачи и в порту Гвадар⁵. Успех СЭЗ зависит от многих факторов, в основном от оптимальности сочетания налоговых и тарифных стимулов, ускорения и упрощения процедуры таможенной очистки товаров, стабильности связей с поставщиками и производителями, от конъюнктуры мирового рынка и т. д. Для привлечения китайских инвестиций Исламабад предоставил налоговые стимулы, например, однократное освобождение от таможенных пошлин и налогов на оборудование, ввозимое в Пакистан; освобождение учредителей СЭЗ от всех налогов на доходы сроком на 5 лет начиная с даты подписания Соглашения о развитии СЭЗ. Предусмотрено предоставление долгосрочных государственных льготных кредитов, в отдельных случаях — кредитов с нулевой процентной ставкой.

Эйфория от заключения в 2015 г. крупнейшего в истории Пакистана инвестиционного контракта быстро сменилась настроениями

суровых буден. Исламабад был уверен, что СЭЗ будут стимулировать развитие инновационных отраслей в Пакистане. Однако на практике Китай сначала предпочитает вывозить в Пакистан вредные производства и устаревшую технологию, хотя в том же Долгосрочном плане КПЭК (2017—2030 гг.) поставлена цель повышения эффективности текстильной и швейной промышленности ИРП за счет расширения их масштабов и увеличения производства продукции с высокой добавленной стоимостью. Другим примером является призыв в ДП развивать промышленность Пакистана, начиная со сборки импортных деталей и комплектующих до производства деталей на местах. Эти положения Долгосрочного плана направлены на то, чтобы превратить Пакистан в огромный швейный цех и длинную сборочную линию бытовых приборов.

В дальнейшем риски для Исламабада только возрастут. Местные жители опасаются, что товары, произведенные на льготных условиях в СЭЗ, будут экспортированы на внутренний рынок Пакистана, вытесняя тем самым изделия местной промышленности. Политика снижения налоговых льгот для китайского бизнеса уже принесла Исламабаду первые горькие плоды. Так, экспорт Пакистана в Китай упал почти на 8 % во второй половине 2016 г., в то время как импорт из КНР вырос на 29 %⁶.

Следующим горьким уроком для Пакистана стало осознание того, что его нынешний устаревший парк грузовых автомобилей не в состоянии эффективно осуществлять трансграничные перевозки в рамках КПЭК и требует капитальной реконструкции. В противном случае на пакистанские дороги «хлынут» китайские грузовики. Потери до 2 % ВВП только из-за устаревшей системы грузоперевозок поставили власти страны перед необходимостью, во-первых, реформирования системы грузоперевозок, во-вторых, снижения пошлин на импорт грузовых автомобилей (численность автомобильного парка Пакистана критически низка); в-третьих, общей модернизации сферы грузоперевозок. Дезинтегрированность транспортной отрасли создает дополнительные препятствия на пути международной торговли. (Ныне целых семь различных министерств и агентств ИРП занимаются индустрией логистики). И, наконец, в-четвертых, Пакистан поставлен перед необходимостью ратифицировать все международные конвенции, касающиеся автомобильной промышлен-

ности, и таможенные конвенции, что также требует времени, усилий и внимательного анализа последствий имплементации указанных документов на почве ИРП.

Важным вопросом повестки дня 7-й сессия ОКС стала безопасность китайского персонала, работающего на стройплощадках КПЭК. ИРП создала подразделения по охране правопорядка и обеспечения его безопасности. Но отдельные нападения на китайцев продолжают. Поэтому власти Пекина вновь подняли вопрос об охране объектов Коридора.

Внешнеполитический аспект КПЭК. Практическая реализация проекта КПЭК усилила позиции стран-партнеров в регионе. После ее анонсирования, инициатива ОПОП получила поддержку более чем 100 стран и международных организаций, свыше 60 из которых подписали соглашения о сотрудничестве в рамках «Пояса и пути». Соблюдая принцип многовекторности своей дипломатии, Пекин в 2017—2018 гг. получил подтверждение о присоединении к инициативе ОПОП также Афганистана и Ирана.

Пекин пошел дальше, выдвинув в июне 2017 г. «Концепцию морского сотрудничества» в рамках инициативы ОПОП. Цель концепции заключается в интенсификации сопряжения стратегий и совместных действий со странами, через которые пролегают сухопутный и морской Шелковые пути⁷. Так, Пекин предложил связать КПЭК с экономическим коридором «Бангладеш—Китай—Индия—Мьянма (БКМЭК)». Отныне два проекта (КПЭК и БКМЭК) будут развиваться параллельно.

К концу 2017 г. инвестиции Китая в инфраструктуру КПЭК превысили 62 млрд долл. При этом, в силу ряда причин, американская помощь Исламабаду в последние годы сократилась и рычаги влияния Вашингтона на Исламабад ослабевают.

Сомневающейся стороной в вопросе присоединения к ОПОП остается Индия. Проект КПЭК пополнил список «непримиримых» пунктов индийско-пакистанской повестки. В первые дни после подписания соглашения о КПЭК Индия обвинила Китай в попытках захвата спорных территорий в Кашмире, дальнейших притязаниях КНР на доминирование в регионе, призывая уважать суверенитет Индии во имя улучшения региональных связей. Китай опроверг опасения в отношении КПЭК. В мае 2015 г. во время визита пре-

мьер-министра Индии Н. Моди в Китай Си Цзиньпин подчеркнул, что проект ставит целью повышение благосостояния народов и процветание всего обширного региона.

Соглашение о финансировании Китаем строительства Китайско-пакистанского экономического коридора перевело Кашмирский конфликт с двустороннего уровня (Индия, Пакистан) на трехсторонний (Индия, Пакистан, Китай) в силу того, что участок маршрута КПЭК проходит по Гилгит-Балтистану — административному району на севере «пакистанской части» Джамму и Кашмира. Нью-Дели считает этот участок спорной территорией.

Сложность состоит и в том, что проект КПЭК ставит под сомнение торгово-экономические договоренности и инфраструктурные проекты стран-членов СААРК. А ведь именно меридианные транспортные коридоры открывают Индии путь в Афганистан и Иран через территорию Пакистана.

Индия обеспокоена также тем, что западные участки КПЭК (в случае благоприятного развития ситуации в Афганистане) выведут Китай и Пакистан на углеводородные и торговые рынки Центральной Азии. Этим обстоятельством отчасти объясняется участие Пекина во многих международных форматах (трех-, четырех- и двусторонних) по урегулированию ситуации в Афганистане.

Особые опасения КПЭК вызывает и у Вашингтона. Проект предусматривает создание мультимодальных логистических хабов, и реализация первого этапа КПЭК предоставит Пекину к 2022 г. беспрепятственный выход через порт Гвадар в Ормузский пролив и далее — на рынки сопредельных континентов. Но главное, Пекин получит возможность контроля над движением нефтетанкеров из ближневосточных стран в США, которые являются одним из крупнейших потребителей сырой нефти с Ближнего Востока.

Один из факторов, уравнивающих растущее могущество Поднебесной, Вашингтон усмотрел в лице Индии. Анонсируя Стратегию США в Афганистане и Южной Азии (август 2017 г.), президент Д. Трамп заявил, что Афганистан является «квинтэссенцией» внешней политики США, и посему отказался от вывода американских войск из ИРА с целью получить возможность «на месте» противодействовать реализации планов ОПОП. Одновременно Вашинг-

тон усилил стратегическое партнерство с Индией в сферах безопасности и экономики.

По информации пакистанских СМИ, Нью-Дели, имея поддержку в лице Вашингтона, уже с 2015 г. усилил давление на сепаратистов в пакистанском Белуджистане, подталкивая их к негативному отношению к проекту КПЭК. Сепаратистские настроения сыграли свою роль в обострении напряженности между властями Белуджистана и федеральным правительством. Власти приложили немалые усилия, убеждая местное население в том, что именно оно является первым выгодоприобретателем КПЭК.

Особую озабоченность у Нью-Дели вызывает порт Гвадар. В рамках проекта КПЭК он представляет собой точку сопряжения сухопутного маршрута КПЭК и «Морского Шелкового пути XXI в.» — двух составляющих инициативы «Один пояс, один путь». Индия обеспокоена активизацией китайско-пакистанского военно-морского сотрудничества в порту. Но главное, после завершения строительных работ в Гвадаре и обустройства там инфраструктуры для слива сырой нефти с танкеров КПЭК сможет гарантировать поставки углеводородов из стран Персидского залива через Пакистан в Китай.

Китай отверг опасения Индии касательно проекта КПЭК, подчеркнув, что эта экономическая инициатива не направлена против третьих сторон и не имеет отношения к территориальным спорам. Инициатива ОПОП является открытой и всеобъемлющей формой сотрудничества. Пекин высказал это положение в период пограничного конфликта между Индией и Китаем на плато Доклам (август 2017 г.). И, урегулировав этот пограничный конфликт, Китай, по его мнению, создал для Индии благоприятные международные условия и предоставил дополнительное время для присоединения к инициативе ОПОП.

В начале 2018 г. КПЭК вновь был раскритикован Индией. Вопрос касался строительства дамбы-ГЭС «Диамер-Бхаша» на пакистанской территории — объекта стоимостью 12—14 млрд долл. и проектной мощностью 4500 МВт. Огромный новый резервуар будет регулировать подачу воды на сельскохозяйственные угодья. Начало строительных работ запланировано на июль 2018 г. Китайская компания построит плотину в течение 10 лет. Это водохранилище в первую очередь крайне важно для продовольственной безопасности Па-

кистана. Долгосрочный план КПЭК на 2017—2030 гг. содержит раздел, посвященный созданию зон для развития сельского хозяйства. Эти зоны рассматриваются в качестве одного из решений будущих проблем продовольственной безопасности ИРП. В давних планах Китая и Пакистана присутствуют и другие гидроэнергетические начинания, например, проект гидроэлектростанции «Бунджи» мощностью 7100 МВт на р. Инд в Гилгит-Балтистане, которая станет первой в каскаде малых ГЭС.

Индия ранее выступала против какого-либо строительства в бассейне р. Инд, заявляя, что этот регион является ее суверенной территорией. В мае 2018 г. «водное противостояние» между Исламабадом и Нью-Дели обострилось в связи с открытием (*inauguration*) премьер-министром Индии Н.Моди в «оккупированном Кашмире»⁸ проекта «Кишан Ганга» по производству гидроэлектроэнергии годовой мощностью 330 МВт. (Нью-Дели в 2017 г. на своей стороне Кашмира приступил к строительству каскада дамб. Стоимость проекта — 15 млрд долл.). Исламабад высказал опасения, что электростанции нарушат поступление в Пакистан жизненно важных для него водотоков Инда.

В целом отношения между Пакистаном и Индией в рассматриваемый период оставались напряженными. Затяжной конфликт между двумя странами вдоль линии контроля в Кашмире не способствует ни стабильности и развитию в Южной Азии, ни региональному миру и спокойствию. Китай предложил двум сторонам свое посредничество, которое можно рассматривать как конструктивный фактор в деле улучшения пакистано-индийских связей.

Примечания

¹ Adviser's Remarks at Joint Press Briefing with Chinese Foreign Minister. URL: <http://mofa.gov.pk/pr-details.php?mm=NTA5OA>

² Полный текст доклада, с которым выступил Си Цзиньпин на XIX съезде КПК // Синьхуа. URL: http://russian.news.cn/2017-11/03/c_13672_6299.htm

³ Opening Ceremony of the Thematic Session on Think Tank Exchanges of the Belt and Road Forum on 14 May 2017 at Beijing. URL: <http://mofa.gov.pk/pr-details.php?mm=NTAwNw>

⁴ Полный текст доклада, с которым выступил Си Цзиньпин...

⁵ CPEC SEZs: myth and reality. URL: <https://www.dawn.com/news/1334589>

⁶ For Pakistanis, China 'friendship' road runs one way URL: <http://gulfnnews.com/news/asia/pakistan/for-pakistanis-china-friendship-road-runs-one-way-1.2068158>

⁷ Международное радио Китая. URL: <http://russian.cri.cn/3060/2017/06/22/1s608127.htm>

⁸ The Nation (Islamabad). 19.05.2018. URL: <https://nation.com.pk/19-May-2018/pakistani-delegation-leaves-for-washington-against-kishan-ganga-project?show=previe>

DOI: 10.24411/2618-6888-2018-10024

А. Ч. Мокрецкий

КИТАЙСКАЯ ИНИЦИАТИВА «ОДИН ПОЯС, ОДИН ПУТЬ» КАК ВЕКТОР ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ АЗЕРБАЙДЖАНА *

Аннотация. 26 лет назад были установлены дипломатические отношения между Азербайджаном и Китаем, за эти годы сотрудничество двух стран поступательно развивается. Пекин, максимально заинтересованный в поиске новых возможностей для реализации собственных целей и задач (и особенно через мегапроект «Экономический пояс Шелкового пути»), комплексно «осваивает» территорию СНГ, увязывая развитие КНР с развитием каждой из постсоветских стран. Азербайджан, убежденный в своем уникальном географическом по-

* Статья подготовлена на основе аналитических статей и материалов двух ведущих интеллектуальных центров республики Азербайджан (АР), а также по публикациям СМИ. Речь идет о Центре экономического и социального развития (cesd.az) и Центре стратегических исследований при президенте Республики Азербайджан (или SAM, sam.az/en). Центр экономического и социального развития был создан в 2005 г. с целью содействия теоретическим и практическим исследованиям современных социально-экономических проблем. Центр стратегических исследований при президенте Республики Азербайджан был учрежден в ноябре 2007 г. для координации внешнеполитического курса АР и подготовки аналитических материалов для государственных органов в области политики, экономики и безопасности.

ложении в Евразии, желает играть роль транспортно-логистического хаба между Европой и Азией и возлагает большие надежды на Китай.

Ключевые слова: Китай, Азербайджан, ЭПШП, железная дорога «Баку-Тбилиси-Карс», сопряжение.

С момента установления дипломатических отношений между Азербайджанской Республикой (АР) и Китайской Народной Республикой 2 апреля 1992 г. двусторонние связи динамично развиваются. Пекин, максимально заинтересованный в реализации собственных внешнеполитических целей и задач (в том числе через сухопутный компонент инициативы «Один пояс, один путь», мегапроект «Экономический пояс Шелкового пути»), методично наращивает свое влияние в регионе, активно проникая в ключевые для Китая сферы и используя неудачи своих партнеров — Москвы, Вашингтона, Брюсселя. В свою очередь Азербайджан, «расположенный на историческом Шелковом пути, являясь пространством, где сливались различные цивилизации»¹, желает играть роль транспортно-логистического хаба между Европой и Азией и поэтому возлагает большие надежды на КНР.

Инфраструктура и транспортно-логистическое сотрудничество

Азербайджан убежден в своем уникальном, «ключевом» географическом положении в Евразии². Идея строительства «Великого Шелкового пути» (ВШП) и «золотая мечта» о необходимости использования железнодорожной ветки «Баку—Тбилиси—Карс» (БТК) являются «притчей во языцех». В частности, азербайджанские эксперты рассматривают БТК как «железное основание для Шелкового пути», «транспортный коридор, способный создать колоссальный и процветающий рынок вдоль маршрута», «важный узел между Европой и Азией, Востоком и Западом», «главный региональный транспортный проект XXI в.», а сам Азербайджан — как «геоэкономический опорный пункт» в регионе (*geo-economic pivot*). Заметно увеличилось количество публикаций на эту тему³.

Азербайджанские комментаторы убеждены, что запуск железной дороги «Баку—Тбилиси—Карс» превратил Транскаспийский между-

народный транспортный маршрут (ТМТМ) в приоритетный для Китая вектор транспортировки грузов в Европу⁴. Вместе с тем очевидно, что для КНР данный путь является только одним из шести перспективных маршрутов. Аналогичную точку зрения высказывают и российские эксперты⁵.

Что касается других международных стратегических проектов, то Азербайджан намерен активно использовать все имеющиеся инициативы — американскую, европейскую, китайскую и российскую — в своих национальных интересах. Тем более, что Азербайджан находится в средоточии трех крупных региональных энергетических и транспортных проектов: TRASECA Евросоюза, китайского ЭПШП и коридора «Север—Юг» России, Азербайджана и Ирана⁶. Безусловно, Баку не исключает вступления в ЕАЭС, правда, при условии, что Москва займет азербайджанскую позицию в решении проблемы нагорно-карабахского конфликта. Кроме того, Азербайджан, принятый в ШОС в качестве нового партнера по диалогу, намерен убедить Китай и другие страны, примкнувшие к экономической программе «Один пояс, один путь», присоединиться к своему проекту (БТК).

Сама идея «Великого Шелкового пути» связана с именем первого президента АР, отцом Ильхама Алиева — Гейдаром Алиевым. Согласно информации, представленной на сайте президента Азербайджана, в сентябре 1998 г. в Баку был проведен международный форум по восстановлению и развитию этого пути. Он играет «свою историческую роль в развитии сотрудничества, обеспечении мира, благополучия и процветания в каждой стране и на всем евразийском пространстве». Основными целям проекта⁷ были названы:

- развитие торгово-экономических отношений стран региона;
- развитие транспортных сообщений — международных перевозок грузов и пассажиров;
- разработка программ согласованных действий по организации мультимодальных (комбинированных) перевозок.

Таким образом, можно констатировать, что Азербайджан интересуется три стратегические области: энергетика, транспортные коридоры, включая торговлю и логистику, и развитие новых технологий. Именно в контексте этих приоритетных направлений развития рассмотрим сотрудничество АР с Китаем.

Азербайджанские эксперты весьма оптимистично оценивают итоги 2017 г. в плане развития транспортно-логистической сферы⁸, которая признана руководством страны потенциальным локомотивом развития ненефтяного сектора. Тем более, что И. Алиев, выступая на Мюнхенской конференции по безопасности в 2017 г., подчеркнул, что увеличение грузоперевозок через Азербайджан и Каспийское море «будет играть очень важную роль в нашей экономике. Транзит гораздо более ценен, чем природные ресурсы, потому что природные ресурсы рано или поздно закончатся»⁹.

И действительно, 2017 год запомнился рядом важных событий на Южном Кавказе.

30 октября 2017 г. состоялось открытие железной дороги «Баку—Тбилиси—Карс» в Бакинском международном морском торговом порту. По случаю торжественного события информагентство АЗЕРТАДЖ представило текст репортажа и интервью первых лиц телеканалу *Euronews*¹⁰. В церемонии участвовали президент Азербайджана И. Алиев, президент Турции Р.Т. Эрдоган, главы правительств Казахстана, Грузии, Узбекистана, а также делегации Таджикистана и Туркменистана. В тот же день по БТК был отправлен первый грузовой поезд из 32 контейнеров, груженных зерном.

В апреле 2017 г. ЗАО «Азербайджанское Каспийское морское пароходство» и АО «Казахстанские железные дороги» создали совместное предприятие в сфере грузовых перевозок по Транскаспийскому международному транспортному маршруту. В июне 2017 г. в Астане Международная ассоциация ТМТМ в рамках заседания участников коридора ТМТМ подписала меморандум о сотрудничестве с Ассоциацией транспорта и коммуникаций Китая¹¹.

Продвигается проект «Север—Юг». Ожидается, что в течение 2—3 лет он будет полностью введен в эксплуатацию. В марте 2017 г. был успешно пущен тестовый поезд через пограничный железнодорожный мост через р. Астарачай. В феврале 2017 г. Иран приступил к строительству участков железной дороги «Казвин—Решт» и «Астара (Иран)—Астара (Азербайджан)». При этом Азербайджан в течение следующих 15 лет будет эксплуатировать железнодорожные объекты в иранской Астаре в качестве оплаты за строительство железнодорожного участка, соединяющего две страны. Кроме того, Азербай-

джан выделил Ирану кредитную линию на 500 млн долл. для финансирования строительства железной дороги «Решт—Астара»¹².

В марте 2016 г. И. Алиев подписал распоряжение о мерах по созданию в поселке Алят Гарадагского района Баку, включая территорию нового Бакинского международного морского торгового порта, специальной экономической зоны (СЭЗ) типа зоны свободной торговли. Работа по созданию СЭЗ продолжается. Одновременно в самом порту подходит к концу первая фаза строительства. Ожидается, что она будет завершена ближе к середине 2018 г.¹³, после чего объемы обработки грузов составят 1280 т в сутки.

АР не собирается останавливаться на достигнутом. По прогнозам, грузооборот между ЕС и КНР к 2030 г. увеличится в 2 раза. Чтобы не оставаться в стороне от масштабных проектов, Азербайджан с 2010 по 2022 г. инвестирует около 5 млрд долл. в развитие железных дорог¹⁴. Большая часть средств пойдет на реконструкцию и электрификацию железнодорожных путей, капитальный ремонт железной дороги «Баку—Беюк-Кесик», обновление парка вагонов, закупку пассажирских и грузовых локомотивов.

В феврале 2018 г. ЗАО «Азербайджанские железные дороги» и китайская Корпорация по строительству железнодорожных мостов подписали меморандум о сотрудничестве¹⁵. Согласно документу, Транскаспийский торгово-транзитный коридор «Восток—Запад» расширяет возможности диверсификации маршрутов и является для европейцев одним из приоритетных коридоров. Весьма значимым достижением в деле повышения конкурентоспособности Транскаспийского коридора стал ввод в строй вышеупомянутой железной дороги БТК.

Китайская сторона активно присматривается к инфраструктурным проектам в АР. В частности, в обзоре SAM (Центра стратегических исследований при Президенте Республики Азербайджан) отмечается, что БТК будет «инструментом для успешной региональной кооперации между Южным Кавказом и его соседями из Центральной Азии, Россией Китай показал интерес к данному проекту и обсуждал возможности для сотрудничества»¹⁶. В свою очередь посол КНР в АР Вэй Цзинхуа подчеркнул, что Азербайджан играет важную роль в развитии международных маршрутов, значительно расширяя экономическое сотрудничество Китая со странами Центральной

Азии, Южного Кавказа и Европы¹⁷. А президент Китайского центра глобализации Хао Ван полагает, что у двух стран немало общих интересов: построенная осенью 2017 г. железная дорога «Баку—Тбилиси—Карс» стала важным элементом для транспортировки китайских грузов в Европу. Китай хочет видеть Азербайджан полноценным участником инициативы «Один пояс, один путь»¹⁸.

Финансовая кооперация и бизнес-контакты

По данным СМИ Азербайджана¹⁹, правительство Китая в первом квартале 2016 г. инвестировало в различные сферы экономики страны 419 млн долл. Баку направил инвестиции в 59 проектов, реализуемых в Китае; общий объем этих капиталовложений составил 7,8 млн долл. Китайские компании участвуют в Азербайджане в 12 проектах стоимостью свыше 640 млн долл. В АР действуют 113 компаний с китайским капиталом, которые работают в сферах строительства, сельского хозяйства, связи, услуг, торговли и др.²⁰

Двустороннее сотрудничество развивается в транспортном и энергетическом секторах. В Нахичевани на основе китайских технологий производятся автомобили и началась диверсификация этой продукции. Компания *Sirena Motors* открывает новое региональное представительство в г. Лянкяран²¹. Региональный офис официального дилера китайских автомобилей в Азербайджане будет заниматься продажей автомобилей и запасных частей, а также сервисом марок Changan, BAIC, GAC, JAC и др.

Здесь же стоит отметить расширение формата бизнес-контактов. В августе 2016 г. в Баку состоялась встреча представителей Азербайджанского фонда поощрения экспорта и инвестиций (*AZPROMO*) и Совета поощрения международной торговли Китая (*CCPIT*). На регулярной основе проводятся заседания в рамках азербайджано-китайской межправительственной комиссии по торгово-экономическому сотрудничеству. Поступает информация о том, что Китай заинтересован в участии в СЭЗ/ЗСТ, создаваемой Азербайджаном в Аляте²². В частности, Бакинский международный морской торговый порт получил 34 погрузчика от Международного центра по экономическому и техническому обмену Китая²³. Как отметил посол Вэй

Цзинхуа, Китай уделяет большое внимание особым преимуществам Азербайджана в Евразийском транспортном узле. По этой причине китайские компании поддерживают сотрудничество с Азербайджаном в сфере транспорта и логистики²⁴.

6 февраля 2018 г. в Пекине состоялся 9-й бизнес-форум сторон²⁵. Баку стремится привлечь китайские инвестиции в ненефтяной сектор экономики Азербайджана.

В Пекине открылось торговое представительство Азербайджана²⁶. С работой торгпредства связывают продвижение бренда *Made in Azerbaijan*, привлечение китайских инвестиций в экономику Азербайджана и защиту интересов азербайджанских компаний. Как заявил Ш. Мустафаев, министр экономики АР, потенциал расширения двусторонних экономических связей очень высок, оба государства успешно сотрудничают в инвестиционной сфере²⁷. В 2016—2017 гг. были организованы три экспортные миссии в Китай, в 2018 г. Азербайджан примет участие еще в трех выставках, ведутся переговоры об открытии «Азербайджанского винного дома» в Международном центре торговых операций в Шанхае.

Вместе с тем западные аналитики призывают страны Южного Кавказа и Азербайджан, в частности, не терять контроль над природными ресурсами и инфраструктурой из-за «кредиторского империализма» Китая, поскольку Пекин рассматривает регион всего лишь как экономический коридор в рамках своей инициативы «Один пояс, один путь»²⁸.

За последние годы китайское правительство выделило АР гранты на 70 млн долл.²⁹, и уже получено более 60 млн долл. В частности, в конце 2017 г. в Нахичевани китайской стороной было передано более 20 единиц различной сельскохозяйственной техники (бульдозеры, экскаваторы, грейдеры). За счет грантов Азербайджан приобрел более 150 мусоровозов, водовозов, ассенизаторских машин, самосвалов и другой техники. Ожидается партия новых машин для обновления парка коммунальной техники.

Преподаватель Азербайджанского государственного экономического университета А. Асланли называет причины заинтересованности КНР в Южном Кавказе³⁰:

1. *Китай осознает*, что получение нового рынка и зоны экономических интересов служит фактором наращивания его глобальной силы.

2. КНР получает возможность:

- ограничить угрозы, исходящие как из региона, так и от субъектов МО за его пределами (в частности, минимизировать усилия Вашингтона по сдерживанию Китая и посягательству на его территориальную целостность), ослабить деятельность противников Китая в регионе, насколько это возможно;
- оценить энергетические ресурсы региона и за их счет диверсифицировать свой энергоимпорт;
- препятствовать развитию энергетических маршрутов, следующих западнее региона (и особенно Транскаспийскому энергетическому сотрудничеству), и тех проектов, которые становятся преградой для доступа КНР к природным ресурсам восточного побережья Каспия;
- получить выгоды от транспортных проектов «Восток—Запад» («Железный Шелковый путь», или БТК);
- сбить накал этнических проблем в КНР и ограничить риски для территориальной целостности Китая, в частности, путем предотвращения официальной/неофициальной поддержки «Восточного Туркестана» в СУАР КНР через Кавказ.

Новые технологии и военное сотрудничество

Стороны сочли важным обратить внимание на развитие технологического сектора. Запускаются сайты на китайском языке, например, на АЗЕРТАДЖ (и реализация с «Хуавэй» проекта «Красивый Азербайджан»). Ведутся переговоры с компанией «Хуавэй» по созданию СП по производству смартфонов. Китайская сторона проявляет активный интерес к налаживанию сотрудничества с Азербайджаном в сфере информационно-коммуникационных технологий, который еще более возрос в свете запуска первого азербайджанского телекоммуникационного спутника *Azerspace*.

Поступают сообщения о том, что «Парк высоких технологий» Национальной академии наук Азербайджана создаст портал, который станет площадкой для налаживания связей предпринимателей Китая и Азербайджана. Формат сотрудничества азербайджанских и

китайских бизнесменов был обсужден в ходе открытия в ноябре 2017 г. Центра трансферта технологий. Стороны рассмотрели вопросы развертывания в Азербайджане производства LED ламп и литий-ионных батарей³¹.

Расширяются *двусторонние военные связи*. Во время визита в КНР в конце апреля 2018 г.³² министр обороны АР З. Гасанов провел встречи с заместителем председателя ЦВС КНР Сюй Циляном, членом Госсовета КНР, министром обороны Вэй Фэнхэ, командующим Западной зоной КНР, генерал-полковником Чжао Цзунци и другими официальными лицами военно-политического руководства. На встречах обсуждались вопросы региональной безопасности на Южном Кавказе и в Восточной Азии, состояние и перспективы развития сотрудничества между Азербайджаном и Китаем в военной, военно-технической, военно-образовательной сферах, представляющих взаимный интерес.

Китайские генералы отметили исторический характер дружеских отношений сторон, новые возможности для сотрудничества КНР и Азербайджана в рамках инициативы «Один пояс, один путь» и огромную поддержку Азербайджана этой стратегии. В свою очередь министр обороны АР выразил признательность китайской стороне за поддержку позиции Азербайджана в урегулировании армяно-азербайджанского нагорно-карабахского конфликта: Китай, как и прежде, является сторонником разрешения конфликта в соответствии с нормами и принципами международного права в рамках территориальной целостности Азербайджана³³.

Министерство обороны АР сотрудничает с рядом корпораций и компаний КНР, производящих продукцию военного назначения. Генерал-полковник З. Гасанов подчеркнул, что в рамках данного сотрудничества на постоянной основе осуществляются взаимные рабочие визиты должностных лиц, а также встречи экспертов. Кроме того, азербайджанская сторона подтвердила, что всестороннее сотрудничество с Китаем является одним из приоритетных направлений внешней политики страны.

27 апреля 2018 г. между министерствами обороны АР и КНР был подписан документ об оказании военной помощи. В рамках визита азербайджанская делегация посетила компании *CETC International* (производство электронных компонентов и электронного оборудо-

вания), *Poly Technologies* (производство ракет и другой продукции военного назначения) и другие предприятия оборонно-промышленного комплекса Китая.

Сопряжение проектов развития

За 25 лет сотрудничества между КНР и Азербайджаном товарооборот сторон увеличился в 500 раз, достигнув 770 млн долл. По итогам 2017 г. он составил рекордные 1,2 млрд долл., что на 43 % больше показателя 2016 г. Китай занимает 4-е место среди основных внешнеторговых партнеров Азербайджана, в том числе 3-е место в импорте и 8-е место в экспорте³⁴. По мнению Пекина, Азербайджан обладает «богатými природными ресурсами» и «благоприятными почвенно-климатическими условиями». Есть большой потенциал для взаимодействия двух стран в области земледелия, переработки сельскохозяйственной продукции и шелководства (Азербайджан намерен производить шелк, закупив у Китая личинки тутового шелкопряда и 1,6 млн тутовых саженцев). В Азербайджане же производится высококачественная фруктово-овощная продукция, способная заинтересовать Китай.

Азербайджанская *AS Group Investment* и крупная китайская компания *China CAMC Engineering Co., Ltd.* в феврале 2018 г. в Пекине подписали договор о сотрудничестве по реализации проекта «Апшерон Агропарк»³⁵. Согласно достигнутому соглашению, *CAMCE* направит в проект 140 млн долл. Производство фруктов и овощей предназначено не только для внутреннего рынка, но и для стран СНГ, Персидского залива и Европы. Реализация проекта способствует успешному развитию ненефтяного сектора AP и узнаваемости бренда *Made in Azerbaijan*.

В области энергетики наиболее важную роль играет взаимодействие в нефтегазовой области. Азербайджанская нефтяная компания *SOCAR* 15 лет сотрудничает с Китайской национальной нефтегазовой корпорацией (*CNPC*), у которой она закупила оборудование для нефтехимической сферы на сумму свыше 500 млн долл. Во время форума «Пояс и путь» в мае 2017 г. компании подписали меморандум о взаимопонимании в рамках проекта *SOCAR GPC*³⁶, а также

договор о предварительном детальном проектировании газоперерабатывающего завода и полиэтиленового нефтехимического комплекса³⁷. В рамках проекта GPC планируется создать газоперерабатывающий и нефтехимический комплекс в 15 км от Баку, мощность которого составит около 10 млрд куб. м газа в год, а также целый ряд газоперерабатывающих установок. Стоимость проекта SOCAR GPC, по первоначальным оценкам, составляет приблизительно 4 млрд долл.

Таким образом, Азербайджан ищет «новые пути в отношениях с КНР в целях содействия региональной безопасности и стабильности, обеспечения энергетической безопасности, стимулирования экономических и политических реформ»³⁸. По мнению научного сотрудника Китайской академии международных проблем Бай Ляньлэя, Азербайджан является «идеальным партнером по строительству ЭПШП» по трем причинам³⁹. Во-первых, Каспийское побережье, на котором расположена страна, становится новой связующей зоной экономических интересов Восточной Азии, Европы и России, то есть некой конвергентной территорией. Другими словами, Азербайджан становится новой точкой, соединяющей европейское экономическое кольцо с восточноазиатским. Во-вторых, АР — основоположник возрождения древнего Шелкового пути в плане организации мультимодальных транснациональных транспортных систем (то есть ныне страна играет роль опоры или оси на пути). И, в-третьих, Азербайджан имеет с КНР черты схождения (в аспекте курса на взаимосвязанность, экономического развития в качестве приоритета, реализации независимой и миролюбивой внешней политики, стремления к политической стабильности и единству страны), что способствует взаимовыгодному сотрудничеству.

По этим причинам ЭПШП предоставляет хорошие шансы для АР, особенно в плане снижения транзитных пошлин и возможностей промышленной кооперации. В целях получения максимальной выгоды от ЭПШП и преодоления сопутствующих вызовов, по мнению Бай Ляньлэя, Азербайджану в первую очередь необходимо понимать китайское видение ЭПШП. Обеим сторонам следует обозначить приоритетные направления взаимодействия. К ним могут быть отнесены инфраструктура и промышленная кооперация, в том числе в сфере агропромышленного комплекса; металлургия, химиче-

ская металлургия и производство оборудования для возобновляемой энергетики (особенно солнечной и ветряной), а также координация политико-экономических курсов (сопоставление промышленных стандартов, технологических норм, послабления в получении виз, лицензий, стратегическая координация в энергетике, например, в области «зеленой» энергетики и сокращения выбросов)⁴⁰.

С позицией китайского эксперта солидарны его азербайджанские коллеги⁴¹. Они уверены в будущем китайского мегапроекта и убеждены, что активное участие Азербайджана в ЭПШП является прямым следствием «эффективной внешней и внутренней политики официального Баку»: «Наша страна серьезно участвует в реализации этой программы... И нет сомнения в том, что Азербайджан будет занимать особое место среди тех, кто получит... дивиденды»⁴².

Гуманитарное взаимодействие

Стремительно развивается гуманитарное сотрудничество. Азербайджан, как и большинство постсоветских стран, активно принимает на своей территории традиционные праздники Китая. Новый проект Азербайджанского музея ковра «Ковры и легенды» открылся выставкой «Новый год по китайскому календарю»⁴³, организованной совместно с посольством Китая в АР. В Центре Г. Алиева размещаются выставки современных китайских художников, например, персональная экспозиция художника Ван Юяна «Уникальность», выставка современного искусства Китая «Созвездие» и др.⁴⁴ Фонд Г. Алиева активно пропагандирует в Азербайджане культуру и искусство Китая. Азербайджанские путешественники-блогеры, такие, как А. Сафаров⁴⁵, делятся с читателями путевыми заметками о пребывании в городах КНР, об особенностях китайской кухни.

Развивается туристическая отрасль. Азербайджан и Китай готовятся подписать меморандум о сотрудничестве в сфере туризма. Советник председателя Ассоциации туризма Азербайджана (AzTA) М. Агакеримов отметил, что страна получит большой доход, привлекая китайских граждан. Для этого чиновник предлагает открыть прямые авиарейсы по относительно низким ценам, а также организовать информационно-ознакомительные туры в Азербайджан для

ведущих туркомпаний. В перспективе АР может принимать в год более 10 млн человек. Согласно официальным данным, если в 2014 г. из Китая в Азербайджан приехало около 6 тыс. туристов, то в 2017 г. — более 10 тыс. человек⁴⁶.

По официальным данным Государственной канцелярии КНР по распространению китайского языка за рубежом, в Азербайджане действуют два института Конфуция (ИК): по состоянию на конец 2017 г., — при Бакинском государственном университете и Азербайджанском университете языков (АУЯ)⁴⁷. В ИК проводятся различные тематические семинары: «Азербайджано-китайское сотрудничество в сфере безопасности»⁴⁸, «Гейдар Алиев — основоположник азербайджано-китайского стратегического партнерства»⁴⁹, «Азербайджан—Китай: межпартийный диалог»⁵⁰ и т. д. Подписываются документы о взаимодействии ИК с азербайджанскими и китайскими вузами (9 февраля 2017 г. — с Азербайджанской государственной художественной академией, 21 апреля — с Азербайджанским университетом туризма и менеджмента, 6 июня — с Центром национальной кулинарии Азербайджана и др.). Институты Конфуция посещают различные делегации (3 июля 2017 г. — представители Федерации настольного тенниса Азербайджана, 16 октября — делегация Сианьского университета экономики и финансов и др.). При одном из ИК действует летний лагерь, проводятся мастер-классы по традиционной китайской медицине.

Министерство образования Китая в рамках стратегии «Один пояс, один путь» приняло решение о подготовке в Пекинском университете иностранных языков (ПУИЯ) специалистов по азербайджанскому языку⁵¹. В учебную программу войдет изучение истории, культуры и литературы Азербайджана. ПУИЯ выделил гранты для написания учебников по азербайджанскому языку, подготовки словарей и проводит исследования в области современной азербайджанской литературы и истории двусторонних отношений.

* * *

Спустя 26 лет после установления дипломатических отношений АР с КНР двусторонние связи поступательно развиваются: «Китай и Азербайджан, как традиционные дружественные друзья и партнеры,

имеют все необходимые предпосылки для углубления сотрудничества»⁵². В работах азербайджанских экспертов подчеркивается, что между сторонами нет каких-либо исторических противоречий. Живописные пейзажи Азербайджана хорошо известны китайцам. КНР — страна, импортирующая энергию, а Азербайджан — государство-экспортер. Кроме того, исторический опыт решения проблемы с Гонконгом/Сянганом и Макао может быть полезным в нагорно-карабахском вопросе. Азербайджан видит себя как «энергетический коридор, соединяющий ресурсы Каспия с европейскими и глобальными рынками», и поэтому Баку желает убедить Пекин, что участие последнего в проекте БТК «способствует передвижению товаров и пассажиров в обоих направлениях из Китая в Европу и из Европы в Китай за более короткий промежуток времени»⁵³.

Пекин, в свою очередь, внимательно наблюдает за развитием событий, подчеркивая «рациональность», «справедливость» и «объективность» позиции КНР и изредка давая комментарии в своей излюбленной нейтральной манере, которая позволяет всем участникам диалога истолковывать эти комментарии в свою пользу.

Азербайджан — яркий пример нарастания интереса КНР ко всем постсоветским странам.

Примечания

¹ Президент Ильхам Алиев принял участие в официальном открытии VII Глобального форума Альянса цивилизаций ООН. URL: <https://azertag.az/ru/xeber/945977> (дата обращения: 01.05.2018).

² См. напр.: *Gasimli V., Yulek M.* The New Geo-economics in the Azerbaijan-led South Caucasus / *SAM Review*. Vol. 14, December 2014.

³ См. напр.: *Rzayeva, Gulmira.* Infrastructure Cooperation: Azerbaijan—Georgia—Turkey // *Geopolitics and Security. A New Strategy for the South Caucasus*/ Edited by Kornely Kakachia, Stefan Meister, Benjamin Fricke. 2018. P.153—176. *Humbatov, Mahir.* Azerbaijan within the Context of the Silk Road // *World News*. 05 Apr 2018. URL: <https://intpolicydigest.org/2018/04/05/azerbaijan-within-the-context-of-the-silk-road/> (дата обращения: 01.05.2018). *Shahbazov, Fuad.* Baku-Beijing Relations and China's Growing Interest in the South Caucasus. URL: <https://jamesto wn.org/program/baku-beijing-relations-chinas-growing-interest-south-caucasus/> (дата обращения: 01.05.2018). *Hasanli, Azar.* Azerbaijan's geo-economic expansion pro-

spects: Conventional or emerging markets? URL: <https://moderndiplomacy.eu/2018/03/22/azerbaijans-geo-economic-expansion-prospects-conventional-or-emerging-markets/> (дата обращения: 01.05.2018). *Hajiyev, Shahmar*. Azerbaijan's Economic Development Options // World News. 12 March 2018. URL: <https://intpolicydigest.org/2018/03/12/azerbaijan-s-economic-development-options/> (дата обращения: 01.05.2018).

⁴ URL: <https://www.trend.az/business/economy/2855238.html> (дата обращения: 01.05.2018).

⁵ *Лузянин Сергей*. Классический Шелковый путь через Азербайджан наиболее перспективен. URL: <https://azertag.az/ru/xeber/1061689> (дата обращения: 07.11.2017).

⁶ *Valiyev J.* Foreign Policy of Azerbaijan in 25 Years of Independence: Priorities, Principles and Achievements // Caucasus International. Vol. 7. No. 1. Summer 2017. P. 29—46.

⁷ URL: <http://ru.president.az/azerbaijan/silkroad> (дата обращения: 07.11.2017).

⁸ URL: <https://www.trend.az/business/economy/2842722.html> (дата обращения: 01.05.2018).

⁹ *Алиев Ильхам*: «Транзит гораздо более ценен, чем природные ресурсы». URL: <http://vestikavkaza.ru/articles/Ikham-Aliev-Tranzit-gorazdo-bolee-tsenen-che-m-prirodnye-resursy.html> (дата обращения: 14.05.2018).

¹⁰ URL: <https://azertag.az/ru/xeber/1108722> (дата обращения: 01.05.2018).

¹¹ URL: <https://www.trend.az/business/economy/2842722.html> (дата обращения: 01.05.2018).

¹² Там же.

¹³ URL: <https://www.trend.az/business/economy/2857249.html> (дата обращения: 01.05.2018).

¹⁴ Trend. 13.03.2018.

¹⁵ АЗЕРТАДЖ. 07.02.2018.

¹⁶ Обзор SAM «Baku-Tbilisi-Kars Railroad. The Iron Ground for the Silk Road», 2014.

¹⁷ Trend. 18.03.2018.

¹⁸ Trend. 16.03.2018.

¹⁹ Более подробно см.: *1news.az*. 30.03.2017. Вести Кавказа. 20.08.2016; Вести Кавказа. 12.08.2016.

²⁰ Вести Кавказа. 06.02.2018.

²¹ Вести Кавказа. 16.02.2018.

²² URL: <https://www.trend.az/business/economy/2856888.html> (дата обращения: 01.05.2018).

²³ Trend. 04.04.2018.

²⁴ URL: <https://www.trend.az/business/economy/2881900.html> (дата обращения: 01.05.2018).

²⁵ URL: <http://www.economy.gov.az/en/article/beijing-hosted-azerbaijani-chinese-business-forum/28888> (дата обращения: 01.05.2018).

²⁶ URL: <http://www.economy.gov.az/en/article/the-office-of-the-azerbaijani-trade-representative-launched-in-china/28882> (дата обращения: 01.05.2018).

²⁷ URL: <https://www.trend.az/business/economy/2856871.html> (дата обращения: 01.05.2018).

²⁸ *Durso, James* Azerbaijan: A Crucial Energy Hub. URL: <https://oilprice.com/Geopolitics/Asia/Azerbaijan-A-Crucial-Energy-Hub.html> (дата обращения: 01.05.2018).

²⁹ Trend. 04.04.2018.

³⁰ *Aslanli A.* The South Caucasus in the Global Struggle / Caucasus International. Vol. 7. No.1. Summer 2017. P. 84—85, 92.

³¹ Trend. 07.01.2018.

³² АЗЕРТАДЖ. 27—30.04.2018.

³³ АЗЕРТАДЖ. 27.04.2018.

³⁴ URL: <http://vestikavkaza.ru/news/Azerbaydzhan-otkryl-svoe-torgpredstvo-v-Kitae.html> (дата обращения: 07.11.2017).

³⁵ Trend. 07.02.2018.

³⁶ Подробнее о проекте смотрите: URL: <http://socargps.az/> (дата обращения: 15.05.2018). URL: <https://www.trend.az/business/energy/2741415.html> (дата обращения: 15.05.2018).

³⁷ Trend. 15.05.2017.

³⁸ *Karimov R., Gao Fei.* China's Energy Policy Throughout the Central Asia to Azerbaijan / SAM Review, 2013. P. 35—36.

³⁹ Bai Lianlei. Azerbaijan in the Silk Road Economic Belt: A Chinese Perspective // Caucasus International. Vol. 6. No. 1. Summer 2016. P. 27—40.

⁴⁰ Ibid.

⁴¹ URL: <http://www.1news.az/politics/20161206015040551.html> (дата обращения: 07.11.2017). См. также: *Shahbazov, Fuad.* Op. cit.

⁴² URL: <http://www.1news.az/politics/20161206015040551.html> (дата обращения: 07.11.2017).

-
- ⁴³ Trend. 14.02.2018.
- ⁴⁴ АЗЕРТАДЖ. 18.04.2018.
- ⁴⁵ URL: <https://www.trend.az/life/travel/2879752.html> (дата обращения: 01.05.2018).
- ⁴⁶ Trend. 20.04.2018.
- ⁴⁷ URL: http://www.hanban.org/confuciousinstitutes/node_10961.htm (дата обращения: 14.05.2018).
- ⁴⁸ АЗЕРТАДЖ. 31.03.2018.
- ⁴⁹ АЗЕРТАДЖ. 13.06.2017.
- ⁵⁰ АЗЕРТАДЖ. 21.11.2017.
- ⁵¹ Trend. 20.04.2018.
- ⁵² Посол Китая в Азербайджане: Создадим прекрасное будущее для взаимовыгодного сотрудничества между Китаем и Азербайджаном. URL: <https://azertag.az/ru/xeber/1160431> (дата обращения: 14.05.2018).
- ⁵³ *Karimov R., Gao Fei.* Op. cit. P. 37—38.

ИСТОРИЯ РОССИЙСКО-КИТАЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ И ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ КИТАЯ

DOI: 10.24411/2618-6888-2018-10025

А.В. Ломанов

РОЛЬ СЮЙ ЧЖИМО В КИТАЙСКОЙ ДИСКУССИИ О СОВЕТСКОЙ РОССИИ*

Аннотация. Рассмотрена роль Сюй Чжимо как организатора дискуссии о Советской России, проходившей в октябре-ноябре 1925 г. на страницах газетного приложения «Чэньбао фукань». Приверженность идеям либерализма и стремление проводить независимую редакционную политику сочетались у Сюй Чжимо с неприятием опыта русской революции и марксистского учения о классовой борьбе. Сделан вывод, что разочарование в социализме после поездки Сюй Чжимо в Москву весной 1925 г. было важной, но не главной причиной его заинтересованности в дискуссии.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 16-21-10001 «Идейно-культурное влияние России на “Движение за новую культуру” в Китае (1915—1925)».

В первую очередь Сюй Чжимо хотел избежать революционных событий в Китае.

Ключевые слова: Китай, Россия, социализм, марксизм, либерализм, индивидуализм.

Поэт Сюй Чжимо (1897—1931) внес значительный вклад в становление современной китайской поэзии и литературы. Он также оставил след в истории споров китайской интеллигенции об отношении к Советской России и Октябрьской революции. Активная дискуссия на эту тему развернулась в октябре-ноябре 1925 г. на страницах периодического издания «Чэньбао фукань» (Приложение к газете «Чэньбао»), главным редактором которого был в то время Сюй Чжимо.

Либеральные воззрения Сюй Чжимо сформировались во время учебы в США. В 1918 г. он начал изучать политические и общественные науки в Университете Кларка (Ворчестер, штат Массачусетс) и в Колумбийском университете (Нью-Йорк). В 1921 г. он продолжил обучение в Великобритании в Кингс-Колледже в Кембридже, где близко соприкоснулся с западной поэзией.

В Китае в прошлом Сюй Чжимо характеризовали как «буржуазного либерального поэта», стремившегося к идеалам абстрактной и абсолютной свободы¹. Вместе с тем в литературном наследии поэта можно найти теплые отзывы о российской революции. В октябре 1924 г. он стал свидетелем церемонии подъема советского флага над бывшим посольством царской России в Пекине, его впечатления нашли отражение в эссе «Опавшие листья»: «Красное знамя — великий символ, выражающий самый великий период в истории человечества... И кажется, будто в шелесте трепещущего полотна мы слышим не только клич поражений и побед славянской нации за последние десять лет, в этом шелесте горячность французской революции, что вспыхнула сто с лишним лет назад, безумство 14 июля 1789 г., когда парижане штурмом взяли Бастилию, провозгласив свободу, равенство, братство!» (перевод Л.Е. Черкасского)².

Похвала смелости русского народа, пролившего кровь за осуществление идеала человечества и показавшего пример другим народам, сочеталась с отождествлением Октябрьской революции 1917 г. с французской революцией. В этом смещении были скрыты семена

будущего разочарования Сюй Чжимо в Советской России, не стремившейся к защите «буржуазных» свобод.

В марте 1925 г. Сюй Чжимо из Пекина отправился проездом через Россию в Европу для путешествия в Германию, Францию, Англию и Италию. Трехдневное пребывание в Москве вызвало у него разочарование³. Он осмотрел достопримечательности Москвы, побывал на могилах Кропоткина и Чехова, посетил мавзолей Ленина. Организованная при помощи китайского посольства беседа с дочерью Л.Н. Толстого произвела на гостя тягостное впечатление и заставила размышлять о перспективе полного уничтожения в России произведений Толстого, Тургенева и Достоевского. Политические и эстетические мотивы переплелись друг с другом: свою роль сыграли плохая погода, пришедший в упадок город, подавленный вид людей.

Противником социализма Сюй Чжимо не был. Во время учебы в Кембридже он испытал воздействие идей фабианского социализма Гарольда Ласки, позднее он склонялся к лейбористской трактовке социализма и говорил о симпатиях к большевистской революции в России. Он спорил с читавшим лекции в Китае в 1920—1921 гг. британским мыслителем Бертраном Расселом, заявлявшим о своем разочаровании в Советской России после посещения этой страны. Впоследствии Сюй Чжимо вспоминал, что прошел сходный путь, который для него стал менее болезненным, поскольку для Рассела это был настоящий кризис убеждений.

Китайские исследователи отмечают, что «путешествие в Москву привело идеи Сюй Чжимо к большому развороту вправо»⁴. У поэта возникло желание рассказать охваченной революционным порывом китайской молодежи о существенных издержках и опасностях копирования опыта Советской России. Он начал выступать с критикой марксистского учения о классовой борьбе, призывая воздержаться от следования «привозным иностранным учениям». По его мнению, следовало найти иной путь развития Китая, не отвергающий уважение свободы индивида.

В октябре 1925 г. Сюй Чжимо стал редактором выходившего в Пекине периодического газетного приложения «Чэньбао фукань». Он утверждал, что не будет потакать настроениям масс, не станет склоняться перед авторитетом тех, кто формирует общественное мнение, и тем более не пойдет на поводу глупости и поверхностности

общества. Это была претензия на собственный независимый курс, избегающий солидаризации как с радикализмом общественных настроений, так и с консерватизмом бэйянской политической элиты.

Сюй Чжимо подчеркивал, что хочет заставить людей пробудиться от умственной лености и начать думать самостоятельно. В качестве редактора он отдавал себе отчет в том, что этот подход может вызвать у читателей раздражение и дискомфорт. Ведь они уже привыкли, что газеты доводят до них решения правительства, дают оценки событий в редакционных материалах, рассказывают о новостях и происшествиях. «Его элитарные взгляды на просветительскую миссию газетного приложения определили тон его редакционной политики, и он понимал возможность того, что его политика войдет в конфликт с коммерческой стороной газеты»⁵.

Будущую популярность «Чэньбао фукань» Сюй Чжимо решил обеспечить за счет привлечения в качестве авторов известных представителей интеллигенции. В их число вошли Лян Цичао, Чжао Юаньжэнь, Чжан Сижо, Фу Сынянь, Ло Цзялунь, Вэнь Идо, Вэн Вэньхао, Го Можо, Чжан Дунсунь и др. Сюй Чжимо использовал личный авторитет в интеллектуальных кругах, договариваясь о сотрудничестве с уже знакомыми ему людьми.

Либеральный поворот в редакционной политике «Чэньбао фукань» следует оценивать в контексте предыдущего вклада этого издания в пропаганду в Китае идей социализма и марксистского учения. С февраля 1919 г. по июль 1920 г. редактором приложения был Ли Дачжао (в то время приложение выходило на седьмой странице внутри газеты «Чэньбао»). Ли Дачжао совмещал обязанности редактора приложения с редактированием журнала «Синь циннянь» (Новая молодежь). Китайские исследователи называют «Чэньбао фукань» «второй линией» пропаганды марксизма в период «движения 4 мая». Использование ежедневного издания делало инструменты воздействия на общественное мнение более многообразными: «Поскольку приложение «Чэньбао фукань» выходило ежедневно, оно отличалось от ежемесячника «Синь циннянь», давая возможность сократить издательский цикл, повысить своевременность и эффективность, с максимальной скоростью и самым большим охватом распространять по всей стране теорию марксизма и связанную с ней информацию»⁶. В приложении увидели свет переведенные Ли Даж-

чао фрагменты из книги японского социалиста Исоо Абе «Новое движение европейских социалистических партий», перевод работы британского журналиста и историка Роберта Энсора «Ситуация социалистических партий разных стран и очерк социализма» (название в оригинале — *Modern Socialism*), «Новый манифест коммунистической партии» Троцкого, «Материалистический взгляд Маркса на историю» Каваками Хадзимэ и др.⁷

Преемником Ли Дачжао на посту главного редактора с июля 1920 г. был выпускник Пекинского университета Сунь Фуюань. Он уделял больше внимания сочетанию образовательных и развлекательных материалов, ради расширения читательской аудитории стремился публиковать литературные произведения. 2 октября 1925 г. получивший образование в США политолог Чжан Сижо (1889—1973) выступил в «Чэньбао фукань» с критикой прежней редакционной политики. Он заявил, что подобные издания лишены ценности, поскольку студенты используют их как учебники и справочники и в то же время публикуют в них свои собственные статьи. Чжан Сижо предложил издавать несколько раз в неделю под редакцией известных ученых специализированные выпуски «Чэньбао фукань», сосредоточенные на отдельных проблемах наподобие экономики, литературы и внешней политики.

Сюй Чжимо действовал в этом направлении. Сам он отвечал за общие выпуски «Чэньбао фукань» по понедельникам, средам, четвергам и субботам. В другие дни выходили тематические выпуски-приложения: «Международная жизнь» (по пятницам), «Общество» (по вторникам), «Семья» (по воскресеньям). При новом редакторе формат издания изменился с портретного на альбомный. В духе тогдашней художественной моды графического оформления периодических изданий на первой странице общего выпуска «Чэньбао фукань» появился бросающийся в глаза рисунок, изображающий стоящего на вершине скалы в луче света обнаженного и до крайности истощенного кричащего человека.

Попытка Сюй Чжимо изменить стиль журнала и найти путь к молодому поколению китайской интеллигенции привела к неоднозначным результатам. 29 ноября 1925 г. несколько сотен студентов, принимавших участие в акции протеста перед воротами Тяньаньмэнь, скандируя лозунги «Долой “Чэньбао” и узурпаторов общест-

венного мнения!»), сожгли здание редакции. Современный исследователь Сюй Сяоюн подчеркивал, что это произошло через два месяца после того, как Сюй Чжимо стал редактором приложения. Как минимум отчасти нападение стало реакцией на содержание публикаций в «Чэньбао фукань», где сразу же после прихода нового редактора начались ожесточенные дебаты о Советской России. Очевидный перекося в сторону критики советской внешней политики и революционной идеологии мог вызвать раздражение у части радикальной молодежи, видевшей в советском примере надежду на возрождение Китая⁸.

Сам по себе тезис о том, что СССР является страной «красного империализма», не был новым. В частности, его можно найти в публикации «Чэньбао» 31 августа 1925 г. В китайской периодике этот термин использовали для дискредитации советской власти начиная как минимум с 1923 г.⁹

Первая публикация, которая положила начало дискуссии на страницах «Чэньбао фукань» 6 октября 1925 г., была направлена на поддержку СССР. Ее автором был член КПК, уже побывавший к тому времени в Советской России общественвед Чэнь Цисю (1886—1960). Он заявил, что называть СССР страной «красного империализма» неправильно, поскольку империализм является высшей стадией финансового капитализма. Советская Россия страной финансового капитализма не является, там уничтожили капитализм, и теперь России недостает капитала. Чэнь Цисю подчеркивал, что настоящим врагом Китая является западный империализм и даже если Россия не является другом Китая китайцы не должны отвлекать внимание от главной угрозы, воспринимая Россию как врага.

Через 2 дня (8 октября 1925 г.) на эту публикацию откликнулся Чжан Сижо. Он заявил, что рассуждения Чэнь Цисю лишены логики, поскольку у Китая может быть много врагов. Чжан Сижо рассматривал Советскую Россию как врага более опасного, чем западный империализм, поскольку русские пытаются «подкупить наше сознание», «коррумпируют наши души», «задушить нашу молодежь и ученых», они «оккупировали нашу Внешнюю Монголию» и действуют как «наши офицеры и дипломаты в Гуандуне»¹⁰.

Китайские исследователи Лю Жунтянь и Шан Чанбао отмечают, что на фоне подъема революционного движения внутри Китая тема

Советской России привлекла большое внимание интеллигенции. Вопрос о том, является ли СССР «империалистическим государством», был тесно связан с двумя другими темами — нужен ли Китаю во внешней политике союз с Россией и есть ли необходимость во внутренней политике учиться российскому опыту. Сюй Чжимо добивался того, чтобы читатели составили по этому вопросу собственное независимое суждение. По мнению исследователей, под руководством Сюй Чжимо критерием в этой дискуссии стала «ценность рациональности» (*лисин цзячжи*)¹¹.

Подъем «движения 30 мая» привел к росту революционного энтузиазма, оттеснившего на задний план ценности индивидуализма и научного знания, господствовавшие в начальный период «движения за новую культуру». Сюй Чжимо попытался ввести революционные лозунги в рамки рациональности. Для достижения этой цели он способствовал развитию свободной и вместе с тем «научной» дискуссии о Советской России, лишенной партийных или редакционных пристрастий. На фоне радикализации настроений в китайском обществе Сюй Чжимо стремился сохранить и передать новому поколению молодежи просвещенческий дух «движения за новую культуру». Он делал ставку на индивидуализм и на индивидуальное самосознание, в то время как революционная волна вела к подчинению индивида и его частного мнения воле коллектива.

Лю Жунтянь и Шан Чанбао отмечают, что в материалах дискуссии о России можно выделить три основные проблемы. Первую проблему поставил Чэнь Цисю, давший негативный ответ на вопрос о том, является ли Советская Россия «империалистическим государством». Его точка зрения, основанная на отсутствии в России финансового капитализма, не нашла широкой поддержки. Один из контраргументов указывал на то, что после перехода к нэпу в Советской России появился государственный капитализм, а это, в свою очередь, придает стране «империалистическую окраску». Также была высказана гипотеза, согласно которой государственный капитализм ведет себя более агрессивно, чем частный капитализм.

Политолог правовец Цянь Дуаньшэн (1900—1990) и работавший в США дипломат Ху Шицин утверждали, что Советская Россия настроена в отношении Китая агрессивно и не может освободиться от империалистических повадок. Эти сюжеты служили важной предпо-

ссылкой для суждения о том, нужен ли Китаю завещанный Сунь Ятсеном «союз с Россией».

Политолог Чжан Сижо, политический деятель Ли Хуан (1895—1991) и еще ряд участников дискуссии исходили из того, что Советская Россия является угрожающей Китаю агрессивной империалистической державой. Противоположную точку зрения высказывали Чэнь Цисю, близкий к КПК общественвед Чэнь Ханьшэн (1897—2004), редактор тематического приложения «Общество» Лю Мянцзи. Они подчеркивали, что Советская Россия следует коммунистической идеологии, не занимается экономической агрессией и представляет для Китая намного меньшую опасность, чем британский или японский империализм. Чэнь Ханьшэн разъяснял, что факторы международной политики, экономики и внутривластной ситуации в Китае диктуют необходимость создания союза с Россией. Третью точку зрения представляли Ху Шицин, геолог и общественный деятель Дин Вэньцзян (1887—1936), социолог Тао Мэнхэ (1887—1960). Они выступали против идеи необходимости создания союза с любой державой, в том числе с Россией, и потому призывали наладить с этой страной хорошие отношения, но на нее не опираться.

Китайские исследователи подчеркивают, что по этим двум вопросам — характеристика Советской России и внешняя политика Китая в отношении Советской России — Сюй Чжимо четких суждений не высказывал. Он говорил лишь о том, что редакция «Чэньбао фукань» привержена академическому подходу к обсуждению этих проблем и стремится не допускать их тенденциозного политизированного освещения¹².

Однако оставался третий вопрос о том, нужно ли Китаю во внутренней политике учиться у Советской России. Участвовавший в дискуссии пропагандист марксизма Лю Каньюань (1913—1989) призывал соотечественников учиться у соседней страны ради того, чтобы во внешней политике по образцу России заявить о разрыве всех неравноправных договоров. Во внутренней политике следовало «осуществить национальную революцию с участием всего народа», создать строй государственного капитализма и забрать для государства всю частную собственность.

Тем временем Дин Вэньцзян и политический деятель Чан Яньшэн (1898—1947) выступали против того, чтобы заимствовать совет-

скую систему. И по этому вопросу Сюй Чжимо был с ними заодно. Он высказал свою позицию уже после того, как поджог редакции оборвал дискуссию о Советской России. 21 января 1926 г. в «Чэньбао фукань» вышла его статья «День памяти Ленина — разговор о революции». Исходной точкой обсуждения стала прокламация «Вспоминаем Ленина», которую прислал в редакцию молодой активист КПК Чэнь И, ставший в будущем главой МИД КНР.

В начале статьи Сюй Чжимо воспроизвел текст прокламации. В ней говорилось о текущем положении китайской революции и подчеркивалось, что КПК является «китайским отделением Третьего Интернационала», подготовленного под руководством В.И. Ленина, и что «оружием этого отделения является ленинизм». Сюй Чжимо пересказал положения прокламации в собственной трактовке, заключив, что в этом случае успехи китайского революционного движения «в прямом смысле являются заслугой КПК, опосредованно они вдохновлены русской революцией или самим Лениным»¹³.

Перемешивая политическую аналитику с литературной эссеистикой, Сюй Чжимо заговорил о том, что любые деятели и учения хороши, если они помогают обнаружить «душу нации». Он подчеркнул, что познание самого себя (в скобках был добавлен английский вариант — Know yourself) выступает единственной и последней задачей усилий индивида и нации. Несогласие вызвало то, что в марксизме познание осуществляет не индивид и не нация, а класс. Пересказав на свой лад учение Маркса о всеобщем характере противостояния угнетателей и угнетенных, Сюй Чжимо заявил: «Последователи КПК противостоят не только иностранному империализму и иностранному капитализму, они также против империализма и капитализма внутри страны»¹⁴.

Сюй Чжимо сразу же предостерег, что революция потребует от людей жертв, и эта жертва должна быть сознательной, а не бессознательной. Он заявил, что сомневается в абсолютном характере учения Маркса о классах, поскольку оно основано на предпосылке «чистого индустриализованного общества», в котором есть только труд и капитал. Сюй Чжимо отметил, что предсказания Маркса о концентрации капитала и исчезновении среднего класса в развитых странах не сбылись. Единственная революция произошла в России, где степень индустриализации была самой низкой среди держав нового времени.

Особенностью России было отсутствие среднего класса, то есть «буржуазии», что и стало одной из важных причин успеха революции. По мнению Сюй Чжимо, эта революция все равно не соответствует учению Маркса, поскольку в России классы не были порождением индустриализации и «не были чисто экономическими классами».

В Китае тем более нет абсолютных классов, там есть «профессиональные классы» служилых, крестьян, ремесленников и торговцев (*ши нун гун шан*), между которыми нет жестких границ. «Чисто экономических классов», способных противостоять друг другу как две армии на четко обозначенной линии фронта, в Китае нет. Сюй Чжимо выразил недовольство тем, что КПК считает вождем революции не китайского гражданина Сунь Ятсена, а русского человека Ленина. Он объяснил это тем, что коммунисты знают только классы и не знают нации.

Обратившись к важности обретения революционного озарения, где бы ни находился его источник — в Москве или в учении Сунь Ятсена, Сюй Чжимо заявил свою собственную позицию. «Я неисправимый индивидуалист. В этом нет ничего возвышенного и глубокого, этим я говорю лишь то, что я знаю только индивида, четко понимаю только индивида и верю только в индивида. Я верю, что смысл демократии — это всеобщий индивидуализм; в сознательной мысли и сознательных усилиях каждого индивида заключается чистый дух демократии»¹⁵.

В заключение он вернулся к теме Ленина и России. Сюй Чжимо сравнил величие Ленина с величием Иисуса и заявил, что его дух не рассеется еще несколько столетий. «Но я не хочу, чтобы его идеологию пропагандировали. Я боюсь его». Сюй Чжимо назвал Ленина человеком с сильной волей, фанатиком, который не признавал, что в его идеях могут быть ошибки. «Молодежь, не нужно так легко воспевать русскую революцию, нужно знать, что русская революция стала самым безжалостным и мучительным делом в человеческой истории, только из-за героического характера русских людей они смогли терпеть до сегодняшнего дня»¹⁶.

Критиковавший Советскую Россию Чжан Сижо подверг сомнению политику редакции, обвинив «Чэньбао фукань» в отсутствии последовательного мнения по важным для общества вопросам. Его разгневала публикация статьи Чэнь Цисю, «обеляющая» Советскую

Россию. Если периодическое издание говорит сегодня одно, а завтра другое, то это не более чем «детская игра». Чжан Сижо настаивал на том, что у газеты должна быть последовательная политическая позиция, исключающая противоположные воззрения. Он полагал, что приложение должно следовать идейной линии газеты «Чэньбао», стоявшей на антикоммунистических позициях и с неприязнью относившейся к Гоминьдану. «Иронично, что эти жесткие воззрения и стоявшие за ними логика и менталитет были как раз такими, как у тогдашних молодых радикалов националистического и коммунистического толка, которые приведут к поджогу редакции “Чэньбао”. Другими словами, Чжан защищал то, что будут практиковать радикальные последователи Гоминьдана, которых он критиковал»¹⁷.

Редактор приложения «Общество» Лю Мянъцзи и Сюй Чжимо откликнулись на выступление Чжан Сижо. 10 октября 1925 г. они обосновали решение опубликовать статью Чэнь Цисю ее соответствием установленным критериям. Приложение не обязано повторять взгляды редакционных публикаций газеты «Чэньбао», оно отделяет науку от политики, не следует никакой партийной позиции, позволяет вести дискуссии. Сюй Чжимо образно пояснил, что проблемы отношения Китая к Советской России, коммунизма и Китая, деятельность КПК внутри Китая стали «огромным нарывом», который необходимо вскрыть с помощью острого скальпеля разума немногочисленных людей с независимым мышлением¹⁸.

За два месяца осенью 1925 г. в «Чэньбао фукань» и приложении «Общество» было опубликовано около полусотни статей на тему Китая и Советской России. Несмотря на претензии Сюй Чжимо на беспристрастность, авторы большинства текстов были на стороне Чжан Сижо, считавшего, что Советская Россия враг Китая, что это «красный империализм» и что коммунизм не подходит Китаю¹⁹.

Символическим завершением спора 1925 г. стала переписка Сюй Чжимо и влиятельного интеллектуала Ху Ши, который посетил Москву по пути в Европу летом 1926 г. Ху Ши отнесся к «советскому эксперименту» сочувственно и благожелательно²⁰. У Сюй Чжимо этот настрой вызвал несогласие. Он поставил перед Ху Ши несколько встречных вопросов о том, есть ли у советского утопического идеала «достаточные научные основания и реальная осуществимость», обладает ли советский опыт всеобщей применимостью,

можно ли найти для движения к намеченным целям более мирный путь с меньшим количеством жертв?

Современный исследователь Гао Ликэ отметил, что два известных китайских либерала — Сюй Чжимо и Ху Ши — посетили Москву с интервалом в год. Каждый из них пробыл в советской столице три дня. В результате взгляды Сюй Чжимо развернулись вправо, и он отдалился от Советской России, тогда как воззрения Ху Ши продемонстрировали поворот влево и стремление к сближению с Россией. Одна из причин была в том, что их взгляды на Советскую Россию опирались на разные мировоззренческие приоритеты. Ху Ши в то время думал в первую очередь о строительстве в Китае современного государства. Сравнение Советской России с бэйянским правительством было не в пользу последнего, и потому Ху Ши всячески превозносил «обладающий идеалом и планом» советский «великий социальный эксперимент». Сюй Чжимо ставил на первое место индивидуальную свободу и свободную творческую атмосферу. Точкой для отсчета для него выступала не китайская политическая неустрашенность тех дней, а идеализированная политическая система Великобритании, на фоне которой Советская Россия привлекательной не казалась.

Несогласие между Сюй Чжимо и Ху Ши в оценке Советской России стало указанием на внутренние идеологические расхождения внутри китайского либерального лагеря. Заявлявший о своем аполитизме поэт Сюй Чжимо оценивал советскую реальность с точки зрения жестких либеральных критериев, тогда как проявлявший интерес к политике Ху Ши демонстрировал сочувствие «великому новому политическому эксперименту» Москвы. Проблема коренилась в том, что в процессе модернизации Китая интеллигенция стремилась совместить две цели — защиту индивидуальной свободы и строительство эффективного государства. К началу XX в. на Западе эти цели находились в единстве, однако в условиях китайского революционного кризиса они зачастую конфликтовали друг с другом. Именно этот выбор лежал в основе спора Ху Ши и Сюй Чжимо о Советской России. Ху Ши проявил интерес к новой сильной политической власти, а Сюй Чжимо пришел от русской революции из ужас, поскольку более всего ценил свободу индивида²¹.

Н.Л. Мамаева отметила, что раскрепощение сознания интеллигенции в процессе развития «движения за новую культуру» «открыло дорогу как усилению в Китае влияния западного мировоззрения и общественно-политической практики, т. е. вестернизации, так и изучению и распространению идеи научного социализма»²². Российское влияние на умы китайских интеллектуалов было многомерным и разноплановым. Сюй Чжимо и Ху Ши принадлежали к либерально-вестернизаторскому течению. Однако на их примере можно видеть, как внутри этого лагеря происходило внутреннее разделение по вопросу об отношении к СССР.

После заграничной поездки 1925 г. Сюй Чжимо вернулся на родину убежденным либералом и сторонником индивидуализма. Эти воззрения соответствовали изначальному духу «движения за новую культуру». Однако подъем в 1925 г. забастовочного «движения 30 мая» привел к широкому распространению в обществе радикальных настроений. Китай перешел от идейных баталий к ожесточенной революционной борьбе.

Спор о Советской России способствовал идейному размежеванию между сторонниками революции и ее противниками. Внутри интеллектуального сообщества была проведена грань между теми, кто считал Россию другом Китая, и теми, кто ненавидел страну «красного империализма». Сюй Чжимо был организатором и модератором этого спора. Разочарование в социализме после поездки в Москву было важной, но не главной причиной его заинтересованности в дискуссии. В первую очередь Сюй Чжимо хотел избежать повторения в Китае русской революции и не допустить сопутствующих жертв. Однако идейное размежевание внутри Китая вело к росту внутреннего политического противостояния, не оставлявшего шансов на мирное разрешение быстро накапливавшихся противоречий.

Примечания

¹ Ху Бингуан. Сюй Чжимо — и гэ цычаныцзеци цзыючжуи шижэнь : [Сюй Чжимо — буржуазный либеральный поэт] // Тяньцзинь шифань дасюэ сюэбао: шэхуэй кэсюэ бань. 1985. № 1. С. 66.

² Черкасский Л.Е. Новая китайская поэзия (20—30-е годы). М., 1972. С. 359—360.

³ Там же. С. 357—364.

⁴ *Гао Ликэ*. Сюй Чжимо юй Ху Ши дэ Су Э чжи чжэн : [Спор Сюй Чжимо и Ху Ши о Советской России] // Чжэцзян дасюэ сюэбао: жэньвэнь шэхуэй кэсюэ бань. 2010. № 5. С. 193.

⁵ *Хи Хиаоцин*. *Cosmopolitanism, Nationalism, and Individualism in Modern China: The Chenbao Fukan and the New Culture Era, 1918—1928*. Lanham: Lexington Books, 2014. P. 40.

⁶ *Ван Сяньмин, Ян Ху*. Усы шици Ли Дачжао чуаньбо макэсычжуи дэ ди эр чжэнди — «Чэньбао фукань» чуаньбо макэсычжуи дэ гунсянь юй ии : [Вторая линия пропаганды марксизма Ли Дачжао во время «движения 4 мая» — вклад и значение «Чэньбао фукань» в пропаганде марксизма] // Аньхуэй дасюэ сюэбао: чжэ-сюэ шэхуэй кэсюэ бань. 2011. № 4. С. 127.

⁷ *Гэн Чунылян*. Макэсычжуи цзай Чжунго цзаоци чуаньбо дэ дяньсин вэнь-бэнь яньси — и «Чэньбао фукань» вэй чжунсинь : [Изучение классических текстов ранней пропаганды марксизма в Китае — «Чэньбао фукань» в качестве центра] // Гаосяо макэсычжуи лилунь яньцзю. 2015. № 1. С. 110—117.

⁸ *Хи Хиаоцин*. *Cosmopolitanism...* P. 42.

⁹ Ibid.

¹⁰ Цит. по: *Хи Хиаоцин*. *Cosmopolitanism...* P. 43.

¹¹ *Лю Жунтянь, Шан Чанбао*. 1925 «Лянь Э чоу Э» луньчжэн чжун дэ Сюй Чжимо : [Сюй Чжимо в дискуссии 1925 г. о «союзе с Россией и ненависти к России»] // Лу Сюнь яньцзю юэкань. 2015. № 2. С. 72.

¹² Там же. С. 73.

¹³ *Сюй Чжимо*. Ленин цзижи — тань гэмин : [День памяти Ленина — разговор о революции] // Сюй Чжимо цюаньцзи. Ди эр цзюань. Сань вэнь (2). Хань Шишань бянь : [Полное собрание сочинений Сюй Чжимо. Т. 2. Проза (2). Сост. Хань Шишань]. Тяньцзинь, 2005. С. 353.

¹⁴ Там же. С. 355.

¹⁵ Там же. С. 358 .

¹⁶ Там же. С. 358—359.

¹⁷ *Хи Хиаоцин*. *Cosmopolitanism...* P. 43.

¹⁸ *Сюй Чжимо*. Ю цун Су Э хуэй цзян дао фукань — Мянцзи сяньшэн лайгао дэ шухоу : [От Советской России еще раз вернемся к приложению — послесловие к публикации господина Мянцзи] // Сюй Чжимо цюаньцзи. Ди эр цзюань. Сань вэнь (2). Хань Шишань бянь. Тяньцзинь, 2005. С. 174—175.

¹⁹ *Хи Хиаоцин*. Cosmopolitanism... Р. 45.

²⁰ *Ломанов А.В.* «Эксперименталист» в стране «великого эксперимента»: поездка Ху Ши в Москву в 1926 г. // Общество и государство в Китае. 2011. № 41—1. С. 175—181.

²¹ *Гао Ликэ*. Сюй Чжимо юй Ху Ши дэ Су Э чжи чжэн : [Спор Сюй Чжимо и Ху Ши о Советской России] // Чжэцзян дасюэ сюэбао: жэньвэнь шэхуэй кэсюэ бань. 2010. № 5. С. 198—199.

²² *Мамаева Н.Л.* Россия и начальный период «движения за новую культуру» в Китае // Проблемы Дальнего Востока. 2016. № 5. С. 127.

DOI: 10.24411/2618-6888-2018-10026

Г.И. Саркисова

МАЛОИЗВЕСТНЫЕ АСПЕКТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ 8-Й РОССИЙСКОЙ ДУХОВНОЙ МИССИИ В ПЕКИНЕ (по архивным материалам)

Аннотация. Рассмотрены отдельные эпизоды из жизни и деятельности 8-й Российской духовной миссии в Пекине, установленные по архивным документам, впервые введенным в научный оборот.

Ключевые слова: Российская духовная миссия в Пекине, Восьмая духовная миссия, архимандрит Софроний (Грибовский), церковник Козьма Карганский, Пограничная канцелярия, Коллегия иностранных дел, Лифаньюань.

Российской духовной миссии в Пекине, известной также как Пекинская духовная миссия, посвящено значительное количество работ в отечественной историографии. В них представлены как многолетняя история (с 1715 по 1956 г.) православной миссии, так и ее оценка и значимость в развитии русско-китайских отношений¹. Несмотря на то, что роль Российской духовной миссии в Пекине в изучении Китая и налаживании с ним дипломатических, культурных и торговых отношений трудно переоценить, «всякий еще не обнаро-

дованный источник, — по словам русского историка Н.И. Веселовского, — служащий к уяснению прошлого этой миссии, необходимо должен возбуждать интерес как в смысле историческом, так и в смысле бытовом»². К числу таких источников он отнес труд начальника 8-й Пекинской духовной миссии (1794—1808) архимандрита Софрония (Грибовского) «Уведомление о начале бытия россиян в Пейдзине и о существовании в оном греко-российской веры». Однако с этой точки зрения несомненного внимания заслуживают и другие документы по истории 8-й Российской духовной миссии в Пекине, обнаруженные в Архиве внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ценность этих источников состоит в том, что о них нет никакого упоминания в фундаментальном труде Н. Адоратского «История Пекинской духовной миссии во второй период ее деятельности (1745—1808)»³, и введение их в научный оборот внесет новые подробности в историческую и бытовую канву жизни 8-й духовной миссии в Пекине.

Под началом архимандрита Софрония (Грибовского) в составе 8-й духовной миссии находились иеромонахи Иессей и Варлаам, иеродиакон Вавила, причетники Козьма Карганский (Каргинский, Карагинский) и Василий Богородский, а также ученики Павел Каменский, Степан Липовцов, Иван Малышев и Карп Круглополов (Круглополов)⁴, который, однако, из-за болезни вернулся в Россию 23 июля 1795 г. вместе с членами предыдущей миссии⁵, а его место занял толмач Пограничной канцелярии⁶ Василий Новоселов, «признанный по знанию ево монгольского разговора» способным к обучению в Пекине⁷. Следует отметить, что данные сведения не совпадают с заключением П.Е. Скачкова о зачислении В. Новоселова в ученики миссии после смерти И. Малышева⁸.

Неполным оказался срок пребывания в китайской столице и для другого члена миссии, включенного в ее состав в 16-летнем возрасте, — бывшего ученика риторики Казанской семинарии Козьмы Карганского. Уже 18 мая 1796 г., через полтора года, проведенных в Пекине, Козьма Карганский оповестил начальника миссии архимандрита Софрония о своих проблемах со здоровьем: бессоннице, меланхолии, обмороках. А 14 марта 1799 г. в другом прошении начальнику миссии он сообщил о неспособности «к отправлению дьяческой должности» по болезни «от пекинского климата»⁹.

Более подробно о причине своего возвращения в Россию и о том, как это произошло, о жизни и делах 8-й духовной миссии в Пекине К. Карганский рассказал, отвечая на вопросы Пограничной канцелярии 22—23 мая 1799 г. Причиной его отъезда из Китая стала болезнь, о которой архимандрит Софроний оповестил Лифаньюань (китайский Трибунал)¹⁰ и просил об отправлении К. Карганского на родину. После этого архимандрит «на удачу», по словам Карганского, подготовил депеши в Россию, оставив «в иных на числа места». Неожиданно по прошествии более месяца 22 апреля на праздник Пасхи на посольский российский двор приехал китайский офицер с сопровождавшими и объявил, что китайский император «оказал благоволение по прозьбе архимандрита и от Требунала приказано ему, афицеру, одного духовного, получа от архимандрита, препроводить в Россию на их подводах без платы»¹¹. Поскольку китайский офицер торопил с отъездом, на сборы ушло не более часа, в течение которого «архимандрит едва успел подписать рапорты и дать Карганскому письменное одобрение..., пакеты ж за осторожностью сокрыты были в его, Карганского, платье». Все шесть пакетов, зашитые в тюфяк и одежду церковника, были успешно доставлены в Россию и отданы в Пограничную канцелярию¹². Они были адресованы в Святейший правительствующий синод, в Коллегию иностранных дел (два пакета), в Иркутскую духовную консисторию, в Иркутскую казенную палату и иркутскому военному губернатору генерал-лейтенанту Б.Б. Лещану¹³. Ему архимандрит Софроний поведал и о других предпринятых им попытках отправки корреспонденции из Пекина в Россию.

Одна из них была связана с необходимостью оповещения Коллегии иностранных дел о получении мягкой рухляди и серебра на жалованье членам миссии. Летом 1798 г. по договоренности российской и китайской сторон в Кяхте китайский подрядчик купец Лусан доставил в Пекин этот багаж из 13 тюков, получил расписку¹⁴, но отказался взять ответные послания архимандрита в Кяхту. Тогда глава 8-й миссии обратился в Лифаньюань с просьбой о разрешении на отправку в Россию рапорта о получении мягкой рухляди. Однако Лифаньюань, соблюдавший условия Кяхтинского трактата (21 октября 1727 г.) о ведении переписки между Китаем и Россией только на официальном уровне (от своего имени и имени российского

Сената¹⁵), отклонил просьбу. По сообщению архимандрита Софрония, он получил ответ, что от него не будет принято ни одной строки для посылки в Россию¹⁶. Столь категоричный отказ вполне соответствовал традиционной китаецентрической модели видения мира, в которой другие государства воспринимались как вассалы Цинской империи. В конце концов, архимандриту Софронию удалось отправить подготовленные бумаги «через Европу в Португалию к тамошнему российскому посланнику» для пересылки в Коллегию иностранных дел, что, по словам архимандрита Софрония, могло произойти предположительно «в последних числах августа или сентября месяца» 1799 г. Следует отметить, что столь же сложным путем через Макао вокруг Азии и Африки в Португалию было отправлено упоминаемое Н. Адоратским донесение начальника 8-й миссии Святейшему правительствующему синоду от 20 августа 1798 г.¹⁷, полученное в Петербурге лишь 11 апреля 1800 г. от португальского посланника барона Мальтица¹⁸.

В сложившейся подобным образом практике передачи сведений из Пекинской духовной миссии на родину столь быстрая доставка корреспонденции церковником К. Карганским была несомненной удачей, а привезенные им свежие впечатления о пребывании в столице Цинской империи не могли не привлечь внимания Коллегии иностранных дел и способствовать накоплению ею определенного опыта.

Пограничная канцелярия узнала от бывшего члена 8-й миссии, что дорогу домой он преодолел верхом на лошадах за месяц (к вечеру 21 мая 1799 г.). «И хотя повелено было от правительства китайского, — сообщил церковник, — давать ему для пищи на каждом станку по барану, но когда переедут два и три станка, то он получал только по одному, а протчих оставлял в пользу провоза афицера, избыток же мяса и шкуры — канвойным, но, несмотря на все то, китайские приставники с подвотчиками даже до Урги поступали с ним грубо и с пренебрежением»¹⁹. Совсем другое, благосклонное, отношение испытал русский церковник со стороны монголов «от Урги до Кяхты». А «в кяхтинских Маймачинах заргучей, обласкав его, давая ему у себя стул, — вспоминал Карганский подробности встречи, — подчивал чаем и фруктами»²⁰. Кроме того, он указал и на другой пример, подтверждавший «немалую приверженность» Мун-

галии к российской стороне: «Когда увидится случайно в Пекине приезжей мунгалец с российскими, оказывает великую ласку»²¹.

Вместе с тем, повествуя о жизни 8-й духовной миссии в Пекине, Карганский отметил, с одной стороны, отсутствие притеснения от китайцев, а с другой — существование ряда проблем в отношениях с ними. Одно из осложнений возникло при обмене мягкой рухляди на китайское серебро из-за сильного понижения цен китайскими купцами. «Главную ж тому притчиною те китайцы, — объяснял церковник, — кои при монастыре приставниками и у свиты нашей работниками находятся, ибо они сторонних купцов при входе в монастырь, не впусая, предваряют понижать товарам цены и рядятся с ними сами из барыша, лашаясь²², о своей корысте»²³. По словам К. Карганского, члены миссии догадывались о том, что об этих действиях было известно Лифаньюаню, в который с их стороны, однако, не было никаких обращений с жалобами.

Вместе с тем церковник от китайцев располагал сведениями о существенном повышении цен на мягкую рухлядь в Пекине в связи с подорожанием ее в Кяхте. А вот ценовой рост на чай, сахар и шелковые товары, со слов китайцев, Карганский связывал с продолжавшейся войной с народом «мюзою», который «пленил китайских пять губерней, чрез кои и пресекася путь к доставлению сахара и протчих нарочитых товаров»²⁴. Из проблем внутренней жизни китайского общества бывший член 8-й духовной миссии выделил также жестокое поветрие на людей, унесшее в 1798 г. в Пекине большое количество жизней²⁵. Оповестил К. Карганский Пограничную канцелярию и о том, что «о неприятных китайцов против России намерениях совсем он не слышал»²⁶.

Опосредованное влияние китайских властей на жизнь российской духовной миссии в Пекине проявилось не только в понижении цен на российскую пушнину, но и в ограничении контактов членов 8-й миссии с иезуитами. По словам К. Карганского, «весьма дружеское и всегдашнее обращение» их с иезуитами продолжалось около года с приезда российской духовной миссии в столицу Цинской империи. Об этом общении довольно подробно рассказал в своих журнальных секретных записках 1794—1795 гг. пристав В.К. Игумнов²⁷, сопровождавший 8-ю миссию в Пекин. Однако по прошествии времени иезуиты, «будучи у архимандрита, за секрет ему объявили, бут-

то бы китайское правительство строго им запретило иметь с российскими обращение, дружески просили, дабы российские их не посещали». Наряду с этим русские, по сообщению Карганского, не получили с китайской стороны никакого запрещения на контакты с иезуитами²⁸, приостановившими сношения с российской миссией. На самом деле возникшая ситуация была продолжением конфликта между католическими миссионерами и цинской властью: «в ответ на растущие подозрения относительно тайных политических мотивов иностранных миссионеров» император Инь Чжэнь²⁹ в 1724 г. отменил указ императора Сюань Е³⁰ 1692 г. о терпимости к христианству³¹, что стало основанием для гонений на католических христиан. Кроме того, существовали разногласия и среди самих католических миссий по поводу различных вопросов, связанных с проповедью христианства в Китае. По словам А.В. Ломанова, «стремление иезуитов избежать конфликта христианства с существующими в Китае культурами Конфуция и предков вызвало противодействие францисканцев и доминиканцев»³². С этой точки зрения интересно упоминание К. Карганского о польском католике Ромоальде, который «со слугою по неизвестной притчине из Пекина 1798-го зимою так тайно и удачно скрылся бегством в Кантон, а оттоль на каком-то караване, что не только китайское правительство, но и другие эзуиты совсем тогда не знали»³³. Однако причина бегства, вполне возможно, объяснялась тем, что, по данным Н. Адоратского, «францисканец Ромоальд жаловался о Софронии, что между их орденами внедрился великий спор касательно способов обращения китайцев в христианство»³⁴. А молодой церковник Карганский, по всей видимости, был далек от понимания как этих проблем, так и различий между католическими миссионерами, поскольку назвал их иезуитами «разных наций» и Ромоальда в их числе.

Не менее интересным было сообщение К. Карганского о волжских калмыках, отмеченное в документе на полях, как и в других случаях, пометой NB. Сведениями о них поделился с Карганским церковник В. Богородский, случайно встретивший одного из волжских калмыков и вступивший с ним в разговор. Собеседник пожаловался на свою судьбу, поведав Богородскому, «что когда они находились в российском подданстве, то жили во изобилии, но ныне у китайцев жизнь им не выгодна и притеснительна. Вообще-де все калмыки со-

жалуют о своем вероломстве и преступлении»³⁵. Таким образом очевидцем был подведен печальный итог событиям, связанным с массовым переселением волжских калмыков, среди которых преобладали торгуты, из пределов Российской империи в Китай в 1771 г.

К. Карганский предоставил Пограничной канцелярии не всю информацию, привезенную из Пекина, предупредив Канцелярию о том, что имеет «словесное» приказание от архимандрита Софрония «нечто секретно доложить господину иркутскому губернатору»³⁶. При встрече с генерал-лейтенантом Б.Б. Лещано церковник подтвердил получение миссией мягкой рухляди и серебра, отправленных на жалованье ее членам из России в 1798 г. Насколько эти сведения были важны для Пограничной канцелярии свидетельствуют документы, написанные в августе 1798 г. в связи с выяснением вопроса о том, было ли отдано серебро архимандриту Софронию³⁷. Сомнения по этому поводу возникли из-за отсутствия в привезенной из Пекина расписке архимандрита упоминания «о серебре в одном тючке»³⁸. Более подробный отчет начальника 8-й миссии о полученном из России, как уже отмечалось, должен был прийти от российского посланника из Португалии лишь в августе—сентябре 1799 г.

То, на что архимандрит Софроний хотел обратить внимание Коллегии иностранных дел, было изложено К. Карганским следующим образом.

Для поднятия авторитета начальников российской духовной миссии предлагалось в дальнейшем посылаемых в Пекин архимандритов называть не старшими священниками, «а означать прямо настоящее их достоинство, в каком они есть, ибо у китайцев ламы в презрении, а посему и нашему никакого уважения не делается»³⁹.

Рекомендовалось также включать в состав миссии «особых служителей из россиян», поскольку нанимавшиеся в Пекине в качестве прислуги китайцы стоили недешево и интриговали.

Советовалось дать разрешение «свитным служителям брать с собою в Пекин российский платье, и там иметь оное во употреблении», поскольку местные жители, видя русских в китайском платье, «почитают порабощенными или посылаемыми из России яко пленников»⁴⁰.

Предложения архимандрита Софрония были изложены в рапорте иркутского военного губернатора Б.Б. Лещано и отправлены в

Коллегию иностранных дел, которая, судя по пометам на полях этого документа, полученного 17 июля 1799 г., проявила к полученным рекомендациям несомненный интерес⁴¹. В свою очередь иркутский военный губернатор в своем следующем рапорте от 13 июля 1799 г. тоже выразил мнение по поводу возможного оповещения начальника 8-й миссии о всем необходимом «посредством ургинских амбаней», «но для отнятия всякого со стороны китайского правительства сомнения» передавать корреспонденцию в незапечатанных конвертах⁴². Н. Адоратский, сославшись на донесение Б.Б. Леццано в Коллегию иностранных дел от 11 марта 1802 г., сообщил о том, что позднейшая корреспонденция от архимандрита Софрония с 1801 г. шла через Кяхту⁴³.

Каковы же были ответные действия Коллегии иностранных дел? Она в 1802 г. обратилась к своему переводчику Антону Владыкину, бывшему ученику 7-й духовной миссии, с 10 вопросами по Китаю. Ответы на них должны были помочь Коллегии в решении проблем, затронутых архимандритом Софронием. Относительно употребления термина «лама» Коллегия пришла к заключению, что это слово не содержало в себе ничего предосудительного и было неправильно истолковано католическими миссионерами, поскольку в переводе А. Владыкина соответствовало слову «духовный», а честные и умные ламы, по его замечанию, уважались⁴⁴. На рекомендацию архимандрита Софрония о включении еще на территории России в состав последующих миссий людей в качестве прислуги Коллегия иностранных дел ответила отказом, сославшись на V пункт Кяхтинского трактата 1727 г., которым это не было предусмотрено. Кроме того, Коллегия добавила еще один аргумент: «А воровство и злоба со стороны прислуги везде случается и свойственна людям сего рода»⁴⁵.

Вопрос о ношении российского платья в Пекине не вошел в число заданных А. Владыкину. Возможно, у Коллегии иностранных дел уже было сформировано мнение на этот счет на основе опыта жизни и деятельности в Пекине 5-й духовной миссии (1755—1771) под началом архимандрита Амвросия (Юматова) и впечатлениях об этом курьера В.Ф. Братищева, побывавшего в 1757 г. в столице Цинской империи. Российский дипломат среди многих достижений архимандрита Амвросия оценил и его стремление не выделяться внешним видом среди местного населения. «Для избежания от своеволь-

ного китайского народа ругательных посмеяний», архимандрит, по сообщению Братищева, и с ним вся свита носили маньчжурское или китайское платье «и подлинно тем образом такому нагло порицающему с нестерпимыми досаждениями иностранное одяние народу перестали при своих выездах чудовищем казаться»⁴⁶. Вследствие всех мер, предпринятых архимандритом Амвросием, обеим сторонам удавалось сохранять миролюбивые отношения и, по заключению дипломата, «не слышно было ни от архимандрита на китайцов, и ниже от сих на него никаких жалоб»⁴⁷. Данные факты находятся в явном противоречии с утверждением архимандрита Софрония об отношении китайцев к русским в китайском платье как к поработленным. К тому же начальник 8-й миссии не представил ни одного примера, убеждавшего в этом.

Таким образом, архивные документы позволили выявить новые подробности из жизни 8-й духовной миссии в Пекине: благодаря успешному решению архимандритом Софронием с помощью Лифаньюаня вопроса о возвращении в Россию заболевшего церковника К. Карганского Коллегия иностранных дел в короткий срок получила сведения о доставке в миссию мягкой рухляди и серебра на жалованье ее членам, а возникшие в жизни миссионеров проблемы, о которых начальник 8-й миссии оповестил через Карганского, Коллегия урегулировала с учетом мнения и опыта членов других духовных миссий.

Примечания

¹ О разносторонней деятельности миссии см.: *Ипатов А.С.* Российская духовная миссия в Китае: век двадцатый // История Российской духовной миссии в Китае. М., 1997. С. 281—317; *она же.* Место Российской духовной миссии в Китае в истории российско-китайских отношений // Востоковедение и мировая культура. К 80-летию академика С.Л. Тихвинского. М. 1998, С. 202—233; *она же.* Деятельность Российской духовной миссии в Китае // Отечественные записки. 2008. № 43 (3). С. 320—331; *она же.* «То дело зело изрядно...» К 330-летию православия в Китае и 300-летию основания Российской духовной миссии в Пекине // Проблемы Дальнего Востока. 2015. № 6. С. 120—141; *она же.* Пекинская жизнь Российской духовной миссии в XVIII — начале XIX в. // Исторические события в жизни Китая и современность // Материалы Всероссийской научной конферен-

ции Центра изучения новейшей истории Китая и его отношений с Россией Института Дальнего Востока РАН. Москва, 17—18 февраля 2016 г. М.: ИДВ РАН, 2016. С. 30—40. *Хохлов А.Н.* Стажеры и стипендиаты при Пекинской духовной миссии // Православие на Дальнем Востоке. 275-летие Российской духовной миссии в Китае. СПб., 1993. С. 62—74; *он же.* Флавиан Городецкий (1840—1915) — глава Российской духовной миссии в Пекине и иерарх Русской Православной Церкви // Научно-богословские труды по проблемам православной миссии. Белгород. 1999. С. 86—89.

² *Веселовский Н.И.* Материалы для истории Российской духовной миссии в Пекине. СПб., 1905. Вып. 1. С. 1.

³ *Адоратский Н.* История Пекинской духовной миссии во второй период ее деятельности (1745—1808). Вып. II. Казань, 1887.

⁴ АВПРИ. Ф. Сношения России с Китаем. Оп. 62/3. 1792. Д. 1. Л. 53.

⁵ Там же. Л. 150.

⁶ Троицкосавская пограничная канцелярия была учреждена в 1728 г. с постройкой Троицкосавской крепости на границе с Китаем для установления с ним торговых отношений и охраны границ. Упразднена в 1851 г.

⁷ Ф. Сношения России с Китаем. Оп. 62/3. 1792. Д. 1. Л. 150 об.

⁸ *Скачков П.Е.* Очерки истории русского китаеведения. М., 1977. С. 83. По сведениям Н. Адоратского, И. Малышев умер 30 сентября 1806 г. См: *Адоратский Н.* Указ. соч. С. 342. Сноска 1.

⁹ *Адоратский Н.* Указ. соч. С. 341. Сноска 3.

¹⁰ Лифаньюань (кит.) — центральное учреждение Цинской империи до 1861 г., ведавшее управлением Монголией, Тибетом, а также отношениями с Россией.

¹¹ Ф. Сношения России с Китаем. Оп. 62/3. 1792. Д. 1. Л. 439. Следует отметить, что Н. Адоратский указал неправильную дату отъезда К. Карганского из Пекина: 1 апреля 1799 г. См.: *Адоратский Н.* Указ. соч. С. 341. Сноска 3.

¹² Ф. Сношения России с Китаем. Оп. 62/3. 1792. Д. 1. Л. 439.

¹³ Там же. Л. 435. Борис Борисович Лещано (1740—1827) — итальянец, дослужившийся на русской службе до генерала от инфантерии. Занимал должность иркутского военного губернатора в 1798—1802 гг.

¹⁴ Ф. Сношения России с Китаем. Оп. 62/3. 1792. Д. 1. Л. 428—428 об. По реестру, в Пекин было отправлено 10 тюков с мягкой рухлядью и 1 тючок с серебром (л. 411). Еще один тюк состоял из сукна, а другой — из конверта с письмами (л. 422).

¹⁵ Русско-китайские договорно-правовые акты (1689—1916). М., 2004. С. 44.

- ¹⁶ Ф. Сношения России с Китаем. Оп. 62/3. 1792. Д. 1. Там же. Л. 438.
- ¹⁷ *Адоратский Н.* Указ. соч. С. 327.
- ¹⁸ Там же. Сноска 4.
- ¹⁹ Ф. Сношения России с Китаем. Оп. 62/3. 1792. Д. 1. Л. 439—439 об.
- ²⁰ Там же. Л. 439 об.
- ²¹ Там же. Л. 440 об.
- ²² Лашаясь — очевидно, деепричастие от глагола «лашаться», производного от существительного лаж, которое согласно словарю В.И. Даля означает промен, приплату к одному роду монеты при промене ее на другую или прибавочную ценность монеты одного рода при уплате ею за товар. — *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка.
- ²³ Ф. Сношения России с Китаем. Оп. 62/3. 1792. Д. 1. Л. 439 об.
- ²⁴ Там же. Л. 440. По всей видимости, речь идет о народности мяо (мяо-цзу), искаженное название которой (миотзы, миодзы, моозы, мяозо) встречается и в журнальных секретных записках пристава В.К. Игумнова там, где он сообщает сведения о восстании этой народности против цинских властей. Восстание началось в 1795 г. в провинциях Гуйчжоу и Хунань и лишь в начале 1797 г. было подавлено. См.: Ф. Сношения России с Китаем. Оп. 62/3. 1794. Д. 2. Л. 17, 17 об., 19, 19 об.; История Китая с древнейших времен до начала XXI века. М., 2014. Т. 6. С. 133—134.
- ²⁵ Ф. Сношения России с Китаем. Оп. 62/3. 1792. Д. 1. Л. 440 об.
- ²⁶ Там же. Л. 440.
- ²⁷ Там же. 1794. Д. 2. Л. 1—25. Подробнее об Игумнове см.: *Саркисова Г.И.* Роль пристава российских духовных миссий В.К. Игумнова в истории российско-китайских отношений второй половины XVIII в. (по архивным материалам) // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. М., 2017. Вып. XXII. С. 369—384.
- ²⁸ Ф. Сношения России с Китаем. Оп. 62/3. 1792. Д. 1. Л. 440.
- ²⁹ Император Инь Чжэнь (1678—1735). Девиз годов правления Юнчжэн (1723—1735).
- ³⁰ Император Сюань Е (1654—1722). Девиз годов правления Канси (1662—1722).
- ³¹ *Ломанов А.В.* Христианство и китайская культура. М., 2002. С. 203.
- ³² Там же. С. 172.
- ³³ Ф. Сношения России с Китаем. Оп. 62/3. 1792. Д. 1. Л. 440.
- ³⁴ *Адоратский Н.* Указ. соч. С. 355.

- ³⁵ Ф. Сношения России с Китаем. Оп. 62/3. 1792. Д. 1. Л. 440—440 об.
- ³⁶ Там же. Л. 440 об.
- ³⁷ Там же. Л. 426—430 об.
- ³⁸ Там же. Л. 426.
- ³⁹ Там же. Л. 435 об.
- ⁴⁰ Там же. Л. 436.
- ⁴¹ Там же. Л. 435—436 об.
- ⁴² Там же. Л. 445 об.
- ⁴³ *Адоратский Н.* Указ. соч. С. 328. Сноска 4.
- ⁴⁴ Там же. С. 331, 338.
- ⁴⁵ Там же. С. 338.
- ⁴⁶ Русско-китайские отношения в XVIII в. Т. 6. М., 2011. Док. № 62. С. 190.
- ⁴⁷ Там же.

DOI: 10.24411/2618-6888-2018-10027

В.Г. Шаронова

ПРОВИНЦИЯ ЦЗЯНСИ В РУССКО-КИТАЙСКИХ ТОРГОВЫХ ОТНОШЕНИЯХ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX в.*

Аннотация. Рассмотрен вопрос о роли провинции Цзянси — важного производителя чая в Юго-Восточном Китае — в русско-китайских торговых отношениях с конца XIX до начала XX вв. Освещается деятельность русских фабрик по изготовлению кирпичного чая в провинции Цзянси. Отражена и роль русского купечества в коммерческой и общественной жизни китайских городов Кьюкианг (Цзюцзян) и Кулин. На основании отчетов российских и иностранных дипломатов дана характеристика структуры экспортно-импортных операций в чае, торговле и других сферах.

Ключевые слова: русские купцы, чайная торговля, Русская концессия, Россия, Китай, сотрудничество, экспорт, импорт, Цзянси, Кьюкианг (Цзюцзян), провинция, продажа.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 16-27-21001 «Формирование общего экономического пространства в Евразии: Исследование вопросов сопряжения строительства Экономического пояса Шелкового пути и Евразийского экономического союза».

«Великий чайный путь» между Россией и Китаем играл важную роль в торговом сотрудничестве двух стран. Он способствовал не только развитию экономики, но и приводил к росту малых городов, превращая их в центры экономической жизни. Одними из таких городов стали находящиеся в пров. Цзянси Кьюкианг (Цзюцзян) и Кулин, названия которых сейчас редко упоминаются при обсуждении российско-китайских коммерческих проектов. В нашей лексике стало привычным выражение «Силиконовая долина», обозначающее средоточие высокотехнологичных предприятий в штате Калифорния в США, а более 150 лет назад в китайской пров. Цзянси на слуху было выражение «Русская долина», которая ассоциировалась у местных жителей со славой русского купечества.

Пров. Цзянси находится в юго-восточной части Китая, по южную сторону среднего и нижнего течения р. Янцзы. В середине XIX в., после подписания ряда договоров между европейскими державами и Китаем, здесь стали обосновываться иностранные коммерсанты. Это были англичане, прибывшие сюда из будущей чайной столицы Китая г. Ханькоу (пров. Хубэй). Изучив прежде всего состояние дел в чайной промышленности, они открывали конторы своих компаний в старинном г. Кьюкианге (Цзюцзяне), а позже — в Кулине.

Кьюкианг, расположенный на р. Янцзы, как нельзя лучше, подходил для ведения торговли и дальнейшей доставки продукции в Ханькоу. Город имел хорошо развитую транспортную инфраструктуру: дороги, судоходные реки, каналы, озера. Иностранцы селились в Английской концессии, расположенной в ближнем пригороде в живописной местности вдоль берега Янцзы. Рядом находилась дорога, которая вела в горы Лушань.

Ханькоу оставался главным центром торговли чаем, а Кьюкианг, несмотря на то, что находился в соседней провинции, стал его важным спутником. Русские торговцы чайным листом стали селиться в Ханькоу с середины XIX в. Постепенно они начали открывать сперва отдельные цеха, например, сушильные, а затем и целые фабрики.

Именно купцы были первыми представителями консульской службы в Ханькоу — П.В. Пономарев и Н.А. Иванов, сыгравшие огромную роль в развитии русской чаеоторговли и укреплении автори-

тета русской колонии. Далее их сменили известные дипломаты — П.А. Дмитриевский, А.С. Вахович, А.Т. Бельченко, Н.А. Шуйский, которые также способствовали расширению русско-китайской торговли как в пров. Хубэй, так и в прилегающих к ней провинциях, включая Цзянси. Благодаря совместной деятельности коммерсантов и дипломатов и достижениям в области двусторонних экономических отношений, китайские власти в мае 1896 г. подписали важное Положение о Русской концессии в Ханькоу.

Уже к концу XIX столетия русские коммерсанты покупали треть всего чая на ханькоуском рынке, вытеснив англичан. Чайные караваны шли сухим путем через Кяхту и Иркутск, откуда по железной дороге — в Москву и другие города. С 1863 по 1873 г. в Ханькоу русскими предпринимателями было построено несколько чаеперерабатывающих фабрик. Производимые на них различные виды черных и зеленых чаев (кирпичный, плиточный и др.) были известны не только в России, но и в Европе. Правительство России высоко оценило деятельность купцов, отметив наградами многих из них. В 1891 г. наследник русского престола, цесаревич Николай Романов, путешествовавший по Дальнему Востоку, посетил в Ханькоу русскую чайную фабрику¹.

Организованная русскими купцами сеть по сбору, производству чая и его доставке в Ханькоу была хорошо отлажена. В пров. Хубэй одним из главных центров было местечко Янлоудун в уезде Чибби, где располагались чайные плантации и находились фабрики, осуществлявшие первичную обработку чайного листа, который затем в специальной таре перевозился по р. Янцзы до пункта назначения.

В соседней пров. Цзянси таким центром являлся Кьюкианг (Цзюцзян), занимавший 3-е место по производству и торговле чаем после Ханькоу и Фучжоу. В нем в Английской концессии располагались две русские фабрики по производству кирпичного чая (с четырьмя паровыми прессами). Ранней весной, еще до начала сбора листа, русские агенты первыми устремлялись на горные плантации, чтобы заключить выгодные контракты по закупкам сырья и полуфабриката, которые после поступали прямо на склады фирм.

Весь собранный в пров. Цзянси (Нинчжоу, Хокоу, Кьюкианг) и пограничных с ней районах в пров. Аньхой (Кимынь и Кинтунг)²

чайный лист, а также полуфабрикаты из него, направлялись в Кьюкианг. Поэтому они получили общее название «кьюкиангские». Эти чаи, как правило, первыми поступали на ханькоуский рынок в апреле—мае. Цена на них была относительно невысокой, но их качество считалось хорошим.

Первая русская фабрика в Кьюкианге была организована известной чаеоторговой компанией «Пятков&Молчанов и Ко» («Fow cheong»). Ее основателями были тарский 1-й гильдии купец Михаил Федорович Пятков и потомственный почетный гражданин Санкт-Петербурга, коммерции советник Никита Матвеевич Молчанов. После смерти М.Ф. Пяткова (1900) совладельцем фирмы стал московский купец 1-й гильдии Сергей Акинфиевич Печатнов. Основная контора компании находилась в Ханькоу, а ее филиалы работали в Кьюкианге, Тяньцзине, Фучжоу и позже — в цейлонском Коломбо. Глава компании Н.М. Молчанов играл большую роль в жизни русской колонии как в Ханькоу, так и в Кьюкианге, много лет состоял в членах правления Международного и Русского клубов. По ходатайству Священного синода, Никита Матвеевич, являвшийся старостой ханькоуского храма Св. Александра Невского, будучи щедрым пожертвователем на церковные нужды, был награжден правительственными орденами. Семья второго компаньона Сергея Акинфиевича Печатнова до революции проживала в Москве. С.А. Печатнов оставался компаньоном Н.М. Молчанова до 1924 г. По данным справочников ханькоуских компаний, фабрика продолжала работать в Ханькоу до 1941 г. под новым названием «Собственники Молчановы М.Н., Н.М. и Ко». Затем она была продана китайским властям, а хозяева эмигрировали в Европу.

Вторая крупная чайная русская компания «Токмаков, Шевелев и Ко» (Shoon — foong) за долгий период своего существования также преобразовывалась несколько раз. Ее основали в Ханькоу в середине 1870-х гг. кяхтинские 1-й гильдии купцы Иван Федорович Токмаков и Михаил Григорьевич Шевелев. Иван Федорович стал одним из участников первого торгового каравана, направившегося из России в Китай. Он был хорошо известен в купеческих кругах как умелый предприниматель и опытный коммерсант. Михаил Григорьевич Шевелев начал учить китайский язык еще на школьной скамье. В 1850-х гг. его направили в Китай в числе русских учеников для

изучения языка и основ чайного дела. Став одним из лучших переводчиков, он много лет прожил в Китае. (Большим помощником в коммерческих делах фирмы был в 1870-х гг. и ее первый управляющий в Китае кяхтинский 2-й гильдии купец Николай Гаврилович Сахаров).

В 1880 г. М.Г. Шевелев переехал во Владивосток. Вскоре вместе с И.Ф. Токмаковым он основал первое русское торговое пароходство на Дальнем Востоке — компанию «Добровольный флот». Новые дела не позволили М.Г. Шевелеву заниматься чайным бизнесом, и он передал свои полномочия служащему фирмы казанскому 1-й гильдии купцу Осипу Яковлевичу Молоткову. Компания стала называться «Молотков&Токмаков и Ко». Спустя несколько лет по состоянию здоровья И.Ф. Токмаков переехал в Крым. Здесь он постепенно отошел от чайной торговли и вместе с О.Я. Молотковым организовал винную компанию. В 1908 г. после смерти одного из ее основателей — И.Ф. Токмакова — чайная компания «Молотков&Токмаков и Ко» была продана ее управляющему, томскому купцу 1-й гильдии Семену Васильевичу Литвинову. Компания стала называться «С.В. Литвинов и Ко».

Отчеты о торговле в Китае русских и иностранных дипломатов имели большое значение для развития российско-китайских экономических отношений. Содержащаяся в них информация была полезной для русских коммерсантов, стремящихся наладить продажу своих товаров в Китае. Также эти отчеты содержали сведения об объемах производимого на русских фабриках чая, его видах и разнообразных данных о закупках и отправке готовой продукции в Россию. Из них было видно, что российские товары, экспортируемые в Китай, не выдерживали конкуренцию с иностранными.

В своем «Отчете о торговле порта Ханькоу за 1887 г.» консул П.А. Дмитриевский писал: «Русская торговля в Ханькоу продолжает ограничиваться вывозом чая во всех его видах. Ввозят из России: сахар, варенье, грибы, крымские вина, на сумму 2.500 руб. золотом, которые потребляем сами. Русский сахар был ввезенный впервые в 1886 г., дорого стоит по сравнению с американским и китайским тростниковым. Китайцы поэтому его не покупали, а иностранцам он хоть и казался сладким, но был тверд и долго растворялся в чае. Ввезен был сахар в больших бочках и ящиках по 5—10 пудов весом,

поэтому был неудобен для розничной продажи. Раскупоренную бочку нужно было продать сразу, иначе в сырую погоду сахар отсыревал и таял. Французский сахар ввозился в жестяных банках по 2 фунта, уложенный кусочками. Русский от деревянных бочек сваливался в куски»³.

В начале 1880-х гг. русским предпринимателям удалось наладить продажу в Китай мануфактурных товаров: бархата, каразеи, плиса, бязи и других тканей. Но после первых покупок ввоз прекратился. Русские дипломаты сетовали, что, несмотря на прекрасное качество российского сукна (шерстяного и хлопчатобумажного), оно не закупалось по той причине, что наши фабриканты выпускали полотно с неподходящей для кроя китайского платья шириной. Покупателю приходилось покупать большее количество метров, и при этом часть ткани обрезалась и не использовалась. Такие покупки обходились значительно дороже, чем покупки английского сукна.

Положение не менялось в течение долгого времени. В «Отчете о торговле в Кьюкианге в 1908 г.», подготовленном британским консулом Э.Т.Ч. Вернером, приводятся данные о структуре экспортно-импортных операций. Среди разнообразия ввозимых в Китай иностранцами товаров (ткани, пряжа, металлы (чугун, сталь), красители, спички, зонтики, лекарства, водоросли, пищевые продукты (сахар, перец)) наименования, произведенные в России, отсутствуют. В основном сбывались британские и индийские, а также итальянские и японские товары. Из русских товаров китайцы закупали для нужд Кьюкианга только керосин, но доля его была мала, составляя лишь 0,3 % от общего объема закупок, в то время как доля американского керосина составляла 54,7 %, хотя он был значительно дороже⁴. Русский керосин поначалу вытеснил американский, но вскоре китайцы были вынуждены вернуться к покупке американского, так как русский продавался в бочках, а американский — в канистрах. Удобство его потребления было неоспоримо. Такие досадные мелочи приводили к тому, что ввозная торговля из России была в этом регионе практически на нуле.

Говоря о китайском экспорте, следует отметить, что кроме чая иностранцы закупали в Кьюкианге фаянс, фарфор, шелк, писчую бумагу, арахис, жиры, хлопок-сырец, семена (кунжут, дыня), перо,

бамбуковые коврики, фейерверки, причем часть этих товаров доставлялась на местный рынок по Янцзы из разных районов Китая.

Но, несмотря на разнообразие китайских товаров, чай оставался главным из них. Особой популярностью в европейской части России пользовался байховый черный чай, в Сибири и Забайкалье — черный кирпичный. Зеленый кирпичный чай закупался для жителей киргизских степей и Туркестана.

В «Отчете о торговле в порте Ханькоу за 1884 г.» консул П.А. Дмитриевский сообщал, что «В 1884 г. в порте Цю-цзян (Кьюкианг) на двух русских фабриках «Пятков&Молчанов и Ко» и «Молотков&Токмаков и Ко») было приготовлено 21.686 ящика, весом 22.199,76 пикблей = 3.278.580 русских фунтов и стоимостью 130.764 лан = 214.716 металлических рублей»⁵.

В направленном в 1891 г. в Азиатский департамент МИД отчете о торговле управляющий консульством в Ханькоу Н. А. Шуйский писал: «Продано изготовленных на русских фабриках в 1890 г. в Ханькоу «ханькоуских» чаев — 488.217 полу ящиков против 554.086 полу ящиков в 1889 г.; Продано в Кьюкианге, изготовленных на русских фабриках «кьюкиангских чаев» — 330.802 полу ящиков против 301.810 в 1889 г. Непроданные чаи отправили в Шанхай на продажу 4 фирмы»⁶.

В «Отчете о торговле консульского округа за 1895 г.» консулом А.С. Ваховичем указано, что из «хуасяна (*полуфабриката*. — *В.Ш.*) и чайного листа было спрессовано в Ханькоу и Кьюкианге:

1. Кирпичного черного — 159.297 ящика весом в 664.285 пуда 38 фунтов и стоимостью 2.404.615 серебряных рублей.
2. Кирпичного обыкновенного — 19.548 ящика, весом в 76.303 пуда 15 фунтов и стоимостью 191.435 серебряных рублей.
3. Кирпичного зеленого — 2.156 ящика, весом в 8.256 пуда 24 фунта стоимостью 25.115 серебряных рублей»⁷.

Поскольку Кьюкианг имел выгодное географическое положение, являясь портом на р. Янцзы, вторым его важным назначением была доставка сырья и полуфабриката в Ханькоу и отправка готовой продукции (байховые чаи), проступившей из Ханькоу, в Шанхай. Оттуда после перегрузки на корабли «Добровольного флота» чай отправлялся во Владивосток и Одессу.

Рост объемов чайной промышленности вызвал и дальнейшее развитие судоходства. В том же 1895 г. в Ханькоу и Кьюкианг с чайным грузом приходило 7 пароходов «Добровольческого флота»: «Саратов», «Москва», «Орел», «Ярославль», «Россия», «Кострома», «Тамбов». Было взято на борт 26 300 т груза, который доставили в Одессу⁸.

Кирпичные «ханькоуские» и «кьюкиангские» чаи доставлялись в Сибирь через Тяньцзинь — Калган (Чжанцзякоу) или через Дальний в Харбин и далее на пароходах Северного общества в Никольск (ныне — Уссурийск), Охотск, Аян, Петропавловск.

Рядом с Кьюкиангом находился горный курорт Лушань, который играл большую роль в чайной торговле. Начиная с середины 1860-х гг. китайские власти предоставляли эту местность иностранным миссионерам в качестве летней резиденции. Вскоре поселок получил название Кулин и приобрел большую популярность у проживающих в Ханькоу китайцев и иностранцев, в том числе русских. Городской жизнью руководил муниципалитет, в который выбирались англичане, немцы, русские и китайцы.

В местечке Лулин, одном из районов Кулина, находилась «Русская долина», территория которой принадлежала Пекинской духовной миссии. Договор о вечной аренде крупного участка земли был заключен между Россией и Китаем в 1898 г. Получив землю в полное неограниченное владение и на вечные времена, начальник миссии епископ Иннокентий Фигуровский отдал ее в управление генеральному консулу А.С. Ваховичу. Приобретенная земля использовалась для извлечения материальной выгоды и небольшими участками сдавалась в аренду с условием экстерриториальности.

Русская колония, проживавшая в Кулине и Лулине, состояла из купцов-чаеоторговцев, дипломатов, банковских служащих, представителей русского духовенства и интеллигенции. Русские купцы из Ханькоу выстроили себе каменные дачи, каждая из которых имела роскошный сад, огород и купальни. Одна из дач, освободившихся после отъезда хозяина из Китая, была приобретена Елизаветой Николаевной Литвиновой, устроившей в ней православную церковь, в которой служили священники, приезжавшие из Пекина, Харбина, Шанхая и Ханькоу. Рядом располагался кондитерский киоск, где

продавалась пользовавшаяся большим спросом традиционная русская выпечка (пирожки), выручка от чего шла на содержание храма.

Приобретение дачных участков в Лулине было делом не только престижным в плане летнего отдыха, но и полезным для ведения коммерческих дел в неформальной обстановке. Расположенный на территории Кулина клуб устраивал для своих членов различные заседания и приемы, на которых обсуждались вопросы ведения бизнеса, цены, пошлины и условия закупок будущих чайных сезонов. Такого рода «дачное сотрудничество» способствовало развитию новых коммерческих контактов и заключению сделок. Находящиеся на склонах гор чайные плантации посещались чаеоторговцами по приглашению владельцев и проходили с неизменным чаепитием и расхваливанием продукции. Нередко такие визиты заканчивались достижением договоренностей о контрактах.

К началу XX в. Кулин стал отдельным центром русско-китайской торговли. Кроме собственно чайных плантаций и представительств чайного бизнеса, в Кулине находились небольшие конторы русских строительных и логистических фирм. В одной из дач располагался Русско-Азиатский банк, который занимался обслуживанием частных клиентов.

Русская революция 1917 г. внесла свои изменения в русско-китайские торговые отношения и повлияла на состояние чайного рынка. Китай стал терять одного из своих главных импортеров чая. Коммерческие контакты русских чаеоторговцев с торговыми домами и посредническими конторами на родине были нарушены, грузы терялись, количество заказов резко сократилось. По ряду контрактов, заключенных с сибирскими купцами, торговля еще велась, но большая часть чая перенаправлялась на европейские рынки. Поиск новых каналов сбыта чайной продукции занимал время, и это приводило к снижению объемов закупаемого и производимого для экспорта чая. Старых и проверенных заказчиков потеряли не только русские, но и иностранные, и китайские фирмы. Следствием этого стало закрытие чайных фабрик, поскольку имевшее в то время затоваривание складов быстропортящимся продуктом приносило большие убытки. Так, в 1917 г. в Ханькоуском округе в горах и в Кьюкианге работало 312 русских и 289 иностранных фабрик, а в 1918 г. — уже 149 и 199 соответственно.

Из русских фирм в 1918 г. оживленную торговлю продолжали вести крупные торговые дома «С.В. Литвинов и Ко», «Молчанов, Печатнов и Ко». «Товарищество А. Кузнецов и Ко», «Братья К. и С. Поповы» и «Д.И. Наквасин и Ко». Общее количество вывезенных приготовленных на русских фабриках в Ханькоу и Кьюкианге черных кирпичных чаев составило 41 517 ящиков, зеленого кирпичного чая — 5572 ящика. Из них:

«С.В. Литвинов и Ко»: черного кирпичного — 20584 ящика; зеленого кирпичного — 1309.

«Товарищество А. Кузнецов и Ко»: черного кирпичного — 1844 ящика; зеленого кирпичного — 2218. «Молчанов&Печатнов и Ко»: черного кирпичного — 19 079 ящиков; зеленого кирпичного — 2045 ящиков.

Анализ количества вывезенного кирпичного черного чая из Ханькоу и Кьюкианга показывает снижение объемов сбыта готовой продукции: в 1917 г. — 129 915 ящиков против 41 517 ящиков в 1918 г.; кирпичного зеленого чая в 1917 г было вывезено 53 421 ящик, а в 1918 г. только 5572 ящика⁹ Такое же резкое снижение наблюдалось и по другим видам чая. В своем очерке о чайной торговле в Ханькоу и Кьюкианге А.Т. Бельченко писал, что: «В 1918 году было приготовлено очень мало чаев, составивших лишь 35 % того, что было сделано в 1915 году — 958.000 полуящиков»¹⁰.

Такое резкое сокращение сбыта постепенно привело к падению чайной торговли в целом. Китайские и иностранные банки, связанные с чайным делом, отказались давать субсидии на закупки нового урожая, а парохозяйственники сократили рейсы по р. Янцзы. Деятельность, которая в основном и привела Ханькоу и Кьюкианг к экономическому росту и процветанию, была парализована.

Изменились и маршруты доставки чая: теперь они шли через Дальний и Шанхай в обход большевистской России и далее — в Японию. Китайское правительство запретило вывоз чая в советскую Россию. Однако потом путь восстановился, и чай стал направляться также во Владивосток и на Камчатку.

Произошедшие изменения привели к переменам и в управлении «Русской долиной» в Лулине. В 1919 г. Общественным советом Русской концессии в Ханькоу было внесено предложение о принятии под свое управление владений Духовной миссии в Пекине в Лулине.

Планировалось взять в долгосрочную аренду 292 нераспроданных участка, в том числе участок миссии с постройками. Начальник Духовной миссии в письме генеральному консулу Бельченко выразил свое согласие с этим предложением. По договору, заключенному 24 мая 1919 г. Российской духовной миссией в Пекине с Общественным советом Русской концессии в Ханькоу, местность эта была передана в арендное пользование на 99 лет (по 24 мая 2018 г.) Общественному совету, который и ведал ею, создав особый комитет, избравшийся из числа налогоплательщиков Лулина. Общественный совет Русской концессии в Ханькоу, взяв под «свое крыло» управление «Русской долиной», четко регламентировал всю коммерческую и общественную деятельность, которая там осуществлялась. Было выработано «Временное положение об управлении Лулином», которое довели до сведения всех проживающих в Кулине, Цзюцзяне и Ханькоу. Все заявления желающих арендовать тот или иной участок тщательно рассматривались, кандидатуры обсуждались, после чего устанавливалась арендная плата. Кроме русских, в Лулине мог поселиться любой иностранный гражданин, желающий арендовать дачу. Нередко среди них были и китайские партнеры русских купцов: как правило — управляющие чайными плантациями и сотрудники контор, служащие таможи и компрадоры. Так, в Протоколе Общественного совета Русской концессии в Ханькоу от 7 июня 1921 г. указывается, что один из самых крупных участков в Лулине (1000 фын) был сдан г-ну Т. Дан по цене 4 лана за фын¹¹.

Общественный совет уделял большое внимание состоянию участков, выделял средства на ремонт дач, строительство дорог и мостов. Также он следил за торгово-финансовыми вопросами, организовывал различные деловые мероприятия для поддержания русской коммерции и сотрудничества с китайскими и иностранными фирмами.

С началом 1920-х гг. русские стали покидать Ханькоу; русская диаспора в Кьюкианге и в Кулине сокращалась. Многие чаоторговцы, продав свои фабрики в Ханькоу, уезжали в Шанхай или Харбин, где открывали новые предприятия по продаже чая. Они продолжали сотрудничать со своими китайскими и иностранными компаньонами, которые теперь завладели их имуществом. Постепенно обрывались и эти связи. Только несколько русских семей остались в Хань-

коу и Кулине, продолжая жить в «Русской долине» и имея доход от сдачи в аренду их недвижимости.

2 марта 1925 г. Русская концессия в Ханькоу и Лулине (Русская долина) по решению Советского правительства, преемника императорской России, были переданы китайским властям. Однако еще в течение двух лет русские эмигранты и ставший португальским генеральным консулом, но сохранивший за собой пост лидера русской эмиграции в Хубэе и в Цзянси А.Т. Бельченко входили в состав муниципальных советов Ханькоу и Лулинского комитета.

В конце декабря 1926 г. в Ханькоу прошел массовый митинг китайского населения с требованием возвратить Китаю иностранные концессии. В связи с тем, что 1 января 1927 г. столицей и местопребыванием Национального правительства Китая и ЦИК Гоминьдана был официально объявлен хубэйский Ухань и политико-экономическая активность в стране сместилась туда, то с 1930 г. цзянсийские Кьюкианг/Цзюцзян и Кулин стали терять свое значение для русско-китайских торговых связей. Началась новая эра — эра советско-китайских экономических отношений.

В современных Цзюцзяне и Кулине мало, кто знает о русских чаоторговцах, хотя краткие упоминания о них встречаются на стендах местных исторических музеев. В Кулине располагается открытый при местном католическом храме комплекс жилых домов — вилл европейцев, проживавших в этих местах в начале XX в. Каждый дом воссоздан по старинным фотографиям и содержит информацию о членах семьи и хозяевах, занимающихся коммерцией, о быте и традициях их стран. На наш вопрос, почему здесь нет русского дома, нам ответили, что каждая страна выделила финансовые средства для оформления подобной виллы, а от России подобной инициативы не последовало.

Не осталось следов ни от русской церкви, ни от русской школы, ни от русской библиотеки. На дачах, принадлежавших русским поселенцам, нет ни одной мемориальной таблички, даже на чудом сохранившейся даче Е.Н. Литвиновой и ее мужа, известного чаоторговца С.В. Литвинова. И только одно сохранилось как память о тех временах — название «Русская долина» (Russian Valley), которое встречается на всех картах Кулина...

Примечания

¹ Шаронова В.Г. История русской эмиграции в Восточном Китае в первой половине XX века. М; СПб.: Центр Гуманитарных инициатив — Университетская книга, 2015. С. 19.

² Субботин А.П. Чай и чайная торговля в России и в других государствах. Производство, потребление и распределение чая. СПб.: Издание А.П. Кузнецова, 1893. С. 309.

³ Российский Государственный исторический архив (РГИА). Ф. 20. Оп. 7. Д. 107. 1888—1892 гг. Л. 2.

⁴ Werner, Edward T.Ch. Diplomatic and consular reports. Trade of Kiukiang. Presented to both Houses of Parliament by Command of His Majesty, London, June, 1909. P. 6.

⁵ РГИА. Ф. 20. Оп. 7. Д. 107. 1888—1892 гг. Л. 19 об.

⁶ Архив внешней политики российской империи. Ф. 143. Оп. 491. Д. 396. Л. 89.

⁷ Там же. Ф. 143. Оп. 491. Д. 396. Л. 173.

⁸ Там же. Ф. 143. Оп. 491. Д. 396. Л. 165.

⁹ Музей русской культуры в Сан-Франциско/Museum of Russian Culture. F. 54. Box 10. Folder 14. P. 7.

¹⁰ Ibidem. F. 54. Box 10. Folder 14. P. 2.

¹¹ Ibidem. F. 54. Box 23. Folder 7. P. 7.

SUMMARY

China in World and Regional Politics (History and Modernity). Issue XXIII. / Exec. Editor — Elena I.SAFRONOVA. Moscow: Institute of Far Eastern Studies, Russian Academy of Sciences (IFES RAS), 2018.

The XXIIIrd issue of this annual publication, consisting of three sections: «International Relations of the PRC», «Foreign Economic Policy of the PRC. Russian-Chinese Strategic Partnership» and «History of Russian-Chinese Relations and China's Foreign Economic Ties», includes articles by specialists from the IFES RAS, other research and practical structures in Russia and abroad. The authors continue studying the most pressing problems of China's foreign policy and foreign economic relations.

Main feature of the XXIIIrd issue lies in the analysis of the strategic, military-political and economic interaction of Russia and China in Eurasia, the problems of the Chinese «One Belt, One Road» initiative in its various directions and dimensions, the Greater Eurasian partnership's formation and the status of China-India relations. Consideration is also given to entirely new topics: China and the Indo-Pacific strategy of the United States, China's policy towards Arctic and the Antarctic, the evolution of China's relations with the Visegrad Group countries, Russian-Chinese cooperation on information security, etc.

The collection also contains articles on rare historical topics, such as the discussion in China on Soviet Russia in 1925, the activities of the Eighth Russian Spiritual Mission to Beijing, the Russian-Chinese tea trade of the late XIX — early XX centuries.

Keywords: China, Russia, China's foreign policy, Russian-Chinese relations, Eurasia, Central Asia, «One Belt, One Road» project, Silk Road Economic Belt (SREB), Great Eurasian Partnership, Eurasian Economic Union (EAEU) Shanghai Cooperation Organization (SCO), regional security, foreign economic relations, history of China's foreign policy.

International Relations of the PRC. Russian-Chinese Strategic Partnership

Sergey G. LUZYANIN (LOUSIANIN). RUSSIA AND CHINA: IMPLEMENTATION OF THE 2018 AGENDA OF PEACE, DEVELOPMENT AND SECURITY

The article analyzes current state and prospects of Russia-China interaction in the current dynamical international situation, including issues of relations within the “Russia—China—US” triangle.

Keywords: Russia, China, USA, XIX Congress of the CPC, “One Belt, One Road” project, global governance, “strategic stability”.

Sergey G. LUZYANIN (LOUSIANIN), Vassily B. KASIN. NEW DIMENSIONS OF THE RUSSO-CHINESE STRATEGIC AND MILITARY-POLITICAL PARTNERSHIP. REGIONAL ASPECTS

The article examines opportunities for expansion of the Russian-Chinese security cooperation under the circumstances when both countries' relations with the US are growing increasingly tense. Prerequisites for a substantial intensification of this cooperation arose due to the adoption by Washington of important doctrines and strategies (national security, defense, nuclear posture review) identifying both China and Russia as adversaries, as well as to the dramatic increase of the US economic pressure on both countries. Another manifestation of the rivalry sharpening is the started implementation of the Indo-Pacific region concept by the US. The possible reaction of Moscow and Beijing could be boosting the role of the newly expanded Shanghai Cooperation Organization in both security and economics.

Keywords: Russia, China, security, SCO.

Dmitry V. EFREMENKO. CONJUGATION OF CHINA'S SILK ROAD ECONOMIC BELT INITIATIVE AND THE EURASIAN ECONOMIC UNION INTEGRATION PROJECT IN THE CONTEXT OF CONTEMPORARY WORLD ORDER TRANSFORMATIONS

The paper provides an analysis of geopolitical transformations, caused by the process of conjugation of Chinese Silk Road Economic Belt (SREB) Initiative and the Eurasian Economic Union integration project. While assessing prospects of the conclusion of non-preferential trade and economic agreement between the PRC and the EEU, the author presumes that it will significantly strengthen the international subjectivity of the Eurasian Economic Union. New modality of the Eurasian regionalism can become a practical result of the conjugation of the SREB

and the EEU. The development of the *Greater Eurasia* concept, which accompanies the conjugation process, reflects objective dynamics of the increasing economic interdependence, but at the same time contributes to the construction of a macroregion based on ideas and identities, the harmonization of which will serve interests of China, Russia, other EEU countries and wider range of Eurasian actors as well.

Keywords: Russia, China, Eurasian Economic Union (EEU), Silk Road Economic Belt (SREB), transformations of the world order, Greater Eurasia, non-preferential trade agreements, transport corridors.

LI Yonghui. THE GREATER EURASIAN PARTNERSHIP AND CHINESE—RUSSIAN RELATIONS

The article analyzes the meaning and possible prospects for the creation of the Greater Eurasian partnership, the role of Russia and China in the process, as well as probable ways of implementing this large-scale international project, proposed by Russia.

Keywords: China, Russia, Greater Eurasian Partnership, “One Belt, One Road” Initiative (OBOR), Eurasian Economic Union (EAEU), SCO, ASEAN, cooperation.

Leonid Ye. VASILYEV. COOPERATION BETWEEN RUSSIA AND CHINA IN ADDRESSING SECURITY CONCERNS IN EURASIA

The article is dedicated to the assessment of the efficiency level of the cooperation between Russian Federation and People's Republic of China in the field of stability and security in Eastern Eurasia. The author analyzes possible variants of the regional situation development in the near future and characterizes potential responses of the two States to the new regional security challenges.

Keywords: Eurasia, People's Republic of China, Russian Federation, security, regional security, security challenges and threats, international terrorism, separatism, extremism, Shanghai Cooperation Organization (SCO), anti-terrorism maneuvers.

Vyacheslav I. BALAKIN. INTEGRATION TRENDS IN THE SCO AND THE EURASIAN SECURITY

The article examines interaction of Russia and China in the frames of the Shanghai Cooperation Organization (SCO) — regional structure competent in security's complex maintenance all over the Eurasian space. The author characterizes composite security in the framework of the SCO as a highly discursive issue since the SCO participant states understand it in different way according to their own na-

tional interests. In this connection Russia and China are primarily preoccupied with security in the Eurasian space and that can be explained by serious concern of the both states in the face of permanent attempts of outside forces to play more weighty political role and thus to prevent Moscow and Beijing from creating conventional zone of their exclusive influence. The article studies important factors directly influencing achievement of the aforementioned aim and assisting realization of Russia-China integration projects, which actually create real basis for common two-sided economic domination in the Eurasian continent. In result, the author comes to the well grounded conclusion that actually all wide-scale integration projects, offered by Russia and China in infrastructure sphere, will efficiently favor the formation of the Eurasian space as the most economically attractive world region in the XX1st century.

Keywords: China, Russia, Eurasia, SCO, integration.

Anatoly F. KLIMENKO. CHALLENGES AND THREATS TO CENTRAL-ASIAN SECURITY AND CHINA'S STANCE

The article analyzes problems of security in Central Asia throughout the SCO space. It argues for the need to strengthen the capacity of the SCO and the CSTO organizations in ensuring security and stability in this space. Some recommendations for improving the capabilities of the SCO and the CSTO in solving this problem are developed in this article.

Keywords: Russia, China, Central Asian region, SCO, CSTO, Islamic fundamentalism, defense, security.

Leonid Ye. VASILIEV. ON SOME ASPECTS OF CHINA'S FIGHT AGAINST "THREE EVILS"

The article is devoted to the analysis of main directions of China's fight against "three evils": separatism, extremism and terrorism. It examines the current situation in two turbulent regions of the PRC, where separatists and extremists are active — Xinjiang Uyghur and Tibet autonomous regions. The article provides assessment of separatists' actions in these regions, shows their connection with international terrorist structures, analyzes main measures of the Chinese Government to combat them. It analyzes legal framework to countering terrorist threats in China and assesses aspects of the PRC's international cooperation with other States in this area.

Keywords: China, Xinjiang Uyghur autonomous region, Tibet, international terrorism, separatism, extremism, regional security, threats and challenges to security, cooperation in the field of security.

Yuri V. MOROZOV. D. TRAMP'S INDO-PACIFIC STRATEGY AS A THREAT TO INTERESTS OF CHINA AND RUSSIA IN THE ASIA-PACIFIC

The article analyzes official documents of the United States and statements of White house representatives as well as point of view of political scientists and diplomats regarding the US strategy in the Asia-Pacific, identifies what challenges and threats it poses to China and Russia, and suggests probable directions of the two countries' interaction to address these threats.

Keywords: Indo-Pacific strategy (IPS), Asia Pacific, politics, Russia, China, USA.

Sergey V. UYANAEV. 30 YEARS OF SINO-INDIAN NORMALIZATION: «RETURN TO THE CROSS-ROAD» OR FIDELITY TO COOPERATION AND GOOD-NEIGHBORLINESS?

The article analyzes the nowadays stage of Sino-Indian ties, related to the activities of current leaders — Xi Jinping and Narendra Modi. The author compares positive and negative potentials of the bilateral agenda and on this basis formulates a number of forecasts. The conclusion is made that despite some recent conflict situations, in the foreseeable future elements of cooperation in Sino-Indian relations are highly likely to prevail over the elements of discrepancies, thereby keeping the parties away from crossing «red lines».

Keywords: China, India, Xi Jinping, N.Modi, cooperation, competition, problems, dialogue, US, Pakistan, BRICS, South Asia, RIC.

Andrey S. DAVYDOV. BEIJING, MOSCOW AND WASHINGTON IN THE SEARCH OF THE EXIT FROM THE “KOREAN STALEMATE”

The reunification of the Korean nation is a fundamental solution to the Korean Peninsula problem. Only reunification of Korea can finally stabilize the situation in North-East Asia and eliminate the nuclear threat emanating therefrom. The joint coordinated efforts of the PRC, the US, and Russia may help to ensure the achievement of this goal.

Keywords: DPRK, ROK, Korean Peninsula, missile and nuclear tests, United States, China, Russia, security in the Asia Pacific.

Elena I. SAFRONOVA. XIX CONGRESS OF THE CPC, THE BRI PROJECT AND CHINA'S RELATIONS WITH THE DEVELOPING WORLD

The article discusses the importance of the XIX Congress of the CPC held in October 2017 for the «China — Developing World» dialogue and the role of the BRI project in relations between the PRC and developing countries in the light of the XIX Congress decisions.

Keywords: China, XIX Congress of the CPC, developing countries, «One belt, one road» initiative (BRI), «Community of Common Destiny» («Community with a Shared Future»).

Vladimir Ye. PETROVSKY, Liudmila V. FILIPPOVA. CHINA'S STRATEGY TOWARDS THE ARCTIC AND PROSPECTS OF RUSSIAN-CHINESE CO-OPERATION IN THE REGION

The article discusses the main provisions of China's policy in the Arctic region — ranging from those met in the official statements as well as at scientific and expert discussions to the recently published (January 2018) China's Arctic Policy White Paper. The authors draw a comparison between the interests of the People's Republic of China and Russia's national priorities in the Arctic; they assess in detail the current state and prospects of Russian-Chinese cooperation in the region. Some provisions of the White Paper are of fundamental value in the context of the development of the Arctic zone of the Russian Federation. So, the authors conclude that the Chinese approach to the Arctic development is highly pragmatic, and to deepen Russian-Chinese regional cooperation seriously, Russia needs to enhance the competitive advantages of its proposed projects, especially if they relate to economic matters.

Keywords: Arctic; Northern Sea Route; China; China's Arctic Policy White Paper; Sino-Russian cooperation.

Andrey K. KRIVOROTOV. CHINA'S POLAR POLICY: GAINING MOMENTUM, SHAPING FRAMEWORK, MULTIPLYING VECTORS

The paper reviews the key highlights of Chinese activities in polar regions in 2017-early 2018: formal incorporation of the Arctic into the Belt and Road Initiative, progress of milestone infrastructure projects, increased Antarctic presence, etc. These developments open up new opportunities for Russia, but dedicated action is needed to turn them into practice.

Keywords: Arctic, Antarctic, Belt and Road Initiative (BRI), Northern Sea Route, Northwest Passage, investments, research.

Andrey O. VINOGRADOV, Evgeniya K. BORUMBEBY. CHINA'S RELATIONS WITH THE COUNTRIES OF THE VISEGRAD GROUP

The article is devoted to China's relations with the countries of the so-called Visegrad group (Poland, Czech Republic, Slovakia, Hungary). These relations are considered by China as a part of the “16+1” format and at the same time as a part of China's overall approach towards the European Union countries. Special attention is paid to China's bilateral trade and economic relations with the Visegrad countries.

Keywords: China, European Union, 16+1, economic relations, China's foreign policy, Visegrad group, Poland, Czech Republic, Slovakia, Hungary, relations with China.

Vladimir Ya. PORTYAKOV. CHINA IN CONTEMPORARY WORLD POLITICS (based on materials of scientific and socio-political periodicals of the PRC).

The paper considers peculiarities of presentation and analysis in 2017 of China's international relations and foreign policy in the publications of "Renmin ribao" newspaper and "Zhongguo waijiao" (Chinese Diplomacy) digest magazine.

Keywords: China, foreign policy, "Renmin ribao" newspaper, "Zhongguo waijiao" magazine.

Alexander S. ISAEV. RUSSIAN-CHINESE INTERACTION ON INFORMATION SECURITY PROBLEMS

The article analyzes status and prospects of Russian-Chinese cooperation on cybersecurity problems. Nowadays cyberspace defense has become one of the most discussed topics in the world. Since the beginning of the century, cyberspace defense has also become one of key factors influencing international relations. The industry of Information and communication technologies (ICT) is the most dynamically developing one; it absorbs multibillion-dollar spendings on development, implementation, maintenance and power supply of new technologies. ICT is a burning issue for today's Asia, and especially for its North-Eastern and Eastern parts, to which Russia and China belong.

Keywords: cybersecurity, Russia, China, Russian-Chinese cooperation, SCO, BRICS, legal aspects of cybersecurity, information warfare, cyberthreats and risks, ICT, Internet security, international cooperation in cyberspace, cyberspace control and management, cyber defense cooperation.

Vladimir Ye. PETROVSKY. EXCHANGE YEARS OF THE REGIONS — NEW OPPORTUNITIES FOR THE RUSSIAN-CHINESE CROSS-BORDER AND INTER-REGIONAL COOPERATION

The article deals with the topical issues of the Russian-Chinese cross-border and trans-regional cooperation, which, as the author implies, is a main reserve of the gradual development of the bilateral relations at large. Based on the need for the strategic planning of Russian-Chinese relations, the article considers problems and prospects of cross-border and trans-regional relations between Russia and China, which gains momentum after the start of the Exchange Years of the Regions.

Keywords: Russian-Chinese Relations, Cross-Border and Trans-Regional Cooperation, Strategic Planning, Exchange Years of Regions.

Oleg I. KAZAKOV. CHINESE TOURISM TO JAPAN: APPEASEMENT BY “SOFT POWER”?

In 2017, the number of Chinese tourists in Japan exceeded 7 million people, what is more than 25 % of all foreign tourists. The Chinese are really willing to go to Japan as tourists, and that is a significant achievement of Japan's “soft power” activities and a result of efficient steps of Japanese government aimed at foreign tourists' attraction. At the same time, public opinion polls in Japan show a high level of antipathy of the Japanese towards China.

Keywords: China, Japan, Japanese-Chinese relations, public opinion poll, friendship, antipathy, “soft power”.

Foreign Economic Policy of the PRC

Vladimir A. MATVEEV. THE LATEST TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF RUSSIAN-CHINESE ECONOMIC COOPERATION IN GREATER EURASIA

The article discusses features and trends of Eurasian integration under the circumstances of increasing international instability on the one hand and the expanding regional trade agreements practice — on the other.

New regulatory documents on trade and economic cooperation between the Eurasian Economic Union (EAEU) and the PRC (as a step towards the conjugation of the EAEU and the Chinese “One Belt, One Road” strategic initiative) are analyzed.

The paper also examines reasons of the interest of the EAEU countries and China towards probable creation of their common economic space, as well as the feasibility of the establishment of a free trade zone in the format of Greater Eurasia.

Keywords: Russia, China, Eurasian Economic Union (EAEU), SCO, “One Belt, One Road” initiative, regional trade agreements, free trade zones, Greater Eurasian partnership.

Maria V. ALEXANDROVA. TARIFF AND NON-TARIFF REGULATION OF IMPORTS TO CHINA AND ITS IMPACT ON IMPORTS FROM RUSSIA

This paper analyzes how China, being a WTO member, successfully implements various methods of its domestic market's protection from unwanted imports. The author examines already existing barriers in the Chinese market preventing entry of foreign goods as well as China's latest legislation acts and from this point of view makes conclusions on the prospects for the expansion of Russian exports to China.

Keywords: most favored nation regime, import tariffs, free trade agreement, quotas, grain, wheat, technical barriers, WTO, certification, high-tech products, quality control, food security, phytosanitary requirements, anti-dumping investigations, organic chemistry products.

Sergey L. SAZONOV, CHEN Xiao. COOPERATION OF CHINA WITH SOUTHEAST ASIA COUNTRIES IN THE FIELD OF THE EURASIAN TRANSCONTINENTAL ROUTE'S CONSTRUCTION

The article defines, that China is the largest foreign trade partner of ASEAN countries and a major donor of regional infrastructure's development. The authors state, that at the subregional level, the main railroads to be connected with main regional ports will be built in Southeast Asian countries with the help of Chinese investments. The authors suppose that this will increase the flow of the export cargo from China, ASEAN countries, Europe, Middle East and Africa. The united infrastructural network of China and Southeast Asian countries as well as the Pan-Asian high-speed railway (China-Laos-Vietnam-Cambodia-Thailand-Malaysia-Singapore), that are being built with the financial assistance of China, will become the starting point of the Euro-Asian transcontinental route with the total length of more than 14 thousand km that will pass through the territory of the 18 countries.

Keywords: China, ASEAN, railways and roads, ports, transit, Southeast Asia, investments, Euro-Asian transcontinental route.

Natalya A. ZAMARAYEVA. CHINA-PAKISTAN ECONOMIC CORRIDOR: RESULTS AND CHALLENGES (2017—2018)

The article analyzes the first stage of the implementation of the China-Pakistan Economic Corridor (CPEC) and the main priorities of the Long-Term Plan for China-Pakistan Economic Corridor (2017—2030): transport, energy projects, industrial parks, modernization of agricultural infrastructure, tourism. The author also pays attention to the Special Economic Zones, the legislation of which presumes tax privileges for Chinese campaigns.

Keywords: China-Pakistan Economic Corridor (CPEC).

Alexander Ch. MOKRETSKY. CHINESE INITIATIVE “ONE BELT, ONE ROAD” AS A VECTOR OF FOREIGN ECONOMIC POLICY OF AZERBAIJAN

Diplomatic relations between Azerbaijan and China were established 26 years ago, and cooperation of both countries has been steadily developing over the years. Beijing, which is most interested in finding new opportunities to realize its own goals

and objectives (especially through the Silk Road Economic Belt mega-project), is comprehensively «cultivating» the territory of the CIS, linking its own development with the development of all post-Soviet countries. Azerbaijan, convinced of its unique geographical position in Eurasia and wishing to play the role of a transport and logistics hub between Europe and Asia, pins its high faith on the PRC.

Keywords: China, Azerbaijan, Silk Road Economic Belt, Baku-Tbilisi-Kars railway, conjunction.

History of Russian-Chinese Relations and China's Foreign Economic Ties

Alexander V. LOMANOV. THE ROLE OF XU ZHIMO IN CHINESE DISCUSSION ON SOVIET RUSSIA

The article analyzes the role of Xu Zhimo as the organizer of the discussion about Soviet Russia, which took place in October–November 1925 on the pages of the newspaper supplement “Chenbao fukan”. Xu Zhimo's commitment to liberalism and his pursuit of an independent editorial policy were combined with his rejection of the Russian revolution and of the Marxist doctrine of class struggle. It is concluded that the disappointment in socialism after Xu Zhimo's trip to Moscow in spring of 1925 was an important but not the main reason for his interest in the discussion. First of all, Xu Zhimo wanted to avoid revolutionary events in China.

Keywords: China, Russia, socialism, Marxism, liberalism, individualism.

Galina I. SARKISOVA. LITTLE-KNOWN ASPECTS OF THE ACTIVITIES OF THE EIGHTH RUSSIAN SPIRITUAL MISSION IN BEIJING (based on archival materials)

The article examines certain episodes in the activities of the 8th Russian Orthodox Mission to Peking. It is based on archival documents, for the first time introduced into scientific circulation.

Keywords: Russian Orthodox Mission, 8th Spiritual Mission, Archimandrite Sofroniy (Gribovskiy), cleric Kozma Karganskiy, Board Collegium, College of Foreign Affairs, Lifan Yuan.

Victoria G. SHARONOVA. JIANGXI PROVINCE IN RUSSIAN-CHINESE TRADE RELATIONS (end of the XIX — beginning of the XX centuries)

The article discusses the role of Jiangxi province — an important tea producer in South-East China — in Russian-Chinese commercial relations at the end of the

XIX — the beginning of the XX centuries. It describes activities of Russian brick tea-making factories in Jiangxi as well. The role of Russian merchants in commercial and social life of Kiukiang (Jiujiang) and Kulin cities is also reflected. The paper provides the structure of export and import operations in tea trade, etc., as it was reported by Russian and foreign diplomats.

Keywords: Russian merchants, tea trade, Russian concession, Russia, China, cooperation, export, import, Jiangxi, Kiukiang (Jiujiang), province, selling.

Сведения об авторах

Александрова Мария Викторовна (Maria V. ALEXANDROVA), кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра изучения и прогнозирования российско-китайских отношений Института Дальнего Востока РАН.

E-mail: alexandrova@ifes-ras.ru

Балакин Вячеслав Иванович (Vyacheslav I. BALAKIN), кандидат юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Центра исследования проблем Северо-Восточной Азии и ШОС Института Дальнего Востока РАН.

E-mail: viacheslavbalakin@rambler.ru

Борумбей Евгения Константиновна (Evgeniya K. BORUMBHEY), бакалавр НИУ ВШЭ.

E-mail: jane_bor@bk.ru

Васильев Леонид Евгеньевич (Leonid Ye. VASILIEV), старший научный сотрудник Центра изучения стратегических проблем Северо-Восточной Азии и ШОС Института Дальнего Востока РАН.

E-mail: levdvina@mail.ru

Виноградов Андрей Олегович (Andrey O. VINOGRADOV), кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра изучения и прогнозирования российско-китайских отношений Института Дальнего Востока РАН.

E-mail: vinandr@mail.ru

Давыдов Андрей Сергеевич (Andrey S. DAVYDOV), кандидат исторических наук, заместитель главного редактора журнала «Проблемы Дальнего Востока», ведущий научный сотрудник Центра изучения

стратегических проблем Северо-Восточной Азии и ШОС Института Дальнего Востока РАН.

E-mail: davydov@ifes-ras.ru

Ефременко Дмитрий Валерьевич (Dmitry V. EFREMENKO), доктор политических наук, заместитель директора Института научной информации по общественным наукам РАН.

E-mail: efdv2015@mail.ru

Замараева Наталья Алексеевна (Natalya A. ZAMARAYEVA), кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра изучения стран Ближнего и Среднего Востока Института востоковедения РАН.

E-mail: olunja@mail.ru

Исаев Александр Сергеевич (Alexander S. ISAEV), кандидат исторических наук, заместитель руководителя и ведущий научный сотрудник Центра изучения и прогнозирования российско-китайских отношений Института Дальнего Востока РАН.

E-mail: aisaev51@mail.ru

Казakov Олег Игоревич (Oleg I. KAZAKOV), заведующий Отделом наукометрии и информационных технологий Института Дальнего Востока РАН.

E-mail: kazakov_oleg@mail.ru

Кашин Василий Борисович (Vassily B. KASHIN), кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН, старший научный сотрудник Центра комплексных европейских и международных исследований НИУ ВШЭ.

E-mail: vkashin@hse.ru

Клименко Анатолий Филиппович (Anatoly F. KLIMENKO), генерал-лейтенант (отст.), кандидат военных наук, заместитель руководителя Центра изучения стратегических проблем Северо-Восточной Азии и ШОС Института Дальнего Востока РАН.

E-mail: klimenko46@mail.ru

Криворотов Андрей Константинович (Andrey K. KRIVOROTOV), кандидат экономических наук, секретарь Совета директоров компании «Штокман Девелопмент АГ», член Международной ассоциации арктических социальных наук.

E-mail: krivorotov@starlink.ru

Ли Юнхуэй (LI Yonghui), доктор юридических наук, главный научный сотрудник Института России, Восточной Европы и Центральной Азии при Академии общественных наук Китая. Главная специальность — внешняя политика России и российская политика в Азии.

E-mail: liyonghui6768@163.com

Ломанов Александр Владимирович (Alexander V. LOMANOV), доктор исторических наук, профессор РАН, главный научный сотрудник Центра изучения и прогнозирования российско-китайских отношений Института Дальнего Востока РАН.

E-mail: a_lomanov@hotmail.com

Лузянин Сергей Геннадьевич (Sergey G. LUZYANIN (LOUSIANIN)), доктор исторических наук, профессор, директор Института Дальнего Востока РАН, руководитель Центра изучения стратегических проблем Северо-Восточной Азии и ШОС Института Дальнего Востока РАН.

E-mail: lousianin@ifes-ras.ru

Матвеев Владимир Александрович (Vladimir A. MATVEEV), кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра изучения стратегических проблем Северо-Восточной Азии и ШОС Института Дальнего Востока РАН.

E-mail: matveeva@mail.ru

Мокрецкий Александр Чеславович (Alexander Ch. MOKRETSKY), старший научный сотрудник Центра изучения и прогнозирования российско-китайских отношений Института Дальнего Востока РАН.

E-mail: 88am@mail.ru

Морозов Юрий Васильевич (Yury V. MOROZOV), кандидат военных наук, профессор, ведущий научный сотрудник Центра изучения стратегических проблем Северо-Восточной Азии и ШОС Института Дальнего Востока РАН; ведущий научный сотрудник Института США и Канады РАН.

E-mail: morozovyury51@yandex.ru

Петровский Владимир Евгеньевич (Vladimir Ye. PETROVSKY), доктор политических наук, главный научный сотрудник Центра изучения и прогнозирования российско-китайских отношений Института Дальнего Востока РАН, действительный член (академик) Академии военных наук.

E-mail: petrovsk4@gmail.com

Портяков Владимир Яковлевич (Vladimir Ya. PORTYAKOV), доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Центра политических исследований и прогнозов Института Дальнего Востока РАН, главный редактор журнала «Проблемы Дальнего Востока».

E-mail: portyakov@ifes-ras.ru

Сазонов Сергей Леонидович (Sergey L. SAZONOV), кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра социально-экономических исследований Китая Института Дальнего Востока РАН.

E-mail: Sazonovch@mail.ru

Саркисова Галина Ивановна (Galina I. SARKISOVA), кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра изучения новейшей истории Китая и его отношений с Россией Института Дальнего Востока РАН.

E-mail: sarkisova1954@mail.ru

Сафронова Елена Ильинична (Elena I. SAFRONOVA), кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра изучения и прогнозирования российско-китайских отношений Института Дальнего Востока РАН, отв. редактор и составитель ежегодного издания «Китай в мировой и региональной политике. История и современность».

E-mail: safronova@ifes-ras.ru

Уянаев Сергей Владимирович (Sergey V. UYANAEV), кандидат исторических наук, заместитель директора ИДВ РАН, руководитель Центра изучения и прогнозирования российско-китайских отношений Института Дальнего Востока РАН.

E-mail: svuyav@yahoo.com

Филиппова Людмила Викторовна (Liudmila V. FILIPPOVA), заместитель исполнительного директора ОРКД.

E-mail: orkd.lfilippova@yandex.ru

Чэнь Сяо (CHEN Xiao), соискатель Института Дальнего Востока РАН.

Шаронова Виктория Геннадьевна (Victoria G. SHARONOVA), кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра новейшей истории Китая и его отношений с Россией Института Дальнего Востока РАН.

E-mail: shen_lee@mail.ru

Научное издание

**Китай в мировой и региональной политике
История и современность**

Выпуск XXIII

Ежегодное издание

Выпускающий редактор *Е.В. Белилина*

Корректор *Н.Б. Потапова*

Компьютерная верстка *С.Ю. Тарасова*

Обложка *Т.В. Иваншиной*

Подписано в печать 30.08.2018.

Формат 60×84/16. Печать офсетная. Гарнитура «Таймс».

Печ. л. 24,5. Бумага офсетная. Тираж 500 экз. (1-й завод — 200 экз.)

Заказ № 15

Уважаемые читатели!

Электронные версии книг, выпускаемых ИДВ РАН,
размещаются в электронной библиотеке института
со свободным доступом, находящейся
на интернет-сайте ИДВ РАН
www.ifes-ras.ru.

Контакты:

по вопросам работы электронной библиотеки —
Отдел наукометрии и информационных
технологий ИДВ РАН,
тел.: +7-499-124-0802 или e-mail: it@ifes-ras.ru.

Почтовый адрес ИДВ РАН:

Москва 117997, Нахимовский пр-т, 32.